

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМ. А. Х. МАРГУЛАНА
КОМИТЕТ НАУКИ МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аргюхова О. А., Мамиров Т. Б.

КАМЕННЫЙ ВЕК САРЫАРКИ

Книга 1
ПАЛЕОЛИТ

Алматы 2014

УДК
ББК
А

Издание осуществляется в рамках выполнения гранта
«Каменный век Сарыарки: эволюция культур от древнепалеолитических охотников
до первых металлургов в свете новейших исследований».
Бюджетная программа 055

Ответственный редактор
доктор исторических наук В. Ф. Зайберт

Рецензент
доктор исторических наук Ж.К. Таймагамбетов

Рекомендовано к печати Ученым советом
Института археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН РК

Артюхова О. А., Мамиров Т. Б.

А Каменный век Сарыарки. Алматы, 2014. – ____ с., илл.

ISBN

Монография представляет первую часть исследования памятников каменного века Сарыарки, начиная с заселения этой территории первобытными гоминидами. Обобщены материалы по геологии, геоморфологии, палеогеографии Сарыарки и сделана реконструкция природной среды в разные эпохи каменного века как основы жизнедеятельности первобытного человека. Приведены очерки по методике исследования каменных изделий палеолита, ископаемых стоянок и стоянок поверхностного залегания.

Источниками исследования послужили материалы собственных раскопок и исследований авторов, а также изданные, фондовые, архивные, музейные материалы первооткрывателей палеолита Центрального Казахстана – А. Г. Медоева, Н. М. Клапчука, Х. А. Алпысбаева и др.

Книга содержит приложения: «Реестр памятников каменного века Сарыарки» и «Библиографию по археологии каменного века Центрального Казахстана».

Издание предназначено для археологов, историков, географов, преподавателей вузов и средних школ, краеведов, студентов и всех, интересующихся историей Казахстана.

УДК
ББК

ISBN

© Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2014
© Артюхова О. А., Мамиров Т. Б., 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

от О. А. Артюховой

Моя трудовая деятельность началась в 1969 г., когда окончив среднюю школу и не добрав баллов на вступительных экзаменах в ленинградский Горный институт, я пришла в Институт геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР. Почти все геологи завершили свои полевые исследования, только археологическая экспедиция под руководством А. Г. Медоева, Сектора четвертичной геологии и геоморфологии, готовилась выехать на Мангышлак. Туда-то меня и взяли препаратором (самая низшая должность в научном институте того времени).

В последующие 10 лет я по мере сил помогала А. Г. Медоеву в этой разноплановой работе – шифровала и описывала каменные артефакты, делала выписки в библиотеке по архитектуре Ближнего Востока, по истории исследований Средней Азии и Казахстана, в особенности Мангышлака, учила иностранные языки и переводила работы А. Дитца, Ф. Борда и М. Брезийона.

Институт геологии в 1960-70-х гг. переживал времена расцвета. Он насчитывал более тысячи сотрудников, в поле ежегодно выезжали 100-120 полевых экспедиций. Регулярно устраивались праздничные концерты, спортивные соревнования. В коридорах института можно было встретить и именитых ученых: Г. Ц. Медоева, М. К. Сатпаеву, Н. М. Владимирова, и, тогда еще совсем молодых, А. Г. Медоева, Б. Ж. Аубекерова, Г. М. Потапову, Д. П. Позднышеву, Э. И. Нурмамбетову, Л. Кудерину, Ф. Ж. Акиянову и многих других, имена которых будут встречаться в работах по каменному веку Казахстана. Это были профессионалы, состоявшиеся как ученые, широко эрудированные, они прекрасно ориентировались в смежных дисциплинах – палеонтологии, археологии, ботанике, что делало исследования геологических и комплексных экспедиций на редкость результативными в археологическом плане. Во время работы Северо-Балхашской экспедиции ИГН АН Каз. ССР, Мангышлакской комплексной экспедиции, Бетпақдалинской экспедиции, при исследованиях по трассе канала Иртыш – Караганда А. Г. Медоевым и его коллегами были собраны огромные коллекции каменных артефактов разных эпох палеолита и неолита, петроглифов разных эпох. Эти коллекции А. Г. Медоев полностью опубликовать не успел.

Только сейчас, спустя несколько десятилетий работы в научных институтах, я смогла в полной мере оценить широту научных интересов моего первого руководителя – от древнего палеолита, культур «эпипалеолита» и мезолита – до этнографических петроглифов и архитектуры.

Когда А. Г. Медоева не стало, и мне пришлось «принимать дела», я с глубоким огорчением поняла, что все направления его исследований мне не осилить. Сосредоточилась на том, что успела освоить лучше всего – на палеолите.

Казахстанские палеолитические коллекции интересны всем специалистам по первобытной истории Евразии, поэтому одним из первых действий Совместной Казахстанско-Российской археологической экспедиции было описание и издание коллекций Семизбугу 2 (Деревянко А. П. и др., 1993) и Семизбугу 4 (Артюхова О. А. и др., 2001). Планировалось изучение и издание и других коллекций.

Исследования по грантовой теме «Каменный век Сарыарки: эволюция культур от древнепалеолитических охотников до первых металлургов в свете новейших исследований» планировалось в первую очередь для систематизации материалов из личного архива А. Г. Медоева и его коллекций с территории Центрального Казахстана.

В процессе работы выяснилось, что желательно также проанализировать и обобщить материалы других исследователей каменного века Центрального Казахстана – К. И. Сатпаева, А. Х. Маргулана, К. А. Акишева, Н. С. Валукинского, М. Н. Клапчука, В. С. Волошина, Ж. К. Таймагаметова и др., поскольку открытые ими памятники и местонахождения закрепились в археологической литературе с середины прошлого века, не имея подробного описания и аргументированных датировок. Более того, одни и те же памятники неоднократно «открывались» и описывались разными авторами под разными названиями. Поэтому совершенно необходимым стало составление реестра памятников и местонахождений каменного века Сарыарки.

Попутно возникла еще одна проблема: поскольку информация об исследователях в литературе очень скудна, либо искажена, желательно было подготовить биографические справки, в некоторых случаях это получились автобиографические эскизы.

Фотографии и рисунки, за редкими оговоренными исключениями, выполнены авторами.

ВВЕДЕНИЕ

Сарыарка – очень древняя страна. Древняя в геологическом смысле. История ее, как показывают данные геологических изысканий, начинается в докембрии, более 4 млрд лет назад, переживает несколько эпох мощного горообразования. Временами поверхность территории Сарыарки превращалась в морское дно, временами – в горный массив. В процессе этих катаклизмов образовывались месторождения металлических полезных ископаемых (меди, свинца и др.), в морских бассейнах откладывались толщи органических остатков, которые впоследствии превратились в пласты угля.

Вот как описывал Центральный Казахстан видный географ и геоморфолог Б. А. Федорович в 1954 г.: «Обширны просторы Казахстана. Большая часть из них образована остатками древнейшей горной страны, значительно более старой, чем седые вершины Урала. «Степи татар», – писали на картах еще в начале прошлого столетия. «Киргизская складчатая страна», – говорили геологи в начале нашего века. «Центрально-казахстанский мелкосопочник» — появилась надпись на наших современных картах.

Своеобразен облик этой страны. Многие ее районы выступили из моря еще в древние века истории земли – в середине палеозойской эры. С тех пор их моют дожди, раскаляют лучи солнца, студят лютые морозы, размывают талые воды и гложут гонимые ветром пески. Миллионы лет здесь и ветры и «капли камень точат», и не осталось уже высоких гор, сохранились только лишь «корни» и остовы их. Давно завалены и выполнены широкие долины снесенными с гор камнями и песком.

А за пределами покрытых щебнем былых равнин идут пространства мелкосопочника. Они представляют собой чередование то узких скалистых гребней, похожих на громадные каменные заборы, то островерхих каменных пирамид, то странных скал, в точности похожих на громадные кипы тюфяков или подушек. Это выветренные граниты. Здесь, где нет сплошного растительного и почвенного покрова, где скалы не сглажены чехлом наносов, особенно четко выступает зависимость рельефа от состава и характера каждого слоя и каждая горная порода дает свою специфическую форму рельефа. Круто наклонные слои твердых песчаников-кварцитов образуют гигантские гребни, частоколами торчат гнейсы. Мраморы скалисты, но обточены, а глинистые сланцы

округло холмисты и густо изрезаны неглубокими оврагами. Выше всех торчат скалистые, крутобокие сопки и островерхие пирамиды гранитов. Их-то и называли казахи «чоку», или «шоку», что значит «выпуклость».

Скалистые поверхности мелкосопочника, разбитые бесчисленным множеством трещин, – прекрасные «хранители» воды. Небольшие роднички – булаки – с хорошей пресной водой сочатся у подножия скал, в каждом логу, или, как здесь говорят, «сае». Издали манит к себе яркая зелень, не выгорающая у родничков даже к осени. Во многих местах у таких источников казахи прокапывают канавы, собирающие воду, выводят ее ниже по течению в лотки, сделанные на земляных валиках, и создают небольшие поля на таком «булачном» орошении. Разнообразна растительность мелкосопочника – этой «каменистой пустыни», издревле используемой человеком для выпаса скота и примитивного земледелия (Федорович Б. А., 1954.).

Регулярные геологические исследования Центрального Казахстана начались в 1925 г., с геологической съемки под руководством Н. Г. Кассина. Наиболее полно результаты этих исследований отражены в капитальном труде «Геология СССР. Том XX. Центральный Казахстан», в двух книгах, опубликованном в 1972 г.

В ходе специальных полевых исследований геологи, зоологи, палеонтологи, ботаники занимались сбором археологических артефактов и документацией памятников. Так что, когда в регион пришли специалисты-археологи, для них уже была подготовлена фактологическая база. Необходима была археологическая и историческая научная интерпретация собранных материалов.

Сейчас трудно даже представить, насколько идеологизирована была наука в 1930-1950-е годы. В «настойной книге» любого археолога того времени – в монографии «Первобытное общества» П. П. Ефименко обязательные дифирамбы и цитаты из классиков марксизма-ленинизма: «Созданная Марксом и Энгельсом и поднятая на еще большую высоту гениальными трудами Ленина и Сталина диалектико-материалистическая концепция истории первобытного общества имеет руководящее, основополагающее значение для советских археологов – историков первобытных эпох» (Ефименко П. П., 1953, с.8). Следом приводится высказывание И. В. Сталина о процессе антропогенеза: «Если бы обезьяна всегда ходила на четвереньках, если бы она не разогнула спины, то потомок ее – человек – не мог бы свободно пользоваться своими легкими и голосовыми связками и, таким образом, не мог бы пользоваться речью, что в корне задержало бы развитие его сознания. Или еще: если бы обезьяна не стала на задние ноги, то потомок ее – человек – был бы вынужден всегда ходить на четвереньках, смотреть вниз и оттуда черпать свои впечатления; он не имел бы возможности смотреть вверх и вокруг себя и, следовательно, не имел бы возможности доставить своему мозгу больше впечатлений, чем их имеет четвероногое животное. Все то коренным образом задержало бы развитие человеческого сознания» (Сталин И. В., соч., т.1, стр. 313; цит. по: Ефименко П. П., 1953, с. 8-9).

Антропогенез, археология палеолита, преистория рассматривались с позиций марксизма-ленинизма. На основателей этого учения огромное впечатле-

ние произвели труды американского антрополога Л. Г. Моргана. Уже упоминавшаяся работа П. П. Ефименко в соответствии с теорией марксизма разбита на части: «Первобытное стадо» (главы: «Ледниковый период», «Первобытное стадо», «Первобытная община неандертальцев») и «Возникновение рода» (с главами: «Первобытная родовая община», «Ориньяко-солотрейское время» и т.д.). Согласно Л. Г. Моргану, семейно-брачные отношения проходят в своем развитии путь от промискуитета через групповой брак к моногамии. Последовательно сменявшимися друг друга формами семьи были кровнородственная семья, пуналуальная семья, парная и моногамная семья. Внимание К. Маркса и Ф. Энгельса к работам Л. Г. Моргана обусловило их фактическую канонизацию в советской истории и этнографии.

Когда в России победили большевики, всей науке стали сверху навязывать марксистские доктрины и ценности. В этой обстановке молодые археологи стали искать, какие методологические идеи могли бы быть восприняты как отличия их деятельности от «буржуазной» археологии (Клейн Л. С., 2011, с. 210). Была создана теория стадиальности по идеям Н. Я. Марра. Согласно этой теории, общество развивалось повсеместно путем революционных скачков со стадии на стадию, перестраивая под воздействием экономики социальные структуры, причем перестройка эта приводила к этническим преобразованиям. «Тогда же П. И. Борисковский (1932) и П. П. Ефименко (1933) пытались переложить стадиальность на факты палеолита, совмещая этапы этнографической периодизации Моргана с археологической Мортилье...» (Клейн Л. С., 2011, ч. II, с. 19). С. А. Семенов разработал метод определения следов работы на древних орудиях под бинокулярным микроскопом, назвал этот метод функционально-трасологическим и противопоставил его традиционному определению функций орудий по типологии и этнографическим аналогиям.

Вместе с тем, развитие антропологии и, в первую очередь, накопление нового фактического материала внесло не только существенные коррективы, но во многом опровергло теоретические построения Моргана, особенно, его концепцию эволюции семейных отношений (см.: Словарь философских терминов). Такие термины, как «первобытное стадо», «матриархат» и даже «промискуитет» приобрели широкую известность и часто используются в обыденной речи, но все реже в специальной литературе, поскольку объем достоверных сведений по этой теме крайне невелик (Вишняцкий Л. Б., 2005, с. 247).

В преистории принималось, что человечество проходит практически одновременно культурно-исторические стадии. При этом ашель сопоставляли с нижним плейстоценом, мустье – со средним, весь поздний плейстоцен отводился человеку современного типа и его культурам. Этот подход нашел отражение и в четвертичной геологии, и в палеонтологии, и, конечно, в первобытной археологии, в интерпретации палеолитических находок в Центральном Казахстане. С развитием методов изотопного датирования, накоплением палеоантропологических данных, наконец, с развитием генетики, картина эволюции палеолитических и неолитических индустрий стала значительно сложнее.

В последние десятилетия на территории Сарыарки работали практически все казахстанские специалисты по каменному веку: Х. А. Алпысбаев, А. Г. Медоев, М. Н. Клапчук, В. С. Волошин, Ж. К. Таймагамбетов, О. А. Артюхова, Б. Ж. Аубекеров, В. К. Мерц, работали здесь и российские ученые – А. П. Дервянко, В. Т. Петрин, В. С. Славинский и др. Благодаря их усилиям постепенно заполняются белые пятна на археологической карте.

Особенностью палеолитических стоянок и местонахождений Сарыарки, как и аридной зоны Евразии в целом, является их поверхностное залегание. Палеолитические памятники в стратифицированном состоянии встречаются крайне редко. В частности, в Сарыарке в течение последней геологической эпохи – антропогена – господствовали процессы денудации, рыхлые отложения накапливались, преимущественно, за пределами этого региона. Поэтому здесь многочисленны стоянки палеолита с поверхностным культурным горизонтом, причем на одних и тех же поверхностях накапливались культурные остатки разного возраста – от ашеля до позднего палеолита и неолита включительно.

Исследования палеолитических памятников с поверхностным культурным горизонтом имеют свои специфические трудности, но, тем не менее, такие памятники вполне могут использоваться при археологических и исторических обобщениях. Для их описания и интерпретации особое значение приобретает технико-типологический анализ, основы которого были заложены Ф. Бордом. Этот метод широко применяется учеными Старого Света для унификации терминологии и классификации орудий и культур палеолита.

К настоящему времени в археологии каменного века Сарыарки выявился значительный узел нерешенных проблем:

1. Проблема первоначального заселения территории Сарыарки гоминидами. Есть соблазн отнести этот момент к позднему плиоцену (эоплейстоцену), порядка 1 млн. л.н. (местонахождения Актасты, Лебяжье). Геологический возраст этих местонахождений сомнений не вызывает. Но именуются ли там артефакты? Судя по публикациям, трудно поверить, что эти куски породы являются результатами человеческой деятельности.
2. Автохтонность палеолитических индустрий. Для решения этой проблемы необходимо сделать тщательный технико-типологический анализ последовательных во времени культур, определить их сходство и различия, сделать пространственные и временные корреляции.
3. Возникновение производящего хозяйства в Центральном Казахстане. Многочисленные находки «макролитов» – мотыг, кирок, топоров некоторыми исследователями принимались за доказательство земледелия. Однако ни спорово-пыльцевые данные, ни трасология, ни палеопедологические анализы не подтверждают возникновение производящего хозяйства в неолите. Такие основные задачи стояли перед авторами при выполнении грантовой темы «Каменный век Сарыарки: эволюция культур от древнепалеолитических охотников до первых металлургов в свете новейших исследований».

ГЛАВА 1 НЕМНОГО ГЕОЛОГИИ

Сарыарка – это, по определению Г. Ц. Медоева, – «пространство суши, ограниченное на западе Тургайской столовой страной, на востоке – западными и северо-западными отрогами хребтов Калбы и Чингиза, на юге – долиной р. Чу и на севере – Прииртышской равниной, местным населением исконно называется Сары-Арка (по-казахски сары – желтый, арка – спина, свод, водораздел). Светло-желтая окраска травянистого покрова и выпуклый меридиональный профиль, образующий как бы свод с весьма пологими склонами, нашли отражение в термине Сары-Арка. Топоним Сары-Арка, по существу, во много раз точнее выражает географическую и геоморфологическую сущность данной территории, чем другие названия: Центральный Казахстан, Казахская складчатая страна Казахский мелкосопочник, Казахское нагорье, Казахская степь» (Медоев Г. Ц., 1960, с.527-528).

Геологическое строение Центрального Казахстана обусловило современный рельеф региона, качество, исходные формы и размеры горных пород и минералов, которые служили сырьем для изготовления орудий в разные эпохи каменного века. Без представления о геологическом строении изучаемого региона, его геологической истории, современного устройства поверхности, растительного и животного мира, современных геологических процессов нельзя на современном научном уровне строить разведку и исследование памятников каменного века.

Особый интерес представляют геологические процессы и палеогеография четвертичного или антропогенного периода – последнего периода геологической истории земли, в течение которого первобытные люди заселили всю Землю, включая территорию Центрального Казахстана.

История Земли насчитывает более 4 миллиардов лет. В это время зародились, видоизменялись и сформировались материки и океаны, возникла и эволюционировала жизнь от простейших одноклеточных организмов до современного многообразного мира растений, животных, разнообразных проявлений жизнедеятельности человека. Для наглядности основные этапы истории Земли можно представить в виде геохронологической таблицы (табл. 1).

Таб. 1. Геохронологическая таблица

Эра	Период	Эпоха	Продолжительность, млн. лет	Время от начала периода, до наших дней, млн. лет	Геологические условия	Растительный мир	Животный мир
Кайнозой (время млекопитающих)	Четвертичный	Современная	0,011	0,011	Конец последнего ледникового периода. Климат теплый	Упадок древесных форм, расцвет травянистых	Эпоха человека
		Плейстоцен	1	1	Повторные оледенения. Четыре ледниковых периода	Вымирание многих видов растений	Вымирание крупных млекопитающих. Зарождение человеческого общества
	Третичный	Плиоцен	12	13	Продолжается поднятие гор. Вулканическая активность	Упадок лесов. Распространение лугов. Цветковые растения; развитие однодольных	Возникновение человека от человекообразных обезьян. Виды слонов, лошадей, верблюдов, сходные с современными
		Миоцен	13	25	Горообразование и вулканическая активность. Климат прохладный		Кульминационный период в эволюции млекопитающих. Первые человекообразные обезьяны
		Олигоцен	11	30	Материки низменные. Климат теплый	Максимальное распространение лесов. Усиление развития однодольных цветковых растений	Архаические млекопитающие вымирают. Начало развития антропоидов; предшественники большинства ныне живущих родов млекопитающих
		Эоцен	22	58	Горы размыты. Внутриконтинентальные моря отсутствуют. Климат теплый		Разнообразные и специализированные плацентарные млекопитающие. Копытные и хищники достигают расцвета
		Палеоцен	5	63			Распространение архаических млекопитающих

Альпийское горообразование (незначительное уничтожение ископаемых)						
Мезозой (время пресмыкающихся)	Мел	72	135	В конце периода образуются Анды, Альпы, Гималаи, Скалистые горы. До этого внутриконтинентальные моря и болота. Отложение пещего мела, глинистых сланцев	Первые однодольные. Первые дубовые и кленовые леса. Упадок голосеменных	Динозавры достигают наивысшего развития и вымирают. Зубатые птицы вымирают. Появление первых современных птиц. Архаические млекопитающие обычны
		46	181	Материки довольно возвышенные. Мелководные моря покрывают некоторую часть Европы и запад США	Увеличивается значение двудольных. Цикадофиты и хвойные обычны	Первые зубатые птицы. Динозавры крупные и специализированные. Насекомоядные сумчатые
		49	230	Материки приподняты над уровнем моря. Интенсивное развитие условий ардного климата. Широкое распространение континентальных отложений	Господство голосеменных, уже начинающих клониться к упадку. Вымирание семенных папоротников	Первые динозавры, птерозавры и яйцекладущие млекопитающие. Вымирание примитивных земноводных

Герцинское горообразование (некоторое уничтожение ископаемых)							
			50	280	Материки приподняты. Усиливается засушливость. Оледенение в южном полушарии	Упадок плаунов и папоротникообразных растений	Многие древние животные вымирают. Развиваются звероподобные пресмыкающиеся и насекомые
	Верхний и средний карбон		40	320	Материки сначала низменные. Обширные болота, в которых образовался уголь	Большие леса семенных папоротников и голосеменных	Первые пресмыкающиеся. Насекомые обычны. Распространение древних земноводных
	Нижний карбон		25	345	Климат в начале теплый и влажный, позднее в связи с поднятием суши – более прохладный	Господствуют плауны и папоротникообразные растения. Все шире распространяются голозерные	Морские лилии достигают наивысшего развития. Распространение древних акул
	Девон		60	405	Внутриконтинентальные моря небольшого размера. Поднятие суши; развитие аридного климата. Оледенение	Первые леса. Наземные растения хорошо развиты. Первые голосеменные	Первые земноводные. Обилие двоякодышащих и акул
	Силур		20	425	Обширные внутриконтинентальные моря. Низменные местности становятся все более засушливыми по мере поднятия суши	Первые достоверные следы наземных растений. Господствуют водоросли	Господствуют морские паукообразные. Первые (бескрылые) насекомые. Усиливается развитие рыб
	Ордовик		75	500	Значительное погружение суши. Климат теплый, даже в Арктике	Вероятно, появляются первые наземные растения. Обилие морских водорослей	Первые рыбы, вероятно пресноводные. Обилие кораллов и трилобитов. Разнообразные моллюски
	Кембрий		100	600	Материки низменные, климат умеренный. Самые древние породы с обильными ископаемыми	Морские водоросли	Господствуют трилобиты и плеченогие. Зарождение большинства современных типов животных

Палеозой (эра древней жизни)

http://bono-esse.ru/blizzard/A/Posobie/Paleo/geohron_tab.html

Второе великое горообразование (значительное уничтожение ископаемых)							
			1000	1600	Интенсивный процесс осадкообразования. Позднее – вулканическая активность. Эрозия на обширных площадях. Многократные оледенения	Примитивные водные растения – водоросли, грибы	Различные морские простейшие. К концу эры – моллюски, черви и другие морские беспозвоночные
	Протерозой						
Первое великое горообразование (значительное уничтожение ископаемых)							
	Архей		2000	3600	Значительная вулканическая активность. Слабый процесс осадкообразования. Эрозия на больших площадях		Ископаемые отсутствуют. Косвенные указания на существование живых организмов в виде отложений органического вещества в породах

Практически все эти этапы можно проследить и в Сарыарке.

Тектонические эпохи. В геологической истории Сарыарки нашли отражение несколько тектонических эпох, в течение которых постепенно оформилась ее современная геологическая структура.

В развитии *позднедокембрийских* геосинклиналей намечаются три тектонические эпохи. Геосинклинальные образования двух ранних из них, так же, как и подстилающий их сланцево-гнейсовый комплекс, претерпели складчатость, метаморфизм и гранитизацию. К началу последней позднекембрийской тектонической эпохи (байкальской) Центральный Казахстан представлял часть обширного жесткого массива, на котором формировалась кварцево-песчаниковая формация платформенного типа. Затем последовало разрушение этого массива и заложение байкальских геосинклиналей.

Байкальские складчатые движения конца позднего рифея не привели к консолидации рассматриваемой территории, но созданные в это время крупные структуры предопределили основные особенности тектонического плана палеозоид Центрального Казахстана.

Каледонская тектоническая эпоха началась погружением обширных пространств, но геосинклинальный режим устанавливается не повсеместно. На юге Центрального Казахстана, вероятно, существовал сравнительно стабильный массив, значительная часть которого лишь временами покрывалась морскими водами. Замыкание каледонских геосинклиналей приходится на конец ордовика и силур, а интенсивная складчатость в конце силура довершила формирование каледонского складчатого массива Центрального Казахстана.

В *герцинскую* эпоху геосинклинальный режим существовал только в юго-восточной части Центрального Казахстана. На каледонском складчатом массиве господствовал орогенный режим, сменившийся в верхнем девоне тектоническими условиями, переходными от геосинклинальных к платформенным. Зона сочленения каледонского массива и герцинской геосинклинальной системы в девоне отличалась бурным наземным вулканизмом, создавшим краевую вулканический пояс. С конца визейского века в юго-восточной части Центрального Казахстана усиливается орогенный режим с мощным субсеквентным магматизмом. Последние герцинские тектонические движения завершились в конце перми – начале триаса.

Поступные движения начала *альтйской* тектонической эпохи (поздний триас и ранняя юра) знаменуют начало платформенного режима палеозоид. В это время обособились Казахский щит и окружающие его Туранская и Западно-Сибирская плиты эпигерцинской платформы.

История геологического развития.

Докембрий. Для этого этапа отмечается значительное развитие терригенных и карбонатных осадков, основных и кислых эффузивов.

В конце раннего докембрия в Центральном Казахстане господствовал морской режим, сопровождавшийся вулканизмом разных типов, что привело к

образованию мощной (3,5-6) км вулканогенно-осадочной аралбайской серии, сложенной лавами и туфами кислого и основного состава, чередующимися с морскими терригенными породами.

К началу позднедокембрийского времени Центральный Казахстан представлял собой довольно жесткий массив, на котором при спокойном тектоническом режиме в прибрежно-морских условиях происходило накопление кварцевых песков, позже превращенных в кварциты (кокчетавская серия). В дальнейшем этот жесткий массив был расчленен серией глубинных разломов на систему геоантиклинальных блоков и геосинклинальных прогибов. Широко были распространены наземный и подводный вулканизм, морские осадки содержат прослойки липаритовых, в том числе пепловых туфов. В северной и восточной частях Центрального Казахстана в это время накапливались вулканогенно-осадочные породы: основные лавы, липаритовые порфиры, кремнистые сланцы, яшмы, зеленоцветные конгломераты и полимиктовые песчаники. В ядрах каледонских антиклинорий нередко наблюдаются внедрения гранитов.

К концу докембрия на большей части Центрального Казахстана рифейские геосинклинальные прогибы прекратили свое существование и на их месте возникли обширные поднятия. Почти повсюду, где только отложения этого возраста доступны наблюдению, они представлены своеобразными пестроцветными конгломератами и неотсортированными песчаниками кварцево-полевошпатового и аркозо-вулканомиктового состава, с несогласием лежащими на всех более древних образованиях. По-видимому, на большей части рассматриваемой территории в вендское время господствовал субконтинентальный режим с аридным климатом. Расчлененность рельефа была незначительна, а тектоническая активность ослаблена.

Кембрий. В начале периода большая часть Центрального Казахстана представляла значительный по размерам континент и лишь в некоторых местах сохранилось неглубокое море, в которых накапливались углисто-кремнисто-глинистые породы небольшой мощности. На месте Сарысу-Тенизского водораздела проявлялась вулканическая деятельность. На месте Чингиз-Тарбагатайского мегантиклинория образовался геосинклинальный прогиб с интенсивным вулканизмом. Вулканические извержения способствовали обогащению морских вод кремнеземом, который аккумулировался радиоляриями. Судя по наличию в разрезах доломитов и археоцеатовых рифов, климат в алданское время на территории Центрального Казахстана был очень теплым.

В раннеленское время вулканическая деятельность ослабевает, происходит воздымание ряда участков, образуются цепи островов, которые служат областями размыва и источниками осадочного материала для толщ, сложенных песчаниками, гравелитами, конгломератами, глинистыми, глинисто-кремнистыми породами, линзами известняков. Накопление таких толщ происходило в Ерментауском, Бошекульском, Акчатауском, Аркалык-Ащисуйском, Приишимском и Джалаир-Найманском прогибах. Джунгаро-Балхашский, Кокче-

тавский, Иртыш-Зайсанский и Чуйский массивы, Улутауское поднятие представляли собой сушу.

Верхнекембрийское время ознаменовалось относительно спокойным тектоническим режимом. Мелкое неглубокое море с обильными островами заняло значительные площади Казахстана. На островах спорадически действовали вулканы, продукты деятельности которых встречаются в осадках восточной части территории. С конца верхнего кембрия и в нижнем ордовике вулканизм приобретает ареальный характер. Со складчатыми движениями этого времени связано внедрение небольших масс гранодиоритовой магмы.

Ордовик. В это время господствовал режим мелкого моря, в тектонически активных частях которого (в Чингизе) проявлялась вулканическая деятельность.

В среднем ордовике Кокчетавский массив заливается водами, по его восточной периферии возникает серия субмеридиональных разрывов, где начинают в изобилии изливаться основные лавы. Эта вулканическая зона захватывает и Сарысу-Тенизский водораздел. Затем в западной части происходит регрессия, в то же время море вторгается в ранее существовавшую Джунгаро-Балхашскую сушу, разбивая ее на ряд островов. Образуются рифовые известняки Степнякского, Майкаинского и Чингизского прогибов. Сложный и многоярусный магматизм, большое и резкое различие формационных комплексов и зон, наличие столь динамичных формаций, как флиш, указывают на большую тектоническую подвижность Центрального Казахстана в ордовике.

Конец ордовика ознаменовался тектоническими движениями, которые вызвали регрессию моря, возникновение горной страны и континентального режима.

Силур. В силуре на западе региона приподнятая складчатая зона каледонид подвергалась интенсивной денудации со вскрытием в антиклинальных зонах пород допалеозоя. Продолжалось расширение суши района Ерементау – Ниязского антиклинория, узкая полоса суши была на месте Чингиза. Юго-западнее Караганды располагались отдельные цепи островов.

В периферической части суши накапливались пестроцветные конгломераты, песчаники, иногда известковистые. Мощность их достигала 3 000 м. В центральной части силурийского бассейна отлагались + осадки открытого моря – в Караганда-Атасуйском районе, в Северо-Восточном Прибалхашье и Юго-Западном Причингизье. Наиболее тонкозернистые, нередко кремнистые осадки отмечаются к востоку от Караганды. Действующие цепочки вулканов сохранились в северо-западном Прибалхашье и в Чингизе. Они извергали лавы и туфы состава андезит-базальт-липарит.

К концу силурийского времени море, сохранившееся к юго-востоку от Караганды, стало мелководным и продолжало существовать в девоне.

Девон. К началу девона западная и северная части Центрального Казахстана представляли собой континент с преимущественным развитием восходящих блоковых движений. На юго-востоке в Джунгаро-Балхашской

области продолжал существовать геосинклиальный бассейн. Между ними проходил девонский вулканический пояс, ограничивавший герцинскую геосинклиаль, характеризующуюся непрерывностью осадконакопления в силуре и девоне.

В разрезах каледонского складчатого массива аллювировально-пролювиальные и озерные отложения сочетаются с вулканогенными образованиями базальтового и андезит-базальтового состава. В девоне на каледонский складчатый массив начинает трансгрессировать с юго-востока море. Морские терригенно-карбонатные отложения развиты в Жезказганском и Сарысу-Тенизском районах.

В пределах вулканического пояса девонские образования представлены главным образом эффузивами – лавами андезитового и липаритового состава, в Баянаульском районе и Северо-Западном Прибалхашье преобладают кислые пирокласты.

Девонские отложения и в герцинской, и в каледонской областях, формационно связаны с каменноугольными. Они представлены известняками, песчаниками, редко эффузивами. Интрузивный магматизм девонского времени характеризуется большим разнообразием. В Джаркаинагаче и Улутау – щелочная базальтовая магма, в зоне девонского вулканического пояса – гранодиоритовый и гранитный магматизм.

Карбон. В каменноугольном периоде территория Центрального Казахстана разделяется на две зоны – каледонский массив и Джунгаро-Балхашскую геосинклиальную системы. В каледонском массиве тектоническая активность ослабла, господствуют мелководные моря и прибрежные равнины, непрерывно смещающиеся во времени и пространстве от одного участка к другому. В зоне неустойчивой каледонской консолидации осадки приобретают терригенный характер и характеризуются кремнистостью, наличием красноцветных и пестроцветных разностей.

Море временами покидает значительные пространства и на частично осушенных участках начинаются процессы торфо- и углеобразования. Возникает сложное сочетание болотных, озерных и прибрежно-морских фаций. Наиболее устойчивые условия заболоченности возникают в Карагандинском районе. Процесс интенсивного углеобразования идет на крайнем северо-востоке Центрального Казахстана, в Экибастузской и Тениз-Коржункульской зонах, а также в Карагандинском районе, где формируются залежи основной карагандинской угленосной свиты. В пределах Тенизской и Жезказганской впадин отлагаются лагунно-озерные осадки с косоволнистой слоистостью и хемогенными известняками с кремнистыми стяжениями.

Достаточно интенсивные тектонические движения приводят к перераспределению областей размыва и накопления. На западе в Тенизской и Жезказганской впадинах происходит накопление красноцветных, местами меденосных песчаников. Образование этих толщ происходило в условиях аридного климата.

В целом каменноугольное время характеризуется дальнейшим смещением зон консолидации к центральным частям Джунгаро-Балхашской геосинклинали, которая с середины среднего карбона переходит из геосинклинальной в орогенную фазу развития. Особенностью орогенных образований является широкое развитие вулканогенных моласс пестрого состава со значительной долей производных липарито-дацитовой магмы.

Пермь. В Тенизско-Жезказганской впадине накапливались сероцветные, нередко мергелистые породы, отложившиеся в мелководном бассейне озерно-лагунного типа увеличивающейся солености. Состав органических остатков указывает на непостоянство и периодическое пересыхание этих бассейнов. В нижней перми этот единый бассейн был разделен Сарысу-Тенизским поднятием на два разных водоема. Осадконакопление в бассейнах начало различаться. Так, лишь на некоторых участках Жезказганского бассейна присутствует мощная, до 800 м, толща каменной соли. На следующем этапе возобновилось накопление красноцветов на небольших ограниченных площадях в замкнутых озерных бассейнах, пресных на севере, сильно соленых на юге.

В пределах Джунгаро-Балхашской геосинклинали продолжались излияния дацито-липаритового состава. Они переслаивались с туфами и туффитами. Широко распространены субвулканические фации, представленные силлами, дайками, некками и мелкими интрузивными телами диоритов, сиенитов, гранитов, к которым приурочено развитие вторичных кварцитов, несущих молибденовое, золотое и медное оруденение.

Геологическое развитие Центрального Казахстана в пермское время на всей площади отвечает тому этапу, который выделяется как орогенный или постгеосинклинальный, когда уже четко определилась приближающаяся к платформенной консолидация района.

Триас. Процесс образования разломов в эпигерцинской платформе Центрального Казахстана, наметившийся в пермский период, интенсивно развивался в триасе. Разломы обычно сопровождаются излияниями траппов. Такие изверженные породы (диабазы и пириты) известны в Улытау.

В течение нижнего и среднего триаса в пределах Центрального Казахстана значительных вертикальных перемещений земной коры не происходило, и на его просторах в условиях достаточно аридного климата протекали процессы химического выветривания с образованием древней мезозойской коры выветривания латеритового профиля. Продукты переработки коры выветривания отмечаются в красноцветных базальных образованиях разреза Иман-Бурлукского грабена.

Юра. В юре на территории Центрального Казахстана возникает серия грабенообразных прогибов. Линейная форма депрессий определяла появление речных систем с озеровидными расширениями, замыкающимися пресноводными озерными водоемами. Впадавшие в озера реки способствовали явлениям заболачивания и торфообразования. Тектонические подвижки приводили

к перестройкам речных систем, перемещению водных бассейнов и смятию пород впадин в пологие складки. К концу юры намечается отчетливое изменение климата в сторону большей засушливости.

В целом, юрские континентальные угленосные осадки Центрального Казахстана отлагались на достаточно подвижном субстрате, разламывавшемся совокупностью расколов с дифференцированным перемещением отдельными глыб.

Мел. К нижнему мелу структура Центрального Казахстана приобретает черты эпигерцинского щита, перекрытого в меловое время прерывистой пленкой континентальных и морских отложений.

Наиболее широкое распространение меловые отложения имеют в меловых прогибах, окаймляющих Казахскую складчатую страну: Тургайском прогибе, по северной периферии Центрального Казахстана и в Иртышской впадине. Во внутренних частях региона меловые отложения занимают эрозионно-карстовые понижения. Обычно они залегают на поверхности в различной степени размытой коры выветривания. Характер растительности и многочисленные находки флоры, богатство палинологических спектров указывают на колебания климата от тропического до саваннового.

Нижнемеловое время характеризуется накоплением известковистых пестроцветов, происходившем в условиях низкого слабо всхолмленного рельефа при отсутствии избыточного увлажнения. Образовывались коры выветривания. Позднее характер осадков – бескарбонатные глины часто с растительным детритом – указывает на увлажнение климата. Растительность теплолюбивая, появляются первые листопадные формы.

В целом в течение мелового периода в Центральном Казахстане преобладал рельеф денудационного плато, расчлененного аллювиальными долинами. Лишь в поздне меловое время часть этого плато периодически захватывается относительно кратковременными трансгрессиями, связанными преимущественно с развитием Западно-Сибирского мелового морского бассейна. Более неопределенна связь с Восточно-Аральским бассейном, хотя этот бассейн, продолжаясь в Тургайскую впадину, несомненно ограничивал Центральный Казахстан с запада.

Палеоген. В начале палеогена Центральный Казахстан имеет плоский рельеф, схожий по ландшафту и климату с саванной, покрытой разреженной ксерофитовой растительностью, способствовавшей развитию процессов выветривания. Во многих районах встречаются кремнистые гальки – остатки кремнистых сливных песчаников и брекчий, светло-желтых песков с линзами кремнистых сливных песчаников и конгломератов наземного, возможно, дюнно-барханного происхождения. В Степнякском, Экибастузском, Улытау-Жезказганском районах тонкозернистые песчаники переслаиваются с спонголитами. Эти образования связаны с окремненной корой выветривания. В последнем районе кварц-глауконитовые пески переслаиваются с опоковидными серыми глинами с фауной фораминифер и зубов эоценовых акул.

В верхнем эоцене крупная чеганская трансгрессия захватила окраинные части Казахского щита, особенно далеко проникая в Сарысуйский район. Это море отложило характерные зеленовато-серые сланцевые глины, в прибрежных частях – мелкозернистые глауконитовые пески. Для отложений характерна гипсоносность, а также наличие сидеритовых конкреций, центром стяжения которых являются зубы, позвонки и чешуя акул и скатов.

В раннем палеогене широким развитием пользовалась субтропическая флора саваннового типа с пальмами, пихтовыми, лавровыми и вечнозелеными кустарниками, со среднего олигоцена ее место занимает листопадная флора так называемого тургайского типа. Со среднего олигоцена начинается континентальный этап в развитии Центрального Казахстана. Возникают остаточные опресняющиеся бассейны, в которых местами отлагаются углистые остатки.

Неоген. Для неогена Центрального Казахстана характерно отложение преимущественно глинистых гипсоносных осадков, нивелирующих еще не совсем заполненные депрессии, возникшие в связи с тектоническими движениями позднего палеогена и увеличение сухости климата и переходе его к аридному.

Леса с листопадными видами сменяются степной растительностью с травянистыми ассоциациями, определяющими развитие комплекса степных копытных. Меняется и состав осадков. Преобладающими становятся зеленоцветные, реже красноцветные монтмориллонитовые глины с гипсом и железомарганцевыми и мергелистыми конкрециями. Их мощность (первые десятки метров) указывает на несомненные слабовыраженные подвижки фундамента. Иногда эти осадки заполняют впадины, возникшие в результате суффозии и карста.

В верхнем плиоцене гумидность климата резко возросла, ранние отложения значительно перемыты. Характерной особенностью верхнеплиоценовых отложений является наличие костной фауны и обильное содержание толстоственных унитарид – обитателей открытых крупных пресноводных озер и рек.

Четвертичный период. С конца плиоцена в пределах Северо-Казахской равнины в относительно спокойных тектонических условиях происходит выравнивание рельефа за счет слабоврезанной блуждающей гидросети; здесь изобилуют крупные озерные бассейны. Во второй половине *раннечетвертичного* времени в Северном Казахстане преобладали открытые степные и лесостепные пространства, а климат был умеренно теплым и влажным. В это время закладывались обособленные водные артерии – Иртыш, Ишим. Тениз-Кургальджинская впадина в первой половине раннечетвертичного времени оставалась областью прогибания, где происходила аккумуляция озерных отложений. Во второй половине раннечетвертичного времени западная часть Центрального Казахстана испытывает региональное поднятие, усиливаются эрозионные процессы, возникает серия глубоких долин, прорезающих озерные отложения. Однако уже в конце раннечетвертичного и начале среднечетвертичного времени эрозионные процессы ослабевают и происходит выполнение долин аллювиальным материалом.

Начало четвертичного периода на обширной территории Сарыарки ознаменовалось усилением общих и локальных тектонических движений, в результате которых было сформировано большинство низкорослых и высоких мелкозернистых массивов. В понижениях рельефа накапливались грубозернистые осадки аллювиально-пролювиального и делювиально-пролювиального генезиса. В это же время закладывалась четвертичная речная сеть Сарыарки (Даганделы, Токрау, Моинты, Сарысу, западные склоны Улытауского низгорья). В Чингиз-Тарбагатайском низгорье в раннечетвертичное время происходят восходящие глыбовые движения, в днищах мелких рек и логов скапливаются песчано-галечные отложения.

В начале *среднечетвертичного* времени на территории Северо-Казахской равнины заканчивалось накопление аллювия четвертой террасы Ишима и третьей террасы Иртыша, нивелировались отдельные неровности озерно-аллювиальной равнины. Затем небольшие поднятия привели к некоторому обновлению рельефа, и в условиях увлажненного климата вырисовывалась современная гидросеть. Во второй половине среднечетвертичного времени закончилось накопление отложений третьих террас р. Ишим и начала формироваться вторая аккумулятивная терраса.

В среднечетвертичном ландшафте Северо-Казахской равнины преобладали степи с островками лесов широколиственных и хвойных деревьев. В конце среднечетвертичного времени произошло резкое похолодание климата. На территории Сарыарки в среднечетвертичное время оформилась основная гидросеть. У рек северного ската Сарыарки (Ишим и его правые притоки, Шидерты) в это время формировались третьи надпойменные террасы, а у рек южного ската (бассейн Тургая, Сарысу, оз. Балхаш) – вторые надпойменные террасы. У подножий возвышенностей и в межсочных понижениях накапливались аллювиально-пролювиальные, пролювиальные и делювиально-пролювиальные отложения. В пределах Чингиз-Тарбагатайского низгорья в среднечетвертичное время продолжались вертикальные глыбовые перемещения.

В *верхнечетвертичное* время на территории Северо-Казахской равнины климат был влажным и прохладным. В спокойных полноводных реках и многочисленных озерах отлагались тонкозернистые осадки. Ландшафт представлял собой открытую степь с островами кустарниковых зарослей и лугами. Фауна млекопитающих отвечала мамонтовому комплексу. В днищах долин рек Иртыша и Ишима накапливался аллювий первой надпойменной террасы. В Тениз-Кургальджинской впадине у рек Нуры и Ишима формировалась первая терраса и началось образование высокой поймы; а у рек Кулан-Утпес и Кон был сформирован глинистый аллювий второй надпойменной террасы и начала образовываться первая терраса.

В *позднечетвертичное* время во впадине установился теплый и относительно сухой климат. Ландшафт представлял открытые степи с редкими рощами лиственных и хвойных деревьев. В пределах низкорослых и мелкозернистых

районов Сарыарки в верхнечетвертичное время продолжалось накопление делювиально-пролювиальных и элювиальных отложений. Климат, по сравнению со среднечетвертичным, стал более сухим. На юге Сарыарки обмелели реки и озера и началась золотая переработка ранее образованных толщ. У рек южного ската формировались первые надпойменные террасы, а у рек северного ската – вторые, а затем первые террасы. В это время образовались также береговые валы оз. Балхаш и высокие надпляжные террасы мелких озер.

В конце верхнечетвертичного времени у Ишима и его притоков начала формироваться высокая пойма. В Чингиз-Тарбагатайском низкогорье в верхнечетвертичное время продолжалось интенсивное горообразование, а в межгорных впадинах отлагался аллювий первых надпойменных террас рек Аягуз, Жарма, Ащису, База, Чар. У подножий низкогорных массивов образовывались делювиально-пролювиальные конусы выноса.

В *голоценовое* время климат по сравнению с верхнечетвертичным становится заметно суше, особенно на юге Сарыарки. Большинство рек мелеет и пересыхает, сокращаются озерные акватории, в некоторых озерах выпадают самосадочные соли.

Современные отложения представлены на территории Северо-Казахской равнины и Тениз-Кургальджинской впадины пойменным и русловым аллювием, пролювием временных водотоков и осадками пляжей и низких озерных террас. На территории Сарыарки и в пределах Чингиз-Тарбагатайского низкогорья у подножий склонов мелкосопочника и низкогорья продолжают накапливаться пролювиальные, делювиально-пролювиальные, колювиальные а на удалении от них – элювиально-делювиальные образования.

История развития рельефа. Современный рельеф Центрального Казахстана сформировался в результате взаимодействия эндогенных и экзогенных факторов геоморфогенеза на протяжении мезозойской и кайнозойской эр.

В Центральном Казахстане отчетливо сохранились фрагменты рельефа разных этапов указанного времени, протекавших в каждом отдельном случае при различном тектоническом режиме и иных физико-географических условиях. Анализ рельефа и коррелятивных ему осадков позволяет наметить четыре основных этапа в истории его развития: досреднеолигоценовый, средне-верхнеолигоценовый, неогеновый, и четвертичный.

Досреднеолигоценовый этап рельефообразования является наиболее продолжительным и охватывает всю мезозойскую эру, а также ранний и средний палеоген. Рельеф, связанный с ним, изучен пока недостаточно и представления о нем в отдельных случаях являются условными.

Длительный геосинклинальный период формирования Центрального Казахстана завершился общим подъемом территории в верхнем палеозое и, начиная с этого периода, рассматриваемая область находилась в стадии относительного тектонического покоя. Преобладающим рельефообразующим фактором при этом была денудация. С досреднеолигоценовым этапом связано происхождение редко встречающихся фрагментов рельефа, представленно-

го денудационной цокольной равниной (пенепленом), фиксированной корой выветривания. Чаще всего этот рельеф встречается по окраинам платформ, где последняя имеет небольшие высоты и постепенно погружается под кайнозойские толщи соседних синеклиз. Наиболее типично развит он в северо-западной части Северного Казахстана. Там его можно расчленить на два яруса рельефа – пенеплен, фиксированный рыхлой глинистой корой выветривания, и более повышенный рельеф, представляющий собой останцы избирательной денудации (монадноки), фиксированный твердой, силицифицированной корой выветривания.

С данным этапом связано возникновение древних долин. Долины сравнительно крутосклонные, с широким дном. Выполнены континентальными отложениями подрудной и бокситорудной свит, в основном содержащих пыльцу верхнемелового-палеогенового возраста. Они почти полностью выполняют древние долины, выходя и на пологие верхние части склонов. Бокситорудная свита перекрывается морским палеогеном. Аналогичная древняя долина, отчетливо выраженная в рельефе и выполненная глауконитовыми песками верхнего мела, установлена к западу от оз. Селеты и впадает в Селетинскую впадину.

Заслуживает внимания тот факт, что долины досреднеолигоценового этапа наблюдаются редко и только по окраинам древней суши, занимавшей длительное время нейтральное положение между областями поднятий Центрального Казахстана, где следы их давно уже разрушены денудацией, и областями погружений Прииртышской и Тургайской синеклиз, где они погребены под толщами морских осадков.

Средне-верхнеолигоценовый этап рельефообразования обусловлен началом проявления новейших тектонических движений альпийского горообразования, которые, с одной стороны, привели к деформации выровненной мезозойской поверхности, а с другой – вызвали усиление эрозионных процессов.

С этим этапом связывается дифференциация областей поднятий и погружений. Области, где поднятия имели незначительные амплитуды, мало изменили свой облик. В процессе плоскостного смыва лишь оказалась смыта кора выветривания и обнажился палеозойский цоколь. Там, где поднятие проявились в более интенсивной форме, но в виде широких сводовых структур, расчленение пенеплена долинно-ложковой сетью привело к образованию типичного водораздельного мелкосопочника. В некоторых случаях поднятия имели локализованный характер либо в виде антиклинальных поднятий, либо в виде блоков, ограниченных разломами. Возможно, что именно эти участки представлены сейчас в ряде районов Центрального Казахстана типичными низкогорьями, подвергшимися уже длительной денудации, поэтому нередко обладающими сравнительно пологими склонами, округлыми вершинами и хорошо разработанными долинами и логами (возвышенности бассейна р. Тундук).

Со средне-верхнеолигоценовым этапом необходимо связывать и возникновение погребенных древних долин Центрального Казахстана. Усиление тек-

тонических движений, образование областей поднятий и опусканий вызвало оживление эрозионных процессов. Стала формироваться древняя гидросеть, которая частью приспособлялась к возникшим прогибам, а в большинстве своем закладывалась консеквентно по обоим склонам начавшегося в то же время формироваться главного Балхаш-Иртышского водораздела

Таким образом, средне-верхнеолигоценовый этап рельефообразования – этап плавных деформаций пенеплена, проявившихся на большой площади, этап возникновения областей размыва и аккумуляции, формирования мелко-сопочного и низкогорного рельефа, образования главного Балхаш-Иртышского водораздела, а также древних долин. Время этих деформаций можно определить возрастом осадков, выполняющих долины и впадины. В последнее время в красных глинах, представляющих верхнюю часть осадков древних долин, обнаружены кости млекопитающих, относимые к плиоцену, в нижележащих зеленых глинах установлена миоценовая фауна, в донных галечниках Сароя в Бетпак-Дале – верхнеолигоценовая. Следовательно, данный этап рельефообразования надо связывать с движениями, начавшимися в среднем олигоцене и продолжавшимся до конца верхнего олигоцена, которые значительно перестроили рельеф Центрального Казахстана.

Неогеновый этап рельефообразования связан с общим опусканием Центрального Казахстана, причем в этом опускании в равной мере участвовали все структуры, сформированные в конце мезозоя и в начале кайнозоя. Опускание территории Центрального Казахстана послужило причиной озерной трансгрессии, захватившей значительные равнинные пространства. Сносимый со склонов возвышенностей тонкий делювиальный материал в узких долинах образовывал перемычки и древние долины разделялись на отдельные замкнутые котловины. Котловины постепенно заполнялись глинистым материалом, который с приближением к склонам становился более грубозернистым. Предположение, что озера этого времени соединялись и представляли единый бассейн, занимавший огромные пространства Центрального Казахстана, не подтвердилось. Известно, что глины аральской свиты по всей территории поднятия выполняют густую эрозионную сеть древних долин, а местами – типично грабеновые понижения, образовавшиеся к началу миоцена.

В *неогеновый* этап некоторые оживление эрозионной деятельности отмечается на границе между отложениями аральской и павлодарской свит. Однако большого развития эрозионные процессы не получили: речная сеть не была восстановлена, и осадконакопление выразилось в образовании делювиальных шлейфов, окончательно расчленивших четковидные долины на замкнутые котловины.

К концу неогена рельеф Центрального Казахстана стал более пологим: древние долины и грабены заполнились глинистым материалом, образовались аккумулятивные равнины, в отдельных случаях занимавшие значительные площадки. Относительное превышение рельефа этого времени, не считая островных сопок, не превышало 30-35 м.

Четвертичный этап рельефообразования представляет собой этап дальнейшего резкого обновления рельефа в Центральном Казахстане.

Новейшие движения этого времени унаследовали общий план средних структур, о чем свидетельствует приуроченность областей новейших поднятий к каледонско-герцинским антиклинариям.

В восточной части Центрального Казахстана герцинские структуры имели линейный характер, в центральной части – преимущественно брахискладчатое строение. Соответственно этому и новейшие движения в районе хр. Чингиз выразились в образовании линейных структур, в других районах возникли куполовидные структуры. Деформации хорошо фиксируются изгибаниями денудационной поверхности – пенеплена, тектоническими уступами и антецедентно пересекающими долины молодыми возвышенностями. Рельеф данного этапа развивался непрерывно, под влиянием продолжавшихся тектонических движений в течение всего четвертичного времени.

Четвертичный этап характеризуется широким развитием эрозионно-аккумулятивных процессов, вызванных новейшими движениями и климатическими колебаниями. Так, в раннечетвертичное время на Северо-Казахской равнине происходило значительное выравнивание рельефа за счет слабоврезанной блуждающей гидросети. В районах собственно Центрального Казахстана шло формирование низкогорных и мелкосопочных массивов с сопутствующим накоплением в понижениях грубозернистых отложений субаэрального ряда.

Основная гидросеть Центрального Казахстана оформилась в среднечетвертичное время, за исключением крупнейших современных долин Северо-Казахской равнины – рек Ишима (меридиональный участок) и Иртыша, которые были заложены в конце раннечетвертичного времени. План этой гидросети, большей частью приспособившейся к древним долинам, существенно не перестраивался в последующее время, но в развитии рек различных бассейнов отмечаются свои особенности.

В долине р. Ишима (меридиональный участок) и ее правых притоков, а также р. Шидерты в среднечетвертичное время формировалась третья, а в долине рек бассейнов оз. Тениз, Тургая, Сарысу и оз. Балхаш – вторые надпойменные террасы. Третьи террасы притоков рр. Иртыша и Шидерты сложены суглинками и мелкозернистыми песками, чем они отличаются от вторых террас рек бассейна Сарысу и оз. Балхаш, в аллювии которых заметно преобладают грубозернистые пески, гравий и гальки. Видимо, в среднечетвертичное время на юге Центрального Казахстана энергия рельефа была выше, чем на севере.

Рельеф водораздельных областей, очертания которых определились также в среднечетвертичное время, развивался под заметным воздействием тектонических движений как регионального, так и локального характера, причем наиболее значительные амплитуды вертикальных перемещений имели место в пределах низкогорных массивов (Улытау, Чингиз и др.). У подножий возвышенностей и в понижениях продолжали накапливаться рыхлые, преимущественно делювиально-пролювиальные отложения.

В верхнечетвертичное время климат Центрального Казахстана стал более сухим, особенно на юге региона, где обмелели реки и озера и местами произошла эоловая переработка более древних песчаных толщ. У рек Тургайского, Сарысуйского, Балхашского и отчасти Тенизского бассейнов в это время сформировались первые надпойменные террасы. В долинах же северной части Центрального Казахстана (меридиональный Ишим и его притоки, рр. Шидерты, Оленты, Ащису, верховья Нуры и др.) за верхнечетвертичное время образовались вторые, а затем первые надпойменные террасы. Тогда же были образованы высокие надпояжные террасы большинства мелких озер региона, а также береговые валы оз. Балхаш.

В последующем климат становится еще суше: часть рек на юге Центрального Казахстана полностью пересыхает, сокращаются площади озерных акваторий и повсеместно активизируются процессы пустынной денудации. К настоящему времени в долинах большинства рек закончилось формирование высоких и продолжается образование низких пойм. В озерных ваннах формируются низкие надпояжные террасы и пляжи.

Четвертичные отложения. С геологическими отложениями, образовавшимися в четвертичный период теснейшим образом связаны стоянки и местонахождения палеолита.

Центральный Казахстан характеризуется незначительными мощностями четвертичных континентальных отложений. Четвертичные отложения представлены здесь ограниченным набором генетических типов, главными из которых являются аллювиальные, пролювиальные, озерные и др. Для них характерен невыдержанный литологический состав, значительные колебания мощностей и бедность ископаемой органики (Аубекеров Б. Ж., 1982; Аубекеров Б. Ж., Чалыхьян Э. В., 1974; Костенко Н. Н., 1963; Джуркашев Т. Н., 1972; Нигматова С. А., 2010)

В настоящее время для целей стратиграфии четвертичных отложений Казахстана еще мало критериев, которые могут явиться основой для корреляции. Исследования последних лет показали, что в четвертичном периоде выделяются определенные рубежи, которые можно установить при комплексном методе исследования, включающем палеонтологический, историко-геологический, палеогеографический, и др.

Достаточно хорошо выражен рубеж под бакинскими отложениями и их континентальными аналогами. С этим временем связана очень интенсивная тектоническая фаза и рост гор (Койбынская фаза тектогенеза).

Менее заметный рубеж фиксируется на границе между средним и поздним плейстоценом. Джунгарская фаза тектогенеза обусловила в это время интенсивное горообразование. На этом рубеже заметна смена нижне-среднеплейстоценовых и позднеплейстоцен-голоценовых комплексов малакофауны и остракод, а также окончание очень глубокой аридной фазы. Второй по значению рубеж, хорошо устанавливаемый во многих районах Казахстана, отмечен на уровне эпохи максимального оледенения (Днепровско-Самаровское).

Наиболее яркий и пока наиболее документированный рубеж отмечается в конце верхнего плейстоцена (асташковский-сартанский). С этим рубежом связано резкое похолодание и засушливость климата.

Наиболее отчетливо выделяется для голоцена – рубеж климатического оптимума.

Верхнеплейстоценовые отложения

В Центрально-Казахстанском регионе этому времени отвечают кеншагырская, аиртавская, музбельская свиты. Они имеют существенно глинистый состав, цвет отложений бурый, красновато-бурый, реже серый с зеленоватым оттенком. Часто в нижней части разреза у них наблюдаются пески с гравием и галечником. Из отложений свит известны остракоды: *Pyocypris bella* Scharap., *L. aff. divisa* Klil., *I. bradyi* Sars., *Candona ilensis* Mand., *C. dedectiformis* Mand., *Candoniella macrida* Mand., *Cypridopsis triangularis* Aslan, *Cytherissa bogatchovi* (Liv.).

В Северном Прибалхашье хоргосскому горизонту соответствует мыншукурская свита. В ее составе преобладают буровато-розовые, бурые, зеленовато-серые глины, обогащенные щебнем, гравием, гравелитами. В значительном количестве встречается раковинный детрит. Накопление свит проходило в сухих условиях, о чем свидетельствуют спорово-пыльцевые спектры, отражающие сухостепные условия. Мощность всех свит колеблется в пределах 10-30 м, а краснокутской – до 50 м.

Нижнечетвертичные отложения

В Сарыаркинском регионе нижнечетвертичные отложения объединены в дюнный надгоризонт, по одноименной дюнной долине, отложения которой пересекают сарыаркинскую часть региона. Отложения этой древней гидросети вскрыты карьерами на левобережье р. Сарысу. Они сложены разнозернистыми (средне- и крупнозернистыми) полимиктовыми песками серого, желтовато-серого цвета с гравием и галечником, с хорошей косослоистой текстурой.

В объеме дюнного горизонта выделяются также батпакская свита и отложения высокого уровня древних конусов выноса. Они сохранились у подножья многих массивов в Сарыарке (горы Каркаралинские, Кент, Калмак-Эмель и др.), для них характерны палево-желтый цвет суглинков с примесью щебенки местных пород, высокая карбонатизация. Непосредственно у подножья мелкосопочника отложения обогащены крупными глыбами и щебнем. Мощность 5-20 м. На южном скате Сарыарки нижнечетвертичные отложения слагают самые высокие террасы крупных долин.

Древний аллювий во многих случаях залегает на серых конгломерат-брекчиях с глинисто-карбонатным цементом, занимающим до 30% объема породы. Однако широкое распространение, хорошая распознаваемость позволяет выделить их в Сарыаркинском регионе в самостоятельный Токраусский (верхнегобийский) горизонт. Мощность отложений не превышает 5-10 м.

Конгломерат-брекчии, залегающие в основании разреза или в днищах крупных долин, встречаются в аридной зоне (пустыни и полупустыни). Ве-

роятно, в раннем плейстоцене климат был благоприятен для концентрации карбонатов, которые в зоне застойных вод обусловили выпадение из раствора и цементации базальной части аллювия.

Нижнеплейстоценовые аллювиальные и озерноаллювиальные отложения Сарыарки слагают днища древних долин рек Сарысу, Шерубай-Нура, Токрау и др. Это в основном супеси и легкие глины, тонкозернистые пески серого, голубовато-серого или темно-серого цветов мощностью более 5-15 м. Почти всегда они находятся в погребенном состоянии. Их стратиграфическое положение определяется налеганием их на эоплейстоценовые отложения и вложением в них террас среднего плейстоцена. Спорово-пыльцевые спектры свидетельствуют о степных или полупустынных условиях во время их накопления.

Среднечетвертичные отложения. В среднем плейстоцене для континентальных отложений Казахстана удается выделить несколько хорошо распознаваемых рубежей.

По периферии Сарыаркинского мелкосопочника в разрезах встречается ископаемая почва. По стратотипу на оз.Кудайколь (близ п. Экибастуз) она названа кудайкольской. На ее поверхности в ископаемом состоянии залегают наиболее ранние артефакты.

Наиболее четко в разрезах равнинных территорий Ишим-Иртышского и Мугоджар-Сарыаркинского регионов выделяется горизонт, отвечающий по времени первому оледенению среднего плейстоцена. Отложения этого времени выделены в сарбайский горизонт. К сарбайскому горизонту в Ишимском районе относятся отложения сарбайской свиты (северная часть Тургайского прогиба). Эти отложения, залегающие в виде покрова на абс. отметках 170-230 м, А. А. Бобоедова предложила выделить в сарбайскую свиту со стратотипом в Сарбайском железорудном карьере. Сарбайская свита сложена горизонтальнослоистыми средне- и мелкозернистыми полимиктовыми песками, часто глинистыми с линзами грубозернистого песка. В отложениях сохранились криогенные структуры – криогенное смятие, псевдоморфозы по повторно-жильным льдам и др. Мощность до 10 м, редко до 20 м. В отложениях найдены остатки *Mammuthus primigenius* Blum. (ранний тип), *Mammuthus chhosaricus* Dubrovo (определение Б. С. Кожамкуловой), а также остракоды и обедненные спорово-пыльцевые спектры, указывающие на холодные и влажные условия.

В Сарыаркинском регионе также отчетливо выделяется уровень, отвечающий днепровско-самаровскому оледенению. Похолодание обусловило появление многолетней мерзлоты, следы которой в виде горизонта с криогенными структурами прослеживаются в разрезах Мугоджарских гор и Сарыарки.

В Сарыарке вторые надпойменные террасы в пределах мелкосопочника сложены песком с галечником и валунами (базальная часть аллювия), выше сменяющиеся разнозернистым, часто глинистым песком. В них содержались остатки *Mammuthus chosaricus* Dubrovo моллюски *Anisus vorniculus* Trasch.,

Hydrobia ventrosa Mont., *Bithynia leachi* Schepp. и др. Среднечетвертичный аллювий имеет серый, коричневатый-серый цвет и относительно хорошую слоистую текстуру, свидетельствующую о большой обводненности во время накопления осадков. Для него также характерно присутствие криогенных структур. Возраст аллювия II надпойменных террас ограничивается средним плейстоценом, не включая последний этап среднечетвертичного оледенения, когда накапливался суглинистый или супесчаный покров на II надпойменных террасах мощностью 1-3 м. Спорово-пыльцевые спектры из этих террас показывают, что основная часть аллювия формировалась в пльвиальную эпоху (средняя, большая часть разреза) и последующее межледниковье. Базальная часть разреза пыльцы и спор почти не содержит.

Верхнечетвертичные отложения. Аллювий накапливался и в последующее межледниковье. Наиболее четко выделяется уровень последнего оледенения, который в Сарыарке может быть выделен по криогенному горизонту, наложенному на аллювий I надпойменной террасы и покровным супесям и суглинкам. Образование криогенного горизонта связано с максимально холодными условиями в эпоху последнего ошашовского-сарганского оледенения. Эти отложения Б. Ж. Аубекеров предложил выделить в копырский (копырь – мост) горизонт по стратотипу, расположенного у моста через р. Иргиз выше пос. Иргиз. Покровные отложения копырского горизонта хорошо выделяются в разрезах I надпойменных террас и характеризуются плохо выраженной почти горизонтальной слоистостью, светло-коричневым цветом. Мощность их изменяется от 1 до 3-4 м.

На водоразделах в позднем плейстоцене накапливались делювиально-пролювиальные щебнистые суглинки и супеси низкого уровня конусов выноса, делювий склонов, эоловые, озерные и хемогенные отложения небольшой мощности (в среднем редко больше 3 м). В Северном Прибалхашье с поздним плейстоценом связано накопление озерных отложений – пески, галечники береговых валов, илы, соли. В отложениях сохранился богатый комплекс моллюсков и остракод.

Голоценовые отложения имеют обычно относительно небольшие мощности, почти повсеместно слагают поймы крупных рек как на севере, так и на юге Казахстана и содержат остатки современных видов фауны млекопитающих и моллюсков, а также спорово-пыльцевые спектры, которые позволяют расчленять голоценовые отложения по схеме Блитта-Сернандера. В крупных озерах с этим временем связаны пляжные и I надпойменные террасы, а в прибрежной зоне – хемогенные и такырные отложения.

Во всей аридной зоне (Прибалхашье, Туранские пустыни, Зайсанская впадина, а местами и Сарыарка) происходило накопление эоловых песков. В Сарыаркинском регионе в аридных и семиаридных зонах в голоцене происходило накопление аллювия пойм (пески, галечники и сверху – супеси и суглинки), аллювиально-пролювиальных и делювиально-пролювиальных отложений конусов выноса низких уровней (щебнисто-песчано-супесчаные и суглинистые

отложения), озерно-хемогенные и озерные (супеси и суглинки с примесью щебня и песка) засоленные отложения.

На положительных формах рельефа и денудационных равнинах продолжали накапливаться аллювиально-делювиальные отложения (щебнистые супеси и суглинки) мощностью 0,5–3 м.

В Ишим-Иртышском регионе к голоцену отнесены аллювий низкой и высокой пойм рек. Это пески разнородные, часто глинистые с кривой слоистостью в нижней части разрезов и горизонтальной в верхней части. Верхняя часть сложена супесями и суглинками, иногда наблюдаются 1–2 погребенные почвы. Среди аллювия найдены кости животных современного комплекса, ископаемые стоянки эпохи неолита и энеолита, содержится богатый комплекс спор и пыльцы. На междуречьях накапливались эоловые, озерные, делювиальные и делювиально-пролювиальные отложения – глины, суглинки, супеси, пески. В озерах накапливались хемогенные отложения. Мощность отложений редко превышает 5–10 м.

Аллювий небольших долин Сарыарки и других пустынных районов характеризуется почти полным отсутствием хорошо различимых руслового и пойменного аллювия. Для них выделяются обычно небольшие мощности плососортированного базального аллювия (щебнисто-песчаные отложения с мелкими валунами) 0,3–1 м, выше которого залегают супеси и суглинки. Среди них редко встречаются маломощные линзы легких глин или разнородного песка. Супеси и суглинки слоистости почти не имеют. На геологических картах они обычно показаны как аллювиально-пролювиальные отложения.

Эти данные о геологии и геоморфологии Сарыарки, истории геологического развития и развития рельефа территории будут необходимы при описании памятников и местонахождений каменного века.

ГЛАВА 2

ИЗУЧЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА САРЫАРКИ

Современные научные работники, вооруженные комфортными средствами передвижения, электронными инструментами навигации, фотоаппаратурой, интернетом, привыкли несколько свысока относиться к предшественникам, которые могли полагаться только на свои собственные силы, на несовершенные топографические карты. Только проработав несколько десятилетий в поле, в камеральной лаборатории с археологическими материалами, в архивах с отчетами, рукописями, дневниками, начинаем ценить широкую образованность рядовых геологов или зоологов, которые в невероятно трудных бытовых условиях, кроме своей прямой работы, выполняли еще и археологическую разведку и даже сборы материалов, которые послужили основой для первых серьезных исторических обобщений.

Полная сводка таких «полупрофессиональных находок» и собственно археологических исследований осуществлена коллективом авторов отдела археологии под руководством А. Х. Маргулана Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР в виде «Археологической карты Казахстана», изданной в 1960 г.

Позднее наиболее известный археолог Центрального Казахстана Алькей Хаканович Маргулан, имя которого носит Институт археологии МОН РК, основательно проработал все публикации по истории и археологии, касающиеся Центрального Казахстана, просмотрел коллекции и архивы музеев Алматы, Караганды, Жезказгана, Семипалатинска, Целинограда, Джамбула, Москвы, Ленинграда и сделал подробный обзор археологических памятников разных эпох (Маргулан А. Х., 1998, с. 31–84).

В этом обзоре содержатся уникальные сведения об особенностях научной жизни середины прошлого века, об исследователях, музейных работниках, истории археологических открытий, которые могут быть непонятны современной научной молодежи. К сожалению, сведения о некоторых стоянках

и местонахождения очень фрагментарны и недостаточны, чтобы найти им место на карте и в реестре, но игнорировать их нельзя.

После перечисления дореволюционных исследований и экспедиций, первых советских археологических экспедиций, А. Х. Маргулан отмечает, что неограниченный вклад в археологическое изучение Центрального Казахстана внесли ученые геологи П. Л. Драверт, К. И. Сатпаев, Г. Н. Щерба, М. П. Русаков, Р. А. Борукаев, Г. Ц. Медоев, А. В. Мухля, зоологи В. А. Селевин, А. Н. Формозов, Ю. А. Орлов, и др. Учетом и регистрацией археологических памятников этого района неутомимо занимались местные краеведы: Л. Ф. Семенов в Акмолинской и Карагандинской степях, В. Е. Ясенецкая в Каркаралинском районе. Их коллекции хранятся в Карагандинском и отчасти в Целиноградском музеях.

Большую работу по выявлению и изучению памятников неолитической культуры Казахстана за последние сорок лет провели и археологи, открывшие немало уникальных стоянок. Из них прежде всего надо отметить работы «неутомимого исследователя стоянок Жезказгана Н. В. Валукинского», М. П. Грязнова, К. М. Поликарповича, С. С. Черникова, А. А. Формозова, И. В. Синицына, Х. А. Алпысбаева, К. А. Акишева. Значительный вклад в изучение неолита Центрального Казахстана внесли молодые археологи А. Г. Медоев, М. Н. Клапчук, Л. А. Чалая.

Новый этап обстоятельного и обширного изучения исторического прошлого Центрального Казахстана наступил после Великой Отечественной войны, когда наша страна оправилась от разрухи, и была создана Академия наук Казахской ССР. Необходимость широкого и планомерного исследования богатейших памятников Центрального Казахстана диктовалась тем, что в связи с развертыванием работ на новостройках и организацией крупных совхозов многие уникальные памятники района, особенно эпохи бронзы и раннего железа, находились под угрозой полного исчезновения. С этой целью была организована Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция (ЦКАЭ), постоянно работавшая в системе ИИАЭ АН КазССР. Свои полевые работы она проводила в контакте с местными научно-исследовательскими организациями, в частности с Жезказганским геолого-разведочным управлением.

В 1946 г. широкие поиски проводились по рекам Моинты, Сарысу и их водоразделам, охватывая широкое пространство от северных пределов пустыни Бетпакадала до гор Улутау, верховьев рек Тургай, Джиланчик, долины рек Кенгир, Жезды, Байконур и Буланты. (Маргулан А. Х., 1998, с. 20).

В следующем году экспедиция продолжала широкую разведку в восточной Бетпакадале, в южных и юго-восточных районах Карагандинской области, по водоразделам рек Сарысу, Моинты, Нура и Токраун, включая районы Северного Прибалхашья, глубинные пункты Жанааркинского, Шетского, Актогайского и Каркаралинского районов. Большой интерес представляет жезказганская группа поселений (Кресто, Златоуст, Милыкудук, Айнаколь, Соркудук), исследованная археологом Н. В. Валукинским. В Баянаульской степи в 1964–1965 гг. геолог В. С. Танцюра открыл 12 стоянок (Койтас 1-12).

Обширная серия неолитических стоянок была открыта А. Г. Медоевым в **Каркаралинской степи и в степи Северного Прибалхашья**. Неолитические стоянки, открытые А. Г. Медоевым, расположены значительными группами вокруг главного Каркаралинского хребта, в долинах рр. Жарлы, Казангап, Тундук, Кусак, Каршыгалы, Эспе, Токраун, в районе правобережья р. Аягуз и вокруг Чингисского хребта. На этом пространстве выявлено около 200 неолитических стоянок, собрана большая коллекция кремневых изделий, которые хранятся в Институте геологических наук АН КазССР (В настоящее время коллекции А. Г. Медоева хранятся в Музее палеолита Казахстана при Казахском Национальном университете им. аль-Фараби – *О. А.*).

В 1960 г. А. Г. Медоевым открыто несколько десятков стоянок в водоразделе Токраун и Аягуз, где пролегли маршруты от рудника Саяк до Чингисского хребта и от правобережья реки Аягуз до Чубартауского района Семипалатинской области. В горах Музбель, Кызылтас, Алтынказык, у родника Каскабулак, Когульдур, Акирек изучено около 25 стоянок.

Значительное количество неолитических стоянок открыто и исследовано А. Г. Медоевым и геологом С. В. Лопатыным в Северо-Западном Прибалхашье, в долинах рр. Моинты, Науалы, Жалаулы, озера Кокдомбак и на водоразделе Моинты-Сарысу. Это густо населенный район Карагандинской области с многочисленными рудниками, совхозами и новостройками. Неолитические стоянки этого района потревожены, не имеют первоначального вида, как в Бетпакадале и в пустынных и полупустынных районах Северо-Восточного Прибалхашья, где они сохранились превосходно.

По наблюдениям известного исследователя пустыни **Бетпакадала** Д. И. Яковлева, весь район колодца Килыкожа, расположенного в северо-восточной части пустыни, состоит из сплошных выходов яшмокарцита, кремнистых сланцев, кремневых, ороговикованных пород, молочно-белого халцедона. Характерную особенность кремневых пород Бетпакадалы представляет богатство их красок, зеленого, зеленовато-серого, лилового, вишневого, красного, темно-серого, нередко молочно-белого и прозрачного. Восхищенный красотой халцедона, сердолика и яшм, он обследовал основные залежи этих минералов в Северной Бетпакадале, в районах колодцев Садак-Куйген, Килыкожа, в горах Болаттау и Эргенекты-Пстан. Кремневые орудия, хранящиеся в Жезказганском и Карагандинском музеях, по минералогическому составу и цвету совпадают с яшмами, халцедонами, опалами и рогамиками Северной Бетпакадалы и Присарысуйских гор.

Орудия и нуклеусы из рогамика, яшмы, халцедона были найдены В. А. Селевиным во многих местах пустыни Бетпакадала. В 1929 году он нашел их на выдувах долины р. Бокты-Карын, левого притока р. Сарысу, в 1934 г. – в обнажениях глубокого обрыва (Чинг) Кендерлик и особенно в центральной Бетпакадале, недалеко от колодца Уванас и по дороге Тюйе-жол. С этих стоянок В. А. Селевиным собраны нуклеусы, каменные наконечники стрел, скребки, ножевидные пластинки, которые переданы им для обработки руководителю

отдела археологии САГУ проф. М.Е. Массону. О своих находках В.А. Селевин писал: «Изделия из камня, относящиеся, по-видимому, к неолиту, известны из разных мест в песках по р. Сарысу и к северу от г. Туркестана. Нашей экспедиции в 1934 г. удалось обнаружить в пределах Бетпакдалы в районе колодца Уванас и ключей Кендерлик наконечники каменных стрел и мелкие осколки кремня. Экспедиция САГУ 1929 г. привезла аналогичные предметы каменной эпохи с западной окраины Бетпакдалы, из долины соленой речки Бокты-Карын (Маргулан А. Х., 1998, с. 7).

В 1936 г. главным геологом Жезказганского рудоуправления К.И. Сатпаевым на выдувах песков р. Сарысу и Жеты-Конур был открыт ряд стоянок позднего неолита и ранней бронзы и в большом количестве собраны кремневые орудия – отбойники, топоры, черенковые наконечники стрел из третичных опок. Находки сопровождалась обломками глиняной посуды. По наблюдению К.И. Сатпаева, кремневых орудий много встречено в пределах Голодной Степи (Бетпакдалы).

Значительные сборы неолитических орудий сделаны проф. А.В. Мухля в Центральной Бетпакдале, в 75 км северо-восточнее колодца Бору-Тескен, в районе метеостанции Когашик, а также около родников в районе Тосбулака. По его наблюдению неолитические охотники останавливались в этой пустыне прежде всего там, где имеются источники воды, ключи, родники и открытые водоемы, совпадающие с современными такырами. Около современных колодцев осколки каменных орудий не встречаются. В коллекции А.В. Мухля собраны интересные экземпляры микролитических орудий, в том числе кремневые наконечники стрел миниатюрной формы, концевые скребки, ножевидные пластинки.

Следы стоянок-мастерских обнаружены А.Х. Маргуланом в 1947 г. на берегу р. Жидели, в урочище Кипшакпай и Кокек, в 5 км на юго-запад от большой караванной дороги, идущей с юга на север и к юго-западу от урочища Кипшакпай. Одна из стоянок расположена у подножия холмов, внизу родник с пресной водой, он и сейчас служит местом отдыха для проезжающих через Бетпакдалу.

Река Жидели расположена в 180 км к югу от рудника Каражал на р. Атасу. В 1968 г. по следам А.Х. Маргулана ее посетил М.Н. Клапчук, зафиксировавший три стоянки. Он обнаружил еще две стоянки у родника Каипмергеннын-Карасу (у Клапчука неточно Каимберген), расположенного в 45 км к северу от р. Жидели.

Интересная стоянка-мастерская открыта А.Х. Маргуланом в 1947 г. в горах Урда-Шагил в 20 км к северу от Сорбулака (Байкожа). Характер стоянки аналогичный со стоянкой у р. Жидели. В 25 км к юго-западу от гор Урда-Шагил и 25 км на северо-запад от Сорбулака у родника Токум-Тыккан в 1951 г. Вильинциным открыта стоянка, где собраны нуклеусы (3), ножевые пластинки (10), скребки (9), пластины (4).

Стоянки-мастерские обнаружены А.Х. Маргуланом в Восточной Бетпакдале, у родника южнее мавзолея Исака. Сборы микролитических орудий в этом регионе сделаны еще В.А. Селевиным в 1936 г., в 1955 г. проф. А.В. Мухля

собрал кремневые орудия (скребки) между горами Жамбыл и Тосбулак. В Северо-Восточной Бетпакдале в урочище Тарлакат, в горах Майжарылган восточнее гор Жамбыл, ближе к Западному Прибалхашью, у колодца Азат сделаны сборы М.Н. Дублицкой. Эти сборы хранятся в Джамбулском областном краеведческом музее. Значительная группа неолитических стоянок открыта и исследована в 1967-1968 гг. и в Северо-Западной Бетпакдале, где много яшмокварцита и других твердых кремнистых пород, есть источники подземных вод, залегающих не очень глубоко, много такыров (дно высохших озер), заброшенных колодцев. Здесь на берегу высохшего озера располагалось несколько групп стоянок: Айдарлы 1–2, Жаман-Айбат 1–2, Алатакыр 1–6, Коскудук 1–8, Шыбынды 1–3, Аккудук 1–4. Все они расположены недалеко друг от друга, в части пустыни, примыкающей на западе и северо-западе к барханам Жеты-Конура. Некоторые из этих пустынных стоянок замечательны тем, что расположены в комплексе с памятниками более древнего периода, носящими на себе следы деятельности палеолитического человека, в виде крупных и грубых орудий (Маргулан А. Х., 1998, с. 39).

Группа Айдарлы расположена в 150 км к юго-западу от рудника Каражал, в 36 км к югу от низовьев р. Коктас (от старой зимовки Ольке), у подножия горы Айдарлы, сложенной из яшмы и кварцита, занимает площадь в виде узкой полосы по юго-западному берегу такыра протяженностью около 1 км, шириной 20-30 м. «Труд древнего человека представлен здесь громадным скоплением нуклеусов».

Группа стоянок Алатакыр расположена рядом с Айдарлы I, в 2–3 км к востоку от последней. Здесь выявлено до шести стоянок и все они находятся по краям такыров. Группа Коскудук расположена в 12 км к востоку от такыров Айдарлы на древней караванной дороге, идущей с низовьев р. Чу в долину р. Коктас и на р. Сарысу. Это одно из местонахождений Каратауского палеолита в Северной Бетпакдале, которые вместе с Айдарлы II составляют единый комплекс. Рядом с местонахождением палеолита расположены неолитические стоянки Коскудук 6 и Коскудук 8. Они были осмотрены А.Х. Маргуланом в 1947 г., а затем М.Н. Клапчуком в 1967 г. Поверхность их сплошь покрыта сколами и желваками яшмы, целые орудия встречаются крайне редко.

Группа Шыбынды (у М.Н. Клапчука неточно Шабынды) расположена в 6 км к северу от группы Коскудук и в 36 км к югу от низовьев р. Коктас (старая зимовка и некрополь Ольке), на той же караванной дороге. Подобно стоянкам на р. Жидели и Коскудук 6 и 8 группа Шыбынды представляет собой классический тип стоянок-мастерских. Общая площадь с культурными остатками составляет не менее трех квадратных километров. Поверхность стоянок сплошь покрыта отходами производства (сколами и чешуйками), отщепами, нуклеусами и их обломками – результат многолетнего труда. Готовые орудия уносились с собой, на месте мастерских целые орудия не встречаются.

Интересные группы неолитических стоянок были открыты (1964-1965 гг.) также в Западной Бетпакдале, в районе восточных дюн барханов Жеты-Ко-

нура. Здесь выявлены две стоянки Жаман-Айбат I и Жаман-Айбат II. Первая расположена в 11 км к юго-западу от одноименного хребта, на восточных дюнах бархана Талды-Конгур (или Кент-Конгур). Вторая – в 8,5 км от северо-западного подножия хребта. На обеих стоянках собраны нуклеусы (3), ножевидные пластинки (в сечениях) (106), концевые скребки (15), скребки на отщепе (44), трапеции (2), обломки наконечников стрел (4), наконечники копий (4), фрагменты керамики (2), отщепы (720).

Огромный интерес представляют дюнные поселения Жеты-Конур, расположенные в северо-западной части Бетпакадалы, в Жездинском районе Джезказганской области. Это своеобразный оазис в барханах, контрастно выделяющийся из окружающей пустыни не только своими физико-географическими особенностями, но и заметными следами древней культуры. В этом районе грунтовые и артезианские воды пополняются в осенне-зимний периоды, к тому же здесь нередко встречаются глубокие водоемы-озерки с пресной водой. Следствием обилия почвенных вод является чрезвычайно богатый и многообразный растительный покров. Все это служило основой для возникновения дюнных поселений и оседлой жизни.

Дюнные поселения Жеты-Конур впервые открыты в 1936 г. К. И. Сатпаевым. Затем эти дюнные поселения осмотрены многими учеными. Судя по наличию многочисленных остатков барханы Жеты-Конура в древности служили одним из главных мест обитания неолитических племен Центрального Казахстана. Экспедиции А. Х. Маргулана удалось проникнуть вглубь барханов и обследовать ряд стоянок в массивах Жидели-Конур и Талды-Конур, замечательных по ряду проявлений древнейшей культуры.

По обилию кремневых материалов и мощности культурных остатков дюны Жеты-Конура составляют единую систему со стоянками бассейна р. Сарысу, Жезказгана и Караганды. В дюнах найдены как микролиты, характерные для Бетпакадалы, так и массивные орудия, характерные для северных степей, и, в частности, для долины р. Сарысу.

Первые сборы с дюнных стоянок Жеты-Конура сделаны в 1945 г. В. Г. Григорьевым, проводившим наблюдения в песках Жидели, Кзылкент, Карабулак. Среди его сборов имеются нуклеусы, ножевидные пластинки (9), скребки различной формы (12), наконечники стрел из кремня белого цвета с тонкой ретушью (2), ручное рубило, вкладыши (2), резцы (2), орудие с боковой выемкой, сверло, фрагменты лепной керамики (24) и др. Часть коллекции В. Г. Григорьева хранится в Карагандинском музее, часть в музее ИИАЭ АН КазССР (Маргулан, 1998, с. 40).

Солидные сборы с дюн Жеты-Конура были сделаны в 1947 г. сотрудниками ЦКАЭ – среди этих сборов много отщепов и кремневых орудий различной степени обработки.

В 1957 г. А. А. Слудским открыта новая стоянка на Муюн-Кумах, расположенная к востоку от левого берега р. Сарысу. Здесь на восточных выдувах барханов, против колодца Табан-Кудук, находящегося в 48 км к югу от барханов

Самена, им собраны нуклеусы, скребки, ножевидные пластинки, наконечники стрел, а на стоянке Жидели-Конур, помимо указанного состава орудий, подняты точильные камни, обломки сосудов ручной лепки. Сборы А. А. Слудского хранятся в музее АН КазССР.

Суровые природные условия Бетпакадалы позволяли охотникам эпохи неолита пребывать здесь короткое время. К тому же стоянки эти были местом остановок охотников в период осенней миграции животных с севера на юг. Возможно, перед суровой холодной зимой охотники уходили на юг к низовьям рр. Чу и Талас, в Семиречье. Об этом свидетельствуют однотипные каменные орудия, в большом количестве находимые по всей степи от р. Тамды и Жезказгана до берегов р. Чу. На р. Чу в 1948 г. была открыта стоянка, сходная со стоянками Жезказгана и Сарысу, где собран однотипный материал. Возможно, меридиональная циркуляция между севером и югом существовала у кочевников не только в эпоху бронзы, но и в эпоху неолита.

По мнению М. Н. Клапчука, бетпакадалинские микролиты составляют особую культуру, отличную от неолитической культуры северных степей. Однако различия здесь лишь в свойстве горных пород Бетпакадалы, дающих при обработке более мелкие отщепы, чем камни северных степей.

Значительная серия стоянок дометаллической культуры открыта в **бассейне р. Сарысу**. Они расположены вдоль берегов р. Сарысу и в долинах ее притоков. Это группы Коктын-Коль, Тогускен, Кзылжар, Борибас, Сары-Узен, Каражар (Сар-гот), Талмас-ата, Тузды-Сай и наконец Бокты-Карын, открытая В. А. Селевиным еще в 1929 г. Стоянки Коктын-Коль впервые открыты Н. Харламовым в 1937 г. Расположены у южного подножия сопки Карашоки северных отрогов горы Ортау, на берегу озера Коктын-Коль Жанааркинского района Жезказганской области. А. Х. Маргуланом собраны сколы, отщепы, нуклеусы, ножевидные пластинки, скребки, резцы, топор из цветного камня.

Долина верхнего течения р. Сарысу густо населена и порой невозможно обнаружить стоянки эпохи неолита и бронзы по их внешним признакам, они либо давно разрушены, либо погребены в землю. Лишь в редких случаях при проведении земляных работ попадают следы неолитических стоянок в виде скоплений кремневых материалов и костей животных. Так, при строительстве железной дороги Караганда-Жезказган, строительстве станций Жарык, Жана-Арка, при проведении земляных работ на участках ст. Жарык и Жана-Арка вскрыты древние культурные слои, сделаны сборы местными учителями, однако из-за отсутствия археологического надзора все ценные находки не были зафиксированы и бесследно исчезли. Лучше сохранились неолитические стоянки в редконаселенных местах р. Сарысу, т. е. в районах ее среднего и нижнего течений, где сделан ряд открытий.

Наибольший интерес представляет группа неолитических стоянок Кудайменде, открытая М. Н. Клапчуком в 1967 г. Группа расположена на правом берегу р. Сарысу, при впадении в нее р. Кудайменде. В 20 км на северо-восток

от стоянок расположен знаменитый Караагачский курган, исследованный в 1905 г. инженером А. А. Козыревым.

Стоянка Кудайменде выявлена в обнажениях ветровой эрозии, в месте выхода небольшого лога к реке. Здесь в прибрежной полосе на надпойменной террасе открыто до 20 стоянок и собран обширный подъемный материал, состоящий из готовых орудий, заготовок и отбросов производства. Весь сбор хранится в фондах Карагандинского музея (Маргулан А. Х., 1998, с. 41).

Группа стоянок Кзылжар наземного типа открыта и обследована М. Н. Клапчуком в 1962 г. В группе пять стоянок, все они расположены на левом берегу р. Сарысу в районе ст. Кзылжар Жезказганской ж. д. На стоянках собрано значительное количество кремневых изделий, хранящихся в Карагандинском музее.

Стоянка Борибас наземного типа расположена в 18 км ниже ст. Кзылжар на обоих берегах р. Сарысу. Открыта и обследована А. Х. Маргуланом в 1947 г., вторично осмотрена М. Н. Клапчуком в 1962 г., который называл ее «Кзылжар 20», хотя стоянку Борибас отделяют от группы Кзылжар песчаные барханы и значительное расстояние в 18–27 км. В группе Борибас две стоянки – Борибас I и Борибас II. Первая расположена на правом берегу, вторая на возвышенной террасе, составляющей древний берег р. Сарысу. Стоянка вытянута с севера-запада на юго-восток, имеет площадь 1800 м². В 1947 г. на поверхности стоянки А. Х. Маргуланом собрано несколько десятков каменных предметов, среди них нуклеус, ножевидные пластинки крупных размеров, наконечники копий из опала и кремня, массивные концевые скребки и отщепы. По крупной величине и архаически грубому облику они отнесены к самому раннему этапу неолита или эпипалеолиту (определение П. П. Ефименко). Тогда же исследованы остатки неолитического жилища в виде темного пятна круглой формы, обведенного кольцом из крупных камней, диаметром 5 м. Вне пятна прослежен каменный очаг, вокруг которого подобраны кремневые предметы.

В 1967 г. на стоянке Борибас был заложен шурф, показавший яму (углубление), в которой было обнаружено место древней плавки меди, которое характеризуется скоплением золы, угольков и обгоревших зубов животных. На дне ямы были четыре слитка меди и малахитовая руда. Вокруг ямы-очага собраны десятки каменных изделий, отходов производства и каменные мотыги. Эти данные позволяют более точно датировать стоянку Борибас и отнести ее к позднему неолиту и энеолиту.

Группа стоянок Сары-Узен расположена в 10–12 км ниже ст. Кзылжар, при впадении р. Сары-Узен в р. Сарысу, обследована М. Н. Клапчуком в 1962 г. В обнажениях ветровой эрозии им открыто 8 стоянок, расположенных на левом берегу р. Сары-Узен вблизи ее устья. Помимо подъемного материала сборы сделаны с обнажения культурных слоев. Всего собрано около 600 предметов, наибольшее число находок – на стоянках 4 и 6 (Маргулан, 1998, с. 42).

Группа стоянок Каражар. Неолитические стоянки наземного типа, расположенные в районе слияния р. Кенгир с Сарысу, известны давно. В 40-

годах XIX столетия, проезжая вниз по р. Сарысу, ими впервые заинтересовался А. И. Шренк, посвятивший ряд ярких страниц замечательному урочищу Каражар. В XIX в. Каражар – самое знаменитое место в долине р. Сарысу, о нем писали многие географы и офицеры генерального штаба. В середине XIX в. здесь стоял «Каражарский военный отряд», наблюдавший за событиями в Средней Азии. С древнейших времен Каражар был подступом к Бетпадале, местом привала и отдыха для проходивших караванов. Обнаруженные стоянки в устье р. Кенгир необходимо называть Каражар, к сожалению М. Н. Клапчук называет их Сюргут, присоединяя к этому названию и другие стоянки, отстоящие от Каражара на 20–40 км – стоянки Талмас-ата и Тузды-Сай, открытые проф. А. Н. Формозовым. Географический термин Каражар известен со времени академика А. И. Шренка (1842 г.).

Стоянка Каражар I (у Клапчука Сюргут 2) расположена в 80 км на юг от Жезказгана, на правом берегу р. Сарысу, у устья р. Кенгир, на верхней террасе. Стоянка наземного типа обнаружена в 1946 г. нами и исследована М. Н. Клапчуком в 1963 г. в обнажениях ветровой эрозии. На стоянке готовых орудий мало, основная масса находок состояла из различных обломков и сколов, среди которых преобладают отщепы. Сбор М. Н. Клапчука – 2 фрагмента пластинок и 16 отщепов.

Стоянка Каражар 2 (у М. Н. Клапчука Сюргут 4) расположена на левом берегу р. Сарысу, в 300 м ниже устья р. Кенгира. Стоянка наземного типа, бедна находками. Собран небольшой каменный материал – скребок из пластинки, скребок из отщепа, обломок дротика и чешуйки кремня.

Стоянка Каражар 3 (у М. Н. Клапчука Сюргут 5) расположена на левом берегу р. Сарысу, в 1,5 км на восток от устья р. Кенгир у выступа Каражар, состоящего из коренных пород серо-желтого кремня. Готовых орудий мало, собрано два десятка отщепов.

Общее количество находок на всех стоянках Каражара 90 предметов, из них пластинок 4, скребков 4, дротиков грубой формы и в обломках 5, остальное – отходы производства. Сравнительно малое количество находок объясняется тем, что в прошлом Каражар посещали путешественники, которые также собирали подъемочный материал.

Стоянка Талмас-ата (у М. Н. Клапчука Сюргут 1) расположена на левом берегу р. Сарысу, в 100 км к югу от Жезказгана и в 18 км ниже Каражара. Выявлена А. Х. Маргуланом в 1946 г. в обнажениях ветровой эрозии. В 1963 г. М. Н. Клапчуком собрано 94 предмета, готовых орудий мало, всего 2 кремневых наконечника стрел, скребок на отщепе, 8 нуклеусов, остальные – отщепы.

Стоянка Тузды-Сай (у М. Н. Клапчука Сюргут 3) расположена на правом берегу р. Сарысу, при впадении в нее речки Тузды-Сай, в 30 км ниже Каражара. Стоянка наземного типа. Впервые открыта профессором А. Н. Формозовым в 1949 г. «На солонцах правого берега р. Сарысу, в 120 км к югу от Жезказгана», что по месту точно соответствует солонцам в устье Тузды-Сая (солонцовый лог). Это одна из интереснейших стоянок на р. Сарысу, обильная наход-

ками. Первый сбор сделан проф. А.Н. Формозовым (Формозов А.А., 1950), затем в 1957 г. зоологом А.А. Слудским и в 1963 г. М.Н. Клапчуком. Каждый из них собрал изрядное количество кремневых изделий, но более обильный и ценный сбор принадлежит профессору А.Н. Формозову, коллекция которого хранится в Государственном историческом музее. Им собрано более 500 изделий из кремня и яшмы и среди них первое место по количеству занимают скребки округлые на отщепях (20), скребки концевые, пластинки с прямой выемкой и краевой ретушью, из них 2 с резцовыми сколами. М.Н. Клапчук собрал еще 94 предмета, среди них 2 нуклеуса, 3 пластинки, скребок на отщепе, пластинка с резцовым сколом (4), грубообитые дротинки и др. Общий сбор с этой стоянки составляет около 700 кремневых материалов, керамики нет. Авторам данной работы в 2014 г. уже практически никаких артефактов не удалось найти.

Группа неолитических стоянок Кенжебай-Сай наземного типа. Расположена в 70 км к юго-западу от родника Каражал, между долинами рр. Сарысу и Коктас, протекающих по границе Северной Бетпакадалы. По обилию микролитов стоянки Кенжебай тяготеют к Бетпакадале. Впервые обнаружены в 1960 г. геологом В.С. Танцюра, затем Р.А. Зиновой (2 стоянки), Р.А. Терещенко (2 стоянки), А.С. Краюшкиным (1 стоянка) и в 1963 г. М.Н. Клапчуком (4 стоянки), всего открыто 9 стоянок, все на выдувах ветровой эрозии. Наиболее интересные результаты дали стоянки 2 и 8.

Стоянка 2 находится на левом берегу среднего течения р. Кенжебай-Сай, в 3,5 км к востоку от большой дороги, идущей из долины р. Сарысу в Коктас. На стоянке собрано 115 кремневых изделий, из них 2 нуклеуса, 22 пластинки, 12 скребков (4 из пластинок, 8 из отщепов), 2 проколки, 2 вкладыша, 2 трапеции и 1 скобель (Маргулан, 1998, с. 43).

Стоянка 8 расположена на правом берегу р. Кенжебай-Сай в 11 км к востоку от вышеназванной дороги. На поверхности стоянки собрано 90 кремневых изделий, среди них 4 нуклеуса, 12 пластинок, 10 скребков (3 из пластинок, 7 из отщепов), 1 вкладыш и обломок наконечника стрелы из кремня.

В долине р. Сарысу, площадь которой около 800 км, большинство памятников находится в погребенном состоянии. Из вновь открытых в этой долине неолитических стоянок необходимо отметить стоянку Басуйген, расположенную на юго-восточном берегу одноименного озера, в 25 км к юго-западу от станции Кзылжар и стоянку Борьойнак, находящуюся в 120 км на юго-восток от г. Жезказгана и в 55 км на северо-восток от Каражара. Эти стоянки исследованы в 1968 г. С помощью шурфа обнаружен культурный слой, где собран ряд оригинальных кремневых орудий.

В 1956 г. инженером М.И. Субботой открыта еще одна стоянка, собраны отщепы, наконечники стрел, ножевидные пластинки, концевой скребок, обломки неорнаментированной керамики и кости животных. Все эти результаты дают представление о том, какое значение имела долина р. Сарысу в Центральном Казахстане в период неолита и бронзы.

Скопление древних памятников эпох неолита, бронзы и железа в окрестностях г. Караганды и самом городе свидетельствует о кипучей жизни и густой населенности района в древние времена. Город расположен в обширной котловине, окруженной с юга горами Соранг, с востока обширным плоскогорьем Итжон, с севера – гранитными холмами Теректы. Между этими горами протекают многочисленные речки и притоки реки Нура: рр. Сокур, Букпа, Кокпекты, Байбори и Алтынсу.

Стоянка позднего неолита впервые была открыта в 1933 г. Нуриной экспедицией ГАИМК на левом берегу реки Шерубай-Нура, на территории совхоза «Гигант», где собраны кремневые орудия, типичные для степного неолита. Среди находок было и бронзовое шило. Сборы хранятся в Государственном Эрмитаже. Другая энеолитическая стоянка находится на левом берегу Шерубай-Нура, в северо-западной части поселка Аксу-Аюлы.

Первые интересные находки с неолитических **стоянок Караганды** сделаны археологом К.М. Поликарповичем. Инженер И.Ф. Кушелев, открывший три стоянки (43, 44, 45) в северной части пос. Новая Тихоновка, собрал большое количество кремневых орудий, ныне хранящихся в Карагандинском музее и в одном из музеев г. Минска.

«С конца 50-х годов древней культурой окрестностей города Караганды стал заниматься молодой краевед М.Н. Клапчук, тогда еще не окончивший университет. По его просьбе я имел возможность осмотреть его сборы и чертежи.

С М.Н. Клапчуком мы осмотрели все неолитические стоянки окрестностей г. Караганды, побывали в Новой Тихоновке, Майкудуке, Кировском заводе, посетили долины рек Сокур и Букпа, осмотрели раскопки Клапчука 1960-1961 гг. Все стоянки обнаружены на выдувах ветровой эрозии в виде круглых площадок, выступающих на поверхности и отличающихся от окружающего ландшафта уплотненной почвой и редким растительным покровом. Осматривая эти площадки, я был поражен их внешним сходством со стоянками старых казахских аулов (ескі жұрт)» (Маргулан А.Х., 1998, с. 44).

Главную особенность Карагандинской группы неолитических стоянок составляет то, что они непременно расположены в местах болотистого ландшафта, около родников, ручьев и источников артезианской воды. Таких источников и ручьев, просачивающихся из гранитных трещин, много в Карагандинской, Целиноградской, Павлодарской и Кокчетавской областях. Они обычно расположены в верхней террасе обширных логов и межгорных впадин.

За последние десятилетия вокруг г. Караганды выявлено и изучено до 35 неолитических и энеолитических стоянок, из которых собрано 36 000 каменных изделий, ныне хранящихся в Карагандинском музее»

Основная масса неолитических стоянок сосредоточена в южной, юго-западной и восточной окрестностях города, между долинами рр. Сокур, Большой и Малой Букпа, распространяясь до северных и северо-западных склонов горы Соранг. В долине реки Большая Букпа установлено около десятка

стоянок, в их числе стоянки Караганда 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10. Такое же количество стоянок выявлено в долине Малая Букпа (стоянки Караганда 1, 14, 15, 16, 17, 18, 26, 37), три стоянки выявлены в долине р. Сокур (стоянки Караганда 21, 22, 48), три стоянки на участке Майкудук (стоянки Караганда 27, 28, 29), две стоянки у подножья горы Соранг (Караганда 41, 46) и пять стоянок на участке Новая Тихоновка (стоянки Караганда 34, 43, 44, 45, 54).

В этом обширном комплексе имеются также стоянки (поселения) с характерными признаками эпохи бронзы. К ним относятся стоянки Караганда 1, 13, верхний слой стоянки Караганда 15, стоянки Караганда 19, 20, 30, 33, 39, 41, 46, 49, 51. На этих стоянках встречены обломки глиняных сосудов ручной лепки с орнаментом, типичным для керамики эпохи бронзы, а также бронзовые предметы (верхний слой стоянки Караганда 15, Караганда 19, 20, 30, 46).

А. Х. Маргулан, исходя из архаичного типа орудий, к раннему неолиту относит стоянки Караганда 15 (нижний слой), Караганда 27, 37. Для последних характерны ножевидные пластинки и вкладыши с ретушью, не заходящей на брюшко и спинку. Особый интерес представляют стоянки-мастерские (14, 21). Стоянка Караганда 14 занимает площадь 200 кв. м и вся ее поверхность усеяна отходами производства – большое количество сколов, чешуек, пластинок с трехгранным сечением, заготовок для миниатюрных сердцевидных стрел и т. д., всего собрано около 1000 кремневых материалов, среди которых семь фрагментов наконечников стрел. Все орудия изготовлены из молочно-розового кремнистого туфа. На стоянке-мастерской Караганда-27 помимо всего описанного, встречен валун сине-зеленого окремненного песчаника, из которого изготавливались вкладыши на ножевидных пластинках с мелкой ретушью со стороны брюшка.

Судя по огромному скоплению памятников двух периодов, мощным следам неолита и эпохи бронзы, район г. Караганды и Спасского завода был в древности одним из узловых центров Центрального Казахстана. Вместе с Жезказганом, Коунрадом, Саяком и др. рудниками, сохранившимися многочисленными отвалами в Каркаралинской, Баянаульской, Ишимской и Атасуской степях, Карагандинский узел составлял один из мощных комплексов культуры бронзы в Евразийской степи.

С точки зрения выяснения вопроса о генетической связи культуры бронзы со степным неолитом особое значение имеют материалы раскопок трехслойного поселения Караганда 15. В 1960 и 1961 гг. раскопки производились на площади около 140 кв. м, в 1962 и 1963 гг. она расширена до 1404 кв. м.

Верхний слой культуры эпохи бронзы занимает площадь около 1000 кв. м, мощностью до 30 см, ниже подстилает линза желтой супеси мощностью около 20 см. С глубины 0,4 м начинается гумусовый слой темно-серого суглинка, содержащий скопления кремневых орудий позднего неолита, в самом низу залегает слой раннего неолита мощностью около 30-40 см. Интересно отметить, что в верхнем дерновом слое обнаружен контур полуземлянки в виде корытообразной ямы площадью около 135 кв. м. В северо-восточной половине жи-

лица прослежены остатки очага, сложенного из песчаных плит. Вокруг очага обнаружено большое скопление костей животных, куски медных предметов и кремневые орудия, разбросанные по всей площади землянки и вокруг нее.

В квадрате I-IV обнаружены следы другого жилища, расположенного рядом с жилищем 1. Следы жилища 2 в виде корытообразного углубления со множеством ям от опорных столбов, расположенных в один ряд. Дно ям плотно закреплено галечником, который сохранился в своем первоначальном положении. Таким образом, установлен интересный факт о наслоении на одной стоянке культуры двух периодов – эпохи бронзы, перекрывающей культуру неолита. Этот факт значителен тем, что дает первое конкретное свидетельство генетической связи культуры бронзы с неолитом степного Казахстана. Характерно то обстоятельство, что между каменными орудиями, найденными в верхнем и нижнем слоях, много общего, что свидетельствует о генетическом родстве культуры бронзы с неолитом. Ясно видно, что андроновские племена Центрального Казахстана еще долго пользовались теми же кремневыми орудиями, которые были типичны для их неолитических предков (Маргулан А. Х., 1998, с. 46).

М. Н. Клапчук на основе своих наблюдений говорит о 4 культурных слоях. Однако, по характеру культурных отложений бесспорно определяются три слоя, из которых верхний – эпохи бронзы, средний – поздний неолит или энеолит, нижний – ранний неолит степного Казахстана. При этом нуклеусов, ножевидных пластинок, скребков, вкладышей в нижнем слое во много раз больше, чем в слое эпохи позднего неолита или бронзы. Кроме того, в нижнем слое встречены крупные каменные бусины, характерные для культуры неолита Центрального Казахстана.

В Карагандинских стоянках найдено три круглых скребка. Они известны и по другим районам. В. А. Городцов считает, что это не орудие бытового обихода, а предмет культа. Один экземпляр круглого скребка найден и в приаральских Каракумах. Из общего числа концевые скребки из пластинок составляют незначительную долю (55 экз.). «Встречаются две формы концевых скребков, достигающих в длину 4–6 см, при ширине 1–2,5 см; одни – из пластинок правильной формы, имеющих четкую симметрию, другие – неправильных очертаний, лишенных симметричного построения» (Маргулан А. Х., 1998, с. 47).

Удельный вес трапеций выше, чем режущего острия и проколка. На всех стоянках группы Караганда их собрано около 20 экземпляров. Если к ним добавить трапеции, найденные на стоянках Жезказгана, р. Сарысу, Бетпакалды и Северного Прибалхашья, то этот факт отрицает выводы А. А. Формозова об отсутствии трапеций на территории Казахстана. Более того, вопреки этому утверждению, самые интересные и уникальные образцы этого орудия найдены именно на этой территории. Среди находок каменное полированное орудие, назначение которого точно установить еще не удалось. Одни считают, что это выпрямитель, другие определяют как утюжки-гладилки. Возможно правы и те, и другие.

«Неолит – эпоха приручения диких животных, людям нужны были орудия для их укрощения. Арканы, хорошо запечатленные на скальных рисунках того времени, вили из волос и из сыромятной кожи. Люди были хорошо знакомы с обработкой шкур животных еще с эпохи палеолита. Готовые арканы и другие изделия из сыромятки они смягчали и выпрямляли при помощи этого полированного орудия. Гладилка из стоянки Караганда 15 имеет форму батона длиной 12 см, максимальная ширина 8 см» (Маргулан А. Х., 1998, с. 49).

Техникой полировки тщательно обработан еще ряд орудий, в том числе топоры и тесла из глинистого сланца, метательные шарики из мергеля или песчаника, а также украшения – каменные бусинки. Орудия охоты представлены целой серией наконечников стрел (31 экз.) и дротиков (21 экз.) из яшмы, опала и кварцита, они «очень привлекательны по форме и многообразию». Среди них есть короткие и широкие листовидной формы с глубокой выемкой в основании, короткие узкие миниатюрных размеров с выемкой с основания, ромбовидные с длинным черешком, листовидные с длинным черешком, листовидные с коротким черешком, треугольные с округлым основанием, длинные, узкие долотовидной формы с сечением овальной формы, узкие продолговатые с тупым концом и сечением овальной формы, некоторые наконечники в сечении имеют форму трапеции. Большинство наконечников стрел обработано двусторонней ретушью, есть и с односторонней. У некоторых наконечников, сделанных из пластинок, обработаны только бока (Маргулан А. Х., 1998, с. 49).

Зеленая балка 4 – одна из интересных стоянок в группе Караганда, расположена в 6 км к юго-востоку от новой Караганды, на территории пригородного совхоза «Победа», возле родника. Местность характеризуется болотистым ландшафтом и изобилием подземных вод. Зеленая балка исследована М. Н. Клапчуком в 1962 и 1963 гг. Здесь на выдувах ветровой эрозии выявлены четыре стоянки. Наибольший интерес представляет стоянка Зеленая балка 4, относящаяся к позднему неолиту, где произведены раскопки на площади 25 м², на глубине 0,3–0,65 м обнаружен культурный слой, насыщенный находками. (Маргулан А. Х., 1998, с. 50).

В 1960 г. М. Н. Клапчуком производились раскопки на стоянках Караганда 18 и Караганда 27, в каждом случае на площади 4 м². В стоянке 18 на глубине 0,2–0,4 м обнаружен культурный слой, где собрано 77 предметов, из них 2 нуклеуса, 31 ножевидная пластинка, скребки, скребла и отщепы. На стоянке Караганда 27 на глубине 0,40 м найдено 50 предметов с преобладанием ножевидных пластинок и скребел, реже встречаются наконечники стрел на пластинках. Обильный материал собран с обнажений стоянок Караганда 14 (свыше 1 000 предметов), Караганда 16 (свыше 500 предметов), Караганда 29, Караганда 41. Установлено, что для всех стоянок Караганды характерно присутствие каменных очагов с большим скоплением в них золы, угольков, а вокруг них скопление костей животных, камней и кремневых орудий.

Жезказганские стоянки эпохи неолита. Местность, где стоит Жезказган представляет холмистую степь с каменистой почвой, по которой протекают

многочисленные реки и протоки. Самые значительные из них рр. Кенгир, Кара-Кенгир, Сары-Кенгир, Жезды (Улкен-Жезды и Бала-Жезды), Жиланды.

Многолетними археологическими исследованиями установлено, что в Жезказгане представлен обширный культурный комплекс эпохи неолита в виде многочисленных стоянок и скоплений в них кремневых орудий. По сравнению с соседними районами неолитические стоянки Жезказгана более обширны. Жезказган был одним из крупнейших узлов развития степного неолита, на основе позднего неолита стал центральным очагом зарождения и сложения культуры бронзы в Центральном Казахстане (Маргулан А. Х., 1998, с. 51).

Для сложения и развития этих культур в районе Жезказгана были благоприятные условия, прежде всего богатая фауна. Здесь большими табунами паслись крупные млекопитающие – лоси (буланы), куланы, олени, сайгаки, джейраны, архары, елики и другие. Обитание этих животных в данном районе отражено в географических названиях. Так скопление животных степные жители отразили в следующих названиях: в 1120 км к западу от Жезказгана протекает река Буланта (Лосиная река), от слова булан – лось; в районе водораздела рр. Сарысу, Моинты и Нура расположены горы Бугулы (Оленьи горы), от слова бугу – олень; Аркарлы (Бараньи горы), Киикты (горы, где водятся антилопы), р. Кулан-отпес (кулан не пройдет). Многочисленные наскальные рисунки эпохи неолита свидетельствуют о том, что перечисленные животные большими стадами обитали на этой территории. Среди улутауских и жезказганских наскальных гравюр немало изображений диких лошадей, бизонов, туров, диких верблюдов, куланов, архаров, козлов, оленей и других диких животных, составлявших богатство охотничьей фауны. Кроме того, Улутауские и Жезказганские степи хранят огромное количество останков ископаемых животных, многие из которых исчезли не только в этих местах, но и с лица земли.

К благоприятным условиям описываемых мест необходимо отнести обилие кремня, кварцита и других горных пород, из которых делали охотничьи и другие орудия.

Огромная роль в жизни древних племен отводилась богатым пастбищам. Скотоводство, развивавшееся на протяжении многих веков, начиная от первой стадии одомашнивания диких животных до организации крупных общественных стад, возникло благодаря густой растительности в пойме рек. Необходимо к этому добавить изобилие рыбы в реках и пернатой фауны. Все это было определяющим фактором для существования в Жезказгане и в бассейнах рек Нура, Сарысу, Кенгир, Терсаккан, Блеуты, Буланта, у озер Тенгиз и Кургалджин многочисленных стоянок и поселений.

«Изучение многочисленных археологических материалов свидетельствует, что в V–IV тысячелетии до н. э. здесь развивалась однотипная микролитическая культура, отличавшаяся от кельтеминарской рядом своеобразных черт и имевшая широкое распространение по всему Центральному Казахстану до Тургайской степи. Своей кульминации эта культура достигла в позднем неолите».

лите и энеолите (IV-II тысячелетие до н.э.), т. е. накануне появления первого металла (меди)» (Маргулан А. Х., 1998, с. 53).

С появлением медных орудий микролиты не исчезают и еще долго соревнуются с бронзовыми орудиями.

В черте рудника Жезказгана обследованы многочисленные группы стоянок, несущих яркую микролитическую культуру, типичную для степного неолита. В комплексе этих стоянок часто встречаются погребения эпохи неолита. Об этом говорят неожиданные результаты, полученные при раскопках ряда курганов, исследованных в разных пунктах Жезказгана. Раскопками установлено, что это – самые древние погребения на территории Центрального Казахстана. Неолитические погребения Жезказгана группируются на отдельные комплексы и каждая группа курганов топографически связана с какой-нибудь определенной группой стоянок.

Небольшая группа погребений эпохи неолита, состоящая из четырех каменных насыпей, обнаружена в 1946 г. сотрудниками геологического отдела Жезказганского медкомбината. Они расположены на высокой террасе горы Шом, на площади неолитических стоянок Жезказган V, два кургана в северо-западной и восточной части рудного участка Покровский, вблизи стоянок 50, 44 и 45 (курганы 13, 20а) и два кургана ближе к подножию террасы, вблизи стоянок 69 и 60, на участке Петрохолм. Одновременные им курганы встречены на участках Кресто-Север (Жезказган VII) и Кресто-Центр, вблизи группы стоянок 86, 118. Подобные курганы с каменной насыпью выявлены на восточных холмах рудника Жезказган в юго-западной части рудного отвода Анненский (группа стоянок 96, 111, курганы 98а), в юго-западной части границы Милькудук возле стоянки 67 (группа курганов 95); группа погребений (136) синхронного типа, сложенная из цветного кварцита, обнаружена на кварцитово-горной горе, вблизи древней каменоломни 135; группа с каменным покровом находится на сопках южнее железнодорожного моста возле стоянок 37 и 88. Характерную черту этих курганов составляет то, что все они сложены из каменных плит размером не менее 1,0×0,6 м³.

Таким образом, в окрестностях рудника Жезказган выявлено до 8 групп погребений людей эпохи неолита, главную особенность которых составляет их внешний вид. Они сложены очень аккуратно из тонких сланцевых плит в виде курганных насыпей диаметром 5-7 м, высотой от 0,5 до 0,8 м. Каменные покровы всех курганов однотипны, все покрыты толстым слоем лишайника. Во всех раскопанных курганах погребальной ямы как таковой в традиционном понимании нет, костяк лежит в чуть выдолбленной корытообразной яме глубиной не более 15-20 см. В могилах сопровождающего инвентаря типа афанасьевского нет. Своеобразна форма погребального сооружения, которая сведена к ограждению пространства, где лежат останки покойника. К характерным особенностям погребального обряда относится и то, что в качестве ритуальных предметов в могилу положены некоторые каменные орудия и куски окисленной медной руды (малахит, азурит, халькопирит). Эти минералы, позднее ставшие

ключом к открытию секрета плавки руды, в более раннее время для древних жителей имели только магическое значение (Маргулан А. Х., 1998, с. 53).

В 1946 г. на горе Шом была начата открытая разработка медной руды, которая охватывала весь западный и северо-западный район участка Петрохолма и Покровского, что угрожало уничтожением всего археологического комплекса Жезказган V, состоявшего из полутора десятка стоянок и четырех курганов. Из них курганы 1 и 2 были расположены на нижней террасе горы Шом, вблизи стоянок 69, 60, 75 и 73, курганы 13 и 20 севернее и северо-восточнее от них, вблизи стоянки 50 и недалеко от стоянок 44, 45. Все курганы имели каменные наброски из крупных обломков медистого песчаника или сланца. Курган 1 был исследован Н. В. Валукинским, 2 – ЦКАЭ – руководимой А. Х. Маргуланом, при участии археологов Г. И. Пацевича, Н. В. Валукинского и художника Ш. Кутходжина.

В выявлении неолитических и энеолитических стоянок Жезказгана огромная заслуга неумолимого ученого Н. В. Валукинского. Поисками древностей Жезказгана он занимался пять лет (1945-1949), ему удалось исходить все уголки этого района, обследовать большое число стоянок и поселений, собрать десятки тысяч древних предметов, среди которых имеются уникальные. Все стоянки Жезказгана открыты в обнажениях древних террас, горных ущелий, в долинах и более всего на выдувах ветровой эрозии и в местах дефляции.

Основная масса выявленных стоянок сосредоточена вокруг рудных участков, в равнине между рр. Жезды, Жиланды и Кенгир, на рудных участках Милькудук, Кресто, Петрохолм, Раймунд, Карпиенский, Никольский, Анненский, Акши, Айнаколь, Златоуст, Беловский.

Неолитические стоянки Жезказгана предстают в виде обнаженных площадок, часто лишенных дернового покрова, нередко в виде плотных глинистых участков с редкой растительностью. Верхняя часть некоторых стоянок смыта потоками весенних вод, отчего обнажаются выходы культурного слоя в виде узкой линзы. В таких случаях повторные обследования обещают новые обильные находки без раскопок.

Стоянки Жезказгана относятся к разным хронологическим периодам. Наиболее древние относятся к раннему неолиту, а большая часть стоянок отражает культуру эпохи энеолита и бронзы. Поселения Милькудук, Златоуст, Айнаколь, Соркудук имеют два, иногда три культурных слоя, верхний из них относится к раннему и позднему средневековью.

Исследованиями установлены три ландшафтных типа стоянок. К первому относятся все неолитические стоянки Жезказгана. Их характерную черту составляет расположение на склонах холмов, террасах или у подножия мелкопочников (стоянки А, 23, 44, 45, 50, 62, 69, 73, 82, 103, 118, 127). Культурные слои большинства стоянок содержат лишь кремневый инвентарь. Несомненно, что все террасовые стоянки относятся к более раннему периоду.

Вторая группа стоянок наиболее многочисленная, их всего обнаружено около 30. Они расположены у подножия холмов и большей частью в неболь-

ших котловинах, у водных источников. Для этой группы характерны тонкие кремневые орудия, изготовленные очень тщательно, с большим умением. К ним относятся кремневые наконечники стрел и кремневые наконечники копий. В культурных слоях второй группы стоянок встречаются обломки керамики, мелкие кусочки малахита, цветные кремнистые сланцы и кости животных. В своих главных чертах стоянки второй группы характеризуют культуру позднего неолита или переходного этапа от неолита к бронзе (энеолит) (Маргулан А. Х., 1998, с. 57).

Третья группа стоянок самая многочисленная. Стоянки этой группы расположены в речных долинах, вдоль протоков, у источников воды. История первоначального возникновения этой группы стоянок связана с богатыми месторождениями медной руды, добычей и выплавкой из этой руды металла. Характерную особенность этой группы стоянок составляют следы древних горных работ в виде отвалов, выработок, разносов и сплесков обогащенной медной руды, остатки жилищ древних металлургов и скотоводов в виде полуземлянок, остатки плотин, водоемов, колодцев.

«Неолитические стоянки Жезказгана расположены группами от 3 до 12 на небольшом расстоянии друг от друга. Групповое расположение стоянок связано с древним родовым бытом, ибо каждая такая группа стоянок представляет собой объединение в одном месте членов одной родовой группы или фратрии, входящей в более крупное объединение – союз племен, сложившийся в период позднего неолита и ранней бронзы. Основу группового расположения стоянок древнего Жезказгана составлял общий труд, когда охотиться группой было гораздо легче, чем в одиночку. Стоянки Жезказгана отражают жизнь неолитических охотников и скотоводов, живших отдельными родовыми группами, но объединенных общим трудом и уже составлявших патриархально-родовые общины с господствующей ролью мужчины и разделением труда» (Маргулан А. Х., 1998, с. 59).

В районе Жезказгана выявлено 16 групп стоянок: Милыкудук (Жезказган IX), Кресто-Север (Жезказган VII), Кресто-Центр (Жезказган VIII), Петрохолм-Покровский (Жезказган V), Раймунд Западный или «Златоуст Южный» (Жезказган VI), Анненский (Жезказган XIV, XIII), Никольский (Жезказган XV), Айнаколь (Жезказган XIII), Акши (Жезказган IV), Спасский (Жезказган III), Соркудук (Жезказган I), Златоуст-Белов (Жезказган X), Коскудук (Жезказган XI), стоянки «Цветные горы» (Жезказган XII), Раймунд Восточный (Жезказган XVI) 137. Недалеко от них расположены стоянки Кипшакпай, Кулман, Кенгир I, II, III.

А. Х. Маргулан далее ссылается на отчеты и дневники Н. В. Валукинского, которые тот вел в 1945-1949 гг., до разрушения памятников, и делает вывод о том, что многие стоянки Жезказгана носят ярко выраженный неолитический облик. Их культуру характеризуют огромные скопления кремневого инвентаря, следы наземного жилища с очагами, кости животных. Одну из главных особенностей неолитических стоянок Жезказгана составляет господство

кремневых орудий и полное отсутствие керамики. Из этого можно заключить, что значительная группа стоянок Жезказгана относится еще к докерамическому неолиту. Мелкие фрагменты лепной керамики встречаются только в стоянках позднего неолита. В связи с этим Н. В. Валукинский допускал мысль, что в этих стоянках основная масса посуды состояла из шкур животных и не дошла до нас. Культуру неолитических стоянок Жезказгана характеризует не керамика, а большое скопление кремневых изделий.

Из неолитических стоянок Жезказгана наиболее крупные группы Кресто XII и Кресто VIII. Они впервые обследованы в 1917 г. Пазухиным и в 1945-1949 гг. Н. В. Валукиным. В них при проведении земляных работ обнаружено огромное скопление кремневых изделий, сборы которых составляют десятки килограммов. Количество кремневых материалов было так велико, что Н. В. Валукинский отобрал лишь самые существенные, остальные закопал на месте.

Группа стоянок Кресто – одна из наиболее ярких и ценных. Здесь две подгруппы: Кресто-Север (Жезказган VII), состоящий из стоянок 19, 21, 22, 23, 37, 50, 72 и Кресто-Центр (Жезказган VIII), включающий стоянки 1, 118, 127, 132. В двух подгруппах 15 стоянок. Все они выявлены в обнажениях верхней террасы межгорного ущелья на высоте 440 м над уровнем моря. Более древняя Кресто-Север (стоянки 19, 21, 22, 23), группа Кресто-Центр более поздняя, относится к эпохе энеолита и ранней бронзы.

Из ранних стоянок Кресто-Север наибольший интерес представляет стоянка 23, исследованная в 1946-1948 гг. Она расположена в узком горном проходе, на восточном берегу большого протока, идущего через весь Жезказган. Определить контур стоянки не трудно, она сильно обнажена ветровой эрозией, весной по ней проходит проток. В обрыве яра виден культурный слой в виде узкой линии. Площадь стоянки с культурным слоем вытянута с юго-запада на северо-восток ее размер 300 м² (12×25). В юго-восточной половине стоянки прослежен слабый контур древнего жилища с очагом в центре. Очаг, сложенный из плит песчаника в виде круга диаметром 1 м, сохранился хорошо (Маргулан А. Х., 1998, с. 59).

Стоянка 36 выделяется из группы Жезказган VII обилием находок. Она была обнаружена в 1949 г. рабочими, строившими дорогу. В настоящее время по ней проходит большой тракт. На глубине 1,3 м они обнаружили яму-гнездо с большим обилием кремневых изделий. Работы были приостановлены. В результате обследования установлена неолитическая стоянка, существовавшая длительное время. Собрано до 500 предметов, в том числе и кости животных. Из орудий – ножевидные пластинки (30 экз.), скребки разных форм (16), массивные скребла с тонкой ретушью (4), нуклеусы (2), резцы (3), наконечники копья с хорошей ретушью, наконечники стрел из желтого кремня (4), один из которых обработан тонкой чешуйчатой ретушью, полированное тесло, терка, рубило, ручные топоры, мотыги, остальные представлены в виде заготовок.

Стоянка 21 из группы Жезказган VII, обследована в 1946-1948 гг. Расположена рядом со стоянкой № 23, к западу от рудного участка Карпиенского, недалеко от шахты 42. Стоянка обнаружена на выдувах ветровой эрозии, ее поверхность смыта потоками весенних вод, и в образовавшемся обрыве видны выходы культурного слоя. Совершенно сходные по типу и количеству находки в стоянках 37, 50, 72, относящихся к этой группе.

Стоянка Б из группы Жезказган VII относится к наиболее раннему периоду неолита, расположена к востоку от рудного отвода Кресто-Север и западнее участка Карпиенского. (Маргулан, 1998, с. 60).

В подгруппе Карпиенского всего пять стоянок (Б, 37, 50, 71, 72), из них самая древняя и самая богатая по находкам – это стоянка Б. Контур стоянки хорошо виден по культурному слою, который вытянут с север-северо-запада на юг-юго-восток, и занимает площадь размером 1 000 м² (25×40 м).

В культурном слое и на поверхности стоянки Б собрано 905 кремневых изделий, из них 120 – готовые орудия, остальные заготовки (нуклеусы, пластины, отщепы) и масса сколов и чешуек. К категории ценных находок можно отнести небольшой венчик лепного сосуда с гребенчатым орнаментом. В качестве ритуальных предметов в стоянке Б встречены куски амфибола и малахита, имевшие магическое значение.

Со всех стоянок группы Жезказган VII, отчасти VIII собрано нуклеусов – 42, ножевидных пластинок – 95, скребков из отщепов – 196, из пластинок – 18, наконечников стрел – 12, наконечников копий – 18, скребел – 13, рубил – 6, проколов – 3, сверл – 2, обломков крупных орудий, ручных топоров, мотыг, ножей, рубящих орудий и т.д. В комплексе встречены кости животных, окисленная медная руда, цветные камни (опал, кварцит, халцедон), множество отщепов – всего около 2 000 предметов.

Яркий неолитический облик имеет стоянка «А» (Жезказган X), исследованная Н. В. Валукинским в 1948 г. Она расположена несколько обособленно в долине большого горного протока, в 3 км к югу от Жезказгана. Поверхность стоянки «А» слабо задернована, ее площадь равняется 600 м² (20×30 м). В северной половине площадки, обращенной к правому берегу протока, обнаружены две смежные ямы. Большой неожиданностью было обильное скопление нуклеусов и отщепов в первой яме, во второй – скопление кремневых орудий. Подобные ямы В. В. Федоров квалифицировал как «кремневые склады» (Маргулан А. Х., 1998, с. 63).

Вне стоянки у протока были обнаружены остатки древней мастерской, со скоплением отходов производства, чешуек, сколов, кварцевых валунов, нередко с корками загара. В куче встречено пять крупных валунов кремнистого сланца, куски малахита, кости животных. Обращает на себя внимание расположение мастерской вне стоянки, около воды. Для древнего мастера вода имела важное значение. Ему нужно было перед оббивкой камень погружать в воду или держать его в сыром грунте, чтобы кремль или кварцит стал более доступным для обработки.

Со всех участков стоянки и мастерской собрано около 600 кремневых предметов, в их числе 88 готовых орудий, 75 заготовок для орудий и 433 отхода производства.

Нуклеусы и отщепы находились в первой яме. Особо отличаются 12 массивных нуклеусов конусовидного и призматического типа. Из них 4 из разноцветных кварцитов, 8 из желтого кремня, происходящих из южных пределов Жезказгана, примыкающих к пустыне Бетпадала. Горных орудий, характерных для эпохи бронзы, на этих стоянках не обнаружено. Встречены лишь образцы малахита и азурита, имевшие только ритуальное значение. (Маргулан А. Х., 1998, с. 64).

Жезказган IV (группа стоянок Акши). Большая серия неолитических стоянок была открыта в 1948 г. гидрогеологом С. П. Калугиным при проведении разведочных шурфов и траншей в районе низовьев р. Жезды. Топографическая работа проведена им вместе с Н. В. Валукинским в обширной долине р. Акши, являющейся левым весенним притоком р. Жезды. Группа расположена в 9 км к юго-западу от рудника Жезказган и в 1948-1949 гг. обследована Н. В. Валукинским. В группе насчитываются около 15 стоянок (61, 31, 53, 54, 55, 3, 81, 83, 84, 56, 57, 58, 52, 105) и все расположены вдоль речки с юга на север, на небольшом расстоянии друг от друга. Из этой серии лучше сохранилась стоянка 56. Она расположена в замкнутой котловине, окруженной со всех сторон небольшими холмами. В западной и северо-западной стороне стоянки на протоке сохранились остатки двух мощных плотин, относящихся к более позднему времени. Одна плотина даже превращена в мост на дороге идущей к Бетпадале.

Площадка стоянок обнажена ветровой эрозией и очень бедна растительным покровом, тогда как вокруг в долине обильный травостой. С северо-востока на юго-запад площадь стоянки прорезана речкой с крутыми берегами и в яре хорошо видны обнажения культурного слоя в виде узкой линзы. Эти обнажения привлекли внимание разведчиков и служили хорошим ориентиром для открытия других стоянок.

Площадка стоянки по контуру культурных залегающих 2 000 м² (40×50 м). Большая масса орудий встречена в южной и юго-западной половине стоянок, здесь же мелкие фрагменты керамики, кости животных (23), образцы окисленной медной руды, имеющие еще случайный характер. За чертой стоянки в ее западной части, встречено большое скопление отходов производства (сколы, чешуйки, валуны желтого и серого кварцита), свидетельствующие о том, что изготовление и обработка кремневых орудий происходили вне жилища (Маргулан А. Х., 1998, с. 65).

Жезказган V. Значительное количество кварцевых орудий собрано также на стоянках 31, 83, 84, среди которых нуклеусы, гладилка (стоянка 31), а также окисленная медная руда, борит и шлак.

Со всех стоянок группы Жезказган IV (Акши) собрано отщепов – 1825, кремневых орудий – 230, из них нуклеусов 12, ножевидных пластинок – 11,

скребков концевых – 30, округлых – 66, наконечников стрел – 8, наконечников копий – 7, скребел – 14, резцов – 5, проколов – 3, сверл – 6, остроконечных рубящих орудий – 17, рубило – 1, ножей – 3, полированных орудий, тесел – 3, топор типа пик – 3, долото – 2, гладилка – 1, орудия грубой формы – 9, орудие с боковой выемкой – 1, образцов цветных камней – 4, образцов окисленной медной руды – 5, третичной опоки – 2, костей животных – 42 и т.д.

Из неолитических памятников Жезказгана своим архаическим обликом выделяется группа Жезказган V или Петрохолм. В группе всего до полутора десятка стоянок (43, 44, 45, 50, 60, 64, 69, 73, 75, 103, 124, 125, 126), все вместе занимают общую площадь в 6100 м². Группа расположена в северо-западной окрестности рудника Жезказган, на террасах невысокой горы Шом, выявлена в обнажениях ветровой эрозии и обследована в 1947-1948 гг. Н. В. Валукинским.

Со всех стоянок группы Жезказган V (Петрохолм и Покровский) собрано 650 предметов, из них нуклеусов – 2, ножевидных пластинок – 5, скребков – 29, наконечников стрел – 16, кремневых наконечников копий – 11, проколов – 3, резцов – 4, скребел – 3, остроконечников – 3, тесел – 1, отщепов – 584, керамики – 4, обломков окисленной медной руды – 6, костей животных – 12, отбойников – 2. Кроме всего этого, на дне очага в стоянке 44 встречены мелкие медные шарики, свидетельствующие о начале выплавки медной руды (Маргулан А. Х., 1998, с. 66).

Характерную особенность группы стоянок Петрохолм (Жезказган V) составляет то, что кремневых орудий сравнительно мало, здесь наблюдается скопление сколов, чешуек, обломков орудий. По-видимому, здесь была мастерская по изготовлению кремневых орудий. Другую особенность этой группы стоянок характеризует то, что в ней прослеживаются первые попытки добычи руды, использование ее для хозяйственных целей. Об этом свидетельствуют мелкие ямы – подбои, расположенные рядом со стоянками.

Эти первые карьеры по добыче руды, из которых извлечены куски окисленной медной руды, представляют собой небольшие ямы, диаметром до 1 м и высотой не более в 0,7-0,8 м. Таких ям – подбоев обнаружено 5, и все они расположены на вершине горы Шом, возле стоянок. Отдельные куски медной руды встречены на стоянках. Анализ руды показал, что содержание меди в ней не велико. Окисленная руда с высоким содержанием меди и самородная медь находились внизу в районе Кресто, Златоуста, Никольского. Вполне вероятно, что первоначально эти ямы представляли собой просто каменоломни, откуда добывались плиты для очагов. Очаги, обложенные плитами из окисленной медной руды, встречены неоднократно. Эти плиты при высокой температуре расплавились и давали отеки, что было великим открытием. Следы первой плавки медной руды обнаружены в культурном слое стоянки 44, в виде медного порошка.

Жезказган XV. Обширная и обильная находками группа стоянок. Расположена в 3 км к северо-востоку от рудника Жезказган на участке между рудными отводами Раймунд IV и Никольским, по северной дороге, идущей от рудника

Жезказган в Кенгир. В группе 12 стоянок (9, 11, 12, 16, 60, 75, 76, 77, 78, 80, 82, 144). Все они обнаружены на выдувах ветровой эрозии, обследованы Н. В. Валукинским в 1946-1948 гг. Стоянки расположены по меридиану вдоль основного протока, идущего с севера на юг и через 15-18 км впадающего в р. Жезды.

В долине наблюдается большое скопление памятников разных времен. Среди них есть очень ранние, относящиеся к неолиту и эпохе бронзы, и очень поздние (средневековые). К поздним памятникам относятся две цепочки курганов, фрагменты гончарных сосудов позднего средневековья, изготовленных на круге, около древних выработок и отвалов. Рядом со стоянками эпохи неолита находятся памятники энеолита и эпохи бронзы, выступающие на поверхности земли в виде остатков жилищ, водоемов, плотин и мест разработки медной руды. Общая площадь территории, занимаемой всей группой, около 3600 м². (Маргулан А. Х., 1998, с. 67).

Подытоживая результаты обследования группы стоянок Жезказган XV (Раймунд-Никольский), можно сказать, что это – одна из самых интересных неолитических стоянок Жезказгана, материалы которой хорошо отражают историю последовательного перехода от неолита к бронзе. Со всех стоянок этой группы собрано свыше 2000 предметов, из них 230 орудий, 1825 отщепов, 42 кости животных, 10 мелких фрагментов лепной керамики, характерной для эпохи неолита, 4 образца цветных камней и два отбойника, свидетельствующие о появлении интереса к добыче руды. Среди орудий преобладают скребки (100), из них 24 концевых, и один выемчатый. Много нуклеусов (66), медных ножевидных пластин (16), наконечников стрел – 15, наконечников копий – 20. Хорошо представлены орудия для обработки кожи и сухожилия, гладилки – 2, резцы (5), скребла (18), рубящие орудия (17), проколки (6), сверла (6), орудия для обработки дерева и кости (тесло, долото, ножи и др.). Весь комплекс отражает быт и культуру неолитических охотников одного времени.

Жезказган VI. Расположен в северной части рудника Жезказган, недалеко от центра, между участками Златоуст-Южный Раймунд-Западный, у истока основного протока, идущего с севера на юг, в долине. С севера долина защищена невысокими холмами, на западе холмистая степь с шахтами 15 и 41. Стоянки обнаружены во время земляных работ и обследованы в 1948–1949 гг. В группе пять стоянок (46, 47, 48, 49 и 63). Все относятся к эпохе позднего неолита.

Стоянки растянуты по меридиану вдоль долины на протяжении 2 км. Интервалы между отдельными стоянками максимум 400 м, минимум 240 м. Северную границу площадки замыкает стоянка 49, южную – 63. Судя по характеру кремневых изделий все пять стоянок одновременные, лучше сохранились стоянки 49 и 48, давшие обильный материал, особенно после проливных дождей в июле 1949 г.

Общие результаты исследования всей группы стоянок Жезказган VI сводятся к следующему: собрано 440 предметов, из них орудий – 52, оружия – 9, нуклеусы и полуфабрикаты – 27, отщепы – 324, фрагменты глиняных сосу-

дов – 14, костей животных – 6, образцов окисленной медной руды – 10. Среди орудий преобладают скребки разных типов (15), остроконечники или рубящие орудия (14), ножевидные пластинки (3), орудия грубой формы с крупной ретушью (8), ручной топор, скребла (2), и другие. Орудия охоты представлены кремневыми наконечниками стрел очень тонкой обработки (4), один из них с выемкой в основании, наконечники копий с тонкой ретушью (3). В составе находок имеются новые типы орудий и предметов. Это отбойники для раскалывания руды и пород, образцы окисленной медной руды в количестве 10 обломков. Наличие этих предметов свидетельствует о том, что в позднем неолите люди уже были знакомы с жезказганской медной рудой. Группа стоянок Жезказган VI по культуре относится к переходному этапу от неолита к медному веку и дает интересный материал для освещения истории неолитической культуры и зарождения металлургии меди в Центральном Казахстане. (Маргулан А. Х., 1998, с. 73).

Жезказган IX (неолитические стоянки Милыкудук) расположен в обширном логе в южной окрестности Жезказгана, в 1,5-2 км от центра города. Здесь сохранились три группы памятников: эпохи неолита, эпохи бронзы и эпохи средневековья. Большая часть неолитических стоянок расположена обособленно в стороне от поселения Милыкудук, в 200 м к западу и юго-западу от основного массива памятников поздней эпохи. Последние отделяет речка, протекающая с севера на юг. Большая часть памятников неолита находится на правой стороне речки, поселение Милыкудук на левом ее берегу.

Основная масса неолитических стоянок обнаружена на солонцах правого берега. В группе всего 11 стоянок (4, 5, 38, 39, 40, 41, 66, 67, 70, 121, 129), из них три (5, 70, 129), обнаружены в нижнем слое поселения Милыкудук. Нижний культурный слой имел форму узкой линзы, содержащей следы деятельности неолитического человека в виде орудий из кварцита, кремня, отщепов, костей животных и фрагментов лепной керамики. Нижний слой отделен от верхних наносным подстилающим грунтом толщиной до 10 см. По сравнению с верхними он беден находками, встречены только кремневые изделия, кости крупных и мелких животных. В одном месте (стоянка 5) следы очага с зольным слоем длиной в 2 м, с остатками кустарникового топлива и мелких кусочков шлака (энеолит). (Маргулан А. Х., 1998, с. 74).

Жезказган XIII (группа стоянок Айнаколь). В группе всего три стоянки (35, 51, 81) по культуре все одновременны и относятся к эпохе позднего неолита и энеолиту. Группа расположена в 5 км на восток от рудника Жезказган I и в 1 км от рудного участка Никольский в котловине, окруженной плоскими холмами. Открыта в 1945 г. главным геологом Жезказгана А. В. Кузнецовым, проводившим широкое обследование и поиски древних мест плавки медной руды в окрестностях Жезказгана. Главным поисковым ориентиром для Кузнецова были древние выработки, отвалы и сплески, свидетельствовавшие о наличии переработки руды. А. В. Кузнецов был обоснованно уверен, что в районе Никольского должно быть и место плавки руды. Поиски дали положительные

результаты, было открыто место древней плавки медной руды с большим скоплением производственного мусора, в том числе шлаков, обломков тиглей и орудий труда. В 1946-1948 гг. Айнаколь обследован Н. В. Валукинским. Было заложено несколько шурфов, в результате выяснилось, что Айнаколь – это поселение древних металлургов, где сохранились следы двух культур: более ранней, нижний слой котловины, соответствующий эпохе бронзы, и поздней, относящейся к средневековью, следы которой сохранились на значительно большей площади, перекрывающей древний пласт. Культура средневековья хорошо датируется керамикой на гончарном круге.

Рядом с поселением древних металлургов в обнажениях ветровой эрозии открыты еще две стоянки (31, 51) эпохи неолита, насыщенные кремневым инвентарем. Третья (81) стоянка обнаружена в западной черте поселения. Контур стоянки 31 имеет подковообразную форму размером 100×120 м общей площадью 1200 м². О длительном существовании ее свидетельствует огромное скопление кремневых изделий, состоящих из нескольких тысяч каменных предметов. Н. В. Валукинский отобрал только целые орудия из кварцита и наиболее ценные предметы, остальные закопал на месте из-за отсутствия помещения для хранения (Маргулан А. Х., 1998, с. 75).

В культурном слое обнажений собрано 1224 заинвентаризованных каменных предмета, в том числе 254 орудия, 22 нуклеуса, 180 обломков орудий, 540 отщепов, 800 отходов производства, 45 кристаллов, значительное количество костей крупных и мелких животных, фрагменты лепных сосудов (14). Основная масса находок состоит из орудий бытового обихода, из них наиболее многочисленные скребки (38), в том числе округлые на отщепах (32), концевые на пластинках (6), концевые двойные (2), скребки-резчики с ретушью с брюшка, образующей боковую выемку в основании орудия (2), нуклеусы трех типов – дисковидные, призматические с негативами пластинок, конусовидные. Широко представлены орудия для обработки кожи и костей животных. К ним относятся проколки (10), резцы (9), сверла (2), скребла (20), рубящие орудия (26), а также ручные топоры, клиновидные орудия и др. Среди находок много кристаллов, цветных горных пород (41), в том числе образцов цветного мергеля. Значительное присутствие этих минералов и образцов окисленной медной руды на неолитических стоянках Жезказгана говорит о появлении интереса у древних людей к горным породам, знакомство с которыми (особенно окисленной медной рудой) привело человека к тому, что он научился выплавлять из нее металл.

Жезказган I (группа неолитических стоянок Таскудук и Соркудук), расположен в 15 км к северу от рудника Жезказган I в долине протока. Впервые обследован сотрудниками геологического отдела Жезказганского мелькомбината в 1945 г. и археологом Н. В. Валукинским в 1946–1948 гг. Снят топографический план стоянок Соркудук и Таскудук, проведены траншеи и раскопки. Выявлены остатки культуры разных времен, охватывающие неолит, энеолит, эпоху бронзы, раннее и позднее средневековье. Характер наслоения культур

сходен с поселениями Милыкудук и Айнаколь. Поселение двуслойное. По словам Н.В. Валукинского «В нижнем слое имеются достаточно ясные следы древнего пребывания человека, оставившего орудия из кварцита, кремня и других крепких пород».

Неолитические стоянки выявлены на выдувах ветровой дефляции, всего пять. Из них две (Таскудук 18 и 74) обнаружены в узком ущелье, окруженном невысокими холмами, две (Соркудук 29 и 30) в 1,5 км ниже Таскудука, на левом берегу протока и одна (Соркудук 7) на правом берегу выше поселения эпохи бронзы. На стоянке 18 прослежены остатки кострища в виде зольного пятна диаметром 1,5 м, толщиной 15-20 см. На стоянках собрано большое количество кремневых изделий. Среди них наконечники стрел из кремня, проколки, резцы, пилки, отбойники и др., а также кости животных, обломки лепных сосудов, множество кристаллов – опал, халцедон, яшма, кварц и др.

Со всех групп неолитических стоянок Жезказгана собрано и внесено в инвентарную запись множество орудий труда: ножевидные пластинки (до 200), массивные скребки из отщепов (550), скребки концевые (100), кремневые наконечники стрел (72), среди них имеются экземпляры из черного хрусталя, роговика, халцедона, опала, опоки; кремневые наконечники копий (90), дротики (около 30), проколки (34), скобели или орудия с боковой выемкой (до 25), сверла (18), резцы (36), скребла (80), «утюжки» – гладилки (4) и т.д. Очень широко представлены орудия для обработки дерева, кости и камня, обломки минералов, из которых изготавливались мелкие орудия и наконечники (горный хрусталь, цветной мергель, яшма, кварц, амфибола, халцедон, роговик). Собрано много образцов окисленной медной руды, костей животных, обломков лепных сосудов без орнамента (около 40). Перечисленные предметы характеризуют быт, хозяйство и культуру неолитических племен Центрального Казахстана, при переходе от первобытной охоты и собирательства к пастушескому скотоводству. Из материалов Жезказгана, Караганды и других районов Центрального Казахстана видно, что неолитические племена этого района имели уже вполне сложившуюся устойчивую форму каменных орудий. Для позднего неолита характерны миниатюрные орудия (микролиты), предназначенные для охоты. С бытовым обиходом, рыболовством, мотыжным земледелием и позднее скотоводством связано изготовление крупных орудий типа грузил, мотыг, топориков, тесел, долот, которыми человек обрабатывал дерево, кости и камень, изготавливал деревянную посуду, не дошедшую до нас, обрабатывал бревна для постройки жилища. (Маргулан А. Х., 1998, с. 76).

Интересная серия неолитических памятников обнаружена в бассейне р. Блеуты, в долине ее правого притока Дюсембай, расположенной в 80 км к юго-западу от Жезказгана и в 50 км к западу и северо-западу от изгиба р. Сарысу (Каражар). В этом районе у аула Тиек-Бас Ю.А. Орловым собрана коллекция кремневого инвентаря.

В 1963 г. здесь на участках интенсивной дефляции М.И. Клапчуком было выявлено пять неолитических стоянок – Дюсембай I, II, III, IV, V.

Из памятников неолита весьма интересна стоянка Нурман, открытая Ленинградским геологом В.Ф. Петрунь в 1952 г., в 22 км к северу от пос. Байконур, в верховьях р. Жидели у истока р. Буланты (Байконур). В **Улутауской степи** им открыты еще две неолитические стоянки, расположенные на территории совхоза им. Амангельды, Жезказганского района. Это стоянки Тамды I и Тамды II, расположенные в нижнем течении одноименной реки, в 8 км выше ее впадения в р. Сары-Тургай. Более древняя стоянка Тамды I находится на водоразделе в 1,5 км от стоянки Тамды II. Все сборы В.Ф. Петрунь со стоянок Нурман, Тамды I, II хранятся в МАЭ. (Маргулан А. Х., 1998, с. 78-79).

По материалам археологических исследований ясно, что из всех неолитических стоянок Центрального Казахстана наиболее мощными являются стоянки Жезказгана, Караганды и бассейна р. Сарысу. Крупные очаги неолитической культуры установлены и в районе Северного Прибалхашья, в Каркаралинских и Баянаульских степях.

На стоянках Жезказгана собрана целая коллекция наконечников стрел и дротиков, изготовленных из разных твердых пород (яшмы, опала, роговика, халцедона, древнего кварцита и даже кварца и горного хрусталя), использовавшихся при охоте на млекопитающих. Охотники, следуя за дикими животными в огромном количестве рассыпали их по всей степи от Жезказгана до р. Чу. И не случайно, что в долине р. Сарысу и в пустыне Бетпақдала можно встретить точно такие же стрелы, как в Жезказгане и Караганде.

На ранних стоянках Жезказгана крайне редко встречаются микролитические орудия типа вкладышей, трапеций, мелких резцов. Для миниатюрных орудий твердые породы (кремь, яшма, халцедон, роговик и др.) добывались в Бетпақдале, находящейся в 150 км к юго-востоку от Жезказгана. Орудия из тонких ножевидных пластинок сопровождаемые керамикой, появляются несколько позднее, они больше характерны для позднего неолита и ранней бронзы Центрального Казахстана.

В неолитических стоянках Жезказгана единственным доказательством существования жилищ являются каменные очаги, вокруг которых нередко скопления кремневых изделий, костей животных. Вполне вероятно, что древние обитатели Жезказгана устраивали себе жилища типа чум, от которых не сохранилось сколько-нибудь заметных следов, кроме очагов. (Маргулан А. Х., 1998, с. 80).

Потребуется еще немалые усилия, чтобы локализовать и продатировать перечисленные А. Х. Маргуланом стоянки и местонахождения, дать им современную интерпретацию.

Первые артефакты каменного века были найдены в Северном Прибалхашье в 1959 г. геологом Г.М. Козловским. Это побудило Институт истории, археологии и этнографии в 1960 г. командировать аспиранта А.Г. Медоева в этот район для специальных исследований. С этого момента начинаются исследования каменного века А.Г. Медоевым. Им открыты крупные комплексные (разновременные) палеолитические стоянки и стоянки-мастерские в Се-

верном Прибалхашье: Семизбугу (11 пунктов), Туранга, Кызыл-Кайнар и др., Чингиз, Кудайколь и Карасор в Павлодарском Прииртышье и др. Эти памятники будут далее рассмотрены более подробно.

На 1960-е годы приходится активная деятельность М. Н. Клапчука по исследованию каменного века Центрального Казахстана в археологическом и палеоклиматическом аспектах. Широко известны открытые им палеолитические памятники Музбель 1 и 2, Обалысан 1-2, Жаман-Айбат 3-4, Батпак (несколько точек), Ангрensor и др.

В. С. Волошин продолжил изучение этих памятников и открыл новые – Вишневка, Баршин 3, Айдагарлы и др.

На местонахождении Тюемайнак 1 собрано около 2000 порфириновых изделий, в том числе листовидные наконечники и рубило. В. С. Волошин отметил различия в состоянии поверхностей находок, на основании чего выделил 3 хронологических серии артефактов, определенных типологически как раннее и позднее мустье, верхний палеолит (Волошин В. С., 1971, 1990).

Несколько тысяч артефактов насчитывается и в коллекции, собранной на местонахождениях Ак-Кошкар (в первых публикациях – Окушкар) 1, 6 и 8, находящихся южнее оз. Тенгиз, на водоразделе рек Кыпшак и Керей (Волошин В. С., 1976, 1977, 1978, 1980, 1981). Здесь, помимо нуклеусов и сколов, встречены крупнобифасы, остроконечники и зубчатор-выемчатые изделия из кварцитового песчаника, реже из порфирита. Материал, видимо, разновременный, для древнейшего комплекса (Ак-Кошкар 1 и 6) В. С. Волошин предполагает нижнепалеолитический возраст.

Несколько полнее охарактеризованы в археологической литературе памятники, открытые М. Н. Клапчуком в среднем и нижнем течении р. Сарысу. Самым известным памятником является местонахождение Жаман-Айбат 4 (Клапчук М. Н., 1971, 1976). Оно расположено на южном склоне одноименного хребта в 150 км к юго-востоку от Жезказгана, близ древнего русла р. Сарысу, находящегося примерно в 80 км восточнее современного. Сборы проводились М. Н. Клапчуком с 1964 по 1968 г. Основная масса находок происходит с поверхности останца площадью 150×30 кв м, по соседству имеются выходы желваков сливного песчаника, служившего в данном случае в качестве сырьевого материала.

В коллекции более 800 предметов, следы окатанности отсутствуют, в отдельных случаях поверхности покрыты карбонатной коркой. Нуклеусы и изделия с вторичной обработкой составляют не более 10% всех находок. Сколов, по подсчетам М. Н. Клапчука, около 70%, остальные вещи определены им как отходы производства и желваки со следами единичных сколов. Среди нуклеусов, согласно определениям исследователя памятника, преобладают дисковидные и одноплощадочные, изредка встречаются многоплощадочные и нуклеусы-многогранники. Среди сколов особенно заметны крупные, массивные отщепы; пластинчатые или близкие к пластинчатым пропорции отмечаются лишь в 34 случаях. Значительная часть сколов (более 25%) являются первич-

ными или полупервичными. Ударные площадки, как правило, шладкие, порой и они покрыты желвачной коркой. Из орудий, прежде всего, обращают на себя внимание рубила. Их в коллекции выделено 9. Есть рубила плоские и массивные, овальные и треугольные, изготовлены они из небольших желваков или массивных отщепов. Длина рубил колеблется от 10 до 14 см, изготовлены они радиальной оббивкой, следов ретуши не отмечено. Кроме рубил имеются скребла разных типов, в том числе скребло, рабочий край которого создан двусторонней ретушью, скрековидное изделие на отщепе, пластины и отщепы с ретушью. М. Н. Клапчук определил Жаман-Айбат 4 как позднеашельский памятник.

Весьма древний возраст предлагается и для местонахождения Обалысан 1 (Клапчук М. Н., 1971). Здесь в пределах нижнеплейстоценовой долины, среди россыпей кварцитовых галек на южном склоне сопки Обалысан были найдены чоппинг и два нуклеуса – дисковидный односторонний и двухплощадочный. М. Н. Клапчук сопоставлял эти находки с изделиями из Борыказгана и Танирказгана и датировал их концом нижнего – началом среднего плейстоцена.

Кроме Обалысана, индустрия галечного характера была выявлена еще на местонахождении Музбель 1 (Клапчук М. Н., 1970). На поверхности останца речной террасы М. Н. Клапчук собрал 114 изделий из галек микрокварцита и кварцевого песчаника. Среди находок присутствуют чопперы и чоппинги, имеется единичное простое выпуклое скребло на расколоте вдоль гальке, а также несколько отщепов без следов вторичной обработки. Исследователь памятника сближал его с Кара-Бурой и датировал началом верхнего плейстоцена.

Другое крупное местонахождение – Айдарлы 2. Оно располагается у безымянного такыра примерно в 50 км к северо-востоку от Жаман-Айбата, западнее горы Айдарлы. Здесь было собрано более 1200 изделий из яшмы, имеющих, по мнению М. Н. Клапчука, «леваллуа-мустьерский характер». В числе находок 30 дисковидных, 13 одноплощадочных односторонних нуклеусов, атипичные и типичные леваллуазские сколы, а также 4 рубильца и еще 10 бифасов, не определенных более точно (Клапчук М. Н., 1968).

Геолог В. С. Танцюра собрал каменные изделия на галечнике в месте пересечения р. Сарысу песков Моинкум. М. Н. Клапчук описал это местонахождение под названием Сары-Су, затем переименовал его в Космолу. Одно из восьми найденных здесь кремневых (?) изделий было определено как остроконечник (Клапчук М. Н., 1964, 1969, 1976).

Еще меньше коллекция, происходящая из обнажения первой террасы р. Сарысу у пос. Кызылжар (пункт назван Кызыл-Джар 3) – в ней всего 2 предмета – дисковидный нуклеус и отщеп, залегавшие на глубине 1,25 м от дневной поверхности. Автор отнес их к концу мустье (Клапчук М. Н., 1964, 1969).

К мустье принято относить и материалы местонахождения Перерержка, где в двух пунктах было собрано более 2136 предметов из алевритистого песчаника у выходов сырья на дневную поверхность. Изделия представлены ну-

клеусами – дисковидными, веерообразными, коническими, двуплощадочными двусторонними. В большом числе собраны массивные широкие пластины и из сечения. Из орудий упоминаются лишь пластины с зубчатой ретушью и изделия, которые М.Н. Клапчук называет монофасами. Реберчатые пластины и концевой скребок имеют позднепалеолитический облик (Клапчук М.Н., 1969). Возможно, Передержка представляет собой мастерскую переходного от мустье к позднему палеолиту времени, когда еще сильны леваллуазские традиции (Абрамова З.А., 1984, с. 145).

В работах М.Н. Клапчука упоминаются еще некоторые палеолитические местонахождения, находящиеся в среднем течении Сарысу. Одно из них – Агайдар. В МО КОИМК отмечено, что раньше это место было ошибочно означено «Передержкой». Другое – Конайбек, о котором больше ничего не известно. В пункте Кенжебайсай 7 собраны 3 «рубящих орудия», 1 скребло, 8 отщепов, которые М.Н. Клапчук относит к позднему палеолиту, но точной географической привязки в работах нет (Клапчук М.Н., 1964). О местонахождении Коскудук 7 известно, что оно находится близ колодца Коскудук к востоку от г. Жаман-Айбат, но нет характеристики находок.

Ж.К. Таймагамбетов открыл местонахождения Огиз-Тау I-II в верховьях р. Сарысу (Таймагамбетов Ж. К., 1986, 1987, 1989, 1990). На них было собрано соответственно 252 и 79 предметов из кварцита, предполагается раннемустье или даже ашельский возраст. Отсутствие в публикациях рисунков и чрезвычайно обобщенный характер описания инвентаря не позволяет судить об обоснованности этих датировок.

Интересные материалы происходят с местонахождений Вишневка 1, 4, 6, находящихся у пос. Вишневка в 60 км к юго-востоку от Астаны и местонахождений Батпак 7, 8, 12, расположенных на одноименном ручье несколько выше Вишневки по течению Ишима (близ Осокаровка). Предполагается, что на многих из этих памятников, приуроченных к выходам сырьевых пород, содержится разновременных – от ашеля до позднего палеолита – материал. При датировании находок такого рода геоморфологические данные, как пишет В.С. Волошин, ничего не дают, и основной упор предлагается делать на анализ типологии артефактов и признаков физического иноса их поверхностей (Волошин В.С., 1975, 1976, 1977, 1979, 1981, 1983, 1987, 1988). Позднее В.С. Волошин проводил раскопочные работы на памятниках Вишневка 1 и Батпак 7.

В верхнеплиоценовых (апшеронских) отложениях разреза у с. Батпак В.С. Волошин собрал коллекцию предметов из «грубых трещиноватых малоизотропных докембрийских пород» (Волошин В.С. 1989; 1990), которые он рассматривает как артефакты индустрии Актасты I и II и сопоставляет с находками из конгломератов р. Арыстанды. Эти материалы демонстрировались на заседании Отдела палеолита ИИМК РАН (тогда ЛОИА АН СССР). Археологи Ленинграда дали следующее заключение: «Ознакомление с ними приводит к выводу, что сходство с «индустриями» Актасты и Арыстанды действительно велико, но заключается оно в том, что в обоих случаях вещи, выдавае-

мые за палеолитические изделия, можно признать таковыми лишь при очень большом желании. Более достоверны и интересны вещи мустьевого облика, залегающие в переотложенном состоянии в верхнеплейстоценовой толще Батпакского разреза» (Вишняцкий Л.Б., 1996, с.146).

С достаточной степенью достоверности ашельский компонент был выделен в коллекции местонахождения Вишневка 3, где имеется весьма выразительная серия архаичных бифасов. Бифасы, встречающиеся почти на всех центрально-казахстанских памятниках, хорошо представлены и в Вишневке 4 и 6 – это могут быть как рубила, так и листовидные наконечники удлиненной формы с округлым основанием длиной от 7 до 20 см (Волошин В.С., 1982, 1988). По мнению Л.Б. Вишняцкого, традиция изготовления крупных двусторонне обработанных орудий существовала в регионе от нижнего (Вишневка 3-4) до верхнего (Батпак 7) палеолита, а возможно, не исчезла сразу и в послепалеолитическое время. Интересно, что в Батпаке 7 один бифас, определенный М.Н. Клапчуком как наконечник, был найден в верхнеплейстоценовых отложениях, содержащих кости шерстистого носорога и мамонта; между тем, по зубу мамонта из этого местонахождения, залегающему на той же глубине, что и культурные остатки (6,3 м) получена дата 12 570±500 лет (КИГН-199; Нурмамбетов Э.И., Акиянова Ф.Ж., 1989).

Ашельские, по мнению В.С. Волошина, материалы обнаружены им на местонахождении Мизар недалеко от Батпака (Волошин В.С., 1987).

В коллекциях Батпака 8 и 12 представлены среднепалеолитические изделия -дисковидные нуклеусы, пластины и тысячи мелких отщепов из кремнисто-железистой породы (Волошин В.С., 1987), хотя в Батпаке 8 имеется и более поздний материал – скребки, проколки, почти микролитические пластинки (Клапчук М.Н., 1964).

В верховьях р. Сарысу в 1981-1984 гг. в составе Коктенколь-Кайрактинской экспедиции ИГН АГ Каз. ССР работала палеолитическая группа под руководством О.А. Артюховой. Было выявлено 70 местонахождений каменных индустрий – Жиланды 3-6, Жилкыбай, Докейкызыл, Карашоки 1, Сарыоба 1, 2 и др. Самое значительное открытие – палеолитическая стоянка-мастерская Бурма конца мустьевого времени. Она будет рассмотрена особо.

Огромный вклад в развитие палеолитоведения в Казахстане внесли полевые исследования, обработка музейных коллекций и публикация материалов Казахстанско-Российской комплексной археологической экспедиции (1992-2004 гг.) под руководством А.П. Деревянко и Ж.К. Таймагамбетова (Деревянко А.П. и др., 1993, 1998, 2003; Таймагамбетов Ж. К., Ожерельев Д. В., 2009, с. 70-83).

Полевые работы в 1999 г. проводились, помимо других регионов Казахстана, в Северном Прибалхашье, охватывая побережье от пос. Актогай на востоке до г. Балхаш на западе. Здесь было обнаружено 6 местонахождений каменного века, два из которых локализируются на восточном берегу озера и их малочисленные находки относятся к эпохе мустье.

Остальные четыре местонахождения находятся на северном берегу озера. Пункт Балхаш 3 находится севернее железнодорожной магистрали Саяк-Балхаш. Коллекция из 101 каменного изделия была разделена на 2 серии: сильнодефлированную и слабодефлированную. Слабодефлированная серия насчитывает 23 предмета (скол с нуклеуса, наконечник дротика, скребло, 5 ретушированных пластинок, 2 ретушированных отщепов, 4 пластины и их фрагменты, 9 отщепов и сегментовидный скол) и по всей видимости относятся к позднему палеолиту.

Местонахождение Балхаш 5 содержит также 5 слабодефлированных предметов (нуклеус, скребло и 3 отщепов), которые датируются поздним палеолитом.

Памятник Балхаш 6 дал слабодефлированную серию, представленную преформой, торцовых микронуклеусом, сколами с нуклеусов (6 экз.), скребком и отщепами (18 экз.). Данная коллекция относится к финальному палеолиту.

Представительная коллекция каменных орудий была собрана в районе пос. саяк (Северное Прибалхашье). Всего было обнаружено 8 местонахождений. Находки по уровню дефляции были разбиты на скрии. Слабо- и недефлированные изделия соответственно отнесены условно к позднему палеолиту. Такие серии выделены были на местонахождениях Саяк 1-8 с выборочным материалом и на местонахождениях Саяк 1а и 1б с полным сбором археологических артефактов. Сырьем для изготовления орудий служил сливной кварцитовидный мелкозернистый песчаник высокого качества.

Первичное расщепление комплекса местонахождений представлено нуклеусами одно-, двух-, многоплощадочными с моно- и бифронтальным скалыванием, а также торцовыми, клиновидными, призматическими формами. Среди сколов преобладают средние и мелкие отщепы, почти полностью отсутствуют пластинчатые формы. Орудийная часть включает скребки (концевые, боковые, угловые, двойные, на плитках высокой формы), скребла (как правило, простые), бифасиально обработанные изделия, выемчатые формы, шиповидные и комбинированные изделия, а также сколы и обломки, плитки с ретушью.

В недефлированной серии торцовые нуклеусы отличаются мелкими размерами и тщательной утилизацией, преобладают отщепы, но велика доля пластинчатых сколов. Орудийный набор представлен теми же формами, но различия уже имеются в большем разнообразии типов скребков, есть долотовидные формы, резцы. В целом, слабодефлированная серия, по определению автора, хронологически соответствует начальному и среднему этапу позднего палеолита, а недефлированные изделия характеризуют финал позднего палеолита (Деревянко А. П. и др., 2003, с.54-90; Славинский В. С., 2004).

Сотрудниками экспедиции были предприняты усилия по обработке коллекций, собранных А. Г. Медоевым в Северном Прибалхашье. Так, была обработана и в 1993 г. издана монография «Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу пункт 2, ранний-поздний палеолит)» (Деревянко А. П., Аубекеров Б. Ж. и др., 1993). В 2001 г. вышла из печати книга «Палеолитические ком-

плексы Семизбугу, пункт 4 (Северное Прибалхашье)» (Артюхова О. А., Деревянко А. П. и др., 2001).

Часть коллекции стоянки-мастерской Семизбугу 10А была опубликована в книге «Мустье Центрального Казахстана» (Артюхова О. А., 2013).

В XXI веке исследования каменного века осуществлялись в рамках целевых государственных программ. По программе «Культурное наследие» проводилось комплексное исследование на отдельных, наиболее значимых памятниках в Сарыарке: на голоценовой стоянке Токтаул, на стоянке Талдысай 2, где под энеолитическим культурным слоем выявлены палеолитические артефакты и др.

Результаты исследований каменного века Центрального Казахстана в обобщенном воплощены в «Национальном атласе Республики Казахстан» (Артюхова О. А., Мамиров Т. Б., Таймагамбетов Ж. К., 2006) и в «Большом атласе истории и культуры Казахстана» (Артюхова О. А., Мамиров Т. Б., 2008).

ГЛАВА 3

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОГЕНЕЗА

Человек – высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры. В этом определении объединены биологическая и философская классификации. Человек, как живое существо, ничуть не более своеобразен, чем другие животные. К нему в полной мере применимы эволюционные закономерности и механизмы, общие для всех форм органического мира. Но есть и существенное отличие эволюции человека от других групп организмов. Оно заключается в том, что нашим предкам приходилось приспосабливаться не только к естественной среде, но и к среде искусственной, культурной, которая сама возникла и развивалась как средство адаптации.

Человек является закономерным результатом длительной эволюции органической жизни на Земле. Это подтверждается данными палеонтологии, геологии, биологии, в том числе молекулярной, археологии.

В биологическом отношении, по данным генетических исследований, все люди Земли принадлежат к одному виду – *Homo sapiens*. Человека как животное можно обобщенно классифицировать следующим образом:

Место человека в системе живых организмов может быть представлено в следующем виде:

- Надцарство эукариоты (*Eukaryota*)
- Царство животные (*Animalia*)
- Подцарство многоклеточные (*Metazoa*)
- Тип хордовые (*Chordata*)
- Подтип позвоночные (*Vertebrata*)
- Класс млекопитающие (*Mammalia*)
- Подкласс живородящие (*Theria*)
- Инфракласс плацентарные (*Eutheria*)
- Отряд приматы (*Primates*)

- Подотряд обезьяны (*Anthropoidea*)
- Инфраотряд (секция) . . . узконосые (*Catarrhini*)
- Надсемейство гоминоиды (*Hominoidea*)
- Семейство гоминиды (*Hominidae*)
- Род человек (*Homo*)
- Вид разумный (*sapiens*)

Современные представления об эволюции человека, его биологических корнях, в общих чертах устоялись, но постоянное развитие науки и открытие новых ископаемых дополняют и усложняют схему эволюции.

Таксономический состав семейства гоминид

Таксон	Когда впервые выделен	Ареал распространения находок	Датировки (млн лет назад)
<i>Sahelanthropus tchadensis</i>	2002	Центральная Африка	≥6,0
<i>Orrorin tugenensis</i>	2001	Восточная Африка	6,0
<i>Ardipithecus ramidus</i>	1994	Восточная Африка	5,8/5,2–4,4
<i>Ardipithecus ramidus kadabba</i>	2001	Восточная Африка	5,8/5,2
<i>Australopithecus anamensis</i>	1995	Восточная Африка	4,2–3,9
<i>Australopithecus afarensis</i>	1978	Восточная Африка	3,9–3,0
<i>Australopithecus bahrelghazali</i>	1996	Центральная Африка	3,5/3,0
<i>Kenyanthropus platyops</i>	2001	Восточная Африка	3,5
<i>Australopithecus africanus</i>	1925	Южная Африка	3,0–2,4
<i>Australopithecus garhi</i>	1999	Восточная Африка	2,5
<i>Paranthropus aethiopicus</i> *	1968	Восточная Африка	2,7–2,2
<i>Paranthropus robustus</i>	1938	Южная Африка	1,9–1,4
<i>Paranthropus boisei</i> **	1959	Восточная Африка	2,3–1,2
<i>Homo habilis</i>	1964	Восточная и Южная (?) Африка	2,4–1,8
<i>Homo rudolfensis</i> ***	1986	Восточная Африка	2,4
<i>Homo ergaster</i>	1975	Восточная и Южная (?) Африка, Закавказье	1,9/1,8–1,6
<i>Homo erectus</i> ****	1894	Африка, Восточная и Юго-Восточная Азия, юг Европы	1,6-0,6
<i>Homo antecessor</i>	1997	Западная Европа	0,8
<i>Homo heidelbergensis</i>	1908	Африка, Азия, Европа	0,6–0,2
<i>Homo neanderthalensis</i>	1864	Европа, Западная и Центральная Азия	0,13–0,03
<i>Homo sapiens</i>	1758	Повсеместно	0,12–0

- * Первоначально был выделен под названием *Australopithecus aethiopicus*
- ** Первоначально был выделен под названием *Zinjanthropus boisei*
- *** Первоначально был выделен под названием *Pithecanthropus rudolfensis*
- **** Первоначально был выделен под названием *Pithecanthropus erectus*. (Вишняцкий Л. Б., 2005, с. 43)

Австралопитеки

Австралопитеки остаются главными «поставщиками» сведений о самых ранних стадиях эволюционной истории человечества. В отложениях возрастом от 4 до 2 млн. лет кости их относительно многочисленны, и чуть ли не каждый год приносит новые находки. Судя по распределению возраста этих находок и их расположению, австралопитеки появились и обитали первоначально в восточной части Африки, и лишь в самом конце плиоцена, около 3 млн. лет назад, распространились на юг и в центр континента. За пределами Африки достоверных находок костей австралопитеков неизвестно.

Самой заметной и важной особенностью ранних гоминид, сближающей их с людьми, является двуногость. Если для оррорина и сахельантропа наличие этого качества из-за скудости материалов все еще нельзя считать окончательно доказанным, то для австралопитеков о нем можно говорить с полной уверенностью. О их двуногости говорит и анализ следов, сохранившихся в затвердевшем вулканическом пепле на местонахождении Лэтоли в Танзании (возраст следов от 3,2 до 3,6 млн. лет).

По абсолютному объему мозговой полости (400–500 см³) австралопитеки в целом мало отличаются от шимпанзе, а гориллам даже несколько уступают. Это объясняется сравнительно небольшими размерами тела ранних гоминид, вес которых, согласно имеющимся реконструкциям, в большинстве случаев составлял от 30 до 50 кг.

Самые древние останки австралопитеков происходят с местонахождений Канапои и Алиа Бэй в Кении. Здесь в 1994–97 гг. были найдены зубы и фрагменты челюстей, а также несколько костей скелета, не относящихся к черепу.

Изучение новых материалов, полученных в последние десятилетия в Восточной и Южной Африке, показало, что, наряду с несовершенной еще двуногостью, ранние гоминиды (до хабилиса (*Homo habilis*) включительно) сохраняли некоторые особенности скелета, связанные с древесным образом жизни. На это указывают, в частности, такие свойственные им признаки, как изогнутость фаланг пальцев рук и ног, значительная подвижность верхней конечности в плечевом суставе и ряд других. Видимо, и австралопитеки немалую часть времени проводили еще на деревьях, где можно было найти не только еду, но и более или менее надежное убежище и спокойный ночлег.

Что же касается способов добывания пищи, защиты от врагов, выращивания потомства, т. е., характера приспособления к среде, то здесь между первыми гоминидами и их четвероногими собратьями практически никаких различий не было. Такие различия становятся более или менее заметны лишь начиная с конца плиоцена (2,5–1,7 млн лет назад), когда, судя по археологическим данным, появляются самые древние следы существования того, что называется культурой.

Культура – центральное понятие для наук о человеке вообще – является ключевым и при объяснении не совсем обычного характера нашей биоло-

гической эволюции. Взятое в самом широком смысле, это понятие означает особую сферу бытия, в известном смысле противостоящую природе. Ее существование возможно лишь при условии появления у живых существ такого поведения, в основе которого лежит не программа, заложенная в генах, а информация, накапливаемая посредством научения, т. е. благодаря способности к запоминанию индивидуального опыта и его пополнению через наблюдение, подражание, умозаключение и т. д.

В конце плиоцена, примерно 2,5–3 млн. лет назад, для гоминид наступили очень трудные времена. Само их существование оказалось под угрозой. Начался очередной цикл иссушения климата, и природные условия восточных районов Африки претерпели резкие изменения. Стало значительно холоднее, чем прежде, сильно сократилось количество осадков. В результате площади, занимаемые тропическими лесами, существенно сократились, а саванны и близкие им ландшафты открытого и полукрытого типа, наоборот, получили большое распространение. Климатические и ландшафтные перемены не могли не отразиться на состоянии животного мира. Для интервала от 3 до 2,5 млн. лет назад зафиксировано появление множества новых видов крупных копытных животных и грызунов, а также вымирание ряда старых таксонов. Аналогичные процессы происходили и среди гоминид. В частности, именно в это время прекратил свое существование вид австралопитек афарский (*Australopithecus afarensis*), и на смену ему пришло несколько форм грацильных и массивных австралопитеков: австралопитек африканский (*Australopithecus africanus*), австралопитек гархи (*Australopithecus garhi*), австралопитек эфиопский (*Australopithecus aethiopicus*). Появление первых представителей рода *Homo*, датируемое чуть более поздним периодом (2,3–2,4 млн. лет назад), также происходило на фоне продолжавшегося иссушения климата и сопряженных с ним ландшафтных перестроек.

Вероятно, это был самый критический эпизод во всей истории древнейших предков человека, когда они буквально балансировали на грани вымирания. Об этом свидетельствуют данные по их демографии. Речь идет об изменениях продолжительности жизни представителей разных видов. Дело в том, что в ряде случаев ископаемые кости позволяют более или менее точно установить, на какой стадии онтогенеза (т. е. индивидуального развития) прервалась жизнь особи, которой они принадлежали. Об этом судят, в частности, по степени прорезанности или стертости зубов, по состоянию швов, разделяющих кости черепа, по сращенности различных сегментов длинных костей и т. д. Определить возраст в годах можно далеко не всегда, но зато часто удается сделать достаточно обоснованное заключение о том, к какой возрастной группе принадлежала данная особь, т. е. имеем ли мы дело, например, с останками ребенка, зрелого индивида или старика. Если из 63 образцов костей австралопитека африканского, допускающих возрастные определения, лишь 35% принадлежали особям, не достигшим зрелости, то для 119 таких образцов, относимых к более позднему виду австралопитека массивного (*Australopithecus robustus*),

этот показатель составляет 60,5%. Наконец, для еще более позднего хабилиса (*Homo habilis*) из Олдувайского ущелья (22 образца) он достигает уже 73%.

Именно к этому периоду относятся древнейшие достоверные каменные орудия (они имеют возраст порядка 2,5–2,6 млн. лет), и именно этим периодом следует датировать первую культурную революцию в истории человечества – превращение культуры в фактор, определяющий и организующий все основные аспекты жизнедеятельности гоминид.

Homo habilis

Первым представителем рода *Homo*, или промежуточным звеном между ним и австралопитеками, считается вид хабилис (*Homo habilis* – на латыни это означает «человек умелый»). Этот вид обособился около 2,4 млн лет назад. Примерно к этому же времени относятся и древнейшие из известных сейчас каменных орудий со следами намеренного изготовления, которые знаменуют собой для археологов начало палеолита и начало нашей культурной истории в целом. Самая ранняя стадия этой истории получила название олдувайской эпохи. Оно происходит от наименования ущелья Олдувай в Танзании, где английский археолог Луис Лики в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века впервые обнаружил грубые изделия из кусков лавы и кварцевых галек.

Кроме Олдувая и оз. Туркана (в старой литературе его называют оз. Рудольф), скелетные материалы, относимые к *H. habilis*, были обнаружены еще в Хадаре (Эфиопия), в Урахе (Малави) и, предположительно, в южноафриканских в пещерах Штеркфонтейн и Сварткранс.

Если кости конечностей хабилиса, в общем, довольно мало отличаются от аналогичных участков скелета австралопитеков, то мозг претерпевает ряд серьезных изменений: увеличиваются его абсолютные и относительные размеры, значительно расширяется теменная область, формируется подобный человеческому узор борозд и появляются достаточно хорошо выраженные специфические выпуклости в областях, где у людей находятся речевые центры (поле Брока и поле Вернике).

Первый заметный скачок в размере эндокрана (слепка внутренней поверхности костей черепа) у гоминид (хабилис) хронологически совпадает с появлением древнейших каменных орудий и других археологических свидетельств усложнения культурного поведения. Дело еще и в том, что мозг, наряду с сердцем, печенью, почками и кишечником, входит в число наиболее «дорогостоящих» в энергетическом отношении анатомических органов. В то время как общий вес перечисленных органов составляет у человека в среднем всего лишь 7% от веса тела, потребляемая ими доля метаболической энергии превышает 75%. Вес мозга составляет 2% от веса тела, потребляет же он примерно 20% получаемой организмом энергии.

Археологические данные дают основания полагать, что появлению рода *Homo* сопутствовали изменения в характере питания предков человека,

а именно, увеличение потребления мяса. Хотя характер стертости зубов у гоминид олдувайской эпохи говорит о том, что основу их рациона все еще составляли растительные продукты, мясная пища, как видно из обилия костей на некоторых древнейших стоянках, а также из наличия орудий, служивших для разделки туш, тоже приобрела уже немаловажное значение. Это можно считать важным условием роста мозга, поскольку сокращение доли растительной пищи в рационе наших предков и рост доли пищи животной – более калорийной и легче усваиваемой – создавали возможность для уменьшения размеров кишечника, который, как уже говорилось, также входит в число энергетически наиболее дорогостоящих органов.

Архантропы

Последние полтора с небольшим миллиона лет эволюции человека, т.е. как раз плейстоценовый ее отрезок, можно с большей или меньшей степенью условности разделить на три частично перекрывающихся периода или стадии: стадию архантропов, стадию палеоантропов и стадию неоантропов. Архантропы – это общее название для гоминид, в прошлом именовавшихся питекантропами и синантропами, а сейчас относимых большинством антропологов к виду эректус (*Homo erectus*), который пришел на смену хабилисам. Иногда этот вид делят на два и более раннюю форму называют эргастер (*Homo ergaster*). Термин палеоантропы может служить в качестве собирательного обозначения всех близких и дальних потомков архантропов, за исключением людей современного физического типа. Как правило, этих потомков зачисляют в виды человек гейдельбергский (*Homo heidelbergensis*) и неандерталец (*Homo neanderthalensis*), хотя есть и иные варианты их классификации. Наконец, неантропы – это люди современного физического типа, т.е. члены вида гомо сапиенс (*Homo sapiens*).

Архантропы, судя по находкам на восточном (местонахождение Кооби-Фора) и западном (местонахождение Нариокотоме) побережьях озера Туркана, появились около 1,8 млн. лет назад. Наиболее древних африканских представителей этой формы, отличающихся от остальных некоторыми особенностями строения мозгового и лицевого отделов черепа, часто выделяют сейчас как вид эргастер (*Homo ergaster*). Названием своим, означающим в переводе с греческого «трудяга» или «работяга», он обязан тому обстоятельству, что поблизости от первой находки челюсти этого вида залегали каменные орудия.

Первые полмиллиона лет своего существования архантропы провели почти безвыходно в Африке, совершая иногда более или менее продолжительные вылазки в некоторые соседствующие с ней районы. Одним из таких районов был Ближний Восток, а другим, более отдаленным – Кавказ, где обнаружены хорошо сохранившиеся черепа и нижние челюсти ранних эректусов, а также их каменные орудия. Древность этих находок, происходящих с местонахождения Дманиси в Грузии, достигает 1,7 млн. лет. Кроме того, возраст в

1,5 и даже в 2 млн. лет предполагался некоторыми учеными еще для индонезийских гомо эректус, но обоснованность этих датировок оставляет желать много лучшего. Скорее всего, эректус появился на Яве не ранее 1,2 млн. лет назад. Таков же примерно возраст и древнейших достоверных следов пребывания гоминид в Китае. Еще более поздний возраст имеют известные сейчас европейские гоминиды: самые ранние из них, если принимать в расчет только хорошо проверенные данные, датируются концом нижнего плейстоцена, т. е., иначе говоря, временем около 800 тыс. лет назад.

Антропологические данные дают некоторые основания предполагать, что архантропы, по крайней мере, поздние, могли обладать зачатками речи.

Согласно преобладающей сейчас точке зрения, лишь африканские представители вида эректусов могли иметь прямое отношение к происхождению людей современного физического типа. Такие взгляды называют моноцентризмом. В англоязычной литературе современную версию моноцентризма, утверждающую африканское происхождение всего современного человечества, называют также теорией «Ноева ковчега». Противоположную позицию занимают исследователи, отстаивающие «мультирегиональную», или полицентристскую теорию, согласно которой эволюционное превращение эректусов в гомо сапиенс происходило повсеместно, т. е. и в Африке, и в Азии, и в Европе, при постоянном обмене генетическим материалом между популяциями, населявшими эти континенты. Хотя спор между моноцентристами и полицентристами, все еще далек от завершения, инициатива сейчас в руках первых, а вторые занимают оборонительную позицию.

Палеоантропы

Около полумиллиона лет назад или немного раньше в Африке и большинстве других регионов, где обитали эректусы, им на смену приходят гоминиды несколько иного типа. Являясь потомками архантропов и сохраняя еще многие присущие им черты (низкий покаты́й лоб, развитые надбровные дуги, массивный подбородок без выступа и ряд других), они повсеместно отличаются от своих предшественников общей формой черепа и заметно возросшим объемом мозговой полости. У этих гоминид, как правило, более широкий, чем у эректусов, лоб и более округлый затылок, лишенный свойственного архантропам угловатого выступа. Для них также характерно разрастание теменной области черепа. Размер эндокрана на этой стадии эволюции обычно превышает 1100 см³, а в отдельных случаях достигает даже размеров, типичных для современных людей (1400 см³ и более).

Сейчас всех ранних палеоантропов относят обычно к виду человек гейдельбергский. Хотя этот вид был выделен почти сто лет назад, широкое признание он получил лишь в конце прошлого века. Тем самым были, наконец, достойно вознаграждены энтузиазм и прозорливость его первооткрывателя, немецкого антрополога Отто Шетензака, который, подобно Дюбуа, в течение долгих лет целенаправленно искал кости ископаемого человека

Кроме Мауэра, наглядные свидетельства этой стадии эволюции человека, в виде ископаемых черепов и других частей скелета, найдены на африканских местонахождениях Омо, Бодо (оба в Эфиопии), Ндуту, Нгалоба, Эяси (все в Танзании), Брокен-Хилл (Замбия) и ряде других, а также на Ближнем Востоке – Зуттиех в Израиле, в Южной Азии – Нармада в Индии, Восточной Азии, Дали, Мапа, Сюцзияо в Китае и др., в Европе – Петралона в Греции, Араго во Франции и т. д. Возраст большинства перечисленных находок не определен сколько-нибудь точно, но в целом они могут быть размещены в хронологическом диапазоне примерно от 600 до 150 тыс. лет назад.

В культурном отношении палеоантропы, за исключением их самых поздних разновидностей, очень мало отличались от архантропов. Они пользовались такими же орудиями, жили целиком за счет собирательства и охоты и часто передвигались с места на место в поисках пищи. Единственная сфера поведения, где, возможно, произошли очень важные изменения по сравнению с предшественниками – это общение, коммуникация. Судя по некоторым анатомическим признакам, многие палеоантропы уже вполне могли владеть членораздельной речью.

Можно отметить также, что палеоантропы наверняка систематически пользовались огнем. Умели ли они его добывать и, если да, то каким способом, пока неизвестно, но так или иначе, а в среднем плейстоцене эта природная сила уже служила человеку. На стоянках Вертешсёллеш (Венгрия), Бильцингслебен (Германия), Терра-Амата (Франция) и ряде других найдены следы костров, горевших примерно 300–400 тыс. лет назад. В несколько более поздний период очаги и кострища на поселениях палеоантропов становятся вполне обычным явлением, распространенным от Южной Африки до Европы

Костные останки древнейших известных нам европейских палеоантропов настолько своеобразны, что иногда их даже отделяют от человека гейдельбергского и включают в особый вид, получивший название антецессор (*Homo antecessor*). Этот вид, по мнению настаивающих на его независимом статусе испанских антропологов, представлен сейчас останками как минимум шести гоминид. Все они были найдены в пещере Гран Долина в Атапуэрке на северо-востоке Испании и имеют древность около 800 тыс. лет, относясь, таким образом, к самому концу нижнего плейстоцена. Остатки гоминид из Гран Долины происходят из одного и того же геологического слоя. Они залегали в нем вперемешку с костями животных и каменными изделиями. Интересно, что при этом большинство человеческих костей несет на своих поверхностях точно такие же следы надрезов и ударов орудиями, какие имеются на прочих фаунистических остатках. Не исключено, что в данном случае перед нами свидетельства существования каннибализма

Среди европейских палеоантропов, следующих по времени за гоминидами из Гран Долины и Чепрано, достаточно отчетливо выделяются две группы. Это так называемые пренеандертальцы, которых почти все исследова-

тели относят теперь к виду человека гейдельбергского, и произошедшие от них «классические» неандертальцы, выделяемые в самостоятельный вид неандерталец (*Homo neanderthalensis*). Пренеандертальцы жили в среднем плейстоцене и заселяли весь юг и запад Европы от Балкан до Британских островов и от Рейна и Дуная до Пиренейского полуострова. Помимо уже упоминавшейся челюсти из Мауэра, их останки включают черепа из Петралонны (Греция), Араго (Франция), Штейнгейма (Германия) и множество других находок. Сменившие пренеандертальцев классические неандертальцы появляются приблизительно на рубеже среднего и позднего плейстоцена, т. е. 130–150 тыс. лет назад.

Местом происхождения неандертальцев наверняка была Европа, но впоследствии они значительно расширили ареал своего обитания, заселив сначала Западную Азию, а затем и более отдаленные районы на востоке вплоть до южной Сибири. Этот вид существовал на протяжении как минимум 100 тысячелетий: последние его представители жили в ряде районов Евразии еще 30 тыс. лет назад и даже несколько позднее.

Термин «неандерталец» происходит от названия долины Неандер или Неандерталь («тал» по-немецки «долина») в Германии, близ Дюссельдорфа. Здесь находится пещера Фельдгофер, где еще в 1856 г. были обнаружены многочисленные кости одного из представителей этого вида гоминид, а именно: черепная крышка, конечности, фрагменты ребер, таза и т. д.

Сейчас неандертальцы являются, пожалуй, наиболее полно изученной группой гоминид, если не считать людей современного физического типа. Разумеется, мы знаем о них далеко не все, что хотелось бы, но все же намного больше, чем, скажем, об австралопитеках, или даже о ранних палеоантропах. Их останки, представленные в одних случаях разрозненными костями, а в других полными или почти полными скелетами, были найдены на многих археологических памятниках Европы и западной Азии. Особенно часто они встречаются на пещерных стоянках эпохи среднего палеолита, таких, как Ля Феррасси и Ля Кина во Франции, Спи в Бельгии, Заскальная в Крыму, Мезмайская на Северном Кавказе, Кебара, Амуд и Табун в Израиле, Шанидар в Ираке, Тешик-Таш в Узбекистане и др. В ряде случаев хорошая сохранность костяков объясняется тем, что они были захоронены в специально вырытых ямах или естественных углублениях, представляющих собой, таким образом, древнейшие достоверно известные погребения.

При относительно невысоком среднем росте (165–170 см) для неандертальцев характерна массивность костей скелета, свидетельствующая о большой мышечной массе. Они, несомненно, обладали значительной физической силой, но красавцами их, если руководствоваться сегодняшними эстетическими мерками, назвать было бы трудно.

К настоящему времени удалось извлечь фрагменты ДНК из костей четырех неандертальцев, в том числе несостоявшегося «казака» из долины Неандер и грудного младенца из пещеры Мезмайская на Северном Кавказе. Их

сопоставление с ДНК современных людей показало, что генетическая «дистанция» между неандертальцами и гомо сапиенс в три с лишним раза превышает разницу между ныне существующими расовыми группами человечества (негроидами, монголоидами и европеоидами). Кроме того, выяснилось, что ДНК неандертальцев ничуть не ближе по своему строению к ДНК европейцев, чем к ДНК коренного населения остальных частей света, а между тем, если допустить, что гипотеза о преемственности между двумя видами в Европе справедлива, то следовало бы ожидать совсем иную картину. Все сказанное заставляет считать, что гомо сапиенс пришли в Европу извне, а ее исконные обитатели, неандертальцы, скорее всего, не выдержали конкуренции с пришельцами и разделили незавидную участь многих других видов млекопитающих, исчезнувших в конце плейстоцена с лица земли (мамонт, шерстистый носорог и т. д.).

К началу верхнего плейстоцена, т. е. как раз к тому времени, когда в Европе появляются неандертальцы, в Африке заканчивается в основном сложение комплекса анатомических признаков, характеризующих людей современного физического типа. Предшественниками последних на африканском континенте были местные палеоантропы, которых обычно относят вместе с их европейскими современниками к виду человека гейдельбергского, но иногда выделяют в особые виды гомо родезиенс, или человек родезийский (*Homo rhodesiensis*) и гомо гельмей (*Homo helmei*). В первый из них при этом включают ранних африканских палеоантропов, а во второй поздних.

Происхождение неантропов

До начала 80-х гг. XX в. практически общепринятым было мнение, что люди современного физического типа появились впервые около 35–40 тыс. лет назад. В пользу именно такой древности нашего вида однозначно свидетельствовали многочисленные антропологические находки из Европы и Азии. Правда, истории науки известно также немало случаев, когда те или иные ископаемые кости объявлялись доказательством существования гомо сапиенс в гораздо более отдаленные, чем 40 тыс. лет назад, времена, но, как правило, подобные «открытия» в итоге оказывались либо результатом преднамеренной фальсификации, либо следствием грубых ошибок при определении древности материалов. По-настоящему серьезных оснований сомневаться в том, что нашему биологическому виду максимум 40 тыс. лет, у антропологов долгое время не было.

Сейчас гоминиды из пещер Кафзех и Схул рассматриваются большинством антропологов уже не как прогрессивные неандертальцы, а как ранние представители людей современного физического типа, т. е. как члены нашего вида гомо сапиенс. Такая переоценка гоминид из пещер Кафзех и Схул была убедительно обоснована французским антропологом Б. Вандермеершем, который в течение многих лет проводил раскопки первого из этих памятников – Кафзех термином «протокроманьонцы» и считает, что с неандертальцами их

сближают лишь черты, которые были унаследованы и теми и другими от вида эректус; тогда как в остальном ранние неантропы Ближнего Востока резко отличны от палеоантропов

Подводя итог рассмотрению вопроса о времени происхождения гомо сапиенс, можно констатировать, что, если в Европе, а также на большей части Азии (за исключением ее западных районов) этот вид появляется, судя по имеющимся палеоантропологическим материалам и абсолютным датировкам, не раньше 40 тыс. лет назад, то в Африке и на Ближнем Востоке ископаемые останки его древнейших представителей имеют возраст гораздо больше. Находки из пещер на р. Класиес и пещеры Бордер, с местонахождения Омо, а также же из пещер Кафзех и Схул убедительно свидетельствует о том, что люди, не отличавшиеся или мало чем отличавшиеся от нас в анатомическом плане, жили в Южной и Восточной Африке, а также на Ближнем Востоке уже около 200 тыс. лет назад.

Жизнь наших далеких предков была, конечно, тяжела и сурова, но ее отнюдь нельзя считать жалким прозябанием. Когда охотники племени были удачливы, у людей оставалось, вероятно, немало времени для творческого самовыражения в различных формах. Во Франко-Кантабрийском регионе и на Южном Урале известны десятки пещер с изображениями отдельных животных, сцен охоты и ритуальных действий, выполненных в экспрессивной манере цветными красками. Когда мир впервые увидел эти фрески, мало кто поверил, что они – дело рук первобытного человека. На стоянках Европы и Сибири в большом количестве встречаются статуэтки из камня, рога, кости; гравюры на плитках камня и на плоских роговых пластинах. Несомненно, существовало уже и устное творчество – сказания, легенды, песни; существовали и примитивные музыкальные инструменты, например, флейты. Одежда кроманьонцев была не только теплой и удобной, но и богато декорирована вышивкой из бус, изготовленных из камня, кости и бивней мамонта, рога, перламутра, узорами, нанесенными цветными минеральными красками.

На территории Казахстана такие находки пока не известны, но это не значит, что их нет. Во многих регионах еще не проводились специальные научные исследования пещер и стратифицированных памятников. Страна обладает в этом плане огромным потенциалом, почти совсем не реализованным в настоящее время.

Как происходило расселение человека современного типа по Европе, заселенной в то время неандертальцами, по Азии, где еще жили в то время эректусы? Происходило взаимное истребление людей разных видов? Или отношения были дружественными? Может быть, мы когда-нибудь узнаем об этом из новых археологических открытий.

Генетические исследования последних нескольких лет убедительно доказали, что все люди на земле принадлежат к одному виду – *Homo sapiens*. Прочитаны геномы современных людей разных популяций. Прочитан геном

и неандертальского человека. Оказалось, что в геноме современных людей содержится заметное количество генов неандертальцев и эректусов. (Вишняцкий Л.Б., 2010). Эта ситуация объясняется двумя способами. Согласно моноцентрической точке зрения, только африканские популяции архантропов имели отношение к происхождению людей современного физического типа. Азиатские архантропы были лишь боковой ветвью на нашем генеалогическом древе. Странники мультирегиональной или полицентрической теории полагают, что превращение *Homo erectus* в *Homo sapiens* происходило повсеместно, т.е. в Африке, в Азии и в Европе, при постоянном генетическом обмене между различными популяциями этих регионов. Этот спор имеет длительную историю и далек от завершения.

ГЛАВА 4

ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Карта палеолитических памятников Казахстана отражает как степень изученности территории, так и определенные закономерности расселения древнего человека. Древний человек селился в местах, где имелась пресная вода (в виде рек, родников, озер), водились промысловые животные (преимущественно крупные стадные млекопитающие) и имелось сырье хорошего качества для изготовления орудий, т.е. горные породы твердые, способные давать при раскалывании надежный острый край, раковистый излом. Такими характеристиками обладают осадочные породы группы силицитов, сложенные минералами кварца, халцедона, опала и др.

Чаще всего в эпоху палеолита употреблялся кремь, очень широко распространенный в природе. Затем яшмы, и более хрупкие кремнистые сланцы, филлиты (глинисто-сланцевые сланцы), лидиты, кремнистый песчаник, кремнистый известняк. Иногда использовалась даже окремненная древесина. Реже использовался кварцит с зернистой структурой, жильный кварц, горный хрусталь, халцедон, роговики (серпентиниты). Кроме того, древний человек изготавливал орудия из вулканических пород. Из них наиболее распространены андезит (плотные серые и черные породы, обычно с зернами-вкраплениями полевого шпата, роговой обманки) и обсидиан (вулканическое стекло, более хрупкое, чем кремь). При отсутствии качественного сырья палеолитические мастера использовали множество иных магматических пород: андезитодацит, трахит, андезитобазальт, диорит, порфир, диабаз, липарит, туфы и др. За неимением этих пород, в дело шли алевролиты, аргиллиты, песчаники, разнообразные сланцы.

Важную роль играла также форма отдельностей сырья. Важнейшие разновидности: *желваки* (конкреции кремня округло-овальной, трубчатой, лепешкообразной и других форм, покрытые снаружи известковой коркой) – добывались человеком на месторождениях; валуны и *галыки* (окатанные отдельно-

сти) – подбирались на отмелях у реки или извлекались из валунно-галечных отложений; *плитки* – встречались в качестве прослоев в породе, собирались на осыпях.

Под воздействием разнообразных физических и химических процессов поверхность каменных изделий эпохи палеолита, как правило, претерпела видоизменение. На поверхности изделий могут быть встречены следующие деформации:

пати́на – химическое изменение поверхности кремнистой породы, образование на ней корочки, обычно белесой. Пати́на очень характерна для палеолитических кремней, но она не может служить достоверным показателем древности;

ожелезнение – изменение поверхности за счет воздействия на нее солей марганца или окислов железа. Приводит к появлению новой окраски предмета или образованию на нем налетов и корки;

окатанность – заглаженность поверхности артефакта, особенно ребер между негативами сколов, под влиянием текущих вод. Иногда приводит к появлению заполированности, блеска (люстража);

выветренность – изменение поверхности за счет физического выветривания, обработки камня переносимыми ветром частицами (коррозия). Последний вид воздействия шлифует, полирует плоскости изделия, сглаживая выступающие части. Выветривание зачастую приводит к образованию ноздреватой, неровной поверхности. При более интенсивном процессе появляется ячеистый рельеф и предмет утрачивает признаки искусственной обработки;

гидратация – окисление поверхности обсидиана за счет поглощения воды.

Воздействие перечисленных процессов на палеолитические каменные орудия зависит от локальных особенностей геологической и палеоклиматической истории региона, а также от конкретных обстоятельств захоронения или экспонирования данного артефакта. Иногда на различных частях одного предмета сохранность поверхности совершенно разная.

В некоторых регионах Казахстана на протяжении почти всех палеолитических эпох существовали благоприятные экологические условия при богатстве сырьевых ресурсов. Таково, например, побережье залива Сарыташ на полуострове Мангышлак. Здесь в известняках много пластов, линз и конкреций кремня хорошего качества. Обломки кремня устилают поверхность морских террас, крупные конкреции в коренном залегании легко доступны в морских береговых обрывах, в уступах сухих ныне речных долин. Здесь многочисленные следы жизнедеятельности древних людей разных эпох обнаружены на разных геоморфологических позициях и уровнях.

Другой регион – окрестности озер Кудайколь и Карасор в Северном Казахстане с многочисленными выходами светло-серых кварцевых и кварцитовидных песчаников хорошего качества.

Богата памятниками каменного века изрезанная сухими долинами примыкающая к озеру Балхаш часть Казахского мелкосопочника, с выходами крем-

нистых алевролитов зеленого и черного цвета, по качеству немного уступающих кремню.

Изобилуют стоянками древнего человека горы Каратау в Южном Казахстане с многочисленными речными и озерными долинами, родниками. Сырьем для изготовления орудий здесь служил кремень черного цвета и светлобежевых оттенков.

В этих районах представлены материалы практически всех палеолитических эпох. В Северном Прибалхашье артефакты залегают на одних и тех же поверхностях (стоянки Семизбугу, Туранга и др.); на Мангышлаке и в Северном Казахстане занимают разные по высоте морские (озерные) и речные террасы. В горах Каратау разновременные археологические материалы сохранились в совершенно различных геоморфологических ситуациях. За сотни тысяч лет древние люди оставили в этих районах огромное количество артефактов, которые покрывают площади в десятки квадратных километров (Медоев А. Г., 1982).

Такое поверхностное залегание археологических материалов предоставляет ученым огромные возможности для технико-типологических исследований каменных орудий. Однако на поверхности совершенно не сохраняются органические материалы. Здесь нет орудий из кости и дерева, нет остатков животных и остатков самих людей, нет вмещающих рыхлых отложений, по которым можно установить, в каких климатических условиях и в окружении какой растительности жили создатели этих орудий.

В Сарыарке, как и в аридной зоне Евразии в целом, палеолитические памятники в стратифицированном состоянии встречаются крайне редко. Как отмечал А. Г. Медоев, здесь «практически не накопился (в силу специфики процессов денудации и аккумуляции) рыхлый покров на позициях, служивших местом стойбищ ископаемого человека» (Медоев А. Г., 1982, с. 9).

Вопрос о возможности использования подъемного материала для археологических и исторических обобщений решается непросто. Можно лишь согласиться с А. В. Виноградовым, что степень достоверности обобщений, сделанных с использованием подъемного материала, может зависеть от следующих факторов:

- 1) от характера подъемного материала. «Собранный специалистами и, насколько это возможно, хорошо документированный материал безусловно предпочтительнее материала, собранного случайно»;
- 2) от степени археологической изученности территории и сопредельных регионов; от уровня знаний по данному периоду или проблеме;
- 3) от массовости материала (Виноградов А. В., 1968, с. 23-24).

В. Т. Петрин, на основе изучения сотен памятников в аридных регионах Казахстана, Монголии и других стран Евразии, выделил особый тип палеолитических источников – с поверхностным залеганием артефактов, обосновав его следующим образом.

В условиях аридной зоны на большинстве палеолитических местонахождений горизонт с находками никогда не перекрывали рыхлые отложения,

а фиксируются лишь отдельные следы человеческой деятельности, остатки очагов, бытовых сооружений, кости животных, артефакты. Такие ситуации отражает понятие «*поверхностный культурный горизонт*». Это понятие является основополагающим и четко отделяет палеолитические памятники аридной зоны от всех других разновидностей палеолитических памятников. Погребенный культурный слой всегда формируется за относительно короткий отрезок времени, а поверхностный горизонт включает в себя разновременные накопления, порой разделенные во времени на десятки тысячелетий. Отличительными признаками поверхностного культурного горизонта являются:

- а) залегание культурных остатков вне рыхлых отложений;
- б) смешанность культурных остатков;
- в) ведущим компонентом поверхностного культурного горизонта являются каменные артефакты, очень редко остатки очагов, выкладки (Дервянко А. П. и др., 1998, с. 165-166).

При анализе многочисленных комплексов палеолита принципиально важным является определение типов памятников по роду человеческой деятельности. В палеолите аридной зоны распространены следующие типы местонахождений: мастерские, кратковременные и долговременные стоянки, стоянки-мастерские.

Методика исследования памятников с поверхностным культурным горизонтом была нами разработана на комплексе стоянок-мастерских Семизбугу в Северном Прибалхашье. Было установлено, что в Семизбугу на одних и тех же поверхностях конусов выноса в неприкрытом и непереотложенном состоянии (практически инситу) залегают ашельские, мустьерские и позднепалеолитические образцы каменных индустрий. Между ними не прослеживаются хронологические разрывы (Медоев А. Г., 1970, с. 202). Причем нередки случаи переоформления или повторного использования изделий через значительный промежуток времени. Такая ситуация обычна и для открытых стоянок других аридных регионов (Амирханов Х. А., 1991).

На стоянках со смешанным инвентарем для выделения отдельных комплексов использовались характеристики сохранности предметов: степень оглаженности, патинизации, выветрелости или коррадированности, залоченности. Эти качественные характеристики выражаются в баллах (от 0 до 5) по шкале, которая разрабатывалась для каждого отдельного памятника, для изделий, изготовленных из одного сырья, залегающих на поверхности одной экспозиции, на одинаковых подстилающих породах и определяются по поверхности артефакта, которая имеет следы намеренного раскалывания.

Методика изучения каменных артефактов

Коллекции каменных артефактов, особенно массовые, нуждаются в классификации и унифицированной системе описания. Для описания казахстанских материалов была разработана оригинальная схема, в которой обобщен опыт специалистов дальнего и ближнего зарубежья. Она позволяет создавать

электронные базы данных и сравнивать памятники между собой, основываясь на объективных критериях.

После камеральной обработки инвентаря он подвергается техническому анализу и классификации по следующим категориям:

- 1 а. Заготовки нуклеусов плохо диагностируемые – преформы.
 - 1 б. Нуклеусы достаточно определенных типов, включая заготовки.
 - 1 в. Обломки нуклеусов.
 - 1 г. Нуклеусы, переоформленные в орудия (чаще всего в отбойники).
 - 2 а. Гальки, искусственно расколотые, без вторичной обработки. Часть этих изделий представляет по существу недиагностируемые заготовки нуклеусов; другие – пробу сырья; третьи – заготовки галечных орудий.
 - 2 б. Орудия из галек.
 - 3 а. Заготовки бифасиальных орудий.
 - 3 б. Бифасиальные орудия (включают как настоящие бифасы, так и бифасиальные скребла, топорики, сечки и другие орудия с бифасиальной обивкой и ретушью).
 - 3 г. Обломки бифасиальных орудий.
 4. Первичные сколы, у которых спинка почти полностью или полностью покрыта желвачной или галечной коркой. В свою очередь они делятся на:
 - 4 а. Целые, без вторичной обработки.
 - 4 б. Целые с вторичной обработкой (орудия из целых первичных сколов).
 - 4 в. Фрагментированные, без вторичной обработки.
 - 4 г. Фрагментированные, с вторичной обработкой (орудия из фрагментированных первичных сколов).
 5. Полупервичные сколы. У них от 5 до 95% дорсальной поверхности покрыты коркой.
 6. Собственно отщепы. У них спинка практически полностью очищена от корки.
- Полупервичные сколы и отщепы также делятся на четыре группы – а, б, в, г, как и первичные сколы.
7. Ребристые пластины (технические сколы).
 8. Сколы оживления ударных площадок нуклеусов (технические сколы).
 9. Пластины. Критерием для их выделения служит соотношение длины и ширины: длина вдвое и больше превышает ширину; толщина не превосходит половину ширины [1]. Сюда не включаются краевые сколы, обладающие необходимыми пропорциями, но не имеющими следов намеренной подготовки нуклеуса. Пластины также подразделяются на группы а, б, в, г, как сколы и отщепы.
 10. Чешуйки – мелкие, не более 10 мм отщепы обработки (ретуширования) орудий. В подъемных коллекциях они крайне малочисленны.
 - 11 а. Обломки без вторичной обработки – артефакты, которые нельзя отнести ни к какой из вышеперечисленных групп. Их количество в коллекции зависит от технологических особенностей сырья.
 - 11 б. Обломки с вторичной обработкой (орудия из обломков).

Недиагностируемые заготовки нуклеусов, расколотые гальки без вторичной обработки, фрагментированные сколы и отщепы без вторичной обработки, чешуйки, обломки без вторичной обработки (группы 1 а, 2 а, 4 в, 5 в, 6 в, 7, 8, 11 а) представляют собой малоинформативные отходы производства. Для их характеристики на данном этапе исследований палеолита Казахстана достаточно указать максимальные размеры (длину, ширину, толщину).

Целые первичные и полупервичные сколы (группы 4 а, 5 а) более информативны. К предыдущим характеристикам добавляется описание ударной площадки.

Еще подробнее описываются целые отщепы и пластины – определяется тип огранки спинки, подсчитывается количество оформляющих ее негативов, отмечается размер и выпуклость ударного бугорка, форма изгиба поверхности откалывания отщепы, измеряется угол между осью симметрии и осью удара, указывается местоположение максимальной толщины отщепы, кратко описывается форма боковых краев и дистального конца.

Классификации и методике описания нуклеусов посвящено немало публикаций. Авторы предприняли попытку совместить методические разработки Ф. Борда (Bordes F., 1961), В. П. Любина (Любин В. П., 1965), Г. И. Медведева (Медведев Г. И. и др., 1974).

Нуклеусы описываются в следующей последовательности:

Определение нуклеуса (клектонский, леваллуа, радиального скалывания, призматический и т.д.).

Максимальные размеры (длина, ширина вдоль фронта, толщина).

Далее подробно характеризуются:

I. Ударная площадка: характер подправки, форма, размеры (по хорде вдоль фронта – длина, перпендикулярно ей – ширина), угол между ударной площадкой и фронтом – в градусах);

II. Фронт: форма, размеры, характер подправки и количество оформляющих его негативов. Если есть кондиционные сколы, указывается их количество, форма, размеры.

III. Контрфронт: описывается аналогично фронту;

IV. Левая латераль;

V. Правая латераль;

VI. Нижний конец;

Объекты IV–VI – могут представлять площадку, грань или ребро. В первом случае приводятся размеры, характер оформления, угол между поверхностью и фронтом. В последнем – характер оформления, угол заострения.

VII. Характеристика сырья, из которого изготовлен нуклеус, цвет, если возможно определить – исходная форма сырья (галька, обломок, отщеп и т.п.);

VIII. Состояние поверхности изделия (патинизация, оглаженность, выветрелость или коррозия, люстраж). Все эти данные ранее заносились на карточку, в настоящее время – заносятся в таблицу и в электронную базу данных.

В инвентаре палеолитических местонахождений Казахстана обычны клектонские нуклеусы, с которых снимались массивные отщепы с крупной, сильно скошенной ударной площадкой без предварительной подготовки нуклеуса – негатив от предшествующего скола служил ударной площадкой для последующего; они очень массивны, имеют кубовидную или шаровидную форму.

В.П. Любин предложил классификацию нуклеусов в зависимости от количества ударных площадок, рабочих поверхностей и направления скалывания (Любин В. П., 1965).

Практически на всех казахстанских палеолитических памятниках присутствуют в разных соотношениях нуклеусы систем леваллуа и радиального скалывания. Различить их бывает порой непросто, поскольку «в процессе изготовления нуклеусов леваллуа дисковидную стадию, кроме черепаховидных, ... проходят и другие их разновидности» (Медоев А.Г., 1972, с.139). О системе леваллуазского расщепления камня Ф. Борд писал: «Философия метода – получение отщепы предопределенной формы» (Bordes F., 1980, с.49) (здесь и далее перевод О.А. Артюховой).

В.А. Ранов отмечал, что дисковидные односторонние нуклеусы слабо развиты в среднеазиатских стоянках и местонахождениях (Ранов В. А., 1965, с.41) и привел, основываясь на определениях Ф. Борда, признаки нуклеусов леваллуа: 1) различие в характере обработки фронта и контрфронта (последний оббит только по краям); 2) обязательная подготовка одной или нескольких ударных площадок; 3) специальная обработка рабочей поверхности – черепаховидное, треугольное или параллельное огранение; 4) всегда уплощенный контрфронт (Ранов В. А., 1965, с.25).

В практике авторов, в случае отнесения нуклеуса к системе леваллуа, отмечается его форма (овальная, подтреугольная и т.п.), предназначение (для отщепов, пластин или остроконечников), указывается количество поверхностей скалывания (односторонний, двусторонний и т.д.), количество ударных площадок (одноплощадочный, двуплощадочный и т.д.), направление скалывания (продольный, поперечный, продольно-поперечный).

Нуклеусы радиального скалывания (дисковидные) отличаются от леваллуазских тем, что специально подготовленная ударная площадка занимает весь периметр или большую его часть. Негативы, направленные от краев к центру, часто выклиниваются, не достигая середины фронта, и нуклеус приобретает пирамидальную форму.

Протопризматические нуклеусы в мустьерских комплексах не давали правильных ножевидных пластин, как в позднем палеолите. Мустьерские пластины имеют извилистые края крупную ударную площадку, редко фасетированную. Нуклеусы призматического скалывания в мустье редко имели собственно призматическую форму, никогда не имели две ударных площадки, как в позднем палеолите. Ударные площадки еще не фасетировались. Некоторые нуклеусы напоминают клиновидные или торцовые с расширенным контрфронт, оббитым поперечными сколами.

Отдельно описываются орудия, которые имеют определенную типологическую законченность. Их всегда меньше, чем изделий с вторичной обработкой, поскольку к последним относятся также сломанные, незаконченные, испорченные орудия. Классификация орудий производится согласно систематике орудий древнего и среднего палеолита Ф. Борда (Bordes F., Bourgon M., 1951; Bordes F., 1961; Любин В. П., 1965; Sonnevile-Bordes D. de., 1972).

Для характеристики техники изготовления орудий фиксируются данные о типе заготовки (группы сколов); максимальные размеры – длина, измеряемая вдоль оси удара; ширина – перпендикулярно ей; толщина. В случае несоответствия оси удара оси симметрии орудия, измеряется угол между ними (Bordes F., 1961).

Большое значение при характеристике индустрий придается характеру оформления ударной площадки скола-заготовки. Наиболее подробно классификация ударных площадок, разработанная В.П. Любиным (Любин В. П., 1965, с.53), которая дополняется сведениями о форме ударной площадки, ее длине и ширине, угле между ударной площадкой и вентральной поверхностью заготовки.

При описании дорсальной поверхности отмечается доля ее, покрытая желвачной коркой; ее форма (двугранная, трехгранная, пирамидальная и т.п.), степень выпуклости, характер огранки (параллельная, субпараллельная, конвергентная, неправильная); количество негативов на спинке.

При описании нижней (вентральной) стороны указывается форма поверхности откалывания (выпуклая, вогнутая, S-видная и т.д.), ударного бугорка (выпуклый, уплощенный и т.п.), отмечается, какую часть поверхности он занимает.

Проксимальный конец (в случае отсутствия ударной площадки), боковые края и дистальный конец описываются в следующем порядке: очертания (выпуклый, вогнутый, прямой и т.д.); степень его заострения, наличие рабочего элемента, аккомодации, корки и т.п.

На мустьерских орудиях сарыаркинских памятников встречены следующие виды ретуши:

- лицевая, обратная, бифасиальная, чередующаяся, противоположащая;
- чешуйчатая, параллельная, субпараллельная;
- краевая, распространенная, глубокая, ступенчатая;
- крупная (размерами более 10 мм), средняя (5-10 мм), мелкая (3-5 мм), микроретушь (менее 2 мм);
- нависающая, отвесная, крутая, полукрутая, пологая, плоская, стелющаяся.

Подъемный материал, особенно залегающий на каменистых поверхностях в аридных районах Казахстана, часто имеет повреждения краев в виде псевдоретуши. Нередко ее трудно отличить от ретуши оформления рабочего края и ретуши, образовавшейся в процессе утилизации орудия. Поэтому к орудиям

не отнесены сколы, имеющие ретушь нерегулярную, намеренный характер которой вызывает сомнения.

Для характеристики индустриально-хронологических комплексов, рассматриваемых в работе, использовались следующие технические и типологические индексы (Bordes F., Bourgon M., 1951; Любин В.П., 1965 и др.):

IL – индекс леваллуа = (количество заготовок типа леваллуа, ретушированных и неретушированных) : (общее количество заготовок всех типов, леваллуа и нелеваллуа) × 100;

Индустрия считается леваллуазской, если индекс леваллуа составляет 20-40.

I lam – индекс пластинчатости = (общее количество пластин, леваллуа и нелеваллуа) : (общее количество заготовок всех типов) × 100;

IF str – индекс тонкой подправки = (количество фасетированных площадок) : (количество всех определяемых площадок) × 100;

IF large – общий индекс подправки = (количество всех фасетированных площадок, включая двугранные) : (количество всех определяемых площадок) × 100.

Следующий этап описания коллекций – классификация орудий. Наибольшее признание получила классификация, разработанная Ф. Бордом (Bordes F., 1961). Ф. Борд выделяет в инвентаре древнего и среднего палеолита следующие типы орудий:

1. Отщепы леваллуа типичные (*éclats Levallois typiques*).
2. Отщепы леваллуа атипичные (*éclats Levallois atypiques*).
3. Остроконечники леваллуазские (*pointes levalloisiennes*).
4. Остроконечники леваллуазские ретушированные (*pointes levalloisiennes retouches*).
5. Остроконечники псевдолеваллуазские (*pointes pseudo-levalloisiennes*).
6. Остроконечники мустьерские (*pointes moustériennes*).
7. Остроконечники мустьерские удлиненные (*pointes moustériennes allongées*).
8. Скребла конвергентные двойные (*limaces*).
9. Скребла простые прямые (*racloirs simples droits*).
10. Скребла простые выпуклые (*racloirs simples convexes*).
11. Скребла простые вогнутые (*racloirs simples concave*).
12. Скребла двойные прямые (*racloirs double droit*).
13. Скребла двойные прямовыпуклые (*racloirs double droit-convexe*).
14. Скребла двойные прямовогнутые (*racloirs double concave-droit*).
15. Скребла двойные двояковыпуклые (*racloirs double biconvex*).
16. Скребла двойные двояковогнутые (*racloirs double biconcave*).
17. Скребла двойные выпукло-вогнутые (*racloirs double convexe-concave*).
18. Скребла конвергентные прямые (*racloirs convergent droit*).
19. Скребла конвергентные выпуклые (*racloirs convergent convexe*).
20. Скребла конвергентные вогнутые (*racloirs convergent concave*).
21. Скребла угловатые (*racloirs déjéte*).

22. Скребла поперечные прямые (*racloirs transversaux droit*).
23. Скребла поперечные выпуклые (*racloirs transversal convexe*).
24. Скребла поперечные вогнутые (*racloirs transversal concave*).
25. Скребла с ретушью с брюшка (*racloirs sur face plane*).
26. Скребла с крутой ретушью (*racloirs à retouche abrupt*).
27. Скребла со спинкой, утонченной подправкой (*racloirs à dos aminci*).
28. Скребла с двусторонней (бифасиальной) ретушью (*racloirs à retouche biface*).
29. Скребла с противоположащей ретушью (*racloirs à retouche alterne*).
30. Скребки типичные (*grattoirs typiques*).
31. Скребки атипичные (*grattoirs atypiques*).
32. Резцы типичные (*burins typiques*).
33. Резцы атипичные (*burins atypiques*).
34. Проколки типичные (*perçoirs typiques*).
35. Проколки атипичные (*perçoirs atypiques*).
36. Ножи с обушками типичные (*couteaux à dos typiques*).
37. Ножи с обушками атипичные (*couteaux à dos atypiques*).
38. Ножи с естественным обушком (*couteaux à dos naturel*).
39. Скреблышки мустьерские (*raclettes moustériennes*).
40. Отщепы усеченные (*éclat tronqués*).
41. Транше или топорики мустьерские (*tranchets moustériennes*).
42. Выемчатые орудия (*outils à encoches*).
43. Зубчатые орудия (*outils dentkulés*).
44. Клювовидные острия, отделанные противоположащей ретушью (*becs burinantes alternes*).
45. Сколы с ретушью со стороны брюшка (*retouches sur face plane*).
46. Сколы с отвесной глубокой ретушью (*retouches abruptes épaisses*).
47. Сколы с крутой противоположащей ретушью (*retouches alternes épaisses*).
48. Сколы с отвесной мелкой ретушью (*retouches abruptes minces*).
49. Сколы с мелкой противоположащей ретушью (*retouches alternes minces*).
50. Сколы с двусторонней (бифасиальной) прерывистой ретушью (*retouche biface*).
51. Остроконечники тейякские (*pointes de Tayac*).
52. Треугольники с выемкой (*triangles à encoches*).
53. Псевдомикрорезцы (*pseudo-microburins*).
54. Сколы выемкой на конце (*encoches en bout*).
55. Сечки, секачи (*hachoirs*).
56. Скребки высокой формы (*rabots*).
57. Остроконечники с черенком (*pointes pédonculées*).
58. Орудия с черенком (*outils pédonculées*).
59. Односторонние грубые рубящие орудия (чопперы) (*choppers*).
60. Односторонние рубящие орудия с круговой обивкой (круговые чопперы) (*choppers inverses*).

61. Двусторонние грубые рубящие орудия (чоппинги) (*chopping-tools*).
62. Разные орудия (*outils divers*).
63. Двустороннеобработанные листовидные орудия (листовидные острия, листовидные бифасы) (*pieces folliacées bifaces*).

В иностранной литературе название типов орудий приводится на языке оригинала – языка, на котором тип впервые выделен и описан. В основном, это термины на французском языке, реже – на английском или немецком.

После того, как определены и подсчитаны типы орудий в комплексе, вычисляются типологические индексы:

IL typ – индекс леваллуа типологический = $(1+2+3+4) : (1-63) \times 100$;

IAt – индекс ашельский общий = $(36+37+\text{бифасы}) : (1-63+\text{бифасы}) \times 100$;

IAu – индекс ашельский унифасиальный = $(36+37) : (1-63) \times 100$;

IB – индекс бифасов = $(\text{бифасы}) : (1-63+\text{бифасы}) \times 100$;

IR – индекс скребел общий = $(9-29) : (1-63) \times 100$;

IC – индекс шарантский = $(8+10+22+23+24) : (1-63) \times 100$.

Орудия списка Ф.Борда делятся на характерные группы. Наиболее значимыми для казахстанских палеолитических индустрий являются следующие (см. Bordes, 1972, p.52):

I – №№ 1-4 – леваллуазская;

II – №№ 6-29 – мустьерская;

III – №№ 30-37, 40 – верхнепалеолитическая;

IV – № 43 – зубчатых орудий.

Каждому комплексу инвентаря палеолитической стоянки, при условии достаточного количества артефактов и полноты (не выборочности) сборов, присущ свой особый, отличный от других, набор орудий, свое особое сочетание типологических индексов и количественных значений характерных групп. Это дает объективную основу для сравнения между собой стоянок, комплексов, археологических культур как соседних местонахождений, так и удаленных на тысячи километров друг от друга. Это позволяет сравнивать между собой, например, стоянку Чингиз в Сарыарке, памятников мустье во Франции и на Ближнем Востоке.

Для позднего палеолита также разработан список типов, но он не получил такого широко распространения, поскольку в позднем палеолите различия в инвентаре разных культур значительно глубже, чем в древнем палеолите.

ГЛАВА 5

ПАЛЕОЛИТ КАЗАХСТАНА. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Основные события становления человека и освоения им орудийной деятельности происходили на Африканском континенте 2-3 млн. лет назад. В эту эпоху на территории Африки, как отмечалось выше, сосуществовали несколько видов гоминид, из которых наиболее известны: австралопитеки (установлено 5 видов), хабилисы и эректусы.

Австралопитеки (появились около 4 млн. л. н. За пределами Африки достоверных находок костей австралопитеков неизвестно).

Homo habilis – древнейший надежно датированный прямой предок человека. Самые древние находки *Homo habilis* датируются в 2,4 млн. лет. Они были сделаны в Олдувайском ущелье, на оз. Рудольф (Туркана) в Кении, в Хадаре (Эфиопия) и других местах Восточной и Южной Африки. Наиболее поздние хабилисы жили примерно 1,7 млн. л. н. Иногда вместе с костными останками находили примитивные, но несомненно намеренно изготовленные каменные орудия, за что *Homo habilis* и получил свое наименование – «человек умелый».

Древнейшие каменные орудия найдены при раскопках в ущелье Олдувай между вулканическими отложениями, которые достаточно надежно датируются физическими методами, и имеют возраст около 2,6 млн. лет. Наиболее характерные орудия этой эпохи – чоппер и чоппинг, представляют собой гальку с несколькими последовательными сколами, нанесенными на одну или на обе стороны заготовки, создающими массивное неровное лезвие. Предполагают, что чоппер и чоппинг были рубящими и режущими орудиями. Их размеры от 3-4 до 15 см в диаметре. Встречаются многогранники, служившие для разделывания мясной и растительной пищи, и орудия-отщепы, которые использовались для резания и скобления. На протяжении миллиона лет эти примитивные орудия практически не изменялись. Их удалось обнаружить благодаря тому, что гоминиды длительное время проводили в одних и тех же местах, где в итоге накапливались археологически уловимые следы их жизнедеятельности. Помимо каменных артефактов и принесенных камней (манупортов), эти

следы включают многочисленные кости животных, на которых иногда удается выделить царапины и порезы, оставленные каменными орудиями в процессе разделки.

Располагались олдувайские стоянки, как правило, на берегах ручьев и озер, иногда при впадении ручьев в озера, в местах где имелось достаточное количество деревьев, использовавшихся в качестве убежища при возникновении опасности и для ночлега. Убедительных доказательств использования огня пока нет.

Характер стертости зубов у гоминид олдувайской эпохи говорит о том, что основу их рациона составляли растительные продукты, но мясная пища, также приобрела уже немаловажное значение. В процессе ее добывания хабилисы вынуждены были конкурировать с такими хищниками, как леопарды, львы и гиены, что было одним из главных факторов, сплотивавших древнейшие человеческие сообщества. Некоторые исследователи считают, что основным источником мяса для наших предков в рассматриваемый период служили туши естественным образом погибших или убитых хищниками животных (антилопа, зебра, жираф и др.). Охота уже играла важную роль, но объектом ее, были в основном животные среднего и небольшого размера.

Однако, С. А. Семенов считал, что интеллектуальное преимущество над всеми другими животными позволяло уже австралопитекам производить облавные операции и преследовать добычу с использованием различных тактических приемов: отбивать от стада слабых особей, окружать отдельных особей или небольшие группы, гнать в овраги тупики и болота, сбрасывать с обрывов и т.п. Их руки, свободные от локомоторных функций, могли быть вооружены заостренными оббивкой речными гальками, деревянными палками, длинными костями копытных (Семенов А. С., 1968, с. 281-282).

Архантропы (появились на свет около 1,8 млн. лет назад, судя по находкам на восточном и западном берегах оз. Рудольф (Туркана) в Кении). Первые полмиллиона лет своего существования эректусы провели в Африке, совершая иногда более или менее продолжительные экскурсии в соседние районы – на Ближний Восток и Кавказ. Так, в пещере Дманиси (Южная Грузия) обнаружены черепа и нижние челюсти ранних архантропов в сопровождении их орудий труда и охотничьей добычи, возрастом 1,7 млн. лет. Находки *Homo erectus* на Яве и в Китае оцениваются в настоящее время в 1,2 млн. лет. Самые ранние европейские гоминиды датируются в 0,8 млн. л., хотя некоторые материалы указывают на более раннее их проникновение на материк. В некоторых районах юго-восточной Азии эректусы сменились современным человеком только 27 тыс. лет назад (Вишняцкий Л. Б. 2005).

Эпоха архантропа получила название ашель, по местонахождению близ бывшего пригорода Амьена Сент-Ашель во Франции, в долине Соммы. Каменные орудия и оружие ашельской эпохи были лучше и удобнее тех, которыми пользовались хабилисы. Характерное орудие ашеля – бифас. Это преимущественно крупное орудие, сделанное из гальки (или желвака кремня, обломка

подходящей породы, реже – крупного отщеп), при помощи оббивки с обеих сторон серией крупных и мелких сколов. Орудие, имея две выпуклые поверхности, утончается к одному или двум концам и имеет по краям два длинных ребра – лезвия. Наиболее древние бифасы получили название ручное рубило. Самые древние бифасы найдены в Олдувае, им около 1,5 млн. лет. Постепенно бифасы становятся тоньше, симметричней, продольные края более острыми и ровными, у них начинают обрабатывать уже всю поверхность.

Самым простым орудием древнего палеолита являлась, очевидно, рогатина из дерева с обожженным и заостренным концом. Из рогатин древнего палеолита следует напомнить об обожженном конце из Клектон-он-си домустерского местонахождения в Англии. Слой бурого угля, образующегося при обжигании придает дереву не только крепость, но и сопротивляемость химическим факторам тления. Конец рогатины, аналогичный клетонскому, был найден в Испании на стоянке Торральба вместе с костями убитых животных и ручными рубилами. Целая рогатина из Лерингена лежала среди костей древнего слона, между ребрами его скелета. Орудие сохранилось, так как попало в яму с известковой водой, в которой был растворен мергель. Тяжело раненные слоны умирают вблизи воды – ручья или просто лужи. Механические достоинства рогатины состояли в ударной силе. Человек направлял рогатину в тело животного с очень близкого расстояния, вкладывая в удар рогатиной не только силу обеих рук, но и большую часть веса своего тела; однако скорость движения ее была ниже скорости полета метательного копья. (Семенов А. С., 1968, 283)

Увеличивается число орудий, изготовленных из отщепов – более или менее тонких сколов, сколотых со специально подготовленных, оббитых кусков камня (нуклеусов). От того, насколько аккуратно оббит нуклеус, зависели форма и толщина отщепа, длина рабочего края. В конце ашеля подготовка нуклеусов становится виртуозной, с них скальваются отщепы заранее намеченной формы – треугольные, пластинчатые, с одним утолщенным краем (обушком) и т.д. Их можно использовать в качестве орудий без всякой дополнительной подправки.

Данные об образе жизни людей древнего палеолита скудны. Тот факт, что площадь ойкумены постепенно увеличивалась, свидетельствует о возрастании численности гоминид, а по мере возрастания их численности неизбежно должна была увеличиваться и конкуренция за ресурсы. Это заставляло совершенствовать старые и искать новые способы жизнеобеспечения, одним из которых могла стать, по Л. Б. Вишняцкому, «доместикация» огня, а другим – систематическая охота, в том числе и на крупных животных.

Самые древние кострища и остатки очагов обнаружены на нижнепалеолитических памятниках северного полушария. На стоянках Вертешсёллеш (Венгрия), Бильцинглебен (Германия), Терра-Амата (Франция), Торральба (Испания) и ряде других найдены следы костров, горевших примерно 300-400 тыс. лет назад. По археологическим материалам невозможно точно уста-

новить, как именно получали огонь обитатели нижнепалеолитических стоянок. Скорее всего, первоначальные источники огня имели природное происхождение. Поскольку естественное возгорание в результате удара молнии, извержения вулкана и тому подобных причин – явление для большинства областей земного шара довольно редкое, огонь, полученный из природы, приходилось тщательно оберегать и поддерживать, чтобы не дать ему угаснуть. Самым надежным, а подчас, возможно, и единственным источником огня в период, когда им уже умели пользоваться, но еще не умели его добывать, была, как считают многие ученые, его передача от человека к человеку, от одной группы к другой.

Впоследствии, когда огонь стали добывать искусственно, делать это могли ударом камня о камень или трением дерева о дерево, но оба эти способа, как показывают эксперименты и многочисленные наблюдения этнографов, требуют большой сноровки, значительных физических усилий, а кроме того, их успех часто зависит от благоприятных климатических условий в частности, от такого фактора, как влажность воздуха.

Встречаются в нижнем и особенно среднем палеолите и следы разного рода строительных конструкций из крупных костей животных и камней, хотя они не столь часты, как очаги и кострища, и труднее поддаются однозначной интерпретации. В некоторых случаях какие-то подобию искусственных укрытий устраивались, по-видимому, даже внутри пещер (например, на мустьерских стоянках Ла Феррасси и Комб Греналь во Франции).

Свидетельства охоты на таких крупных животных, как древний слон появляются уже в ашельское время на ряде местонахождений Европы, Африки и Азии. Так, например, обитатели стоянок Торральба и Амброн в Испании, как предполагается, успешно охотились на слонов, которых сначала загоняли в топкое болото, а потом убивали. Этот же метод архантропы, жившие в Олдувайском ущелье, использовали при охоте на крупных копытных. Верхний слой стоянки Ла Микок дает картину настоящего лагеря охотников, преимущественно за лошадью крупной породы. Остатки лошади образуют здесь огромные скопления, целый слой слежавшихся костей, превратившихся в костную брекчию. Другой пример – стоянка Кэвр в районе Суассона, По словам П. П. Ефименко она представляла собой «обширное нагромождение костей, большей частью расколотых, настолько значительное, что их разрабатывали для удобрения полей... Предметом охоты здесь также являлась преимущественно лошадь, затем мамонт, бык, канадский олень, сибирский носорог и другие животные» (Ефименко П. П., 1953, с. 180-181).

В начале антропогенного периода (**поздний плиоцен**), 2,5-3 млн. л. назад, природные условия центра Евразии сильно отличались от современных. Каспийское море сливалось с Черным, образуя Апшеронский бассейн, который заливал всю Прикаспийскую низменность, на востоке доходил до низовьев современной Амударьи. В Северной Евразии начали образовываться первые покровные оледенения (ни одно из них не доходило до границ Казахстана).

В горных системах континента начался новый этап тектонической активности. Высота гор на юго-востоке Казахстана превысила 5000 м. Прекратился доступ теплых воздушных масс с юга. Высокогорные массивы покрылись снежниками и ледниками, развилось Хан-Тенгринское полупокровное оледенение. Возросла континентальность климата. Место саванн заняли степи и пустыни (Аубекеров Б. Ж., Нигматова С. А., 2004), по которым бродили овернские мастодонты (*Anancus arvernensis*), слоны Громова (*Archidiskodon gromovi*), табуны лошадей Стенона (*Equus stenonis*), двурогие носороги (*Dicerorhinus*), верблюды – пребактриан (*Paracamelus praebactrianus*) и гигантский (*Paracamelus gigas*), крупный бобр (*Trogontherium sinensis*), другие грызуны, страусы (*Struthioniformes*). На них охотились крупные саблезубые кошачьи хищники гомотерии (*Homotherium*). (Тлеубердина П. А., Кожамкулова Б. С., Кондраченко Г. С., 1990; Тлеубердина П. А., 2005). Ни человека, ни его предков или родственников на территории Евразии в это время не было.

В **раннем плейстоцене** на территории Казахстана растительность была близка современной. На севере республики были развиты лесостепи с островными и приречными лесами. На юге – степи и пустыни, в горных областях располагались леса с теплолюбивыми представителями торгайской флоры, реликты которой сохранились здесь до наших дней. Из многочисленных местонахождений ископаемой фауны в различных регионах Казахстана Б. С. Кожамкуловой описаны виды млекопитающих, которые образуют кошкурганский фаунистический комплекс. В него входят: южный слон (*Archidiskodon trogontherii*), настоящая древняя лошадь – Мосбахская (*Equus (Equus) mosbachensis*), санменская лошадь (*E. (Allohippus) sanmeniensis*), напоминающий африканского осел (*E. (hemionus) hydruntinus*), носорог Мерка (*Dicerorhinus kirchbergensis*), сибирский эламотерий (*Elasmotherium sibiricum*), гигантский верблюд (*Paracamelus (Paracamelus) gigas*), бизон Шётензака (*Bison (Bison) schoetensacki*), широколобый лось (*Alces latifrons*), благородный олень (*Cervus elaphus*), газель (*Gazella (Gazella) subgutturosa*) и др. (Кожамкулова Б. С., 2005).

Кости этих животных в разных количественных соотношениях встречаются на древнепалеолитических памятниках Южного Казахстана – Кошкурган, Шоктас и др. совместно с каменными орудиями первобытного человека. Комплекс артефактов по технико-типологическим признакам разными авторами определяется по-разному. О. А. Артюхова (1994), А. Н. Рыбалко (1999) относят их к эпохе мустье; А. П. Деревянко, В. Т. Петрин, Ж. К. Таймагамбетов (2000) считают индустрию этих памятников ашельской. Наиболее ранние культуросодержащие горизонты с индустрией имеют даты: 500±23; 487±20; 470±35; 427±48 тыс. л. н., полученные методом ЭПР по костям ископаемых животных.

Академик А. П. Деревянко, выдвинул теорию о двух этапах – миграционных волнах – заселения первобытными людьми Старого Света. «В ходе первой миграционной волны *Homo erectus* | *Homo ergaster*; вышедший из Африки (не позднее 2 млн. л. н.), в течение нескольких сотен тысяч лет заселил значительную часть Евразии... в этом смысле определенным феноменом яв-

ляется появление среди раннепалеолитических местонахождений микроиндустрий...: Изерния ла Пинета в Италии, Бизат Рухама в Израиле, Кульдара и др. в Таджикистане, Кошкурган и др. в Казахстане, Кульбулак в Узбекистане, Сяочанлянь, Дунгута и др. в Китае... Вторая миграционная волна, которая начала двигаться 450-350 тыс. л. н., скорее всего, с Ближнего Востока, связана с распространением в Евразии позднеашельской индустрии, индикаторами которой являются элементы леваллуазского первичного расщепления и бифасы» (Деревянко А. П., 2009).

Отнесение памятников Кошкурган и Шоктас к первой миграционной волне пусть остается на совести автора гипотезы. А вот появление эректусов на территории Казахстана в раннем плейстоцене вполне может быть принято. Об этом свидетельствуют и многочисленные памятники открытого типа с древнепалеолитической индустрией – Борыказган, Танирказган, Кызылтау и др. Еще ранее Х. А. Алпысбаев и А. Г. Медоев высказывали предположения о заселении территории Казахстана в позднем плейстоцене или раннем антропогене *Homo habilis* 'ом или ранними формами *Homo erectus*. (Алпысбаев Х. А., 1979; Медоев А. Г., 1982). Эти теории пока не могут считаться доказанными, тем не менее они позволяют ставить вопрос об очень раннем заселении территории Казахстана архантропами и проводить целенаправленные поиски и исследования древнейших палеолитических памятников.

В **среднеплейстоценовую** эпоху повсеместно происходили интенсивные тектонические движения. Горы набирали высоты. В начале среднего плейстоцена наблюдалось увлажнение климата, которое сменилось затем похолоданием, пустыни чередовались с сухими степями и зональными кустарничковыми степями и лугами. Господствующее положение в фауне заняли представители прииртышского фаунистического комплекса с обитателями открытых ландшафтов: трогонтериевым слоном (*Archidiskodon trogontherii*), длинноногим бизоном (*Bison priscus gigas Fler.*), сайгой (*Saiga tatarica*), шерстистым носорогом (*Coelodonta antiquitatis*), большерогим гигантским оленем (*Megaloceros giganteus ruffi*), северным оленем (*Rangifer tarandus*), верблюдом Кноблоха (*Camelus knoblohi*), хазарской лошастью (*Equus chosaricus*), на северной половине республики неоднократно находили остатки мамонтов (*Mammuthus chosaricus*) (Кожамкулова Б. С., 2005).

По археологическим материалам граница между нижним и средним плейстоценом в Казахстане не прослеживается.

Набор орудий на ашельских стоянках и техника их изготовления довольно разнообразны, причем уже на самых древних из них присутствуют нуклеусы и сколы техники леваллуа (когда форма отщепа предопределяется специальной оббивкой нуклеуса). Хорошо представлены и другие техники, обычные для памятников Европы и Ближнего Востока. В небольшом количестве имеются на всех памятниках орудия из галек и похожих на них обломков породы. Ручные рубила немногочисленны, появляются в конце эпохи. Преобладают орудия из отщепов – ножи, скребла, зубчатые и выемчатые орудия.

В **позднем плейстоцене** на территории Европы архантропов сменили палеоантропы. Европейские палеоантропы разделяются на две группы. Первая – *Homo heidelbergensis* или пренеандертальцы, известные по находкам в Петралоне (Греция), Саккопасторе (Италия), Вертешселлеше (Венгрия), Араго, Фонтешеваде (Франция), Сванскомбе (Англия), Мауэре, Штейнгейме (Германия) и т.д. Вторая группа – «классические неандертальцы» (*Homo neanderthalensis*). Они появились не позднее 130 тыс. л. н. Родиной неандертальцев, очевидно, была Европа, затем они расселились по Западной, Средней Азии и далее на северо-восток. Наиболее известны находки в пещерных памятниках Ля Шапелль-о-Сен, Ле Мустье и Ля Феррасси (Франция), Спи (Бельгия), Амуд, Кебара, Табун (Израиль), Шанидар (Ирак), в гротах Тешик-Таш и Оби-Рахмат (Узбекистан), пещера им. Окладникова и Денисова пещера на Алтае.

Неандертальцы были относительно невысокими (165-170 см), с массивными костями скелета. По величине мозговой полости они не отличались от современных людей. Несмотря на некоторые особенности анатомии черепа, их отличие от современных людей внешне незначительно (Вишняцкий Л. Б., 2010).

Анализ химического состава костного коллагена примерно 15 европейских неандертальцев показал, что продукты животного происхождения занимали в их рационе очень важное место, такое же, как в рационе живших одновременно с ними хищников (волк, гиена, пещерный лев). В основном это было мясо крупных травоядных животных. Первоначально это было истолковано в том смысле, что неандертальцы питались исключительно мясом, что и послужило причиной их вымирания от нехватки витаминов. Однако в последние годы удалось установить, что в рационе неандертальцев присутствовали корнеплоды, орехи, ягоды, злаки. Причем есть основания считать, что злаки употреблялись в обжаренном и вареном виде (Вишняцкий Л. Б., 2010).

Эпоха существования неандертальского человека и его материальной культуры называется мустье. В мустьерскую эпоху резко увеличивается ассортимент орудий – до нескольких десятков типов; большинство из них сделаны из отщепов (скребла, остроконечники и т. д.). Набор орудий и техника их изготовления у разных человеческих групп достигают заметных различий, что позволяет выделять мустьерские археологические культуры. Время существования мустье приходится на первые две трети позднего плейстоцена.

На территории нашей республики в позднем плейстоцене повсюду проявлялись тектонические движения. Поднятия гор, высотные отметки которых приблизились к современным, способствовали новому разрастанию горно-долинного оледенения. Для внетропической зоны Северного полушария в позднем плейстоцене была характерна мамонтовая фауна, существовавшая в своеобразных ландшафтно-климатических условиях холодной тундро-степи. Свое название эта фауна получила по имени наиболее крупного млекопитающего – шерстистого мамонта (*Mammuthus primigenius*). В состав мамонтовой фауны входили вымершие и ныне существующие животные: шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*), мелкий бизон (*Bison priscus mediator*), бык-тур (*Bos*

primigenius), верблюд Кноблоха (*Camelus knoblochi*), лошади (*Equus caballus*, *E. (hemionus) hemionus*, *E. (Asinus) hydruntinus*), сайга (*Saiga tatarica*), благородный олень (*Cervus elaphus*), архары (*Ovis ammon*), муфлоны (*Ovis ammon cycloceros*), пещерный (*Ursus (Spelaearctos) rossicuss*) и бурый (*Ursus arctos arctos*) медведи, пещерная гиена (*Crocota spelaea*), пещерный лев (*Panthera (Leo) spelaea*), волк, лиса и другие млекопитающие, а также птицы. В эту эпоху, как и в более ранние, несомненно имели место сезонные миграции стадных копытных и сопровождающих их хищников.

Наибольшее количество известных палеолитических памятников в Казахстане относится именно к эпохе мустье. На долговременных стоянках-мастерских и охотничьих лагерях сохранилось огромное количество орудий труда и оружия. Для их изготовления использовались разнообразные горные породы, различные способы оформления нуклеусов и получения сколов, дополнительной (вторичной) отделки орудий. Все это позволило выделить на территории Сарыарки культуры: *мустье типичное* (Чингиз), *леваллу-мустье* (Семизбугу 10А, сильнодефлированная серия, Хантау в Юго-Западном Прибалхашье и др.), *мустье ашельской традиции фашии леваллу* (Семизбугу 10А, среднедефлированная серия), *мустье ашельской традиции фашии нелеваллу* (Семизбугу 10А, слабодефлированная серия), *мустье зубчатое* (Бурма) (Артюхова О. А., 2004, 2013).

В мустьерское время круг добываемых животных расширяется. Изучение фаунистических материалов со стоянок Зальцгиттер-Лебенштедт (Германия), Моран (Франция), Ильская (Россия) и ряда других, позволило сделать вывод, что их обитатели регулярно добывали крупных травоядных животных (северного оленя, тура, бизона и т.д.), причем в основном это были взрослые особи, преследование и забой которых сопряжены с наибольшими трудностями, могут представлять немалую опасность для охотников и требуют особого искусства. Анализ химического состава костей европейских неандертальцев также показал, что продукты животного происхождения занимали в их рационе очень важное место, – такое же, как в рационе живших одновременно с ними хищников (волк, гиена, пещерный лев).

Все мустьерские стоянки с ископаемыми культурными слоями совершенно одинаково рисуют необыкновенно богатый мир травоядных животных, являвшихся предметом охоты неандертальцев. Одни из этих животных – дикие быки лошади – бесчисленными стадами паслись на открытых равнинах, другие придерживались лесной чащи. Сюда относятся различные виды оленей, в частности крупная разновидность благородного оленя, затем гигантский олень, лось и др. К ним присоединялись огромные стада мамонтов. Даже носороги, которые вели преимущественно одиночный образ жизни, встречаются в некоторых стоянках среднего палеолита в очень большом количестве. На равнинах Восточной Европы в состав этих стад входили обитатели засушливых степей Азии – гиганты эласмотерии, большие верблюды, дикие ослы, антилопы-сайги, длиннорогий зубр и др. (Ефименко П. П., 1953, с. 226-227).

Обилие травоядных животных объясняет необыкновенную многочисленность крупных хищников, из которых многие с развитием оледенения приспособились к жизни в пещерах и расщелинах скалистых обрывов речных долин. Создается особая порода пещерного медведя, отличающегося крупными размерами. Обилие костей медведей крупных пород в нижних слоях пещер Франции, относящихся к ранней поре среднего палеолита, побудило первых исследователей назвать это время эпохой пещерного медведя. В некоторых пещерах Европы встречаются остатки целых поколений пещерных медведей в виде огромных скоплений костей, например в небольшом гроте Ильинка под Одессой – свыше 400 особей, в пещере Покала близ Триеста – около 1 000 особей и т.д. (Ефименко П. П., 1953, с. 227).

Спутником пещерного медведя являлась пещерная гиена, следы которой в виде копролитов, и костей, изгрызенных необыкновенно сильными зубами этого животного, постоянно попадают в пещерных стоянках мустьерской эпохи. Наконец, здесь известны остатки более редкого, но и наиболее опасно хищника – большого пещерного льва.

Можно полагать, что климат эпохи максимального оледенения был неровный, с холодным, сырым, дождливым летом, и более сухими, не слишком морозными зимами, когда постоянные токи воздуха, падавшие с ледников, поднимали пыльные бураны, которые откладывали на открытых равнинах массу пыли, приносившейся ветрами с песчаных полей, окаймлявших морену. Только крайне неровным климатом – с периодами дождей, когда буйная растительность покрывавшая водоразделы и склоны речных долин, давала богатые пастбища, необходимые для питания бесчисленного количества травоядных животных, и периодами засух, когда усиливалась деятельность ветра, – можно объяснить появление лессовых наносов, которые в мустьерскую эпоху одевали плато и верхние террасы рек Евразии. В этих условиях, отчасти, может быть, напоминающих природные условия Южной Патагонии и Огненной Земли, но более суровых, проходило в течение многих десятков тысяч лет существование мустьерского человека (Ефименко П. П., 1953, с. 228).

Главным оружием охоты мустьерскому человеку служила увесистая дубина и копьё в виде заостренной тонкой жерди из твердого дерева с обожженным концом. Судя по некоторым находкам, можно думать, что наряду с ними неандерталец уже применял для охоты в открытых местностях болас – оружие патагонцев, то есть крупные, связанные ремнями каменные шары, которыми при удачном забросе опутываются ноги бегущего животного. Округлые, часто намеренно обтесанные камни для метания представляют обычное явление в мустьерских стоянках (Ефименко П. П., 1953, с. 229).

Костный материал из пещеры Тешик-таш говорит об охоте неандертальцев, обитавших среди отрогов Гиссарского хребта (Узбекистан), преимущественно на горных козлов (*Capra sibirica*). О специализированной охоте свидетельствует соотношение костных остатков: из общего количества в 667 костей козлу принадлежало 649. Почти невозможно преследовать козла по сильно

пересеченной местности, которую это животное преодолевает без особых затруднений. Его могли подстергать у водоемов или сбрасывать в пропасти, оцепив стада на площадках (Семенов А. С., 1968, с. 285).

Около 40 тыс. лет назад произошло событие, которое определило современный облик человечества – в Евразии появился человек современного типа – неантроп. Его становление, также как и других видов людей, происходило на Африканском континенте. Именно здесь обнаружены древнейшие остатки людей современной анатомии, именно здесь обнаружены гоминиды переходного характера от *Homo erectus* к *Homo sapiens*. Именно в Африке наблюдается наибольшее генетическое разнообразие среди человеческих популяций, а по мере удаления от Африки оно убывает. Кроме того, скелеты первых европейских *Homo sapiens* имеют особенности, характерные для обитателей тропиков (Вишняцкий Л. Б., 2010, с. 220-224). Внешне эти первые люди современного типа наиболее близки современным бушменам.

Согласно моноцентрической точке зрения, только африканские популяции архантропов имели отношение к происхождению людей современного физического типа. Азиатские архантропы были лишь боковой ветвью на нашем генеалогическом древе.

Сторонники мультирегиональной или полицентристской теории полагают, что превращение *Homo erectus* в *Homo sapiens* происходило повсеместно, т.е. в Африке, в Азии и в Европе, при постоянном генетическом обмене между различными популяциями этих регионов. Этот спор имеет длительную историю и далек от завершения. Поскольку на территории Казахстана пока не обнаружены какие-либо палеоантропологические остатки, мы не можем с уверенностью утверждать, что стоянки позднего палеолита оставлены именно людьми современного типа, а не неандертальцами, к примеру.

По разнообразию каменного инвентаря верхний палеолит превосходит предшествующие эпохи. Богатство набора орудий сочетается с устойчивостью форм и их специализацией. Наиболее характерными орудиями являются резец, служивший для обработки кости и дерева, и скребок для обработки шкур. Резко возрастает число орудий из кости – наконечники копий, гарпуны, тесла-мотыги, шилья, иглы и т.д.

Количество позднепалеолитических памятников в Казахстане очень невелико: Шахбагата и Онежек на Мангышлаке, Кудайколь и Шульбинка в Прииртышье, стоянки им. Ч. Ч. Валиханова и Ащисай в горах Каратау, недефлированные серии в инвентаре стоянок Семизбугу, Майбулак близ Алматы, Ешкитау в Западном Казахстане. Небольшое их количество можно объяснить суровыми климатическими условиями конца ледникового периода. Хотя покровное оледенение и не достигало границ Казахстана, но его холодное сухое дыхание сказывалось на большей части его территории. Впрочем, исследования последних лет показывают, что люди не вымерли, они просто сменили места обитания, уйдя из иссохшего Центрального Казахстана к подножьям гор на востоке и юге, к крупным речным долинам и к берегам Каспийского

моря, которые всегда давали возможность пропитания даже в самые суровые климатические эпохи.

Вплоть до своего исчезновения мамонт был одним из важнейших животных, на которых охотился человек позднего палеолита. Это было животное, хорошо приспособившееся к условиям жизни среди холодных пространств, окружавших приледниковую пустыню. Находки на севере Сибири трупов мамонтов, сохранившихся в слое вечной мерзлоты, показывают, что они были одеты густым меховым покровом в виде мягкого тонкого подшерстка и косматых грубых волос рыжеватого цвета, образовывавших длинную гриву, свисавшую на плечах и с груди зверя. Таким он изображался и на рисунках палеолитического человека. Эти рисунки изображают его косматым, с характерно выступающей головой и горбатой спиной, которая по мнению некоторых зоологов, представляла жировое образование, нагуливавшееся мамонтом в летнее время, когда он имел обильную пищу в виде различных трав, мелких кустарников, ветвей березы, ивы, лиственницы и других древесных пород чахлого северного леса. Конец хобота мамонта был устроен иначе, чем у современного индийского слона: он имел два ладоневидных выступа (верхний и нижний). Челюстной аппарат состоял всего из 1–2 зубов на каждой стороне челюсти. Такие зубы из тонких пластинок эмали, образовывавших на жевательной поверхности извилистые желобки с острыми краями, представляли в целом как бы мощные жернова, которыми мамонт мог измельчать любой материал. Это было огромное животное, своими размерами значительно превосходившее современного индийского слона, в котором приходится видеть его ближайшего родственника. Череп его украшали гигантские бивни, превышавшие иногда 4 м в длину и имевшие свыше 200 кг веса. У самцов большие бивни изогнуты в виде части оборота спирали и направлены таким образом, что они, видимо, были мало пригодны в качестве орудия защиты или нападения и, как гигантские рога у оленя мегацероса являлись, скорее, довольно бесполезным украшением старых слонов. (Ефименко П. П., 1953, с. 347–348).

Несмотря на свою силу и казалось бы грозное вооружение, это было в общем тяжелое, малоповоротливое животное, видимо, не представлявшее особенно опасного противника для палеолитического человека. Человек охотился на него постоянно, добывая его в большом количестве. Жили мамонты большими стадами, придерживаясь главным образом равнинных пространств вблизи водоемов. Мамонт, видимо, мог приспосабливаться к различным условиям существования, поскольку его остатки встречаются на огромном пространстве от побережья Ледовитого океана до Китая, Малой Азии и Аппенинского полуострова.

Мамонт должен был привлекать человека массой мяса и сала, которые давала его туша, и большим количеством мозга и костного жира. Скопления костей мамонта сопровождают многие поселения Восточной и Средней Европы. Они явно служили хозяйственным запасом, служившим для разных целей. В Костенках 1 были найдены особые вырытые в земле хранилища, окружав-

шие основное жилище и заполненные костями мамонта. Особенно ценились бивни мамонта, дававшие прекрасный поделочный материал для развивающейся в позднем палеолите обработки кости (Ефименко П. П., 1953, с. 350).

Можно предполагать, что первобытное население Европы и Северной Азии применяло для охоты на мамонта различные приемы, которые и сейчас практикуются охотничьими народностями для поимки крупных толстокожих. Особенную роль здесь должны были играть облавы с помощью огня (причем преследуемые животные загонялись в топкие места или в ущелья, где они добивались охотниками) и другие подобные способы. Может быть, человек уже применял для добывания этого огромного зверя метательные стрелы, отравленные сильно действующим растительным или животным ядом, как это делали еще совсем недавно многие из современных охотничьих племен, что не мешало им пользоваться мясом отравленного животного. Во всяком случае, весьма добычливый характер охоты на мамонта в условиях позднего палеолита не мог не быть связан с глубоким знанием привычек зверя (Ефименко П. П., 1953, с. 350).

На отдельных стоянках (Пшедмостье в Моравии) число убитых мамонтов исчисляется сотнями. Крупные особи имели со спины до 3,5 м высоты. Пара бивней достигала 300 кг веса. Шкура, снятая с животного, занимала площадь около 30 кв. м. Общий вес костей в сыром виде (без бивней) приближался к 1 500 кг. (Семенов А. С., 1968, с. 286).

Другим очень важным промысловым животным в раннее время позднего палеолита была дикая лошадь, водившаяся огромными табунами на степных равнинах Европы и Азии. Об охоте на диких лошадей (Equidae) говорят стоянки Западной и Средней Европы, бассейна рр. Днепра, Дона (Костенки, Боршево), Оки, Волги, а также Крыма, Кавказа, Урала, долины р. Енисей, Прибайкалья, Средней Азии.

Успех облавной охоты на диких лошадей обеспечивался паникой, охватывающей стада при нападении. Предполагается, что высокая скала в Солютре и служила тем роковым местом для многих тысяч лошадей, откуда их сбрасывали охотники. Применялись ограждения, направляющие бегущих в панике животных. В. Зёргель считает, что лошади почти все погибали на месте падения, а оставшихся в живых добивали охотники. Судя по изображению лошади в испанской пещере Пасьега с петлями на задних ногах, и лошади в гроте Комбарель с веревкой на шее и вдоль спины, а также на морде, можно предполагать ловлю животных арканом (Семенов А. С., 1968, с. 286).

Среди изображений животных в искусстве позднего палеолита изображения лошади и мамонта являются одним из наиболее распространенных. Судя по рисункам и скульптурным изображениям, дикая лошадь в ледниковое время была представлена несколькими видами. Наиболее древние лошади позднего плейстоцена были и более крупными. Их можно рассматривать как предков современной европейской лошади. К концу позднего палеолита они вытесняются степной маленькой лошадей, и сейчас водящейся в диком со-

стоянии на плоскогорьях Центральной Азии и получившей название лошади Пржевальского. Этот вид лошади отличается от европейской лошади низкорослостью, большой головой, густой, косматой шерстью, сбрасываемой летом, которая защищает ее зимой от сильных морозов. Кроме мяса, костного мозга, шкуры и костей, также находивших применение в хозяйственной деятельности человека, лошадь давала позднепалеолитическому охотнику ценный материал в виде конского волоса, который он широко использовал для плетения веревок, силков, ловушек и т.п. (Ефименко П. П., 1953, с. 351).

Палеолитические охотники убивали также зубров (бизонов). В позднем палеолите изображения зубра широко представлены в Южной Франции и Испании, хотя количество костей этого животного в стоянках редко достигает 2-3%. Другое положение находим в Восточной Европе. В мустьерской стоянке Ильская на р. Кубани обнаружены остатки от 2 400 зубров. Здесь были найдены и остатки мамонтов, лошадей, гигантских и благородных оленей, диких ослов, кабанов, пещерных медведей и др., давших лишь 40% всего состава фауны.

В Амвросиевке (поздний палеолит Донбасса) найдены кости 950 особей зубра. Северная Азия не дает таких скоплений. Но на стоянке Кокорево 1 (р. Енисей) была обнаружена лопатка зубра, пробитая роговым наконечником. Главным орудием охоты на зубра было копье с костяными и вкладышевыми наконечниками. В изображениях этого животного обычно подчеркнуты наконечники копий и раны на теле зверя (Семенов А. С., 1968, с. 289).

Охота на мамонта, северного оленя, шерстистого носорога, зубра, лошадь охватывает почти все северное полушарие. Состав охотничьей добычи в районе Костенок-Боршева на дону и сибирских стоянок (Афонтова Гора, Кокорево, Верхоленская Гора, Мальта), несмотря на разделяющие их тысячи километров, показывает много общего. И здесь, и там – остатки быков, медведя, сайги, пещерного льва, волка, песца, россомахи, зайца и др. Но на Дону не было горных баранов, сибирских козлов, джигетаев, а на рр. Енисее и Ангаре – кабанов. В Костенках, Гагарине, Авдееве копыта оснащались кремневыми наконечниками с выемкой или листовидными (Тельманская). В Сибири – костяными и роговыми наконечниками мальгинского типа, а также обычными гарпунами (Верхоленская гора) (Семенов А. С., 1968, с. 289).

Костные остатки на стоянках древнего и среднего палеолита говорят, что охота на птиц не играла в эти эпохи роли, хотя кости пернатых иногда встречаются. В стоянках позднего палеолита процент птичьих костей немного возрос, появились изображения птиц. Некоторое значение в охотничьем хозяйстве приобрела снежная куропатка.

Изобретение копьёметалки увеличило дистанцию полета дротика до 70-80 м. Главным объектом охоты при помощи копьёметалки служил олень. Копьёметалки, известные по археологическим данным, изготовлены из рога оленя. Подавляющее же большинство палеолитических копьёметалок охотники, по-видимому, делали из дерева. В Европе в эту пору, вероятно, существовали

бумеранги. Основанием для такого предположения служит предмет, найденный П. П. Ефименко в Костенках 1. Он сделан из ребра мамонта и имеет форму кривой сабли. Длина его 50-55 см. Благодаря твердости, весу, остроте края он представлял эффективное орудие охоты на мелких животных и птиц. (Семенов А. С., 1968, с.287).

Охотники позднего палеолита располагали новой системой вооружения – метательными копьями с каменными, костяными и вкладышевыми наконечниками, а позднее даже гарпунами, луком и стрелами. В Аренсбурге найден разбитый кремневый наконечник стрелы в одной из оленьих лопаток, а также было собрано более десятка древков стрел из хвойной породы, длиной 75 см и диаметром 0,5–1 см. На конце их оказались выемки, как думает А. Руст, для упора в тетиву лука. Зарубки имели глубину от 2 до 4 см и могли служить гнездами для наконечников. Таким образом, есть основание считать, что лук появляется в конце мадленской эпохи. Появление его связано с охотой на оленя. Быстрота, пугливость, способность чувствовать охотника на расстоянии затрудняли на него охоту с копьем. Вместе с тем невысокая сопротивляемость организма травмам делали его легкой жертвой стрелы, отличающейся скоростью полета и дальностью (Семенов А. С., 1968, с.287).

В конце позднего плейстоцена, 26-12 тыс. л. н. наступила фаза максимального развития позднечетвертичного ледника, которая сопровождалась крупными изменениями географической структуры Земли. В Средней Азии и в целом во всем пустынном поясе северного полушария (от Северной Африки и до полуострова Индостан) распространился своеобразный пустынный – холодный и сухой климат. Резко усилилась ветроэрозийная деятельность, на приморских равнинах формируется песчаный эоловый рельеф, огромные массы пыли в виде лессовых отложений заполняют межгорные впадины и речные долины. Зона многолетней мерзлоты проникала в Сарыарку по низкогорно-мелкосопочному району главного водораздела степи. (Аубекеров Б. Ж., Нигматова С. А., 2011). В криозоне сформировались условия, близкие к тундростепям. Одним из следствий похолодания явилось значительное расширение ареала мамонта, вплоть до линии Аральск – ст. Чу – Алматы.

Животный мир мало отличается от предыдущей, мустьерской эпохи, разве что мамонт представлен поздним типом, шерстистый носорог более мелкий и т. д. В конце ледникового периода некоторые крупные млекопитающие (мамонт, носорог) вымирают совершенно, другие (сайга, бизон) становятся малочисленными.

На многих верхнепалеолитических поселениях выявлены остатки жилищ, очагов, ям-кладовых и других сооружений хозяйственно-бытового назначения. Впервые объекты такого рода были детально исследованы российскими археологами С. Н. Замятниным и П. П. Ефименко на стоянках Гагарино и Костенки в верховьях и среднем течении Дона. Остатки жилищ открыты теперь и на многих других памятниках Русской равнины, Сибири, Центральной и Западной Европы, Ближнего Востока.

Для постройки жилищ палеолитические люди использовали камни, кости крупных животных (прежде всего мамонта), их шкуры. В теплое время года или в районах с мягким климатом в ход шли и менее прочные материалы. Так, на поселении Охало 2 в долине р. Иордан (Израиль), имеющем возраст около 20 тыс. лет, удалось выявить остатки шести хижин, сооруженных преимущественно из ветвей и листьев. Вещества растительного происхождения сохранились на этом памятнике необычайно хорошо вследствие его длительного пребывания под водой без доступа воздуха.

Верхнепалеолитические дома имели в одних случаях круглую, в других продолговатую форму, иногда это были полуземлянки, перекрытые каркасом из бивней, жердей и шкур, иногда наземные постройки из тех же и других материалов. Обычно внутри жилища располагались очаги (один или несколько), а по соседству с ними находились разного рода хозяйственные ямы, служившие для хранения орудий, запасов сырья, пищевых продуктов, а также для удаления отходов. На некоторых поселениях выявлено несколько жилых комплексов, но, как правило, очень трудно достоверно установить функционировали ли они одновременно, или же между ними существует какой-то хронологический разрыв.

Отдельные вещи, находимые при раскопках верхнепалеолитических стоянок, позволяют составить приблизительное представление о том, как люди этой эпохи одевались, какую утварь они использовали в быту, как готовили пищу и т. д. О характере одежды иногда можно более или менее уверенно судить по расположению бус и украшений на костяках в хорошо сохранившихся погребениях, и, главное, по некоторым произведениям мелкой пластики (статуэткам), передающим те или иные элементы костюма. Почти все находки такого рода происходят из северных районов Евразии и свидетельствуют о том, что верхнепалеолитические обитатели этих территорий носили одежду примерно такого же покроя, какой донныне предпочитает коренное население северо-востока Азии. В частности, широкое распространение имел, вероятно, комбинезон с капюшоном, сшитый из шкур и мехов. Что касается утвари, применявшейся в домашнем хозяйстве, то в основном она изготавливалась, конечно, из материалов растительного происхождения, и потому, за редчайшими исключениями, просто не могла сохраниться. Тем не менее, благодаря нескольким уникальным находкам, достоверно известно, что, как минимум, 25 тыс. лет назад уже существовали плетеные изделия. Это могли быть корзины, подстилки, веревки, элементы одежды и т. д. Посуда, наверняка была в основном деревянной, хотя кое-что делали и из кости. Некоторые вещи, как, например, жировые светильники или емкости для растирания охры, могли изготавливать также из мягких пород камня, сталагмитов и тому подобных материалов. Глиняные сосуды в быту практически не употреблялись, но, вероятно, вовсе не потому, что их не умели делать. Ведь керамические изделия встречаются на ряде памятников Европы и Северной Азии, начиная с середины верхнего палеолита. Однако, глиняные вещи в рассматриваемый период

использовались почти исключительно в идеологической, обрядовой сфере. В основном они представлены статуэтками, дошедшими до нас, как правило, в виде фрагментов, либо, напротив, мелкими неглубокими сосудами, которые, скорее всего служили в качестве жировых светильников (их находят в темных частях пещер, где есть настенная живопись). Впрочем, кроме этого глина в верхнем палеолите порой использовалась и с чисто утилитарной целью – для обмазки очагов (Вишняцкий Л. Б., 2005, с. 217-223).

ГЛАВА 6

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САРЫАРКИ

В условиях аридной зоны, к которой относится Сарыарка, на большинстве памятников никогда не существовало культурного слоя в традиционном его понимании. Каменные изделия в подавляющем большинстве обнаружены на древней поверхности не перекрытыми рыхлыми отложениями, т. е. в «открытом», поверхностном залегании. Это определяется тем обстоятельством, что в аридной зоне процессы денудации преобладают над процессами аккумуляции. Здесь обычны памятники «с поверхностным культурным горизонтом» или «с поверхностным залеганием артефактов». В отличие от погребенного культурного слоя, который формируется в относительно короткий отрезок времени, горизонт включает в себя разновременные накопления, порой отделенные друг от друга десятками тысячелетий.

На территории аридной зоны Азии наиболее распространенными типами палеолитических памятников являются: поселения-мастерские, поселения, стоянки и мастерские.

Поселения-мастерские, или стоянки-мастерские, характеризуются большой площадью простирания, преобладанием в каменном инвентаре изделий, связанных с первичным расщеплением, крайней малочисленностью орудийного набора.

Поселения также характеризуются большой площадью распространения находок, преобладанием в каменном инвентаре орудий и связанных с ними отходов производства, малочисленностью нуклеусов.

Стоянки отвечают следующим критериям: относительно небольшая площадь сборов; каменный инвентарь немногочисленный, среди него преобладают те или иные группы орудий.

Мастерские бывают двух типов. Одни мастерские расположены непосредственно у выходов пород, пригодных для изготовления орудий, на них многочисленны коллекции артефактов, принадлежащих разным эпохам; в коллекции велика доля преформ, крупных краевых и полукраевых сколов, а доля

орудий, напротив, небольшая, либо они полностью отсутствуют. Мастерские другого типа – «рассеянные» привязаны к россыпям галек из изотропных пород. Их можно обнаружить на конусах выноса небольших рек при выходе в магистральную долину. Площадь их простирается бывает огромна, коллекции находок, зачастую разновременных, также велики, состоят из преформ, нуклеусов, краевых и полукраевых сколов.

Наиболее значимые палеолитические памятники и местонахождения Сарыарки относятся именно к таким разновременным мастерским и стоянкам-мастерским. Поэтому при очередности описания памятников нам придется руководствоваться не столько культурно-хронологическими критериями, сколько значимостью памятника для решения вопросов происхождения и эволюции палеолитических индустрий и культур в Сарыарке.

Комплекс стоянок-мастерских и поселений-мастерских Семизбугу занимает ключевое место в решении проблем генеза и эволюции каменных индустрий и культур в Центральном Казахстане. Коллекции принадлежат разным палеолитическим эпохам, насчитывают тысячи образцов, что позволит сделать статистически значимые выводы.

6.1. СТОЯНКИ-МАСТЕРСКИЕ СЕМИЗБУГУ

Стоянки-мастерские гор Семизбугу были открыты А.Г. Медоевым в 1961 году в процессе полевых работ Северо-Балхашской экспедиции ИГН АН КазССР. Работы на этих стоянках проводились в 1961 и 1962 гг. Результаты исследований суммарно и в самом общем виде опубликованы им в обобщающих статьях (Медоев А. Г., 1962, 1964, 1965 а, б, 1970, 1979, 1982. Коллекции с местонахождений Семизбугу 2 и Семизбугу 4 были обработаны и опубликованы позднее (Деревянко А. П. и др., 1993; Артюхова О. А. и др., 2001). Материалы местонахождения №10 опубликованы лишь частично (Артюхова О. А., 2013), хотя это местонахождение интересно отличием от других пунктов преобладающим более древних артефактов.

Горы Семизбугу представляют собой древний мелкосопочный массив, расположенный в 60 км на восток от пос. Саяк, на западной окраине бассейна среднего течения р. Туранги. На его восточных склонах берут начало притоки р. Туранги, на западных – притоки р. Моллабулак. Массив вытянут в меридиональном направлении на 15 км при средней ширине около 5 км. Образован в результате расчленения девонской осадочной толщи, сложенной кремнистыми алевролитами и песчаниками (*Фото 2-5*).

Рельеф Семизбугу представлен грядами и увалами, при этом обнаруживается трехступенчатое ярусное строение.

Высокий ярус гор Семизбугу представлен двумя грядами, вершины которых являются наиболее высокими точками гор Семизбугу, абсолютные отметки 754,9 и 758,8 м. Они возвышаются над средним мелкосопочником на 25–30 м. Относительные превышения гряд над подножьями гор равны 100–108 м. Гряды вытянуты в субмеридиональном направлении на 0,8–1 км согласно

простирацию коренных пород. Вершины гряд заметно выпуклые, но значительная ширина их (около 30–60 м) несколько скрадывает это. Окремненные темно-серые и черные алевролиты обычно слагают наиболее высокие элементы рельефа.

Сравнительно крупные размеры подчеркиваются их мягкими округлыми очертаниями. Склоны в верхних своих частях выпуклы, плавно соединяются с вершинами; ниже они имеют вогнутые профили и постепенно переходят в плоские вершины среднего грядово-увалистого рельефа. Крутизна их колеблется от 15° до 30°, расчленение незначительное. Формирование гряд относится к доверхнемеловому этапу рельефообразования. Это подтверждается гипсометрическим соотношением данного рельефа со средним, у подножия которого развита кора выветривания верхнемелового-палеоценового возраста.

Средний грядово-увалистый рельеф распространен гораздо шире, чем высокий подтип. Абсолютные отметки достигают 690–730 м. Относительное превышение варьирует в пределах 50–70 м. Данный рельеф выработан на породах палеозойского субстрата: порфиритах, алевролитах и песчаниках девона. Ориентировка увалов и гряд на западных склонах Семизбугу подчинена плану эрозионной сети. Здесь пласты песчаников и алевролитов пересекаются под прямым углом.

Для этого рельефа характерны округлые вершины положительных форм, неглубоко врезанные лога с пологими бортами, с широкими плоскими днищами. Ширина выровненных вершин гряд колеблется от 10 до 30 м. Крутизна склонов обычно равна 15°–18°, но иногда достигает 25°–28°. Возраст средней ступени мелкосопочника снижается до верхнемелового-антропогенного.

Низкий ярус мелкосопочника распространен на периферии гор, абсолютные отметки от 630 до 680 м. Относительные превышения составляют 60–82 м. Гряды и увалы этого яруса являются более древними и относятся к верхнемеловому-палеогеновому этапу расчленения. Низкий мелкосопочник занимает сравнительно обширные участки, возвышаясь над цокольными равнинами или днищами долин всего на 20–30 м.

Склоны характеризуются различной крутизной (от 10° до 30°) причем увеличение крутизны приходится на середину склона.

Гряды количественно преобладают над увалами. Их вершины плоски, нередко полого-волнисты и достигают в ширину 200 м при средних значениях около 15–25 м. Положительные формы рельефа отделены друг от друга плоскими, слабо вогнутыми днищами шириной от 10 до 100 м. Датируется низкий ярус рельефа мелкосопочника олигоцен-четвертичным периодом.

Со склонов мелкосопочника сбегает ложковая сеть, которая переходит на северо-востоке и востоке в долину р. Туранга, с западной стороны – в долину р. Алабие. У подножья мелкосопочника с западной и южной сторон наблюдаются делювиально-пролювиальные шлейфы, на которых залегают разновременные стоянки палеолита. Шлейфы формировались в течение плейстоцена и

голоцена. Наблюдается 2 или 3 уровня (ступени) этих шлейфов. Они различаются по своему составу.

Наиболее древние, относящиеся к первому этапу, сложены суглинками со щебенкой и галькой. Мощность их составляет более 5-10 м. Количество обломочного материала уменьшается от вершины шлейфа к его периферии.

Более молодые шлейфы сложены щебнистыми супесями. Они имеют меньшие размеры и мощности и вложены в более древние. Долины, прорезающие склоны мелкосопочника и шлейфы, обычно слабо террасированы. Ниже по течению в долинах рек Алабие, Ащиозек наблюдается 2-3 надпойменные террасы.

На древних шлейфах залегает большое количество обломков песчаников и алевролитов, среди которых много каменных артефактов.

Стоянки-мастерские встречаются на склонах и плоских вершинах мелкосопочника у выходов сырья. В этом же районе в долинах рек Туранга и Ащиозек располагаются стоянки открытого (наземного) типа на речных террасах. Часто одновременные комплексы занимают одни и те же поверхности террас, что, по мнению А. Г. Медоева, свидетельствует о длительных стабильных условиях для стоянок в этих местах.

Юго-западная часть гор Семизбугу густо усеяна различными предметами древнего и позднего палеолита, сделанными из кремнистых алевролитов. Их местонахождения являются «культурными пятнами» на поверхности плоских вершин, склонов и шлейфов конусов выноса и носят характер стоянок-мастерских, приуроченных к выходам коренных пород. Следуя их топографии и локализации археологического материала, можно выделить 11 главных местонахождений, на которых собрано свыше 20 тысяч образцов ашельской, мустьерской и саякской культур.

В рукописном архиве А. Г. Медоева сохранилось краткое описание местонахождений:

№ 1. Центральная часть гор Семизбугу (наивысшая отметка). Вершина вытянутой на 800-1000 м в субмеридиональном направлении гряды. Коллекция с этого местонахождения состоит из 62 отщепов второго (позднего) комплекса и четырех архаичных вещей: отщепы клектонского типа и рубящее орудие типа чоппинг. Сбор инвентаря произведен на площади примерно 150×50 м.

№ 2. Западное подножье гор Семизбугу. В 2 км к западу от предыдущего местонахождения вытянут останец нижеантропогенного шлейфа, находящийся в среднем на высоте 650 м над уровнем моря. Сложен он делювиально-пролювиальными суглинками светло-серой окраски с прослоями щебенки. Имеет легкий наклон. Общая его площадь примерно 2500×300 м.

№ 3. Низкий мелкосопочник гор Семизбугу. В 3 км на юго-запад от первого местонахождения на вершинах, склонах и у подножья сопков найдены разреженные образцы. Коллекция с этого местонахождения состоит из отщепов и нуклеусов позднего, главным образом, комплекса и трех архаичных изделий – два отщепы клектонского типа и массивный пластинчатый отщеп ашельского облика.

№ 4. Западные склоны гор Семизбугу. Стоянка-мастерская находится на плоской вершине гряды в 1,3 км на ССЗ от местонахождения № 1. Абс. высота 700 м, относительная – примерно 40 м. Основная масса артефактов (около 5000 экз.) залегала невероятно густо – на площади 75×25–30 м; на периферии феноменального «культурного» пятна обработанные камни единичны.

№ 5-8. Западные склоны гор Семизбугу. Вершины четырех меридионально ориентированных увалов, расположенных к северо-западу от первого местонахождения в 1,8 км (абсолютная высота 700-720 м, относительная – 30-40 м), дали при сборах около 500 экз. оббитых камней, главным образом, второго комплекса. Это в основном грубые отщепы и нуклевидные формы. Архаичные вещи единичны – несколько отщепов.

№ 9. Западное подножье гор Семизбугу. Плоская поверхность столового останца нижеантропогенного шлейфа, вытянутого к западу на 1,2 км (при средней ширине 0,3 км). Абсолютная высота останца составляет 670 м, относительная (над откопанной цокольной равниной) – 6–7 м.

№ 10. Западное подножье гор Семизбугу. Плоская поверхность останца нижеантропогенного шлейфа, вытянутого к юго-западу на 5 км при средней ширине около 0,4 км (абсолютная высота 650-670 м, относительная – до 7 м). Артефакты собраны на северо-восточной его половине с площади 0,5×0,3 км (около 3000 экз.).

№ 11. Западный склон Семизбугу. По линии подошвы (абсолютная высота 670 м) простирается выход окременных алевролитов мощностью до 3 м, протяженностью свыше 1 км. Сборы вдоль этого выхода дали многочисленные оббитые камни (грубые отщепы, нуклевидные обломки горных пород), относящихся ко второму комплексу. Найдены древнепалеолитические изделия – единичные экземпляры.

Схема расположения этих стоянок, наложенная на геоморфологическую схему мелкосопочного массива Семизбугу опубликована в работе А. Г. Медоева «Гравюры на скалах» (Медоев А. Г., 1979).

Во время полевых работ 2013 г. мы попытались локализовать на местности отдельные пункты Семизбугу, установить их координаты, выявить возможности для дальнейших исследований.

В начале 1960-х гг. район Северного Прибалхашья был довольно плотно заселен, в районе работало много геологических экспедиций, разрабатывались месторождения полезных ископаемых, многочисленным было и сельское население, занимавшееся скотоводством, стояли военные части. Все это отражено на изданных топографических картах. В настоящее время район сильно обезлюдел. Сельского населения практически не осталось. Родники, колодцы, указанные на картах почти все пересохли. Зимовки заброшены. Проселочные дороги, в связи с отсутствием транспорта, заросли травой, отыскиваются с большим трудом. Ближайший населенный пункт – пос. Саяк, большинство домов в нем пустует, имеется единственная архаичная АЗС, водоснабжение нерегулярное.

В мелкосопочном массиве Семизбугу зафиксировали несколько местонахождений артефактов, например, на обширной уплощенной вершине увала с координатами: N=47°08,757'; E=077°49,460'; h=683 м. Его можно с уверенностью идентифицировать со стоянкой-мастерской Семизбугу 10 и 10А – вершина и склоны останца шлейфа конуса выноса. На *фото 6 и 7* показана панорама на лог и массив Семизбугу с вершины этого увала. Увал сложен делювиально-пролювиальными отложениями, которые «бронированы» патицированными обломками известняков и алевролитов, среди которых попадаются и искусственно обработанные (*Фото 8-11*).

На поверхности другого увала, с координатами N=47°08,424'; E=077°49,703'; h=691 м, очевидно, располагалась стоянка-мастерская Семизбугу 4 (*Фото 12-16*).

Артефакты встречались и во многих других местах мелкосопочника (*Фото 17-19*)

Плотность находок на указанных местонахождениях очень небольшая, видимо сборы артефактов сотрудниками экспедиции под руководством А. Г. Медоева были сделаны тщательно и практически без сортировки, полностью. Дальнейшие работы на мелкосопочном массиве Семизбугу в ближайшие годы нецелесообразны.

По наблюдениям А. Г. Медоева, главной особенностью топографии палеолитических стоянок в Северном Прибалхашье является стабильность. Ашельские (*Фото 20-23*), мустьерские (*Фото 24-26*), позднепалеолитические (*Фото 27-30*) образцы каменных индустрий залегают на одной и той же поверхности. Между ними не прослеживаются хронологические разрывы. Каменный инвентарь залегают в неперекрытом и непереотложенном состоянии сплошным покровом и составляет своего рода стратиграфический горизонт. Для ашельских и мустьерских вещей характерна густая и глубокая патина охристых оттенков, а также люстраж, оглаженность ребер и граней. На образцах, сделанных из алевролитов черного цвета, патина иногда бывает яркой, почти оранжевой. Вещи позднепалеолитических типов резко отличаются от архаичных образцов более «свежим» видом, что сообщает дополнительную уверенность в правильности разграничения разновременных материалов одной позиции на три комплекса: ашельский, мустьерский, позднепалеолитический

Характер каменной индустрии всегда и в значительной степени обусловлен геологическим строением и устройством поверхности того региона, в пределах которого происходило ее становление или дальнейшая эволюция.

Комплексы каменных артефактов стоянок-мастерских Семизбугу представляют особый интерес по нескольким причинам: сырье хорошего качества, оно практически не накладывало ограничений на технические возможности мастера; многочисленные разновременные стоянки сосредоточены на небольшом, ограниченном пространстве, следовательно, различия между отдельными комплексами не могут объясняться географическими различиями;

большинство изделий изготовлено из одинакового сырья, поэтому можно воспользоваться критерием состояния поверхности (сохранности) изделий. При тщательном наблюдении можно даже установить изменение положения орудия в далеком прошлом, например, при повторном использовании ашельского изделия в мустьерскую эпоху (с соответствующей вторичной обработкой) оно было брошено на землю другой стороной, и подвергаться природным воздействиям стала сильнее другая поверхность.

6.1.1. Семизбугу 2

В обработке этой коллекции принимали участие казахстанские исследователи – Б. Ж. Аубекеров, Ж. К. Таймагамбетов, О. А. Артюхова и представители новосибирской школы палеолитоведения – А. П. Деревянко, В. Т. Петрин, В. Н. Зенин, В. Г. Петров. Классификация технических и типологических составляющих инвентаря у сибирских археологов несколько отличается от нашей, поэтому даем подробное описание инвентаря коллекции, в качестве методического пособия.

Коллекция данного местонахождения насчитывает 1611 экземпляров. Исходным сырьем для их изготовления служили выходы коренных пород кремнистых алевролитов черного цвета.

В зависимости от состояния поверхности артефактов коллекция была разделена на три группы: сильнодефлированные, среднедефлированные и слабодефлированные.

Сильнодефлированная серия. К ней отнесены 316 предметов.

Первичное расщепление характеризуется 96 экз.: преформы (18 экз.), нуклеусы (5 экз.), нуклевидные обломки (3 экз.), сколы подправки ударной площадки нуклеусов (8 экз.), сколы клетонские (6 экз.), отщепы (5 экз.), первичный скол (1 экз.), вторичные сколы (6 экз.), обушковые сколы (13 экз.), сколы вертикальные с латерали (12 экз.), сколы с фронта скалывания (19 экз.).

Преформы (18 экз.). К ним относятся куски и плитки кремнистого алевролита с негативами одного или нескольких бессистемных сколов. Наиболее крупные куски имеют размеры до 20–25 см по продольной оси.

Нуклеусы (5 экз.) (*рис. 1*). Представлены односторонними леваллуазскими ядрищами, три из них имеют овальную форму, уплощенные. Фронт скалывания подготовлен радиальными центростремительными снятиями. Затем производилось основное снятие в виде черепаховидного массивного отщепы со специально подготовленной короткими сколами ударной площадкой, скошенной под углом 65°–70° к фронту скалывания. Контрфронт выпуклый, оформлен рядом крупных и укороченных центростремительных снятий.

Следующий нуклеус имеет овально-вытянутую форму. Фронт скалывания уплощен, оформлен центростремительными снятиями. Поперечный край, не имеющий дополнительной подправки, использован в качестве ударной площадки для получения основного снятия. Контрфронт выпуклый, имеет негативы грубых центростремительных сколов.

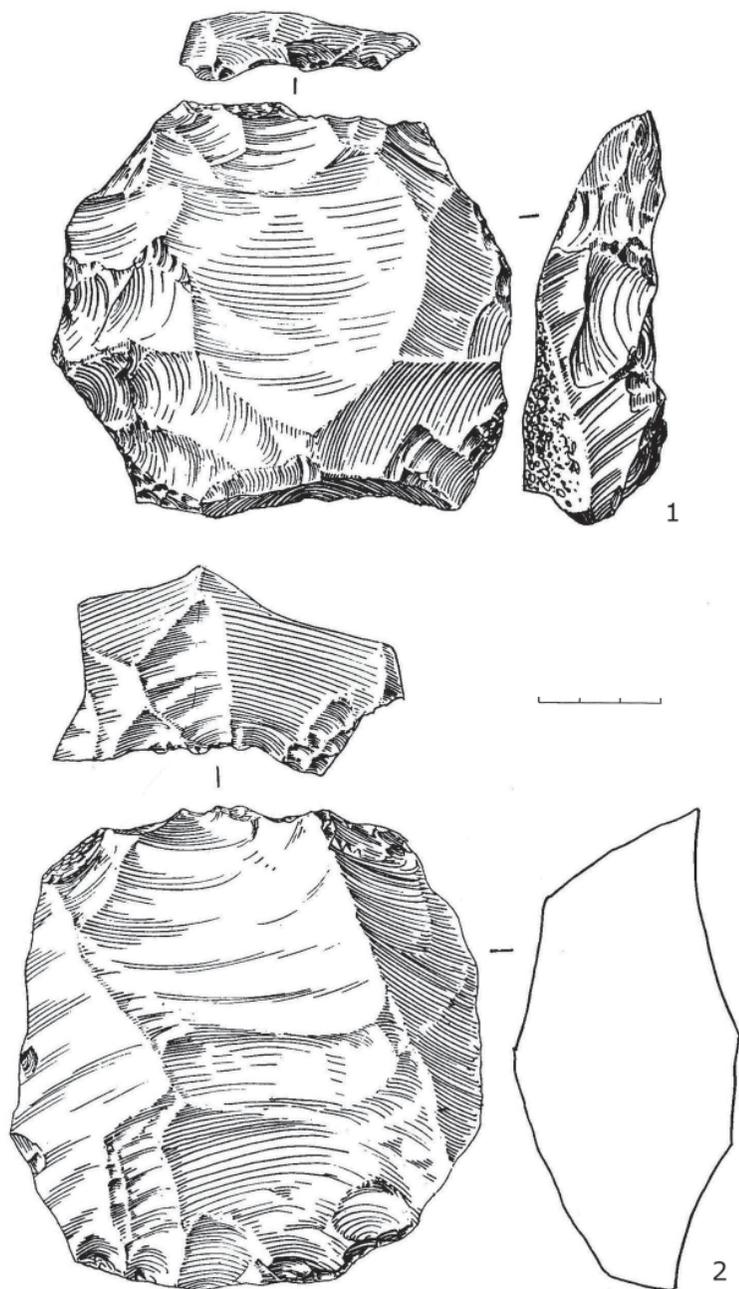

Рис. 1. Семизбугу 2. Сильнодефлированная серия. 1, 2 – нуклеусы леваллуа (Деревянко А. П. и др., 1993 с. 49).

Пятый нуклеус имеет подтрапещевидную форму, укороченный, со слегка выпуклым фронтом скальвания. Сколы слабо выражены. Основное снятие в виде отщепа прямоугольной формы занимает третью часть фронта скальвания. Ударная площадка для его получения скошена, оформлена серией укороченных сколов. Контрфронт слегка выпуклый.

Нуклевидные обломки (3 экз.), длиной до 12 см, имеют укороченные бессистемные снятия.

Обушковые сколы (13 экз.). Основным признаком их выделения служит наличие по двум и более краям участков с естественной корочной поверхностью. По числу и характеру размещения «обушков» они подразделяются на следующие виды сколов:

- с противоположными обушками, причем в большинстве случаев ударная площадка совпадает с обушком;
- с конвергентными сопряженными обушками, где более чем в половине случаев обушки совпадают с ударными площадками;
- с тремя обушками, один из которых служил ударной площадкой. Абсолютное большинство сколов имеет на лицевой стороне негативы предыдущих снятий, близких к параллельным.

Сколы вертикальные с латерали (12 экз.). Характерной особенностью данных сколов является наличие естественного обушка по продольному краю. Сколы имеют удлиненные пропорции, в поперечном сечении они подтрапещевидные. Около половины сколов имеют негативы продольных снятий на лицевой стороне, на других отмечено сочетание продольных и поперечных негативов снятий.

Сколы с фронта скальвания (19 экз.). Они подразделяются на две подгруппы:

- сколы с фронта скальвания леваллуазского нуклеуса (12 экз.). Большая часть сколов подтрапещевидные в плане, три овальные, один скол асимметрично вытянутый;
- сколы с фронта скальвания прочие (7 экз.). Большая часть сколов имеет негативы продольных снятий, в одном случае – встречных. Сколы массивные, предназначены для выравнивания рабочих поверхностей. Один из них очень массивный удлиненный, с множеством негативов субпараллельных снятий, с высокой спинкой в дистальной части. Во всех случаях удар для скальвания наносился в том же направлении, что и предыдущие снятия.

Сколы подправки (выравнивания) ударной площадки нуклеусов (8 экз.).

Сколы клетонские (6 экз.). Для них характерны следующим признакам: дорсальную поверхность занимает полностью или большей частью негатив от предшествующего снятия с сильной раковистостью и глубокой выемкой от ударного бугорка. Это основное отличие от других сколов.

Заготовки для орудий.

Для орудий зубчато-выемчатых форм наиболее часто подбирались технические сколы с ядрищ (36 экз.) в виде продольных, поперечных, продольно-

поперечных снятий переоформления площадок, фронтов, контрфронтов и латералей на различной стадии обработки ядрищ.

Исходными заготовками также служили крупные и средние (7-10 см) поперечные отщепы, имеющие в плане обычно подчетырехугольную, подтрапиевидную, реже – подовальную и подтреугольную формы – 28 экз. Для этого типа заготовок отмечается обычно присутствие широкой остаточной площадки, выпуклого ударного бугорка на вентральной стороне, вследствие чего проксимальная часть несколько утолщена, а также наличие удлиненной дистальной линии, под различным углом располагающейся к продольным граням. Вероятнее всего, выбор заготовок не случаен. Удобность использования определялась наличием различного рода обушковых частей и их комбинаций по продольным сторонам и по остаточным широким ударным площадкам заготовок. Большинство широких веерообразных крупных и средних отщепов было получено по всей видимости, в ходе расщепления поперечных ядрищ.

Исходными субстратами для орудий служили также крупные и средние отщепы – 21 экз., полупервичные отщепы (сохраняющие частично исходную корочную поверхность) – 18 экз.

Имеются также орудия зубчато-выемчатых форм и на отщепе леваллуа – 14 экз., на пластинах леваллуа – 3 экз. Указанные отщепы леваллуа крупные и средние, утолщенные в проксимальной части. Остаточные (ударные) площадки фасетированные. На дорсальной стороне фиксируются фасетки укороченных заломистых снятий. Орудия зубчато-выемчатых форм на утонченных и правильно огранных отщепе леваллуа не отмечены. Крупные пластины леваллуа четырехугольной формы получали за счет фрагментации, либо усеечения дистальной части.

Основами для орудий служили также пластинчатые отщепы – 10 экз. и пластины – 4 экз. с субпараллельным оформлением дорсала. На ряде заготовок негативы предшествующих параллельных и субпараллельных снятий прерываются в медиальной части, отчего дистальная часть утолщена. Обращает на себя внимание массивность, утолщенность форм, не совсем правильная огранка дорсалов, несимметричность форм. Вероятнее всего, данная группа снятий выполняла вспомогательную роль для получения других целевых заготовок леваллуазского типа.

Орудийный набор.

Зубчатые орудия – 21 экз. (рис.2: 1-7) Одна из ярких групп – зубчатые инструменты с рабочим зубцом, либо с несколькими рабочими выделяющимися шипами клювовидной формы – 10 экз. Шип, либо ряд шипов, подготовлен обычно на дистальном углу заготовки с дорсала, особенно тщательно, в результате чего рабочая часть инструмента приобретает специфическую клювовидную форму. Рабочий шип, либо ряд шипов, во всех случаях находится в контактной зоне ретушированного анкоша.

В следующую группу выделены орудия с зубчатыми элементами по одному из продольных краев заготовки (5 экз.), далее следуют инструменты с зуб-

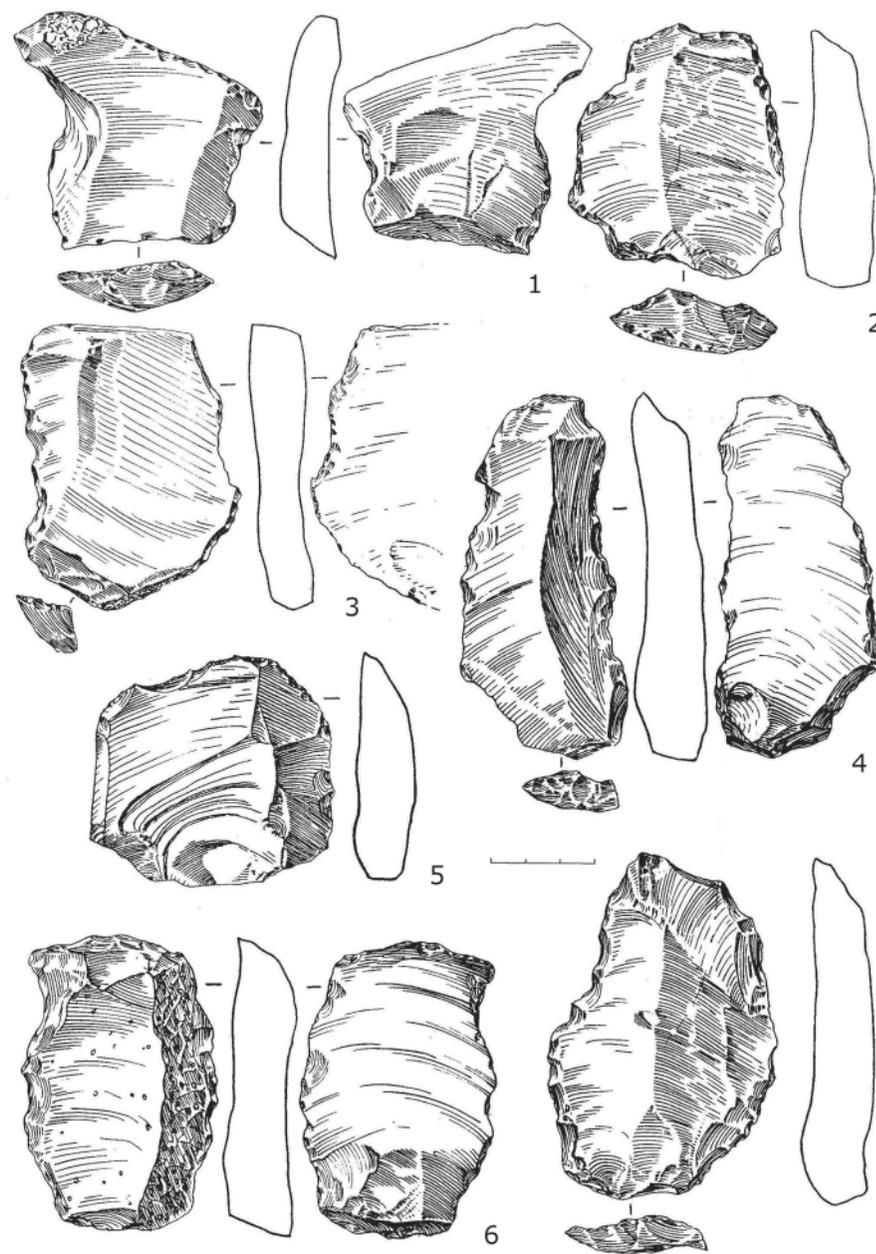

Рис. 2. Семизбугу 2. Сильнодефлированная серия. 1-7 – зубчатые орудия (Деревянко А. П. и др., 1993 с.51).

цами по дистальному широкому краю (4 экз.), с зубчатыми элементами по периметру края (2 экз.). Отличительной чертой данной группы инструментов является присутствие обушковой части, преднамеренно подготовленной ретушью, либо естественной, ядрищной, с частичным нерегулярным подправлением ретушью, располагающейся напротив рабочего края. Иногда обушок подготовлен тронкированием (намеренным обломом).

Выемчатые орудия – 33 экз. Одна из групп этой категории инвентаря выделена на основании того, что рабочие выемчатые элементы расположены поодиночке по одному из продольных краев заготовки (24 экз.). Среди них имеются листовидные в плане, подтрапециевидные, либо подтреугольные в сечении инструменты на крупных пластинчатых отщепах леваллуа.

Следующая группа имеет выемчатые рабочие участки по двум продольным краям (8 экз.). Среди них выделяются инструменты на пластинах леваллуа (3 экз.) с ретушированными анкошами, в одном случае анкоши имеют противоположащую ретушь. Еще несколько изделий имеют анкоши с ретушью на вентральной стороне.

Зубчато-выемчатые орудия – 102 экз. (рис. 3: 1, 2, 5; 4: 1-3, 5). Рабочие элементы подготовлены на диагональном крае, в 4 случаях – на проксимальном крае заготовок, 26 инструментов имеют зубчато-выемчатое лезвие на продольном крае, 10 – на конвергентных продольном и дистальном краях, у 4 орудий рабочие лезвия подготовлены на конвергентных продольном и проксимальном краях, в 38 случаях – на двух продольных краях заготовки. У 4 предметов производственные участки занимают практически весь периметр изделия.

Техника вторичной обработки зубчато-выемчатых инструментов осуществлялась приемами ретуширования, изредка – выемчатого скола (клектонского), ретушированного выемчатого скола, фрагментации заготовок, тронкирования заготовок. При этом ретушь в большинстве случаев очень грубая, неупорядоченная, разнофасеточная, разноглубокая. В ряде случаев она нарушена сильной краевой сработанностью и факторами естественных природных воздействий. Преобладает дорсальная ретушь (66,44% случаев), далее следует вентральная ретушь (20,36%), перемежающаяся (7,04%), чередующаяся (6,16%).

Выемчатый скол или клектонский анкош встречается в дорсальной и вентральной разновидностях. Клектонские дорсальные анкоши выявлены в 9 случаях по продольному краю, в 2 – по дистальному, в 2 – на проксимальном углу заготовок. Вентральные анкоши встречаются реже – в 2 случаях по дистальному широкому краю, в 1 – по продольному краю.

Нередки ретушированные анкоши. В 22 случаях ретушированные дорсальные анкоши расположены по продольному краю, в 2 случаях – на дистальном углу заготовки. Вентральные ретушированные анкоши в 5 случаях располагались по продольному краю, в 1 – по дистальному, в 1 – на проксимальном углу заготовки.

На ряде предметов отмечена фрагментация основ. Выделяется поперечная фрагментация заготовок – 16 случаев, продольная фрагментация – 6 случаев,

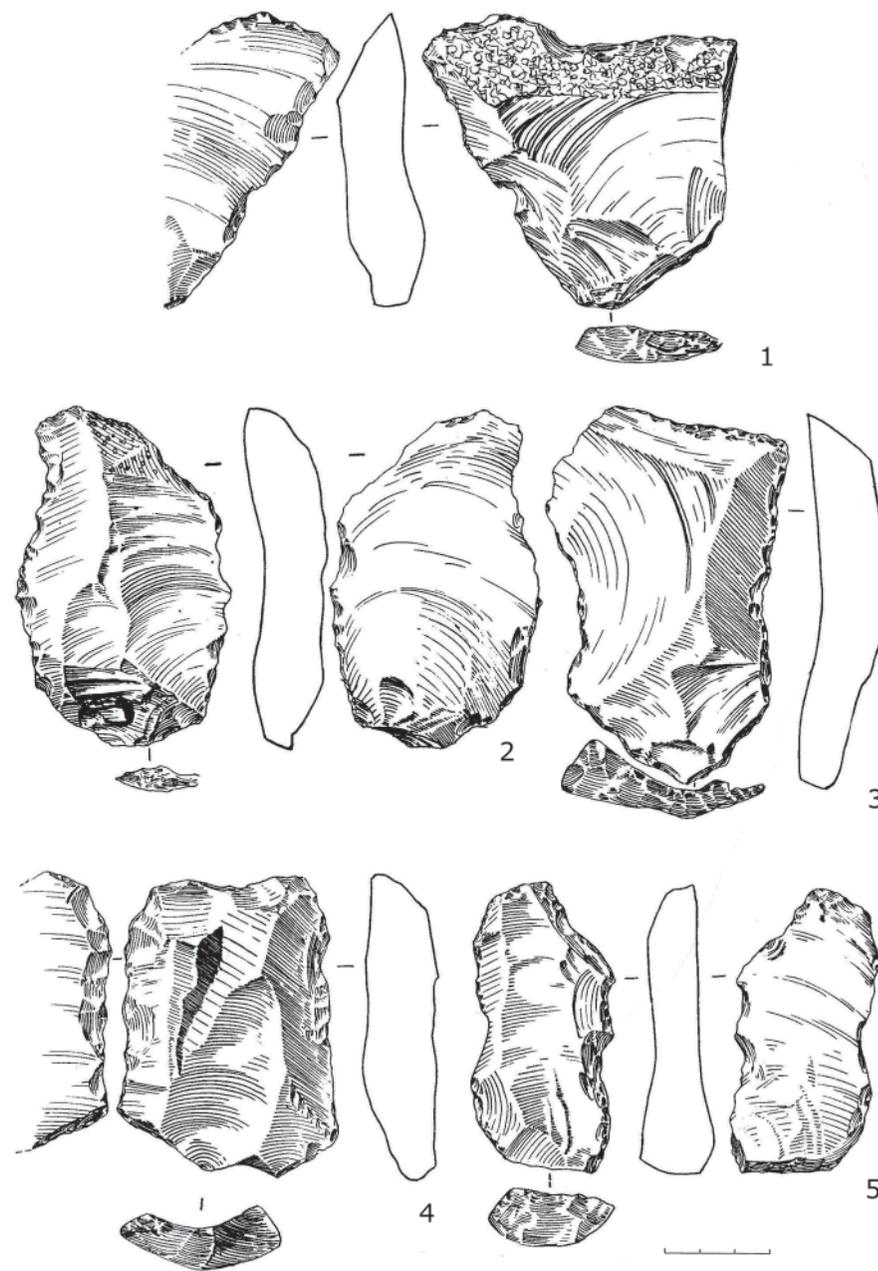

Рис. 3. Семизбугу 2. Сильнодефлированная серия. 1, 2, 5 – зубчато-выемчатые орудия; 3, 4 – отщепы леваллуа с ретушью (Деревянко А. П. и др., 1993 с. 59).

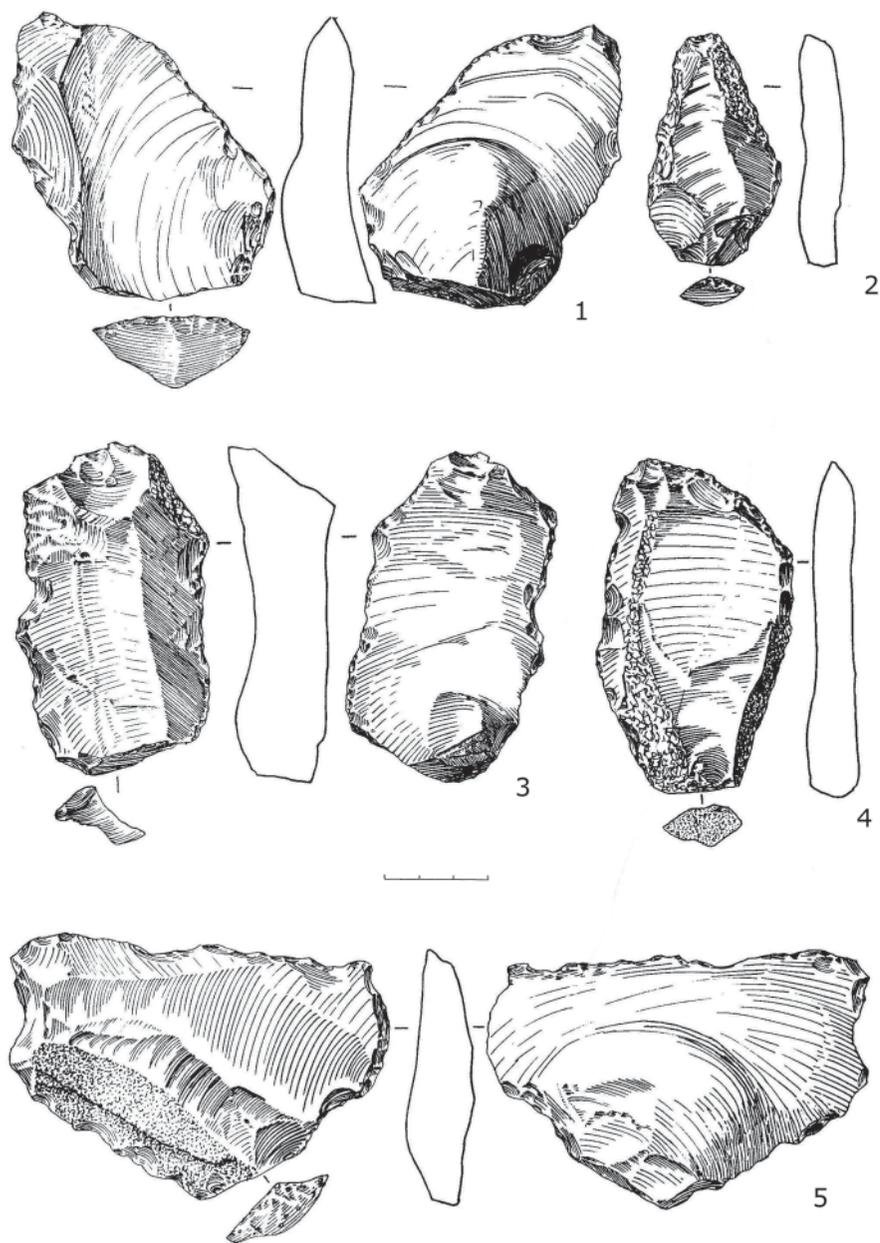

Рис. 4. Семизбугу 2. Сильнодефлированная серия. 1, 2, 3, 5 – зубчато-выемчатые орудия; 4 – полупервичный пластинчатый отщеп с ретушью (Дервянко А. П. и др., 1993 с. 62).

продольно-поперечная фрагментация – 5 случаев. Конечным результатом данного технического приема является формирование гладкого поля фрагментации в виде удобно помещающегося в руке обушка.

Специальным приемом вторичной отделки является тронкирование исходных основ – 4 случая. Как правило, тронкированию подвергался дистальный конец, либо дистальный угол заготовки. Ретушь в этом случае высокая, почти отвесная, отсекает и одновременно притупляет первоначальный исходный край.

Скребла – 29 экз. В качестве исходных заготовок подобраны полупервичные крупные пластины – 3 экз., пластинчатый крупный отщеп, технические снятия с ядрищ – 4 экз., крупные полупервичные отщепы – 5 экз., крупные и средние отщепы – 10 экз.

Оди́нарные продольные скребла – 11 экз., среди них орудия с прямым лезвием – 7 экз., со слегка выпуклым полуокруглым рабочим краем – 4 экз.

Оди́нарные поперечные скребла – 10 экз., среди них инструменты с прямым лезвием – 2 экз., со слегка выпуклым полуокруглым рабочим краем – 5 экз., с вогнутым лезвием – 3 экз.

В коллекции имеются также *скребла угловатые* – 4 экз., *скребла двойные продольные* – 4 экз., на поперечных крупных и средних отщепах, на полупервичных крупных отщепах.

Ножи – 7 экз. Заготовками в 3 случаях служили крупные пластинчатые полукраевые отщепы, в 2 случаях – листовидно-подтреугольные крупные отщепы поперечной ориентации. 4 орудия изготовлены с таким расчетом, чтобы использовался первоначальный обушковый корочный край, удобно помещающийся в руке в качестве упора. Противоположный вертикальный исходный приостренный край использовался в качестве режущей кромки. В трех других случаях обушок тщательно подправлен отеской и дорсальной крутой ретушью.

На некоторых предметах вследствие дефляции поверхности, трудно различить по периметру рабочего лезвия, когда ретушь нанесена преднамеренно, а когда фасетки являются результатом утилизации.

В коллекции присутствуют отщепы и пластины с ретушью – изделия с многочисленными смятостями и выбоинами, а также непреднамеренными сломами и выбоинками по краю – 28 экз. К этой категории инвентаря относятся отщепы леваллуа (9 экз.) (рис. 3: 3, 4; 5: 1-4), субпараллельные крупные пластины (5 экз.), полупервичные пластинчатые крупные отщепы (2 экз.) (рис. 4: 4), пластинчатые средние отщепы (2 экз.), отщепы средние (6 экз.), отщепы первичные средние (4 экз.).

Длина орудий из пластин: минимальная – 69 мм, максимальная – 120 мм, средняя – 95,8 мм; из пластинчатых отщепов соответственно: 78, 115 и 93,6 мм; из отщепов: 52, 112, 77,2 мм, орудий из полупервичных отщепов: 80, 135, 99,6 мм

Технические показатели для индустрии сильнодефлированных предметов следующие: IL = 35,97; IL ty = 18,96; ILam = 20,7; IFst = 42,2; IF large = 50,8 (Дервянко А. П. и др., 1993, с. 8–16).

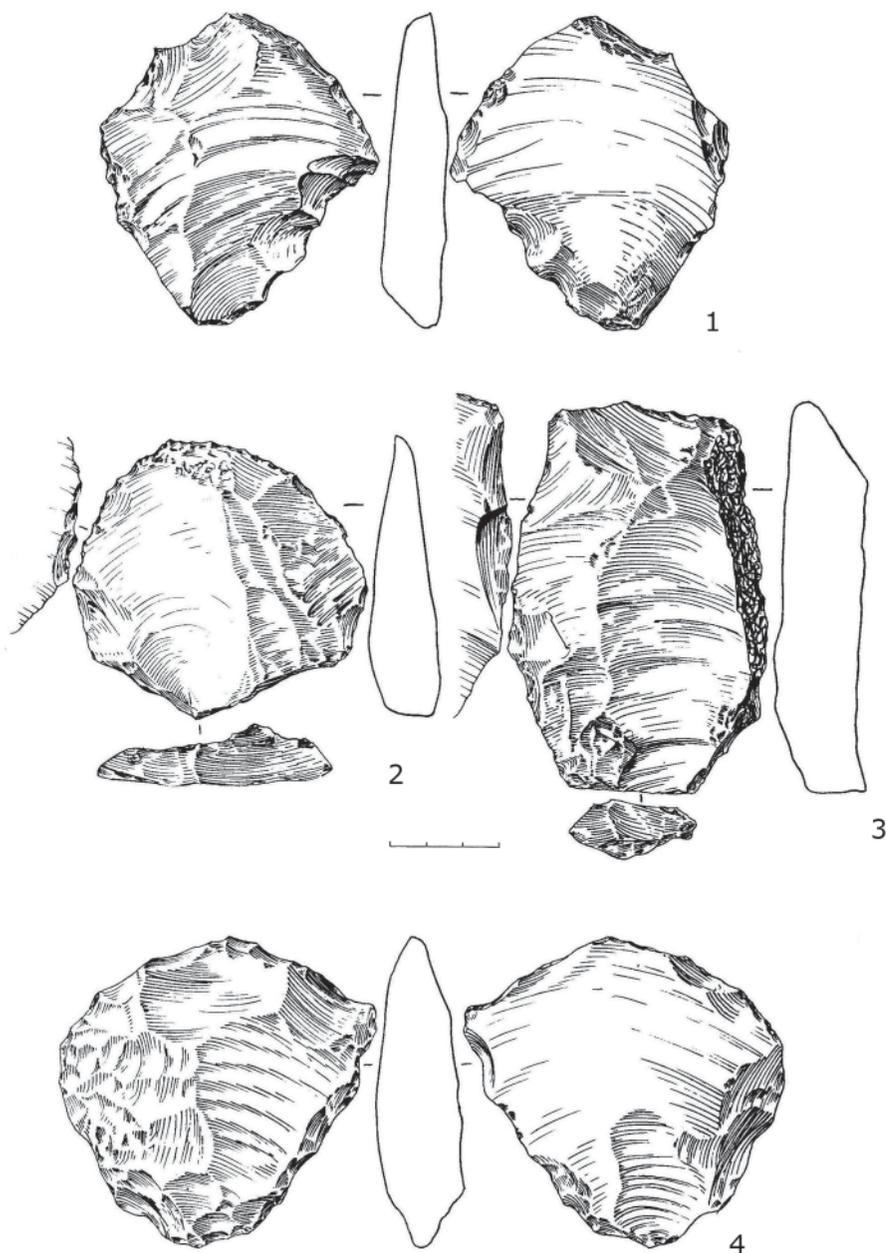

Рис. 5. Семизбугу 2. Сильнодефлированная серия. 1-4 – отщепы леваллуа с ретушью (Деревянко А. П. и др., 1993 с.66).

Сейчас спустя двадцать с лишним лет работы с коллекциями других памятников аридной зоны, представляется, что в качестве орудий рассматривались и сколы с псевдоретью. На сильнодефлированных изделиях ретушь намеренную и псевдоретушь различить сложно, а иногда и невозможно. Поэтому реальное количество орудий, тем более зубчато-выемчатых, в реальности гораздо ниже, чем указано в данной публикации. Зато, судя по рисункам, доля сколов леваллуа в тип-листе орудий в реальности гораздо больше.

В целом, подсчет типологических индексов, исходя из представленного материала, представляется неправомерным. Отметим лишь леваллуазскую и клектонскую направленность получения сколов-заготовок и отсутствие бифасиально обработанных орудий.

Среднедефлированная серия. К ней отнесены 852 предмета.

Первичное расщепление характеризуется 826 экз.: преформы (88 экз.), нуклеусы (165 экз.), нуклевидные обломки (20 экз.), сколы подправки ударной площадки нуклеусов (280 экз.), сколы клектонские (81 экз.), отщепы (78 экз.), первичные сколы (18 экз.), вторичные сколы (96 экз.), обушковые сколы (99 экз.).

Преформы – это куски и плитки алевролита с бессистемными сколами, размеры от 25 до 8 см.

Нуклеусы по принципу расщепления делятся на леваллуазские, клектонские и параллельные.

Нуклеусы леваллуазские – 78 экз. (рис. 6: 1, 2; 7; 14: 1, 2). Среди них выделяются:

- одноплощадочные односторонние (8 экз.), ударные площадки скошены, подправлены поперечными короткими сколами. Фронт подготовлен центростремительными снятиями. Контрфронт выпуклый, также оформлен центростремительными снятиями. Основание заужено и забито;
- нуклеусы черепаховидные односторонние с естественной ударной площадкой (2 экз.). Контрфронт подготовлен частично;
- нуклеусы черепаховидные односторонние, с подготовленной ударной площадкой (19 экз.). Изделия преимущественно уплощенные, овальные, с трапециевидным сечением. Фронт подготовлен радиальной оббивкой, скошенная ударная площадка подработана короткими поперечными сколами, контрфронт оббит по краям;
- нуклеусы черепаховидные односторонние с плоским, максимально реализованным фронтом скалывания (13 экз.);
- нуклеусы черепаховидные односторонние (3 экз.) в плане овальные, в сечении подтреугольные. Фронт выпуклый, нереализованный.

Нуклеусы двуплощадочные односторонние (6 экз.). В плане и сечениях подтрапециевидные. Уплощенный фронт скалывания формируется встречными снятиями с двух противоположащих ударных площадок.

Нуклеусы двуплощадочные односторонние (2 экз.) со следами продольно-поперечных снятий с двух смежных площадок

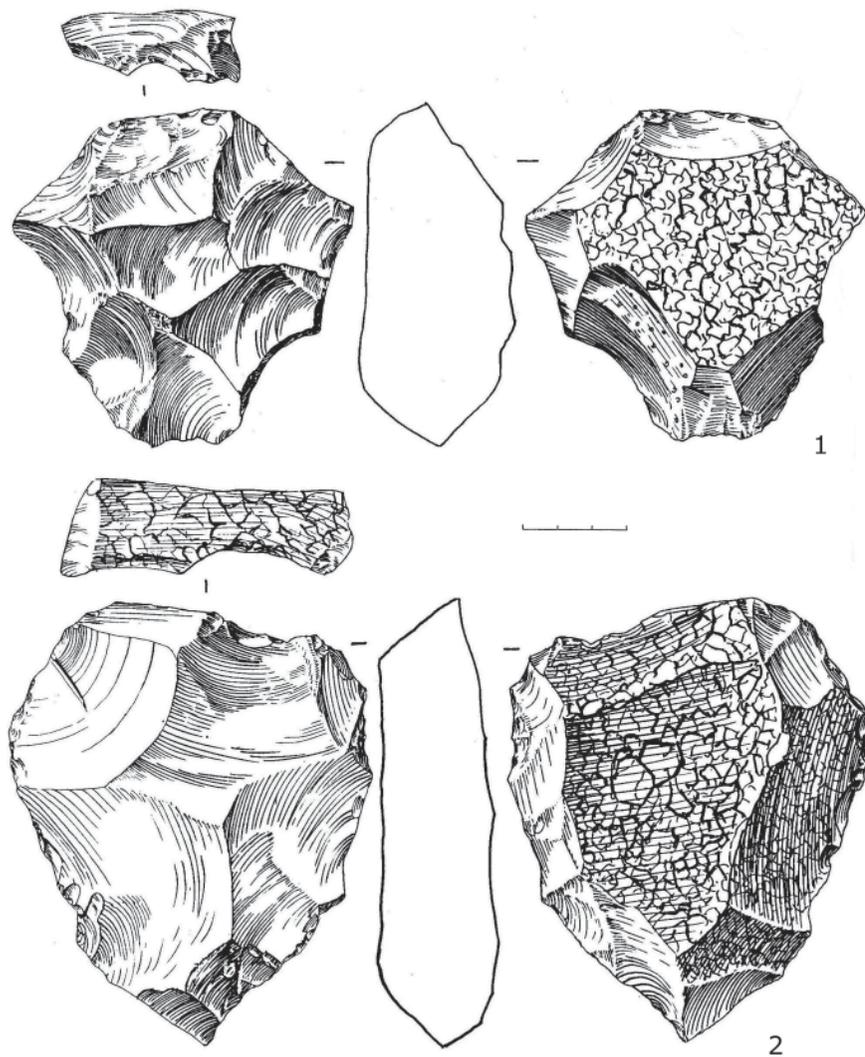

Рис. 6. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. 1, 2 – леваллуазские нуклеусы (Деревянко А.П. и др., 1993 с. 71).

Двусторонние двуплощадочные нуклеусы овальной формы с противоположными ударными площадками (6 экз.)

Трехплощадочный двусторонний нуклеус подпрямоугольной формы и сечения.

Поддисквидные двусторонние нуклеусы, не имеющие следов леваллуазского скола (11 экз.)

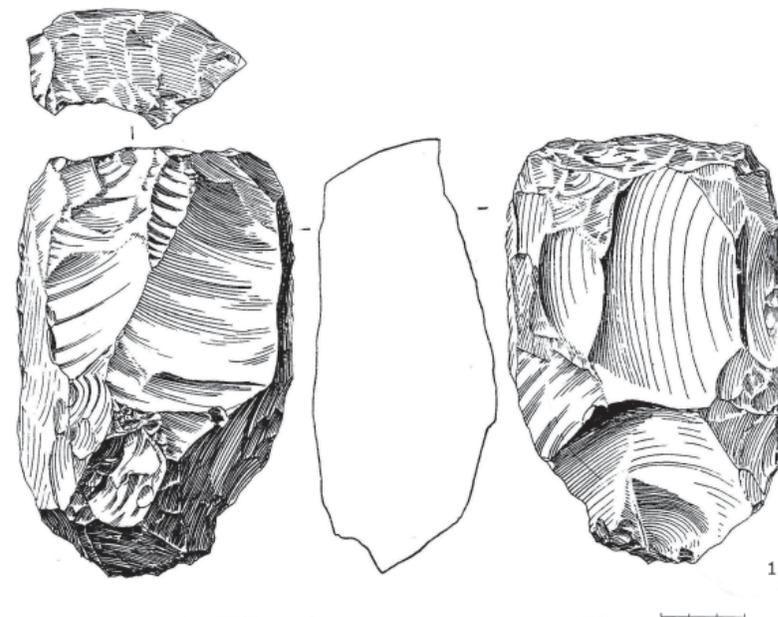

Рис. 7. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. Леваллуазский нуклеус (Деревянко А.П. и др., 1993 с. 73).

Один нуклеус двусторонний, сочетает в себе параллельный и радиальный принципы расщепления.

Клектонские нуклеусы – 23 экз. Аморфные, массивные, многоплощадочные и многофронтальные, из массивных блоков и уплощенных плиток.

Нуклеусы параллельного принципа расщепления – 64 экз. (рис. 8: 1, 2; 9: 1, 2) – преобладают односторонние одноплощадочные, реже – двусторонние и двуплощадочные. Очень разнообразные – массивные, уплощенные, подтреугольные. Доминируют грубоподправленные ударные площадки. 29 нуклеусов можно назвать торцовыми, близкими к позднепалеолитическим формам.

В коллекции среднедефлированных артефактов Семизбугу 2 выделяется значительная группа (18 экз.) бифасиально обработанных изделий. Практически все они являются заготовками нуклеусов леваллуа. Но есть и заготовки бифасов, испорченные или неудавшиеся (рис. 10: 1, 2)

Орудийный набор. Новосибирские коллеги выделили следующие типы орудий: зубчатые (11 экз.) (рис. 11: 1; 13: 3-6), выемчатые (12 экз.) (рис. 11: 4), зубчато-выемчатые (12 экз.) (рис. 11: 2, 12: 6), скребла одинарные продольные (14 экз.), скребла одинарные поперечные (8 экз.) (рис. 12: 1-5), скребла конвергентные (4 экз.), скребла угловатые (3 экз.), скребла тройные фигурные (3 экз.), отщепы леваллуа с ретушью (17 экз.), остроконечники леваллуа с р-

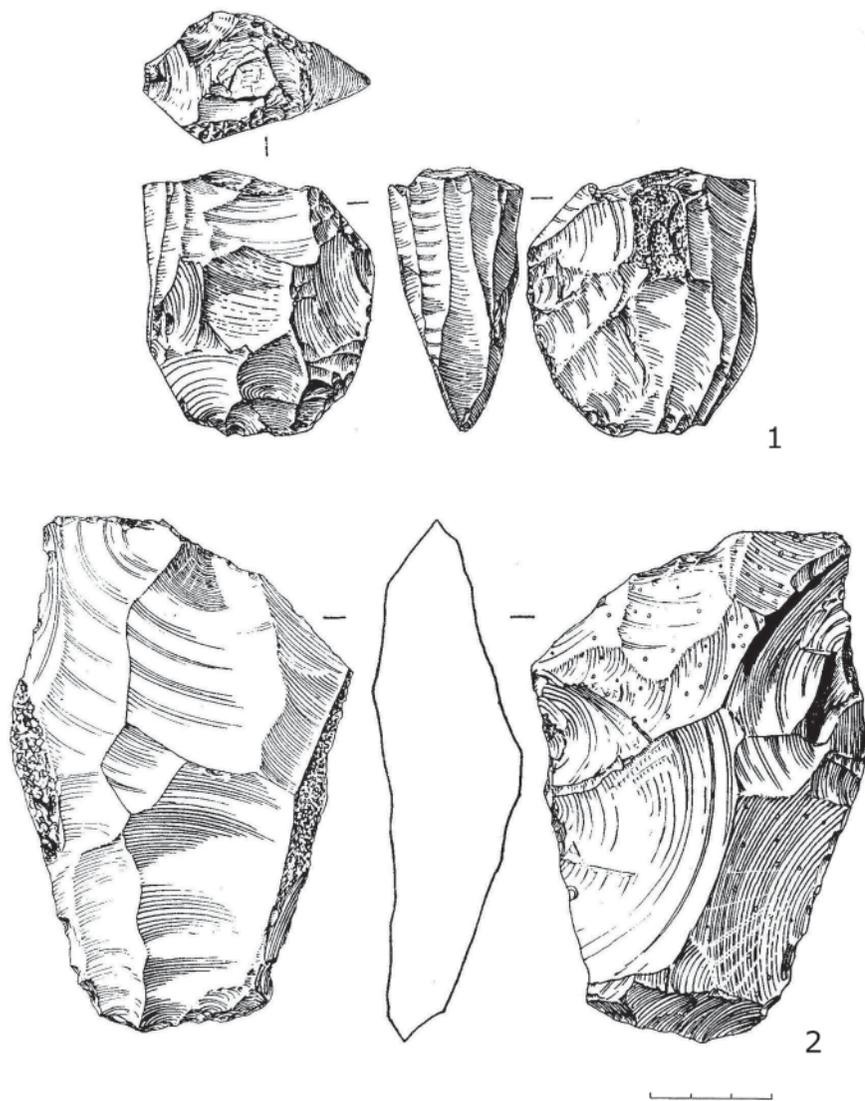

Рис. 8. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. 1 – клиновидный нуклеус, 2 – нуклеус параллельного принципа расщепления (Деревянко А. П. и др., 1993, с.77)

тушью (2 экз.) (рис. 11: 3, 6), отщепы первичные с ретушью (4 экз.), отщепы полупервичные с ретушью (6 экз.), отщепы с ретушью (10 экз.), пластины леваллуа с ретушью (4 экз.) (рис. 11: 5), пластины субпараллельные с ретушью (2 экз.), ножи (8 экз.), сколы технические ядрищные с ретушью (3 экз.), скребки концевые (2 экз.) (рис. 13: 1, 2). Всего 126 экз.

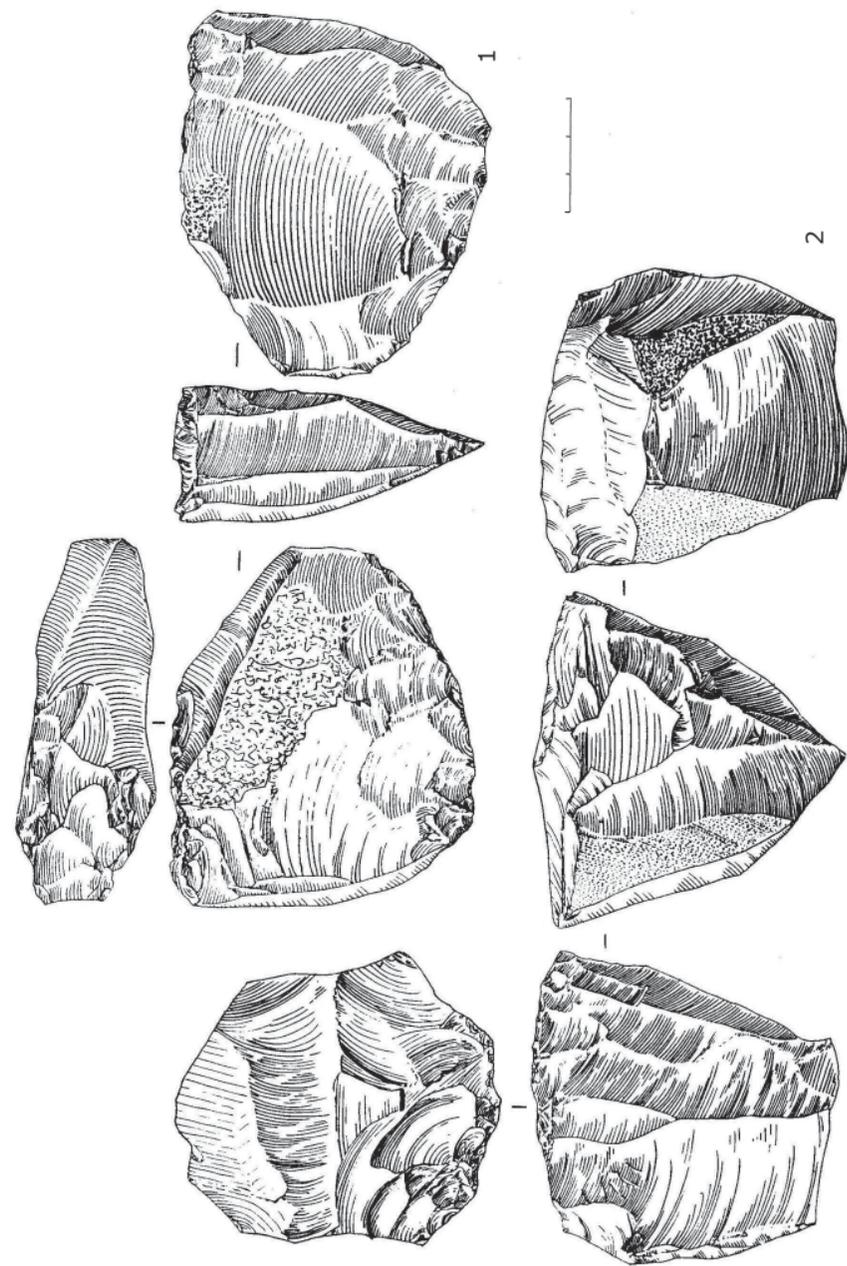

Рис. 9. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. 1, 2 – нуклеусы параллельного принципа расщепления (Деревянко А. П. и др., 1993, с.78)

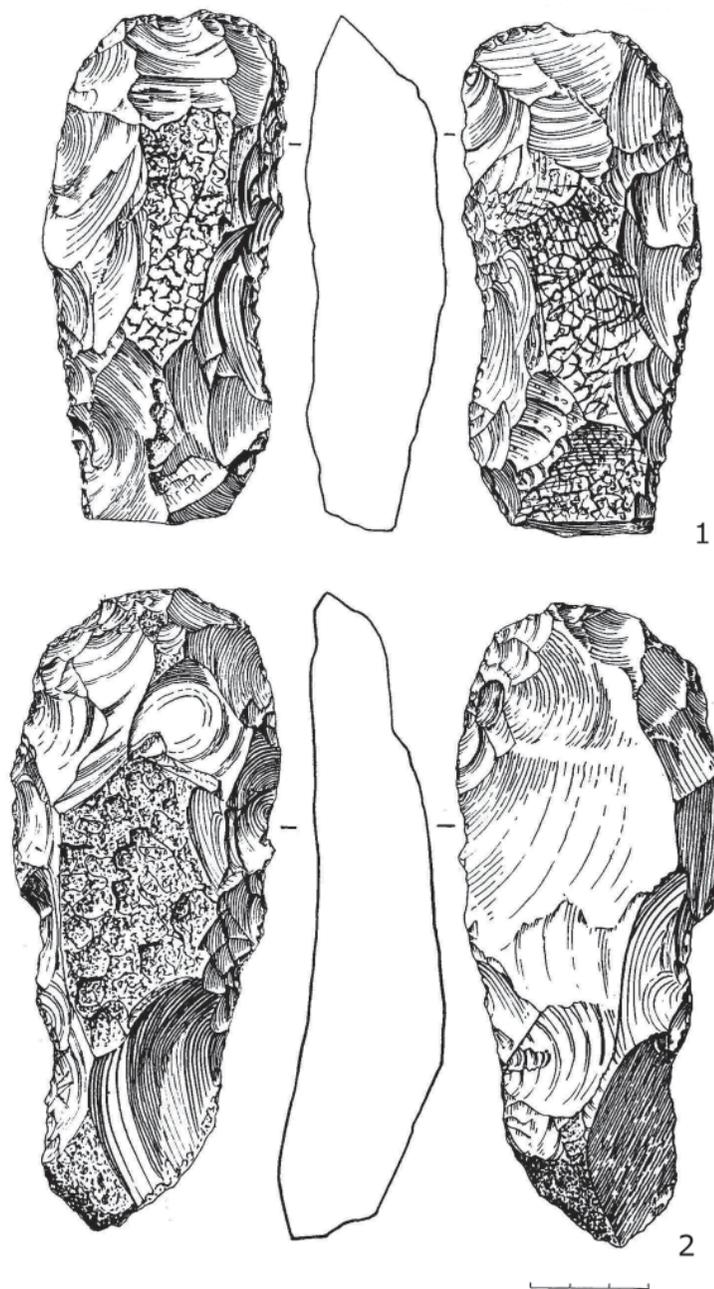

Рис. 10. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. 1, 2 – бифасы (Деревянко А. П. и др., 1993 с. 85).

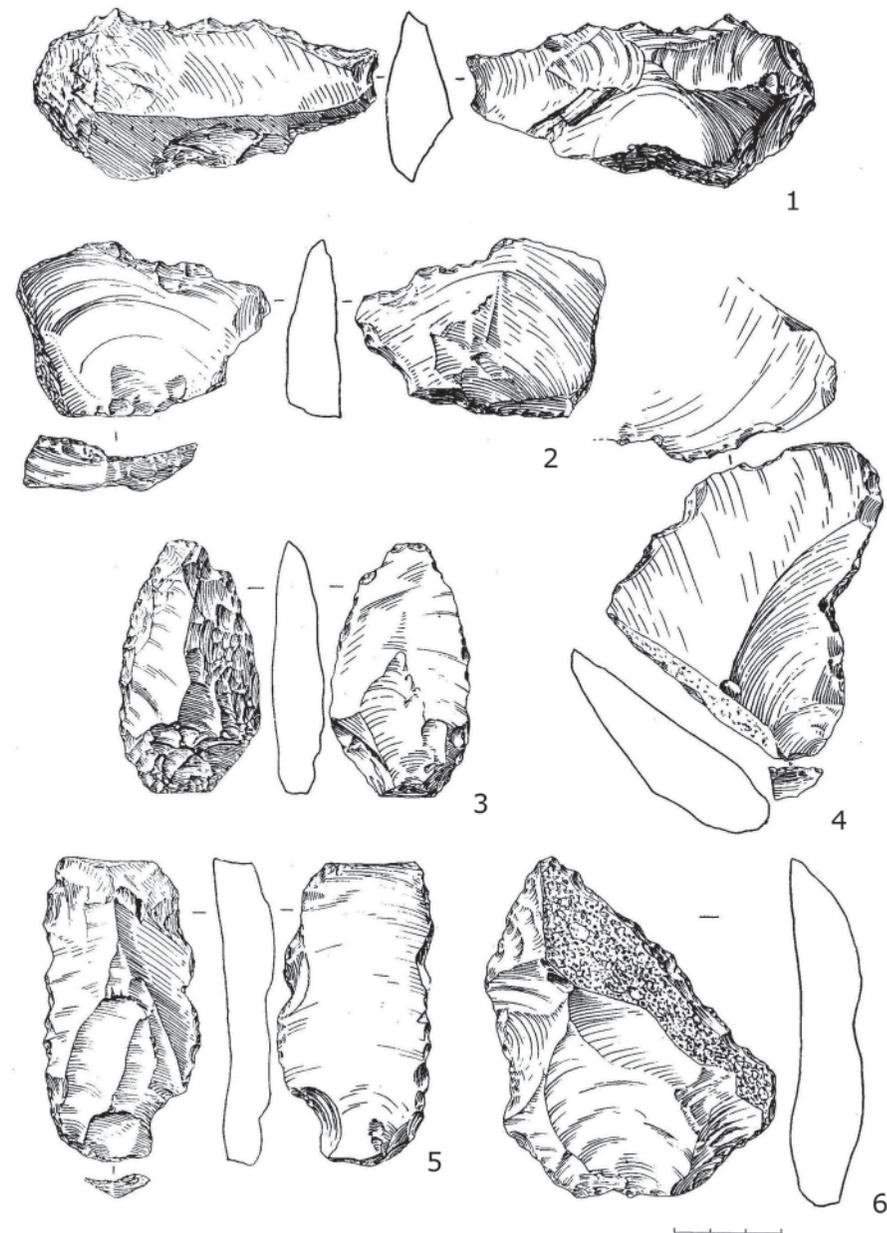

Рис. 11. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. 1 – зубчатое орудие, 2 – зубчато-выемчатое орудие, 3 – остроконечник леваллуа с ретушью, 4 – выемчатое орудие, 5 – пластина леваллуа с ретушью, 6 – остроконечник леваллуа с ретушью. (Деревянко А. П. и др., 1993 с. 71).

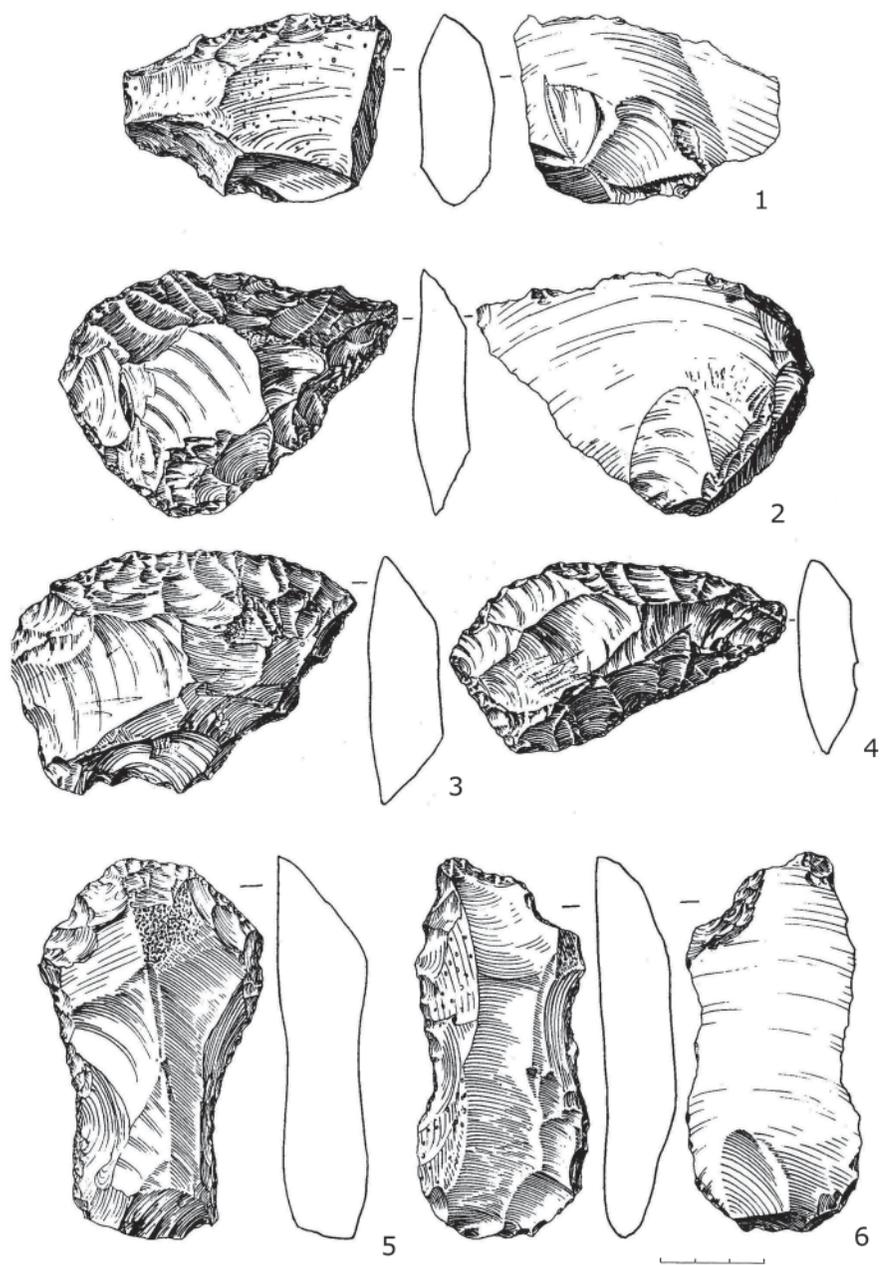

Рис. 12. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. 1-6 – скребла (Деревянко А.П. и др., 1993 с. 102).

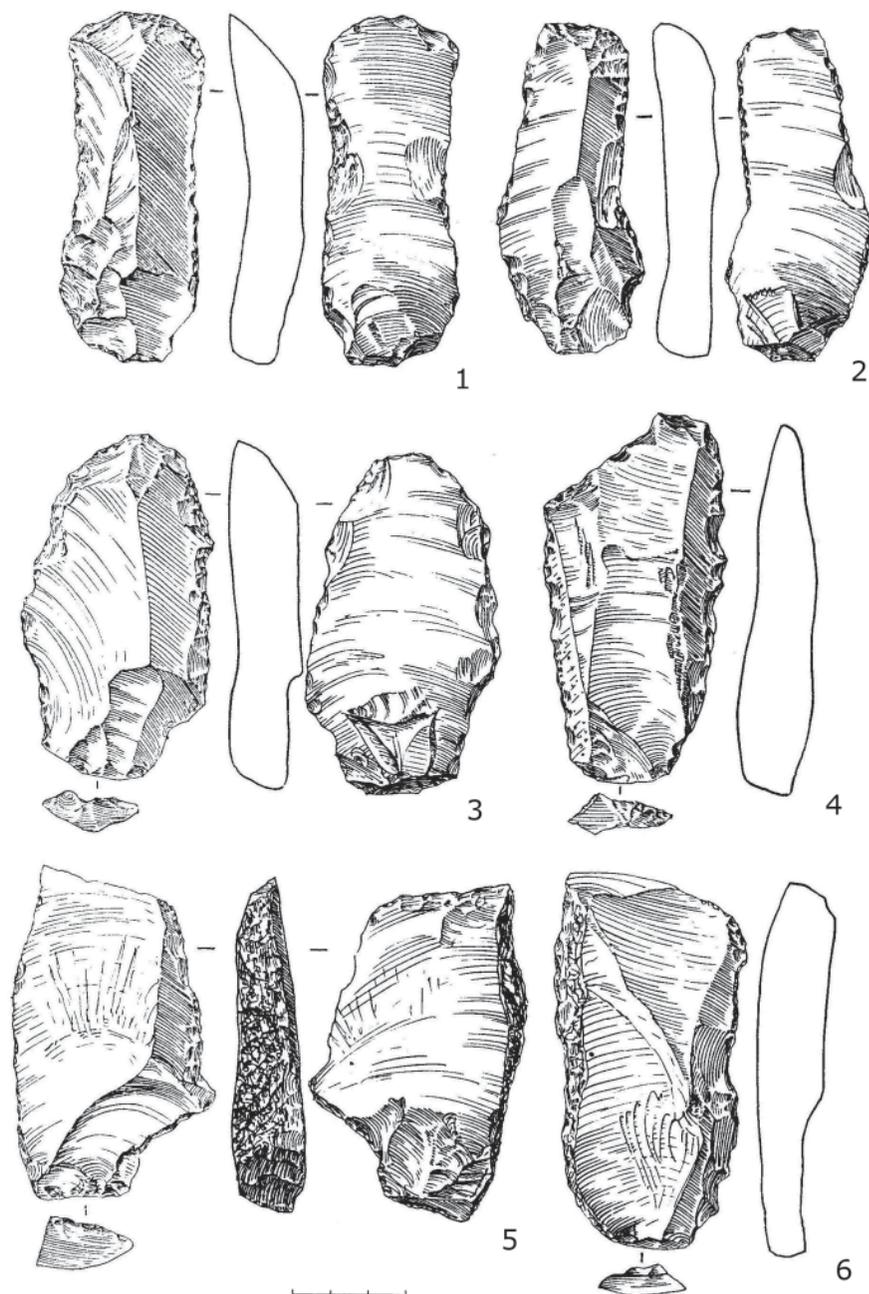

Рис. 13. Семизбугу 2. Среднедефлированная серия. 1, 2 – скребки, 3-6 – зубчатые орудия (Деревянко А.П. и др., 1993 с. 104).

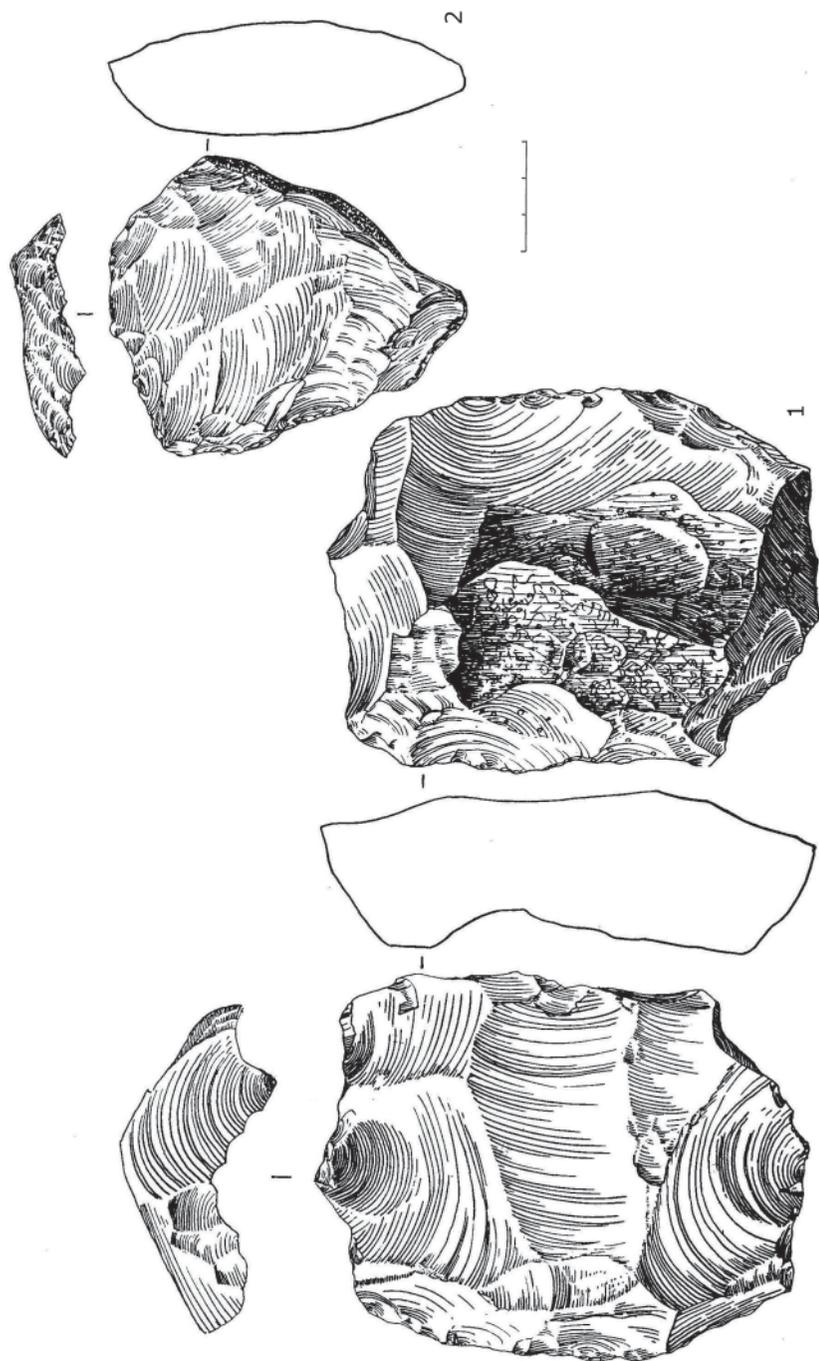

Рис. 14. Семизбугу 2. Слабодефлированная серия. 1, 2 – леваллуазские нуклеусы (Дервянко А. П. и др., 1993 с. 70).

Слабодефлированная серия состоит из 318 изделий.

Первичное расщепление представляют 260 изделий: преформы (21 экз.), нуклеусы (13 экз.), в их числе 7 леваллуазских, 5 клектонских, 1 микропризматический; обушковые сколы (46 экз.), вертикальные сколы с латерали (6 экз.), вертикальные сколы с контрфронта (3 экз.), сколы с фронта скальвания (12 экз.), сколы с фронта скальвания леваллуазского нуклеуса (6 экз.), сколы выравнивания ударной площадки (13 экз.), сколы клектонские (18 экз.), первичные сколы (10 экз.), вторичные сколы (67 экз.), отщепы (45 экз.).

Группа бифасиальных изделий – 8 экз. представлена незаконченными или бракованными, сломанными изделиями, хотя отчетливо прослеживается стремление к изготовлению листовидно-треугольных бифасов (рис. 15: 1, 2)

Орудийный набор (58 экз.) также демонстрирует преобладание скребел: скребла одинарные продольные – 7 экз., скребла одинарные поперечные – 9 экз., скребла конвергентные – 3 экз., скребла угловатые – 3 экз., скребло двойное продольное – 1 экз., скребла фигурные – 3 экз., скребла-ножи – 3 экз., скребло-резчик – 1 экз., орудия зубчато-выемчатые – 8 экз., ножи – 7 экз., отщепы с ретушью – 5 экз., пластины с ретушью – 8 экз.

Практически нет специфически верхнепалеолитических типов орудий. Пластины с ретушью единичны: ориньякская пластина «с перехватом», пластина с притупленным краем-обушком, остальные – с ретушью утилизации. Огранка спинок пластин субпараллельная. В целом, они мало отличаются от леваллуазских.

Авторы монографии пришли к выводу, что пункт Семизбугу 2 сопоставим с коллекциями, собранными на Сатани-Даре (Армянское нагорье) (Паничкина М. З., 1950) и Яштухе (Черноморское побережье Кавказа) (Замятнин С. Н., 1937, 1967), а также с коллекциями Барлагин-гол Заалтайской Гоби и других памятников Западной Монголии. Для всех этих памятников характерно следующее:

- нахождение в непосредственной близости от источников сырья, будь это коренные выходы или отдельные конкреции;
- значительная площадь залегания;
- сосредоточение в одном месте предметов различного типологического облика и сохранности их поверхности;
- наиболее древние предметы относятся к ашельскому времени, а наиболее поздние – к верхнему палеолиту.

Среди орудийного набора во всех трех комплексах Семизбугу (пункт 2) выделено 24 типа изделий, которые можно сгруппировать в 3 блока. Первый представлен зубчато-выемчатыми, зубчатыми и выемчатыми орудиями. В сильнодефлированном комплексе они занимают 71,1%, в среднедефлированном – 27,6% и слабодефлированном – 13,7%. Затем следует вторая группа изделий – скребла разнообразных типов, среди сильнодефлированных процент скребел составляет 13,1%, среднедефлированных – 26,7%, в слабодефлированных – 39,6%. Обнаруживается явный рост удельного веса скребел: чем

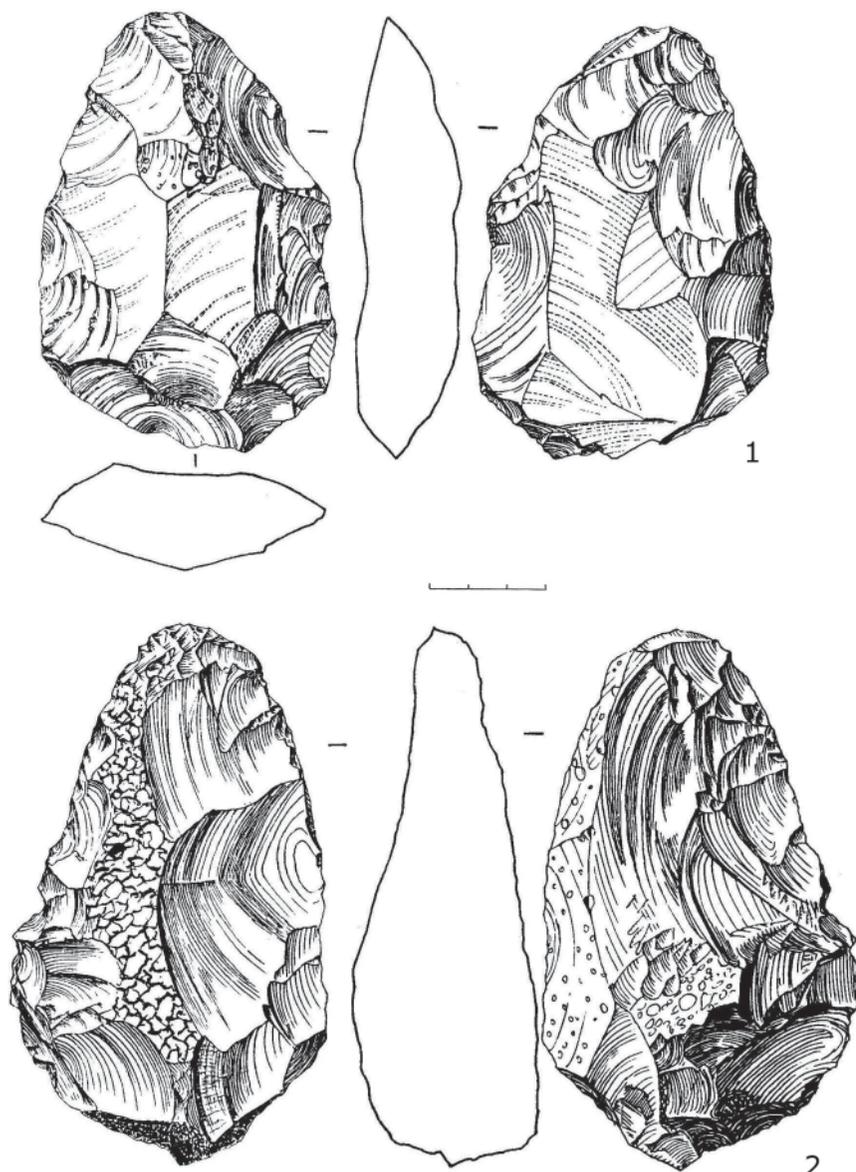

Рис. 15. Семизбугу 2. Слабодефлированная серия. 1, 2 – бифасы (Деревянко А. П. и др., 1993 с. 108).

позднее комплекс, тем их становится больше. В среднедефлированной серии присутствуют скребки концевые (2 экз.) и остроконечники леваллуа (2 экз.), что делает этот комплекс наиболее богатым набором орудий из отщепов.

6.1.2. Семизбугу 10

Местонахождение №10 в комплексе стоянок-мастерских Семизбугу обладает всеми перечисленными характеристиками; здесь представлены индустрии всех эпох, выделенных на Семизбугу – от ашеля до эппипалеолита. Коллекция достаточно представительна, в общей сложности составляет 3823 экз.

Коллекция происходит из двух подпунктов: 10 (сборы 1961 г. – 1767 экз., 1962 г. – 883 экз.) и 10А (сборы 1961 г. – 49 экз., 1962 г. – 1173 экз.) (рис. 16).

Каменные артефакты стоянки-мастерской Семизбугу 10А по состоянию поверхности разделены на 5 комплексов, условно названных: ашельский (очень сильно дефлированный), ашело-мустьерский (сильнодефлированный), мустьерский (среднедефлированный), позднемустерский (слабодефлированный), позднепалеолитический (очень слабо дефлированный).

Для ашельского комплекса характерна наиболее сильная или очень сильная оглаженность, затрудняющая определение наличия вторичной обработки; наиболее сильная оглаженность (5 баллов) сочетается с отсутствием патинизации (0) и корразии; оглаженность сильная (4 балла) встречается на изделиях с очень сильной патинизацией и черным блестящим пустынным загаром (4-5 баллов), сильной ячеистой или точечной корразией (2-3 балла). Люстрированность, как правило, средняя, сильная и очень сильная (3-5 баллов).

Изделия ашело-мустьерского комплекса имеют сильную патинизацию, иногда до сплошного пустынного загара, (4-5 баллов), среднюю оглаженность (3 балла) – характер ретуши и тип орудия, как правило, поддаются определению; коррадированность средняя точечная (1-2, редко 3 балла); люстрированность средняя и сильная (3-4 балла). При технико-типологическом анализе этот комплекс распался еще на две серии: А – с массивными изделиями, покрытыми матовой патиной; Б – с изделиями более тонкими, рафинированными, с поверхностью шоколадного цвета.

Мустьерский комплекс отличается достаточно сильной патинизацией (3 балла), слабой оглаженностью (2-3 балла), но хорошо заметной; коррадированность слабая (1-2 балла), часто совсем отсутствует. Люстраж заметен хорошо (3-4 балла).

В позднемустерском комплексе патинизация заметная, но слабая (1, редко 2 балла), оглаженность слабая и очень слабая (1-2 балла), корразия едва намечена (1 балла), люстрированность хорошая (3 балла).

Позднепалеолитический комплекс выделяется отсутствием патинизации (0-1 балла); оглаженность едва заметна на ребрах изделий (1 балл), корразия отсутствует или едва заметна (0-1 балл), люстрированность обычно слабая (1-2 балла).

В отдельную группу выделены изделия с выраженными следами реутилизации.

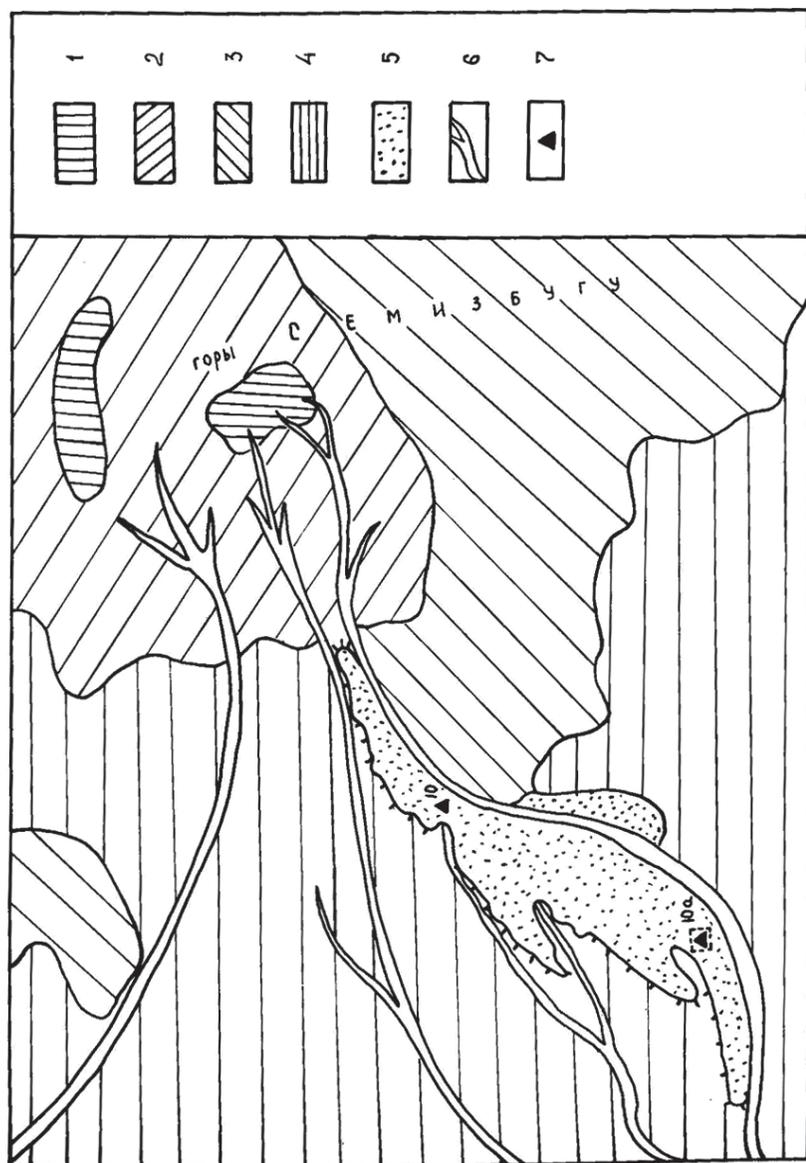

Рис. 16. Семизбугу 10А. Геоморфологическая схема палеолитических местонахождений Семизбугу 10 и 10А (по Б. Ж. Аубекерову).

1 – мелкосопочник эрозионно-денудационный, высокий с относительными превышениями 100-120 м; 2 – мелкосопочник денудационно-эрозионный, средний, с относительными превышениями 50-60 м; 3 – мелкосопочник эрозионный низкий с относительными превышениями 20-30 м; 4 – денудационная равнина; 5 – аккумулятивная равнина; 6 – долины; 7 – палеолитические стоянки-мастерские.

Ашело-мустьерский комплекс А

Первичное расщепление

Нуклеусы системы леваллуа (4 экз.) грубые, массивные:

- односторонний двуплощадочный нуклеус трапецевидной формы, сплошь покрыт встречными непластинчатыми негативами. Контрфронт – уплощенный корочный. Основная ударная площадка расположена на широком конце, дополнительная - на узком. Обе ударные площадки грубоподправленные выпуклые скошены (рис. 17: 1);
- нуклеус для снятия треугольных сколов; на фронте – негатив неудачного скола; контрфронт извилистый корочный. Ударная площадка образована одним снятием, составляет с фронтом угол около 80°. Латерали массивные, представляют собой скошенные грани – корочную и образованную поперечными лицевыми негативами. С левой латерали в более позднее время безуспешно пытались снять пластинки (рис. 17, 2);

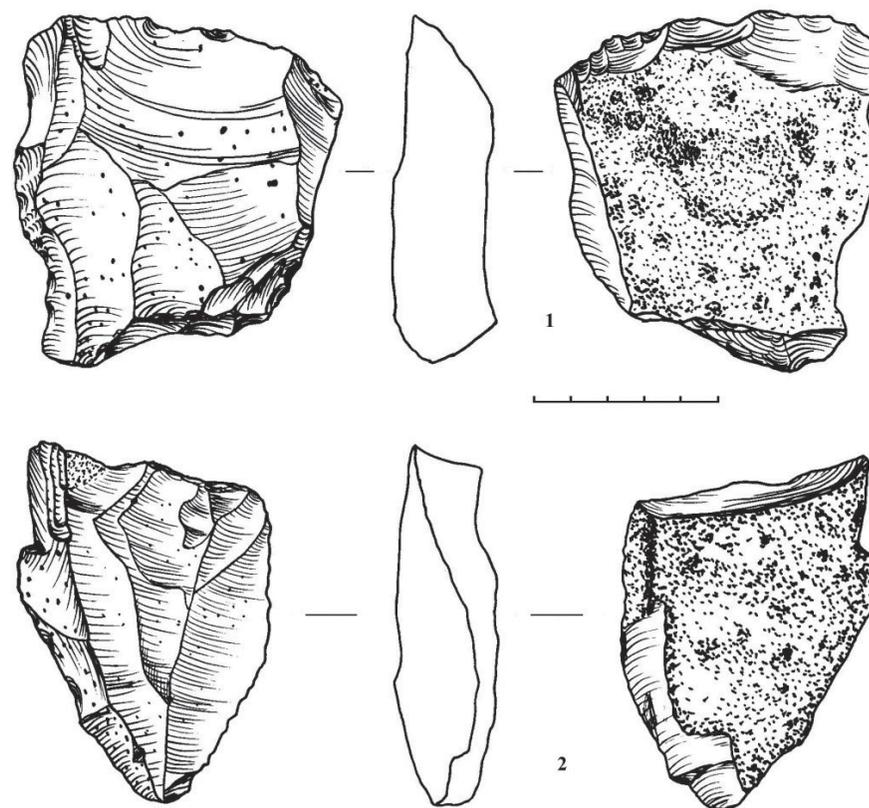

Рис. 17. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеусы леваллуа: 1 – односторонний двуплощадочный для отщепов; 2 – для остроконечников.

- 2 массивных нуклеуса напоминают нуклеусы радиального раскалывания, но у них ударная площадка четко локализована на одном, более широком, конце миндалевидного изделия; на фронте каждого из нуклеусов сохранился негатив одного крупного скола. Самый крупный из этих нуклеусов имеет размеры: 147×122×47 мм. С двугранного фронта, подготовленного поперечными негативами, снят овальный скол (77×95 мм). Сильно выпуклая и сильно скошенная ударная площадка образована 10-12 сколами. Контрфронт неравномерно выпуклый, наполовину корочный, с конвергентными негативами. Латерали ребристые. Дистальный конец испорчен более поздними сколами (рис. 18). Другой нуклеус поменьше и покороче, размерами 87×103×40 мм. Фронт плоско-вогнутый; на остатки негатива размерами 50×62 мм, накладываются мелкие конвергентные негативы, выравнивающие фронт для следующего снятия. Ударная площадка слабо-выпуклая, образована сочетанием корочной поверхности и 2-3 поперечных негативов. Контрфронт пирамидально-выпуклый также представляет сочетание корочной поверхности исходного обломка и конвергентных негативов. Латерали и дистальный конец представляют сплошное острое извилистое ребро (рис. 19).

У нуклеусов леваллуа для снятия отщепов наибольшая толщина приурочена к верхней части, к концу ударной площадки.

Для нуклеусов радиального раскалывания (их в этом комплексе 3 экземпляра) характерно более равномерное распределение массы, наибольшая толщина приурочена к центральной части. Ударная площадка занимает более $\frac{3}{4}$ периметра нуклеуса. Сколы снимались крупные, не меньше, чем с нуклеусов леваллуа:

- очень плоский дисковидный нуклеус (97×101×46 мм). На выпуклом, со следами конвергентных сколов фронте виден крупный негатив подтреу-

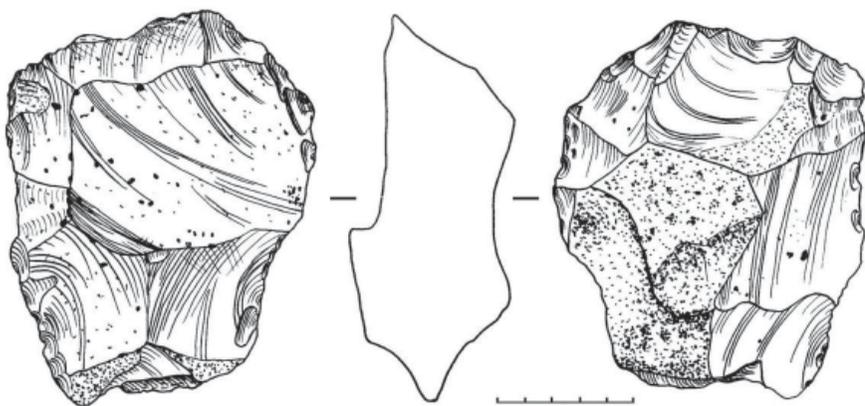

Рис. 18. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа для отщепов односторонний одноплощадочный.

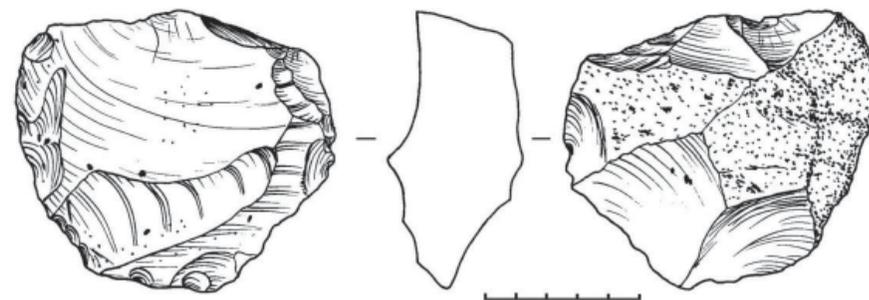

Рис. 20. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус радиального раскалывания односторонний.

гольной формы (60×71 мм), но у него ось симметрии резко не совпадает с осью раскалывания. Края оставлены нетронутыми или грубо оббиты, так что извилистое ребро по всему периметру сдвинуто к фронту; почти по всему периметру можно скалывать центростремительные отщепы. Контрфронт плоский, покрыт коркой (рис. 20);

- два других нуклеуса этого типа гораздо массивнее (размеры: 90×111×40 и 97×93×45 мм). Контрфронты у них сильно выпуклые, пирамидальные, образованы сочетанием корочной поверхности и конвергентных негативов. Фронты слабо-выпуклые, на обоих – негативы крупных встречных трапециевидных сколов размерами до 55×71 и 62×77 мм (рис. 21, 22).

4 нуклеуса – многосторонние многоплощадочные (клектонские); предыдущий скол является ударной площадкой для последующего. Они крупные – 147×109×69; 106×105×104; 94×75×50 и 96×87×85 мм. Почти на всех нуклеусах этого типа заметны более поздние попытки переоформить их в нуклеусы призматического скалывания.

Кроме того, к этому комплексу относятся 5 недиагностируемых заготовок нуклеусов (нуклеидные обломки) и 1 нуклеус, преобразованный до неузнаваемости на стадии позднего палеолита.

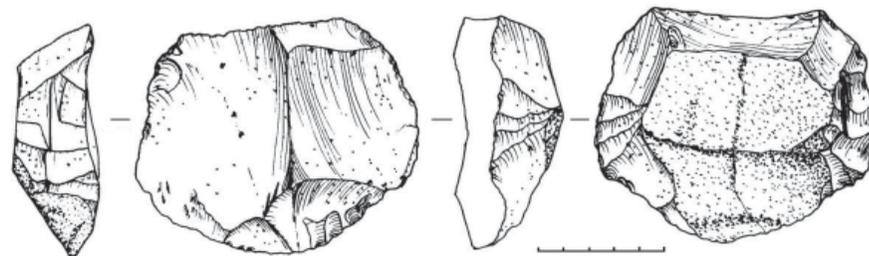

Рис. 21. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус радиального раскалывания односторонний.

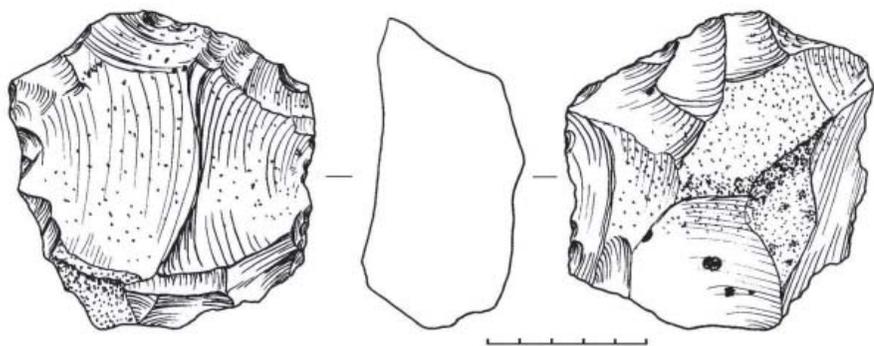

Рис. 22. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус радиального раскалывания односторонний.

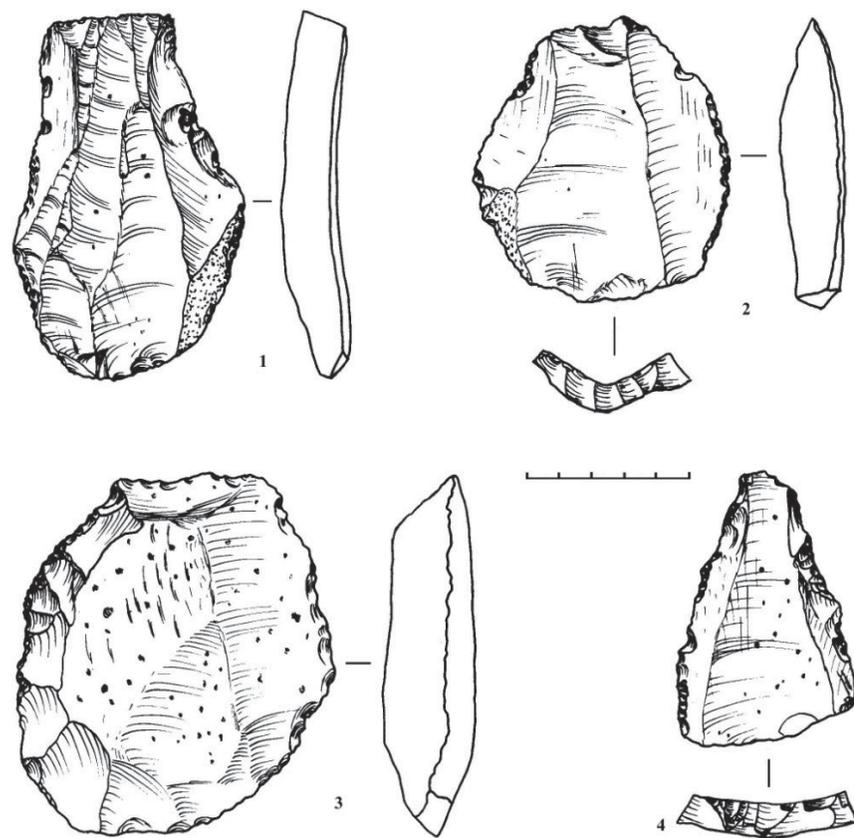

Рис. 23. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1,2 – отщепы леваллуа типичные; 3,4 – отщепы леваллуа атипичные (3 – с ретушью утилизации).

Орудия.

Отщепы леваллуа типичные (3 экз.) – крупные, довольно массивные, «благородных» пропорций (Π (индекс удлиненности) = 216, I_m (индекс массивности) = 34), с «мягкими», извилистыми ребрами и краями, со следами ретуши (или псевдоретуши) по краям (из-за сильной оглаженности поверхности ретушь читается плохо):

- отщеп удлиненно-трапециевидной формы (индексы 150 и 22), сколотый с биполярного нуклеуса – пластинчатые плоские субпараллельные негативы на спинке направлены навстречу друг другу (рис. 23: 1);
- у округлого отщепа спинка трехгранная, огранка конвергентная ($\Pi = 110$, $I_m = 24$) (рис. 23: 2).

У первых двух сколов ударные площадки двугранные, у последнего – фасетированная срединновыпуклая симметричная.

Отщепы леваллуа атипичные (12 экз.) – крупные (средняя длина 76 мм) не очень массивные (средний $I_m = 29$), округлой и подпрямоугольной формы, средних и укороченных пропорций (средний $\Pi = 119$). У трех из них сохранились незначительные участки корки на дорсальной поверхности. Огранка конвергентная, редко субпараллельная, на спинках по 4-5, редко 6-8 негативов. Обычно ребра не жесткие.

Некоторые отщепы были вторично использованы: из самого крупного отщепа во время функционирования изделий позднемустьерского комплекса было изготовлено прекрасное выпуклое скребло с двухрядной ретушью – чешуйчатой крупной пологой и мелкой крутой по кромке (рис. 23: 3); на другом отщепе – вогнутое скребло, принадлежащее этому же комплексу (рис. 23: 4); на третьем – крупная чередующаяся ретушь среднемустьерского этапа (рис. 24: 1).

Остроконечник леваллуа был преобразован в конвергентное выпукло-вогнутое скребло. Выпуклая линзовидная ударная площадка образована одним снятием, основание остроконечника сужено двумя выемками – крупной подретушированной слева, более мелкой угловатой справа. Спинка трехгранная уплощенная с 3-4 субпараллельными негативами. Ретушь краев лицевая чешуйчатая, крупных и средних размеров, очень глубокая – зубчатая, почти отвесная, по кромке – выщербленность. Острие изделия тупое, дополнительно подправлено ретушью и оглажено (окатано) (рис. 24: 3).

Скребла продольные представлены довольно скромно.

Одно *простое прямое скребло* (длина 109 мм, $\Pi = 194$, $I_m = 35$). Ретушь сильно оглаженная крутая крупных и средних размеров, глубокая, кромка зубчатая. Противоположный вогнутый край и дистальный конец вероятно также были ретушированы, но на них ретушь сохранилась плохо (рис. 25: 1).

Простых выпуклых скребел только 2: одно скребло изготовлено из пластинчатого отщепа леваллуа с обломанным основанием и мелкой крутой ретушью по глубокому левому краю (рис. 25: 3); другое – из поперечного скола с тонкой элювиальной плиткой, латерали представляют массивные крутые гра-

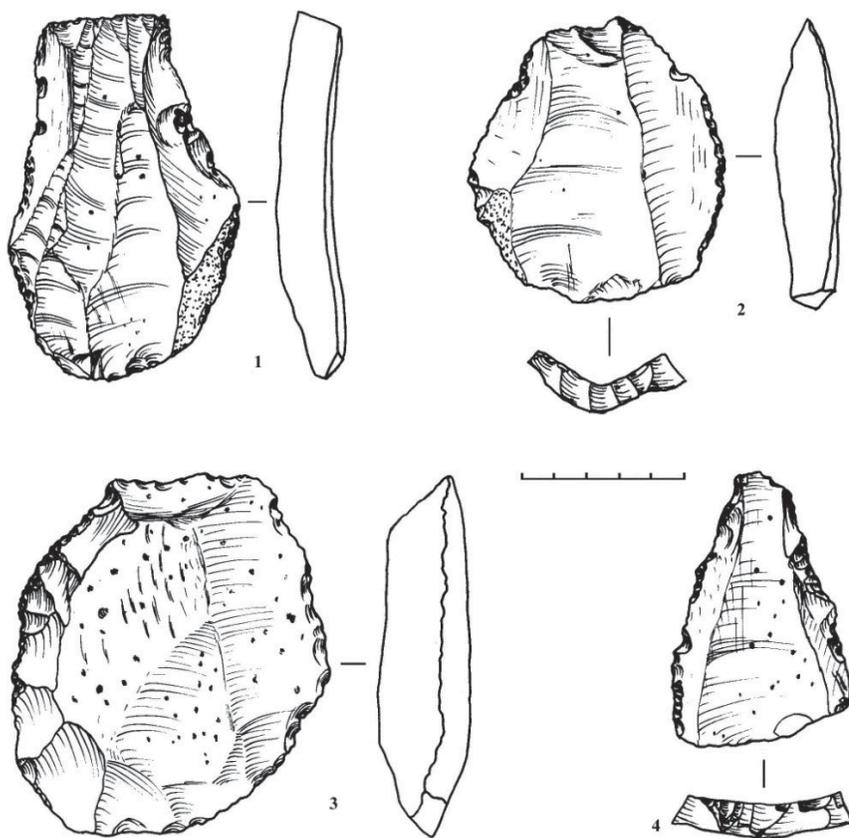

Рис. 24. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1,2,4 – отщепы леваллуа атипичные (1 – с более поздней ретушью); 3 – остроконечник леваллуа, преобразованный в конвергентное скребло.

ни, покрытые коркой. По правому краю ретушь чешуйчатая крутая средних размеров, глубокая, лезвие зубчатое (рис. 25: 2).

Вогнутых скребел несколько больше – 4 экземпляра. У двух из них, изготовленных из коротких отщепов ($\Pi = 91, 101, \text{Im} = 19$ и 44), вогнутость очень четкая, длиной 34 мм и глубиной 8 мм (рис. 25: 4) и 40×7 мм (рис. 26: 1) с глубокой крутой чешуйчатой ретушью средних размеров. Выемка третьего скребла, размерами 55×7 мм, отделана ступенчатой ретушью, которая распространяется и на нижнюю выпуклую часть лезвия. Дистальный конец выпукло-вогнутый, подправлен бифасиальной ретушью средних размеров (рис. 6: 2). У четвертого скребла из полупервичного отщепа (атипичного леваллуазского) выемка имеет размеры 20×2 мм, ретушь читается плохо.

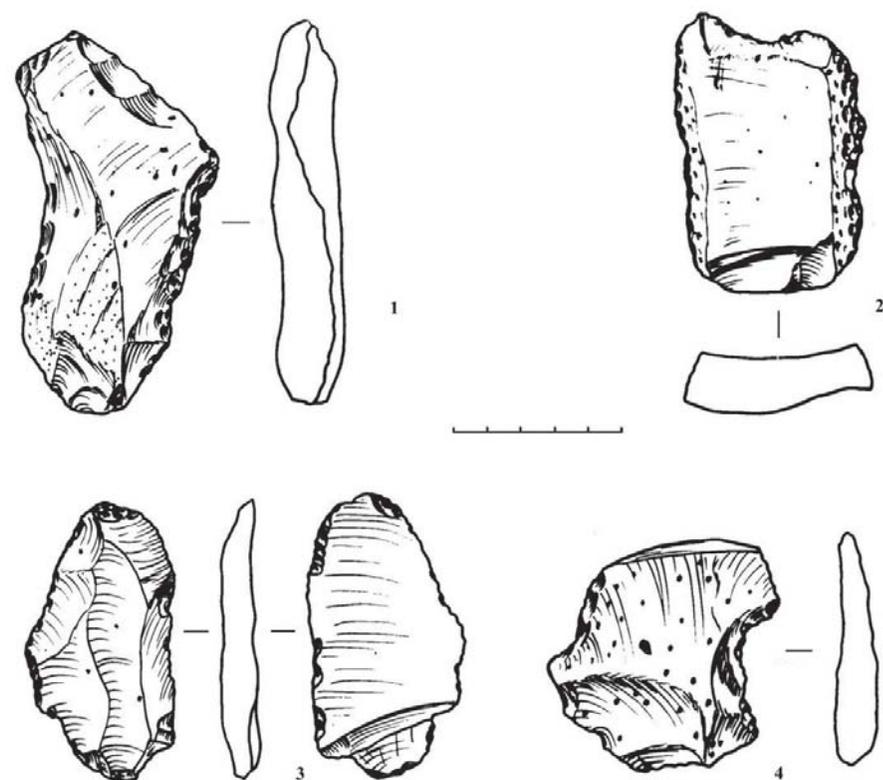

Рис. 25. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Скребла простые: 1 – прямое, 2,3 – выпуклые; 4 – вогнутое.

Двойные выпуклые скребла (3 экз.) не слишком типичны. При довольно правильной подтреугольной, овальной и прямоугольной форме со старательно выровненными субпараллельными сколами спинками, они имеют плохую нерегулярную ретушь. У первого скребла ретуши левого края (чешуйчатой мелкой крутой) противостоит на правом краю глубокая чешуйчатая ретушь средних размеров и обратная чешуйчатая ретушь дистального конца (рис. 26: 3). У второго скребла полукрутая чешуйчатая лицевая ретушь нижней части сменяется чередующейся ретушью верхней половины изделия (рис. 26: 4). Размеры ретуши различны – от средней до очень мелкой. У последнего скребла ретушь также разнообразных размеров и крутизны по зубчатым краям (рис. 27: 1).

У *двойного выпукло-вогнутого скребла* ретушь также нестандартна по размерам и крутизне, более ровная и плоская по выпуклому краю, более глубокая – по вогнутому (рис. 27: 2).

Три *поперечных выпуклых скребла* изготовлены из укороченных отщепов ($\Pi = 54, 59, 65, 101, \text{Im} = 54, 59, 65$). У двух самых крупных скребел ретушь

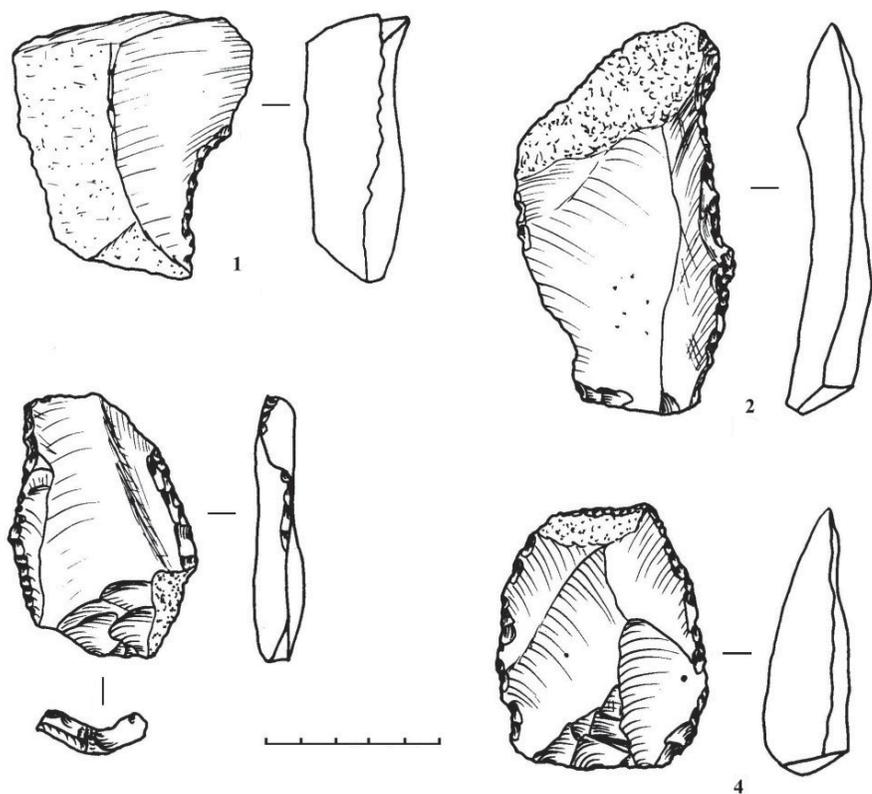

Рис. 26. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Скребла: 1,2 – простые вогнутые; 3,4 – двойные выпуклые.

лезвия крупная, довольно плоская, с выщербленностью по кромке (рис. 27: 3); у третьего, тонкого, ретушь мелкая и средняя, глубокая нанесена на острый проксимальный облом. У второго скребла лезвие подтесано на вентральной стороне глубокими мелкими сколами.

Поперечных вогнутых скребел также 3 экз. Одно изготовлено из массивного укороченного отщеп очень крупной ступенчатой ретушью, сильно оглаженной, по зубчатому краю (рис. 27: 4). Второе – из трапециевидного отщеп со средней очень крутой ретушью изогнутого лезвия (рис. 27: 5). У третьего орудия из массивного удлиненного подпрямоугольного отщеп ретушь нанесена не только на дистальный конец, но и на вогнутую верхнюю часть правого края; ретушь глубокая, крупных и средних размеров.

Скребло с противоположащей ретушью – из массивного первичного отщеп длиной 144 мм ($\Pi = 200$, $Im = 50$), ретушь выпуклых краев противоположащая: лицевая крупная крутая по левому краю, не слишком регулярная глубокая обратная – по правому (рис. 28: 1).

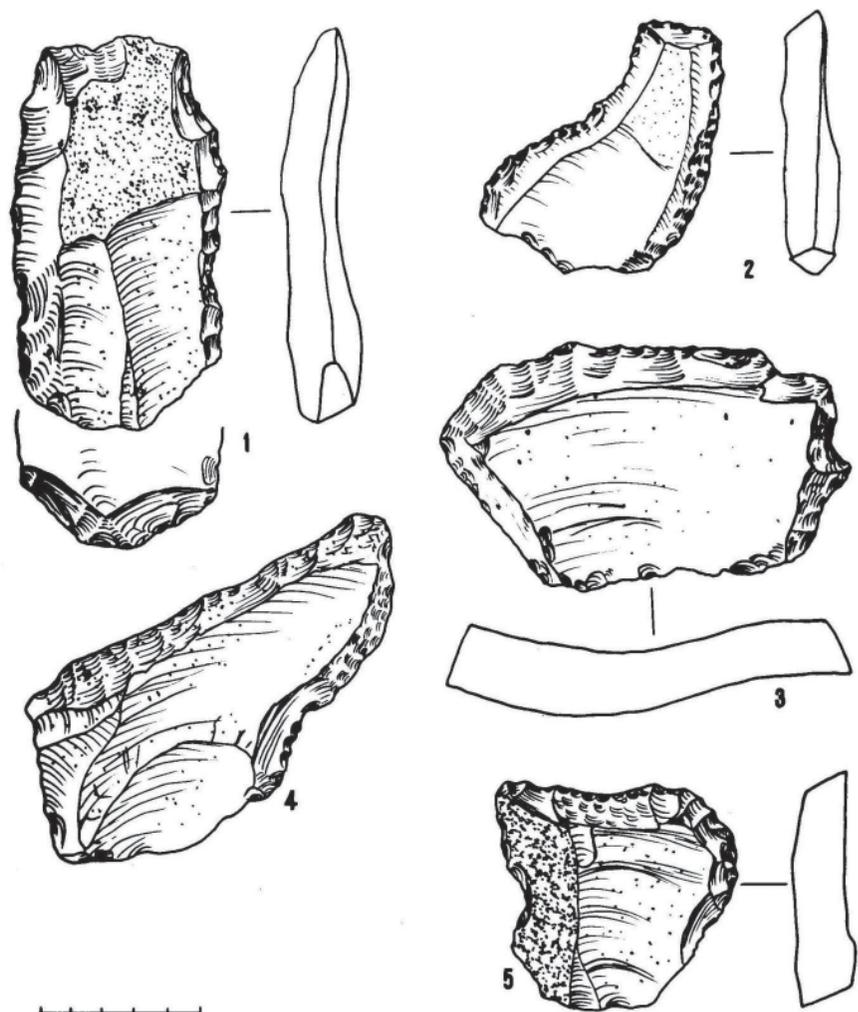

Рис. 27. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Скребла: 1 – двойное выпуклое; 2 – двойное выпукло-вогнутое; 3 – поперечное выпуклое; 4,5 – поперечное вогнутое.

Типичным ножом с обушком можно назвать изделие из листовидной пластины (длина 91 мм, $\Pi = 233$, $Im = 35$) с неправильно-конвергентной ограникой спинки. Правый ее край (обушок) притуплен глубокой отвесной ретушью средних размеров (сильно оглаженной), на остром левом краю – чередующаяся чешуйчатая ретушь средних размеров (ретушь утилизации?) (рис. 28: 2).

5 орудий относятся к ножам с естественными обушками (покрытыми коркой). У трех ножей выпуклый обушок занимает левый край, у двух других – вогнутый правый. У всех изделий имеется острое лезвие с чередующейся

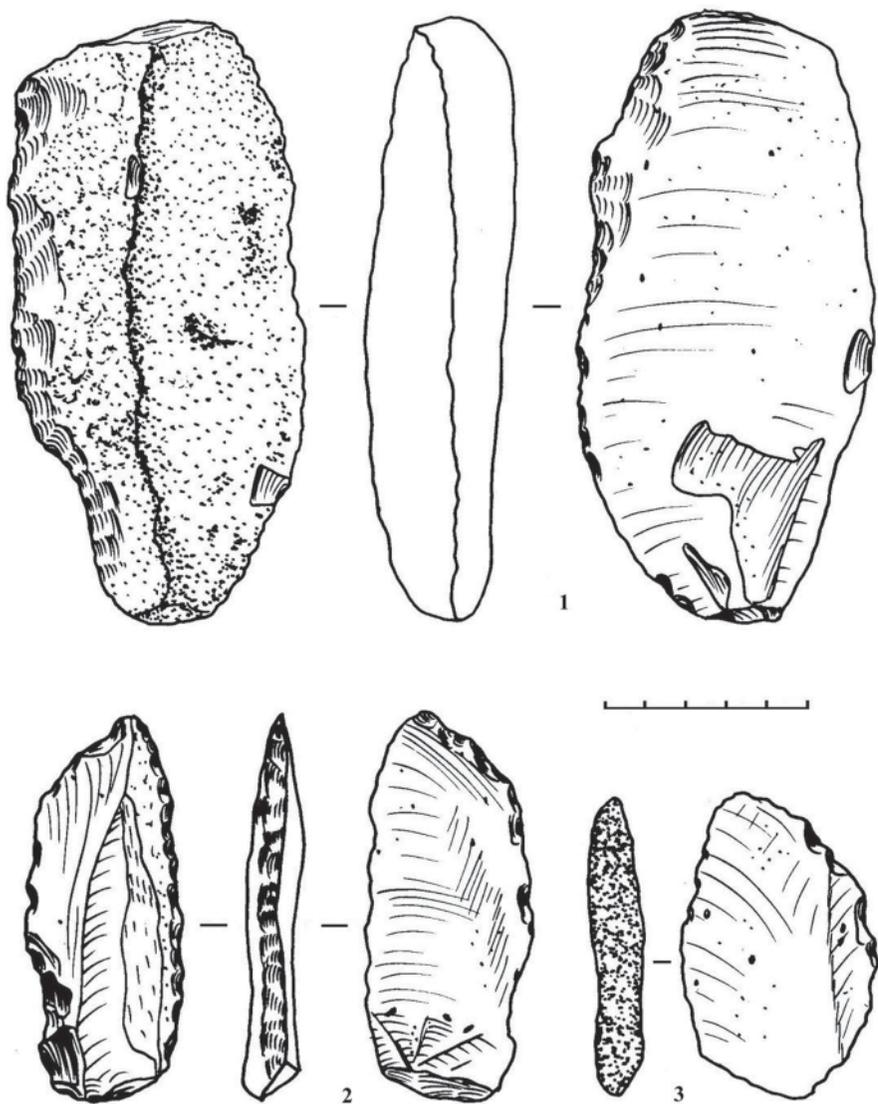

Рис. 28. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – скребло двойное выпуклое с противоположащей ретушью; 2 – нож с обушком типичный; 3 – нож с естественным обушком.

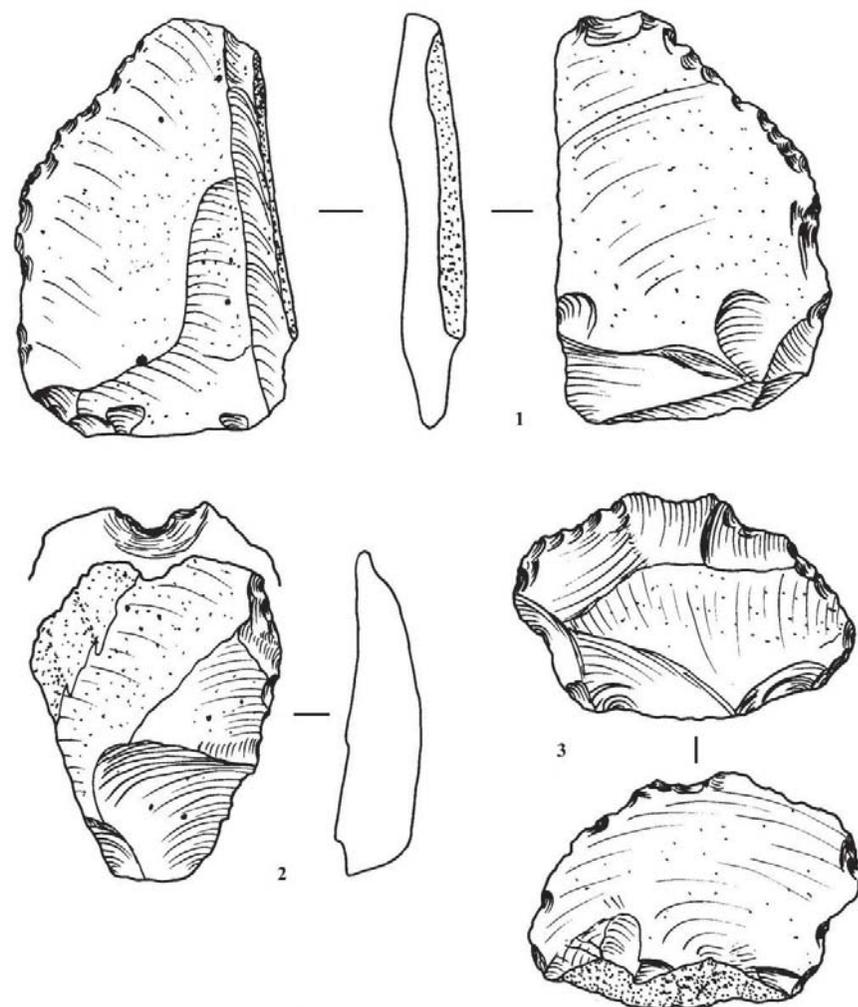

Рис. 29. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – нож с естественным обушком; 2 – выемчатое орудие; 3 – зубчатое орудие.

ся ретушью различной величины. Ножи крупные (от 67 до 111 мм длиной; l находятся в пределах 145-157, $l_m = 24-30$) (рис. 28: 3; 29: 1).

Выемчатые орудия (5 экз.) разнообразны. У трех массивных отщепов длиной от 66 до 100 мм одиночные выемки размерами 25×5, 23×5 и 20×4 мм нанесены обратной ретушью. В первых двух случаях ретушь полукрутая чешуйчатая средних размеров, в третьем – лицевая сильно оглаженная. У четвертого орудия выемка размерами 20×6 мм обратная с сильно оглаженной ретушью на дистальном конце трапециевидного отщепа (рис. 29: 2). У последнего орудия

3 обратных выемки: 1 – в середине правого края и две смежных – в верхней части левого (рис. 30: 1).

Зубчатые орудия этого комплекса (8 экз.) очень крупные (до 133 мм длиной). Зубчатость крупная, образована сочленениями смежных мелких выемок, обычно противоположащих, или крупной чередующейся глубокой ретушью (рис. 29: 3; 30: 2; 31: 1).

5 орудий представляют сочетание одиночных единичных выемок на дистальном краю, в середине или верхней части левого или в нижней части правого края с зубчатостью, образованной глубокой чередующейся ретушью

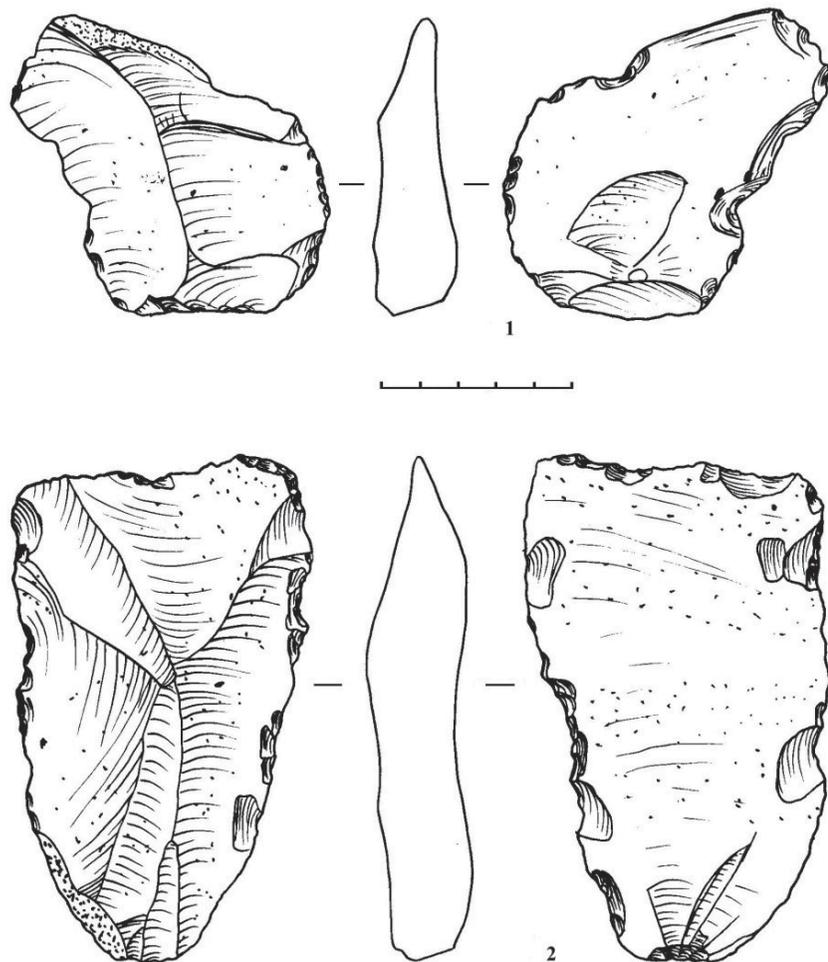

Рис. 30. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – выемчатое орудие; 2 – зубчатое орудие.

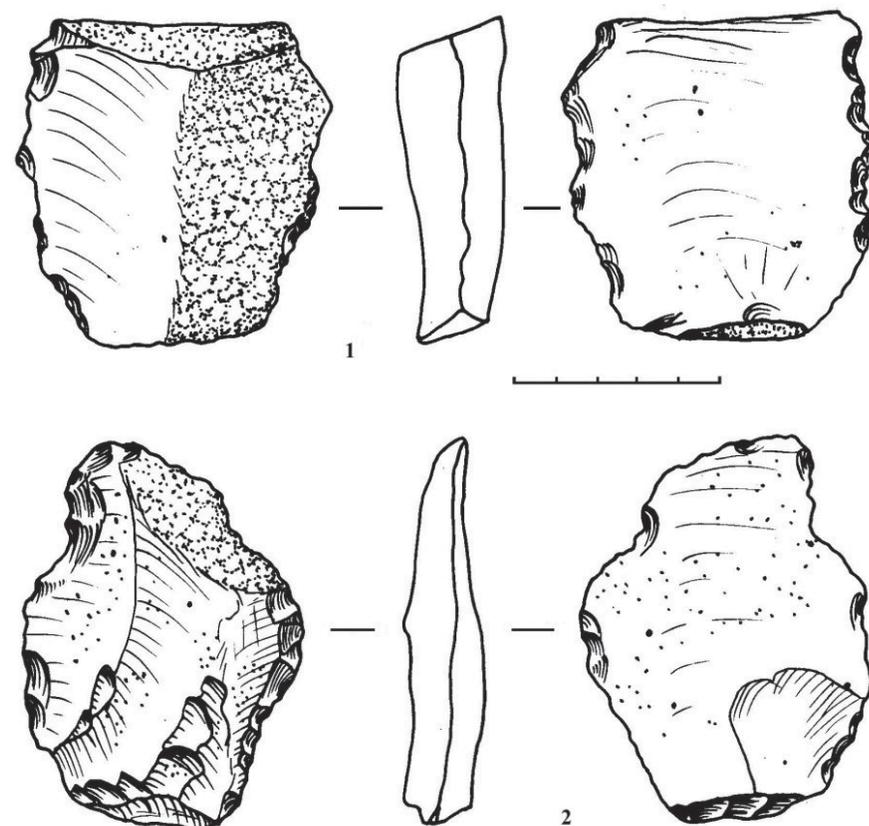

Рис. 31. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – выемчатое орудие; 2 – зубчатое орудие.

средних и крупных размеров. Последнее изделие представляет сочетание смежных выемок. Преобладают выемки лицевые (рис. 31: 2; 32: 1).

Клювовидное острие, отделанное противоположащей ретушью, в коллекции представлено очень хорошим экземпляром. Клюв изготовлен на конце крупного (длиной 116 мм) массивного ($Im = 25$) полупервичного отщепа. Выемки противоположащие с крутой чешуйчатой ретушью крупных и средних размеров, смыкаясь, образуют острие длиной 7 мм.

Тип «сколы различного типа с ретушью со стороны брюшка» представлен одним полупервичным отщепом с массивной дистальной и тонкой проксимальной частями. Ретушь преимущественно обратная глубокая средних размеров покрывает весь тонкий край базальной части, включая ударную площадку.

К сколам с двусторонней прерывистой ретушью отнесены 6 отщепов с четкой чередующейся, местами бифасиальной ретушью, которые пока труд-

но отнести к какому-либо другому типу. Это довольно крупные (длиной от 65 до 119 мм) массивные (средний $I_m = 32$) отщепы с сильно оглаженной поверхностью или со свежей ретушью утилизации.

Любопытны «орудия с носиком» (5 экз.), включенные в тип 62. Изготовлены они из крупных массивных листовидных отщепов длиной от 81 до 130 мм удлиненных пропорций ($\Pi = 152-220$, $I_m = 28-50$). Для них характерен массивный, слегка асимметричный выступ размерами $22 \times 25 \times 12$ мм (рис. 32: 2), $23 \times 16 \times 14$ мм и т.п. на дистальном конце (у четырех изделий) или на месте ударной площадки (рис. 32: 3). В одном случае носик выделен мелкой крутой ретушью с трех сторон (скребок?), у двух орудий лицевая крупная крутая ретушь оформляет боковые края, а дистальный конец подправлен обратной ретушью. 1 «носик» трехгранный, заостренный крупной полукрутой противоположающей ретушью (рис. 32: 4) испорчен более поздними сколами.

Остальные 9 орудий, отнесенных к типу 62, представляют различные комбинации рабочих элементов:

- скребло угловатое выпукло-вогнутое с противоположающей ретушью из массивного укороченного отщепа (длиной 82 мм, $\Pi = 78$, $I_m = 34$);
- скребло двойное прямо-выпуклое из треугольного отщепа леваллуа. По правому краю – ретушь лицевая пологая мелких и средних размеров, по левому прямому – мелкая чередующаяся. Позднее отщеп был усечен обратной крутой ступенчатой ретушью (рис. 32: 5);
- скребло двойное двояковыпуклое с противоположающей ретушью имеет также зубчатость по дистальному краю. Изготовлено из атипичного отщепа леваллуа. Ретушь средних размеров лицевая пологая по правому краю, противоположащая помельче и покруче – по левому. Зубчатость оформлена противоположающей (по несколько фасеток) ретушью крупных и средних размеров (рис. 33: 1);
- выпуклое скребло с вентральной ретушью по левому краю массивного отщепа имеет вдобавок небольшие смежные лицевые выемки по правому краю;
- на угловатом краю бивентрального отщепа подтреугольной формы изготовлено скребло вогнутое и небольшой (12×3 мм) анкош;
- вогнутое скребло и поперечное прямое скребло изготовлены на полупервичном отщепа в форме перевернутой трапеции. Ретушь лицевая крутая средних размеров;
- скребло простое вогнутое + скребло поперечное вогнутое + выемка размерами 27×5 мм на крупном полупервичном отщепа изготовлены лицевой крутой ретушью средних размеров; местами по кромке видна зубчатость;
- по правому краю массивного полупервичного отщепа изготовлено простое прямое скребло, по выпуклому левому – зубчатость. Ретушь глубокая крупная крутая, местами ступенчатая, сильно оглаженная (рис. 33: 2);
- атипичный отщеп леваллуа с сильно оглаженной ретушью, который можно

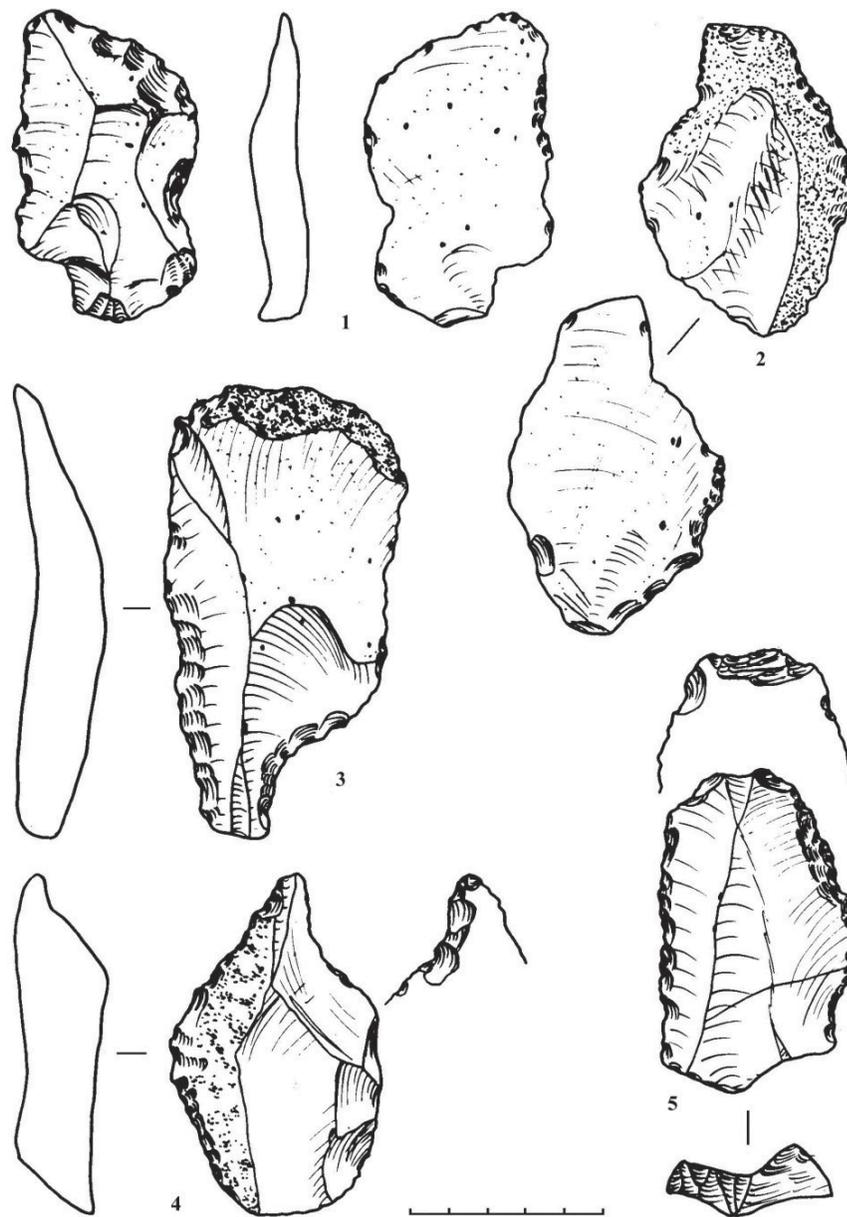

Рис. 32. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – зубчато-выемчатое орудие; 2 – орудия с «носиком»; 5 – комбинированное орудие.

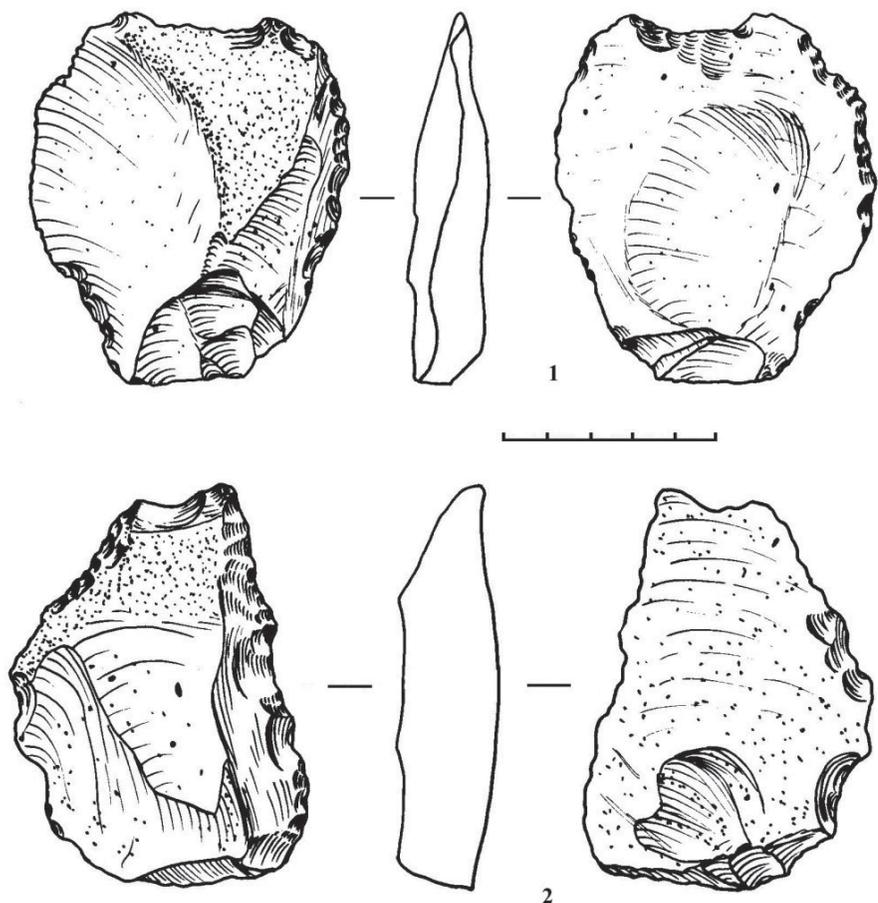

Рис. 33. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1, 2 – комбинированные орудия.

трактовать как нож с обушком типичный с атипичным скребком на округлом дистальном конце.

Раннемустьерский комплекс Б

Нуклеусы

Два нуклеуса из отнесенных к этому комплексу, предназначены для получения пластинчатых сколов:

- *протопризматический* двуплощадочный с трапециевидным сечением и размерами 108×68×49 мм. На фронте сохранились негативы прямоугольной и треугольной формы, которые не достигают пропорций пластин. Ударные площадки – скошенные, образованные одним снятием (рис. 34);
- *двусторонний двуплощадочный* нуклеус из элювиальной плитки в форме плоского параллелограмма с параллельными скошенными торцовыми

гранями, использованными как ударные площадки. С широких плоских граней без всякой предварительной подготовки снято несколько негативов (некондиционных). Если бы раскалывание продолжалось, последующие сколы ничем не отличались бы от пластин леваллуа (рис. 35).

Заготовка нуклеуса для пластин системы леваллуа. Подготовлен двугранный фронт – сохранились крупные глубокие поперечные негативы. Ударная площадка скошенная, треугольной формы, образована поверхностями откалывания предыдущего этапа. Фронт подпрямоугольной формы, сильно выпуклый, наполовину образован корочной поверхностью и двумя встречными продольными негативами. Латерали и дистальный конец представляют сплошное извилистое ребро.

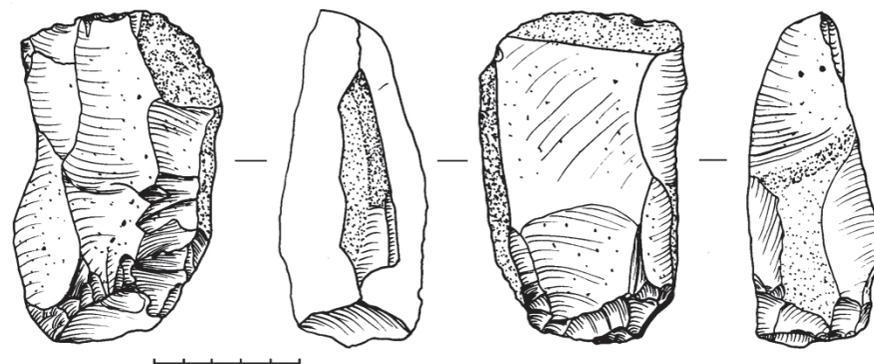

Рис. 34. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Протопризматический двуплощадочный нуклеус.

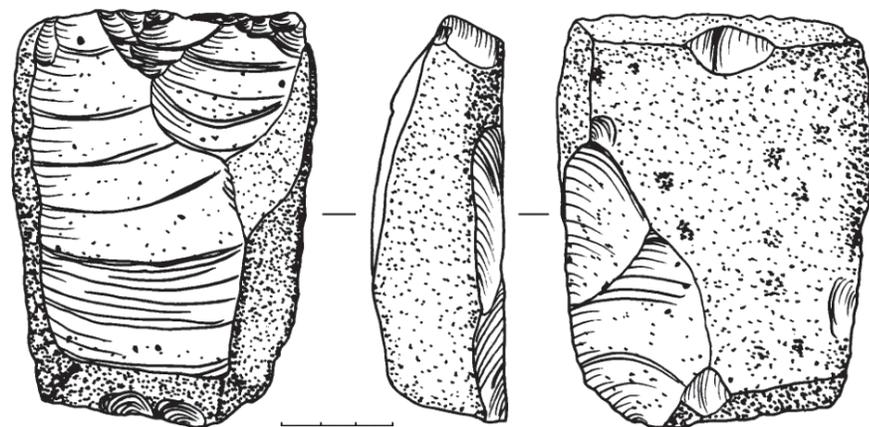

Рис. 35. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус двусторонний двуплощадочный.

Четвертое изделие также представлено заготовкой нуклеуса. Трехгранный контрфронт образован двумя очень крупными продольными негативами, которые сочленяются посредством третьей грани, образованной мелкими поперечными сколами. Фронт равномерно выпуклый; около 30% покрыто коркой, остальная поверхность выровнена мелкими поперечными негативами. Кондиционных сколов нет. Они могли бы сниматься как в поперечном (параллельно), так и в продольном направлении (после подготовки соответствующей ударной площадки). Размеры заготовки 125×97×74 мм.

Орудия

Отщепы леваллуа типичные (7 экз.) более мелкие, чем в комплексе А (длина от 40 до 50 мм), более тонкие (Im от 22 до 27), более удлиненных пропорций (Il = 124 – 180). Спинки уплощенные, обычно субпараллельной огранки, с 6-8, реже 3-4 негативами. Ударные площадки в трех случаях неопределимы, 2 – гладкие, образованные одним снятием, 1 – двугранная двухфасеточная, 1 – фасетированная дуговидная. Они очень небольшие, угол между ударной площадкой и поверхностью откалывания близок к прямому (рис. 36: 1-7).

По краям всех этих отщепов наблюдается нерегулярная разновременная ретушь (утилизации?). Но у двух отщепов более поздняя ретушь сильно изменяет очертания изделия: у первого посредством выемки, тщательно отделанной мелкой крутой обратной ретушью выделено рыльце (рис. 36: 6). У другого отщеп аналогичное рыльце выделено чередующейся чешуйчатой глубокой ретушью средних размеров и дополнительно подправлено скребковой ретушью (рис. 36: 7).

Отщепы леваллуа атипичные имеют неправильные очертания, сохранили на спинке незначительные участки корки, повреждены или имеют другие недостатки оформления. Они намного крупнее, чем типичные (длина 54-98 мм), более массивные (Im от 21 до 37, Im от 108 до 181) (рис. 37: 1, 2).

Определимых ударных площадок у атипичных отщепов леваллуа 7; три из них образованы одним снятием, 1 – гладкая двухфасеточная, 1 – двугранная, 1 – выпуклая грубофасетированная, 1 – выпуклая тонкофасетированная.

Скребел сравнительно немного – 8 экз.

Простых скребел – 5, все они *вогнутые*. У трех из них вогнутость лезвия легкая, глубокая полукрутая и крутая чешуйчатая ретушь крупных и средних размеров занимает весь край и образует ряд смежных выемок (рис. 37: 3-5). Ретушь оглажена, в некоторых местах уничтожена более поздней ретушью, но читается хорошо, в отличие от ретуши двух следующих орудий с четко выемчатым лезвием (размеры выемок 53×7 и 35×6 мм), которая только угадывается из-за сильной оглаженности (рис. 37: 6).

2 изделия – *двойные двояковогнутые скребла* с противоположащей ретушью. Одно из лезвий этих орудий имеет четкую глубокую выемку длиной 25 мм и глубиной 5 и 7 мм. Противоположащее лезвие – скорее зубчатое. Ретушь чешуйчатая крутая средних размеров (рис. 37: 7, 8).

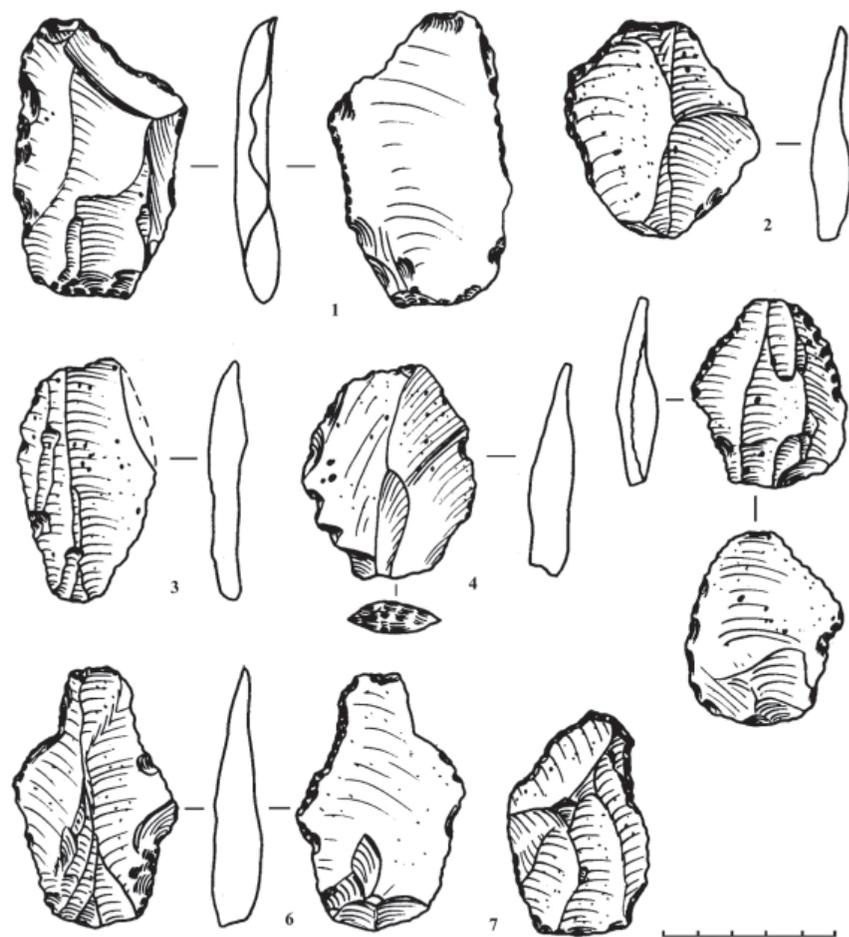

Рис. 36. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1-7 – отщепы леваллуа атипичные.

Скребел поперечное выпуклое изготовлено из отщеп подтреугольной формы с дивергентными краями и широким дистальным концом. Ретушь крупная крутая сильно оглаженная (рис. 37: 9).

В целом, скребла небольшие (длина от 50 до 89 мм, из отщепов треугольной (перевернутой) формы, прямоугольной или пластинчатой; они не слишком массивные (Im составляет от 20 до 37) Ударные площадки обычно удалены или неопределимы.

Усеченные отщепы (леваллуа) – 2 экз. – имеют слабовогнутое усечение с сильно оглаженной отвесной ретушью, нанесенной со спинки (рис. 38: 1).

Выемчатые орудия (10 экз.) все осложнены зубчатостью, образованной глубокой чередующейся ретушью крупных и средних размеров. У двух из-

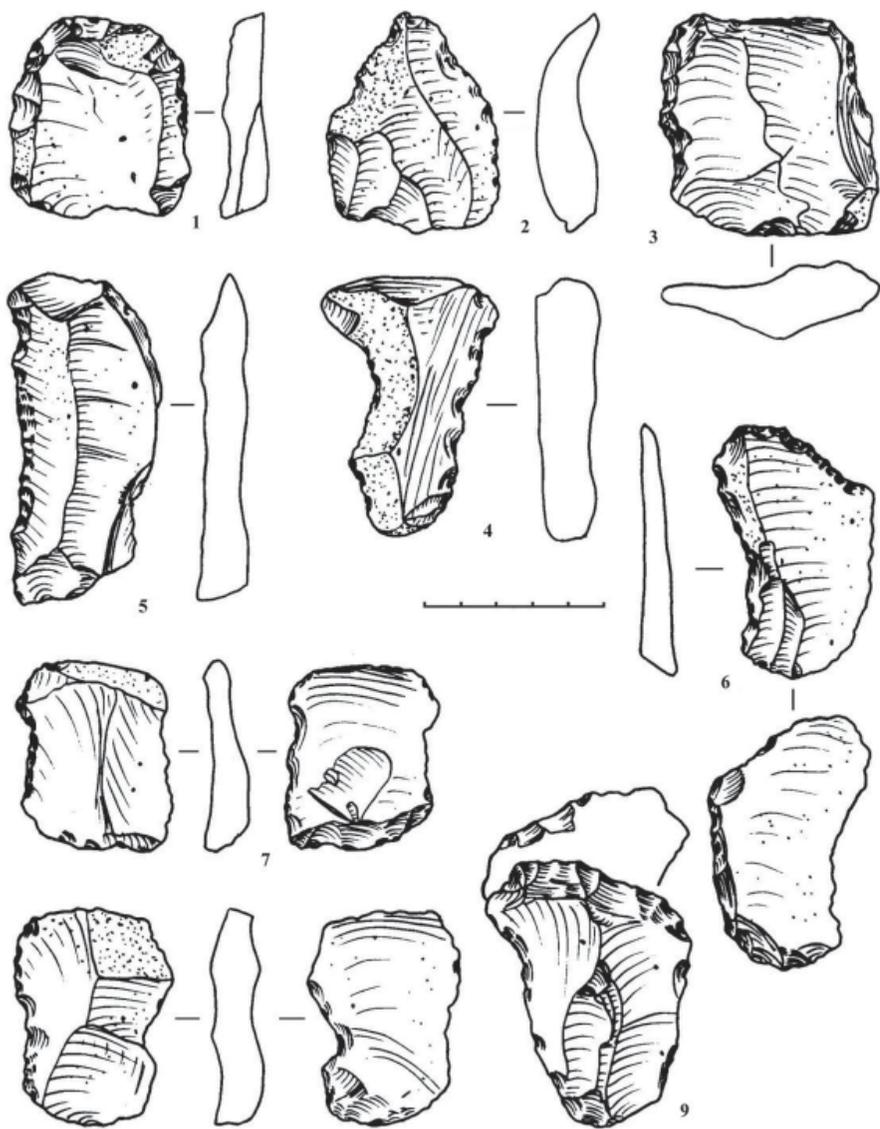

Рис. 37. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1,2 – отщепы леваллуа атипичные; 3-6 – скребла простые вогнутые; 7,8 – скребла двойные вогнутые; 9 – скребло поперечное выпуклое.

делий трапециевидной формы с конвергентными краями крупные выемки нанесены на боковые края (рис. 38: 2, 3); у пластинчатого отщепа леваллуа они оформлены противоположащей ретушью примерно в середине орудия (рис. 38: 5); у атипичного отщепа леваллуа выемки обратные – в верхней части правого и в нижней части левого краев (рис. 38: 6). У пятого изделия этого типа противоположащие выемки выделяют клюв-рыльце в средней части левого края (рис. 38: 4).

У *зубчатых орудий* (5 изделий, из них 3 изготовлено на пластинах) зубчатость нанесена на продольные и отчасти на дистальные края глубокой чередующейся ретушью средних размеров (рис. 39: 1-3).

Клювовидное острие, отделанное противоположащей ретушью, образовано сочетанием лицевой крутой ретуши средних размеров с резцовым сколом на обратной стороне отщепа в середине дистального края.

Очень интересно *орудие с черенком*, изготовленное из пластины леваллуа с сильно изогнутой, перекрученной поверхностью откалывания (длина 81 мм, $\Pi = 261$, $Im = 38$). Обратная крутая средних размеров сильно оглаженная ретушь покрывает оба края, формируя двойное выпуклое скребло с вентральной ретушью. Основание сужено с двух сторон двумя четкими выемками. Левая выемка образована коротким продольным сколом, правая – глубокой чередующейся чешуйчатой ретушью средних размеров (рис. 39: 4).

Сколы различного типа с двусторонней прерывистой ретушью (4 экз.) – это сравнительно небольшие (53-99 мм), тонкие ($Im = 21-33$) фрагментированные отщепы с мелкой и средней крутой чередующейся или бифасиальной сильно оглаженной ретушью по тонким краям (рис. 39: 5, 6).

Разные (другие) орудия – тип № 62:

- орудие с носиком из отщепа неправильных, ломаных очертаний. Носик оформлен противоположащей ретушью средних размеров (рис. 39: 1);
- очень похожи друг на друга два комбинированных изделия асимметрично-трапециевидных очертаний. Оба имеют прямое простое скребловое лезвие по правому краю, выемку (10×3 и 22×4 мм) в верхней части левого края, отделанную мелкой крутой чешуйчатой ретушью, которая выделяет широкий плоский носик со следами более позднего переоформления. Стрельчато-выпуклая часть правого края имеет менее регулярную глубокую ретушь средних размеров (рис. 40: 2, 3);
- атипичная пластина леваллуа ($\Pi = 228$, $Im = 34$) имеет по краям очень глубокую чередующуюся ретушь средних размеров и выпуклое скребковое лезвие с забитостью по кромке на выпуклом конце (рис. 40: 4);
- довольно массивный полупервичный отщеп имеет на S-видном правом краю выпуклое скребло и выемку, которые разделены подобием клюва с обратной ретушью. На другом краю видна нерегулярная чередующуюся ретушь (рис. 40: 5).

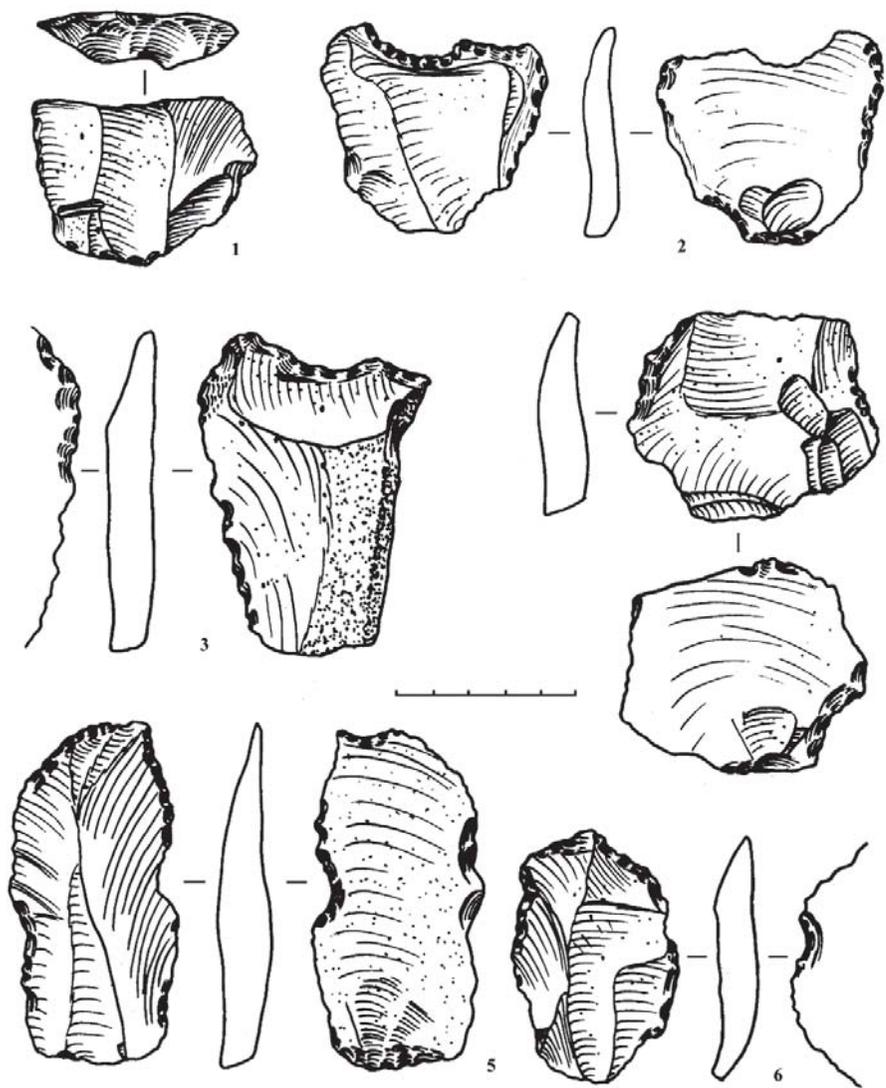

Рис. 38. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – усеченный отщеп леваллуа, 2-6 – выемчатые орудия.

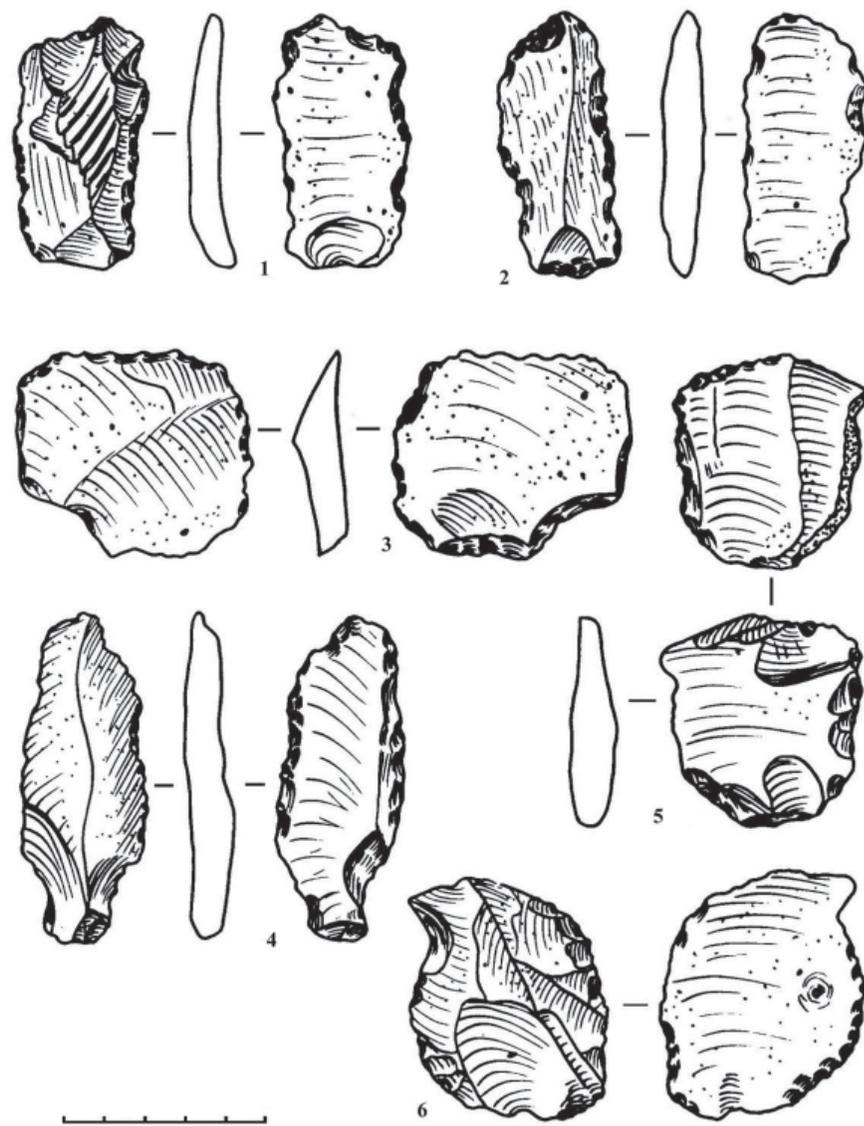

Рис. 39. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1-3 – зубчатые орудия; 4 – орудие с черешком; 5,6 – сколы с двусторонней ретушью.

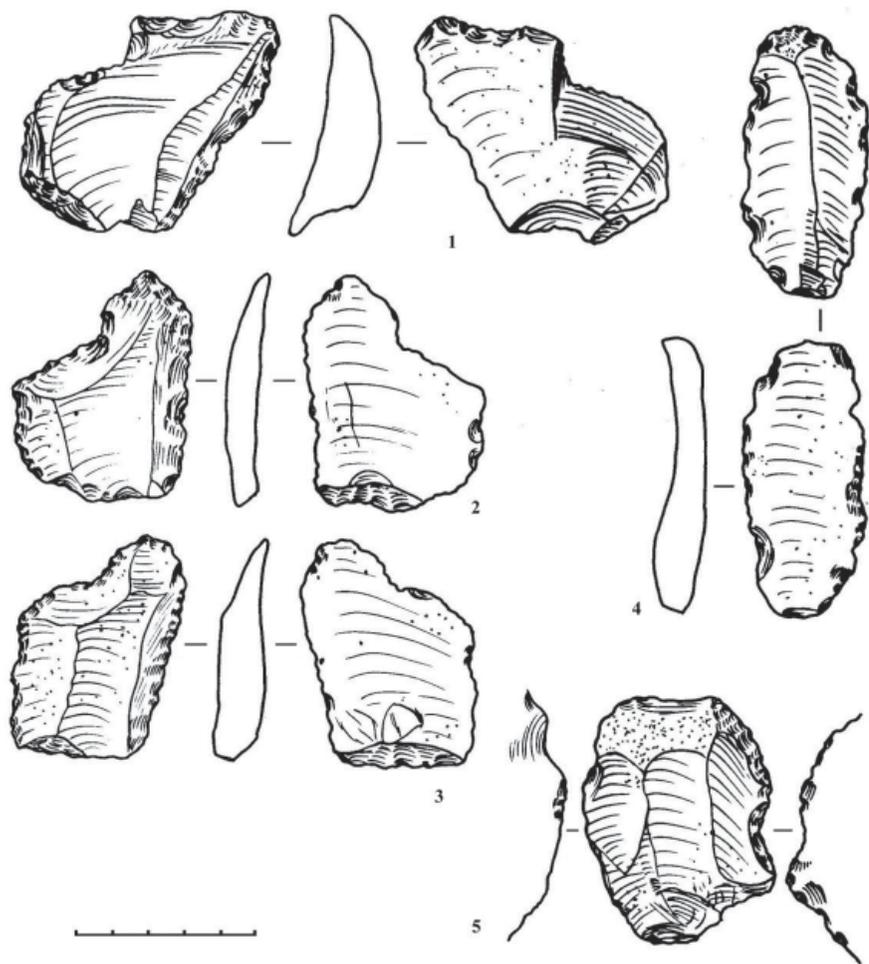

Рис. 40. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – орудие с «носиком»; 2-5 – комбинированные орудия.

Мустьерский комплекс

Нуклеусы

В целом нуклеусы этого комплекса крупнее, чем в уже описанных более древних комплексах, сделаны они более небрежно. Нуклеусы радиального раскалывания и нуклеусы леваллуа для отщепов различаются с трудом.

Нуклеусы радиального раскалывания редко имеют правильную дисковидную форму. Самый плоский из этих нуклеусов размерами 142×119×33 мм, имеет трапециевидную форму. Контрфронт у него плоский, даже вогнутый, образован поверхностью естественного раскалывания (морозобойное блюд-

це). Периметр грубо оббит и практически везде представляет ударную площадку, образующую с фронтом угол 70-80°. На фронте видны негативы конвергентных сколов, самый последний – трапециевидный – имеет размеры 66×73 мм (рис. 41);

- другой нуклеус имеет форму параллелограмма (125×90×42 мм). Контрфронт у него выпуклый, представляет комбинацию естественной корочной поверхности (40%) и грубых конвергентных сколов. Ребро по периметру очень острое – 40-60°; видимо, ударная площадка местами истощена. Негативы на фронте мелкие, неправильные, плоские (рис. 42);
- очень крупный нуклеус из ашельского комплекса размерами 160×140×72 мм попытались использовать как дисковидный и в мустьерское, и в более позднее время, но сколы упирались в трещины в породе;
- миниатюрный (64×54×40 мм) нуклеус имеет сильно выпуклый пирамидальный контрфронт, наполовину покрытый коркой. Корочная поверхность и негативы конвергентных сколов служили ударными площадками для фронтальных сколов (треугольных и псевдолеваллуазских) размерами до 37×37 мм.

1 нуклеус двусторонний трехплощадочный, размерами 109×128×56 мм, асимметричный, с очень глубокими негативами – испорченный радиальный или неудачный леваллуа.

Последний нуклеус из отнесенных к этой категории – трехсторонний трехплощадочный из элювиального обломка размерами 128×152×96 мм с короткими грубыми негативами.

Нуклеусы, отнесенные к леваллуазским, представлены преимущественно плохими заготовками. Самый крупный, размерами 145×150×60 мм имеет дисковидную форму. Острое извилистое ребро, сформированное бифасиаль-

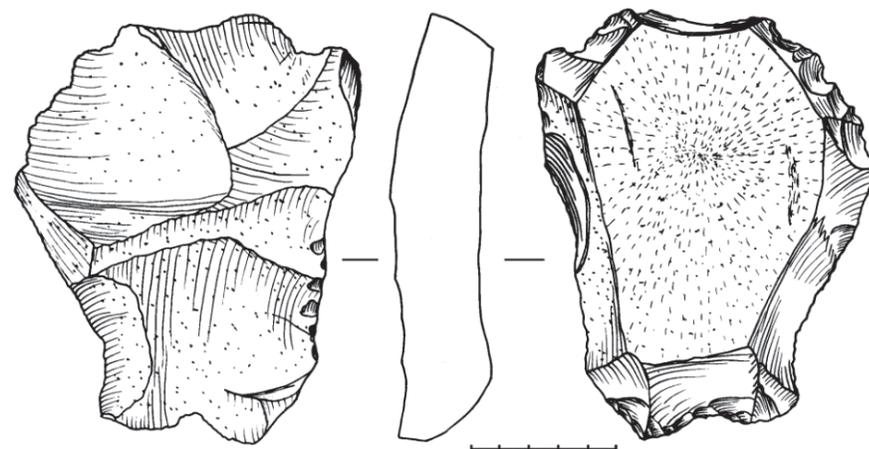

Рис. 41. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Односторонний нуклеус радиального раскалывания.

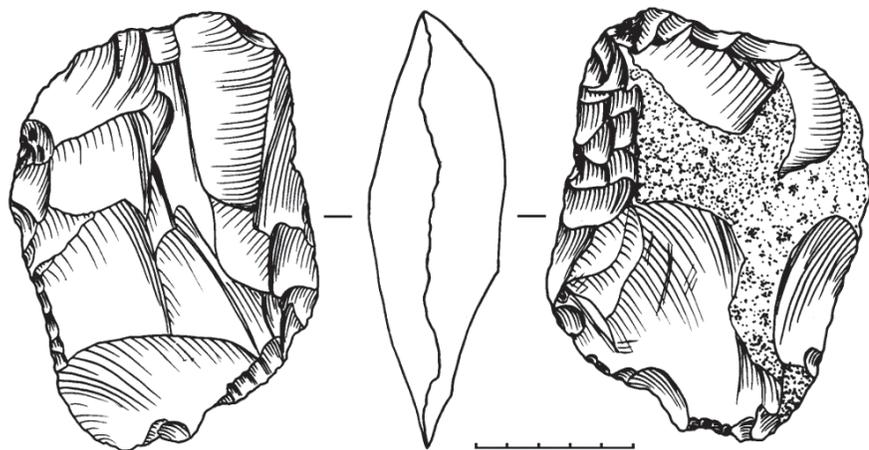

Рис. 42. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус односторонний радиального раскалывания.

ными сколами, слегка сдвинуто к контрфронт, оно занимает весь периметр, кроме ударной площадки. Ударная площадка составляет с фронтом угол около 80° ; она выпуклая, образована корочной поверхностью и 3-4 негативами. Фронт выпуклый, на нем читается корка, негативы предшествующих стадий и мустьерские негативы, утончающие левый край. Аналогично оформлен и более плоский контрфронт (рис. 43);

- нуклеус подтреугольной формы из элювиальной плитки – односторонний одноплощадочный, размерами $101 \times 109 \times 30$ мм. На фронте глубокий подтреугольный негатив размерами 77×77 мм срезает конвергентные негативы подправки. Ударная площадка образована корочной поверхностью и слегка выровнена небольшими плоскими сколами по краю, составляет с фрон-

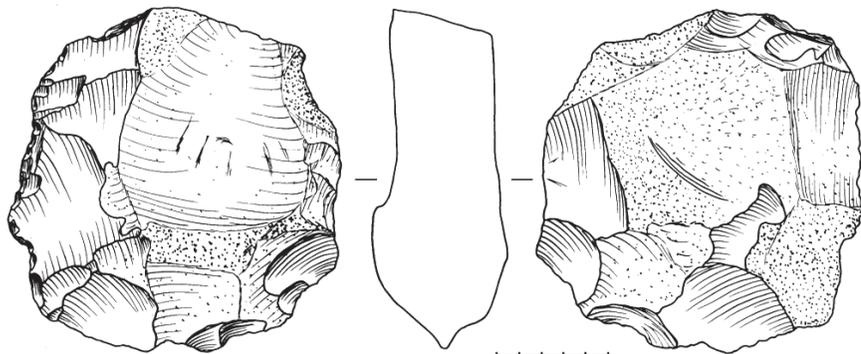

Рис. 43. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа односторонний одноплощадочный.

том угол около 80° . Контрфронт слабовыпуклый, почти полностью покрыт коркой. Края и конец представляют собой извилистое ребро (рис. 44);

- односторонний одноплощадочный нуклеус, размерами $126 \times 111 \times 64$ мм, задумывался как леваллуа – выпуклый фронт оформлен конвергентными сколами, массивная корочная двугранная площадка фасетирована по краям. Контрфронт плоский, образован поверхностью кливажа, в подправке не нуждался. На фронте – два глубоких крупных (84×57 и 80×100 мм) негатива, сколотых с разных концов ударной площадки под прямым углом друг к другу. Напрашивается еще один скол – остроконечник первого порядка, но он почему-то не сделан (нет традиции изготовления остроконечников леваллуа?). На контрфронте видны неудачные, слишком глубокие следы попыток скалывания отщепов в радиальной технике (рис. 45).

Тщательностью отделки и изяществом пропорций выделяются два плоских нуклеуса, напоминающие бифасы:

- двусторонний двуплощадочный с поперечным скалыванием отщепов (паралеваллуа), размерами $93 \times 52 \times 20$ мм. Отличается от бифасов четко оформленными ударными площадками по длинным краям и поперечным сечением в виде параллелограмма. Основная площадка, с которой снимались кондиционные сколы овальной формы, слабовыпуклая, оформленная 4-5 сколами, крупными, плоскими, составляет с фронтом угол около 80° . Другая площадка фасетированная, но сколы, снятые с нее, неудачные – короткие и глубокие, вероятно, из-за трещин в породе (рис. 46).

Другой нуклеус этого типа – односторонний одноплощадочный более крупный ($145 \times 79 \times 30$ мм). Ударная площадка слабовыпуклая грубоподправленная. Фронт тщательно выглажен крупными плоскими поперечными негативами неправильных очертаний. Контрфронт плоский, на 70% покрыт коркой; с конца он уплощен плоскими легкими сколами. Не исключено, что это заготовка бифаса (рис. 47: 1).

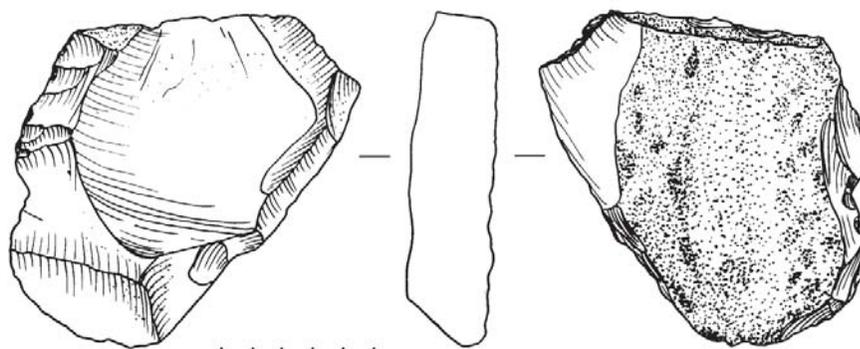

Рис. 44. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа односторонний одноплощадочный.

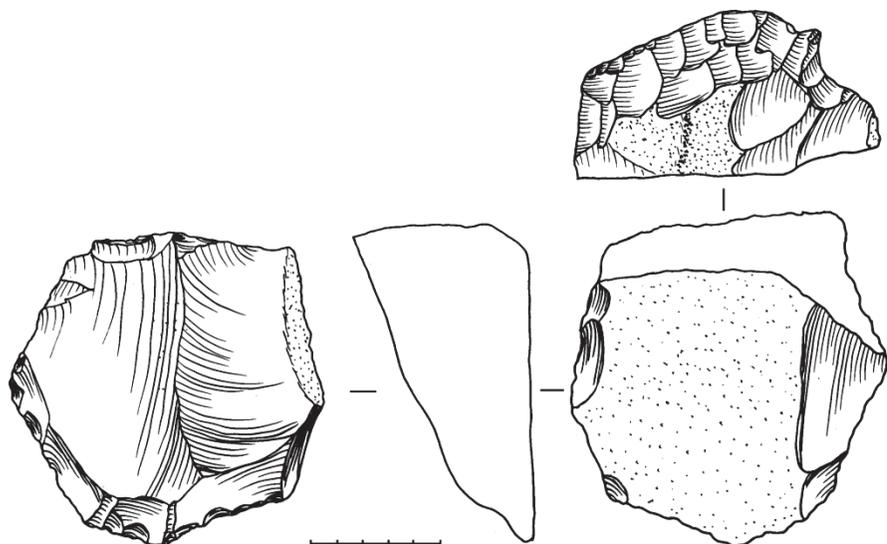

Рис. 45. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Заготовка нуклеуса леваллуа.

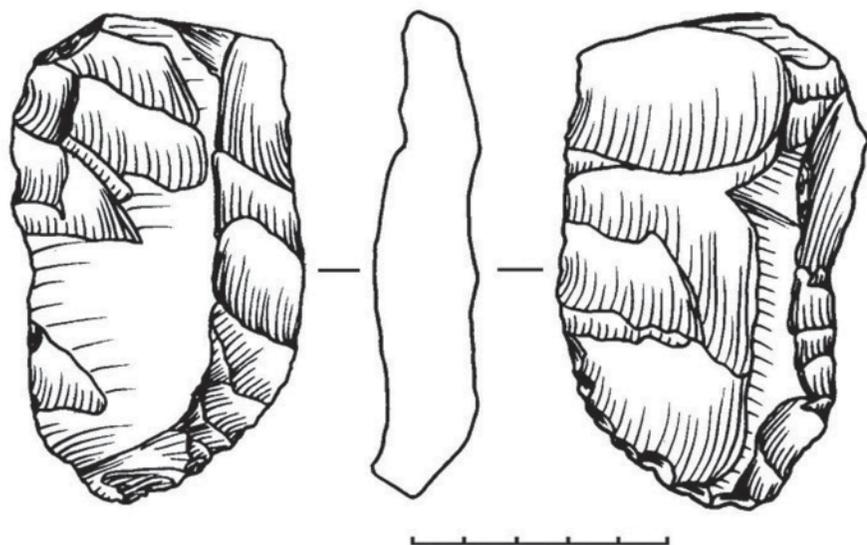

Рис. 46. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа поперечного скалывания (паралеваллуа) двусторонний двуплощадочный.

К нуклеусам паралеваллуа тяготеет *односторонний двуплощадочный* нуклеус размерами 71×112×52 мм. На слабовыпуклом фронте – глубокие негативы поперечных сколов. Контрфронт сильно выпуклый, грубо оббит глубокими конвергентными сколами, которые одновременно формируют и ударные площадки по длинным сторонам (рис. 47: 2).

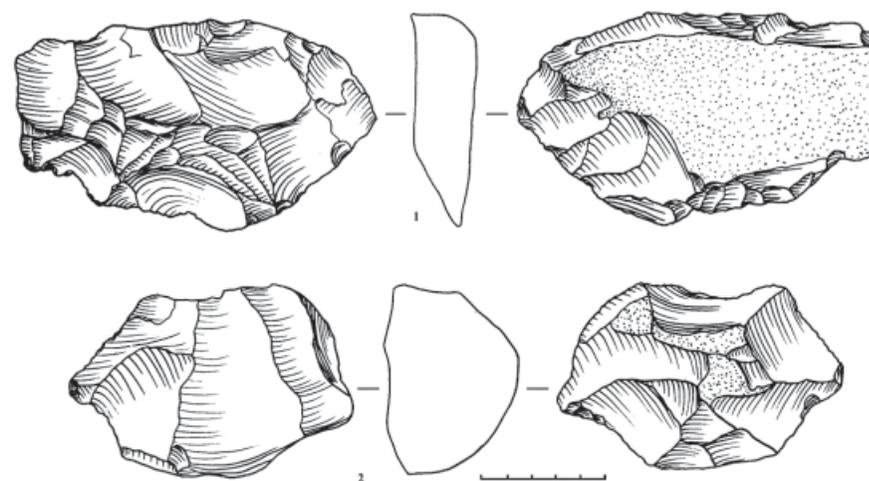

Рис. 47. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеусы леваллуа односторонние одноплощадочные.

Двусторонний трехплощадочный преимущественно поперечный нуклеус из плитки размерами 159×105×42 мм. На обеих поверхностях сохранились участки корки – на фронте она занимает около 40% поверхности, на контрфронте – 10%. Ударные площадки: на короткой стороне – фасетированная выпуклая (с нее снят один продольный скол); на длинных сторонах противолежащие площадки: грубоподправленная и корочная (с них снимались поперечные, тоже неудачные сколы) (рис. 48).

Двусторонний двуплощадочный нуклеус миндалевидной формы (136×92×56 мм). На нем видны следы трех этапов раскалывания: остатки ашельских негативов на обеих поверхностях; противолежащие продольные негативы мустье (неудачные, не доходящие до середины); более поздняя оббивка узких концов уничтожила мустьерские ударные площадки. На первый взгляд, этот нуклеус напоминает грубый бифас (рис. 49).

Еще один двусторонний двуплощадочный нуклеус изготовлен из более древнего нуклеуса. Он довольно массивный (106×98×53 мм), округлой формы. Ударные площадки на узких концах грубо оббиты. Так же грубо оббиты конвергентными глубокими сколами фронт и контрфронт. Негативы сколов-заготовок имеют овальную форму и размеры до 53×33 мм.

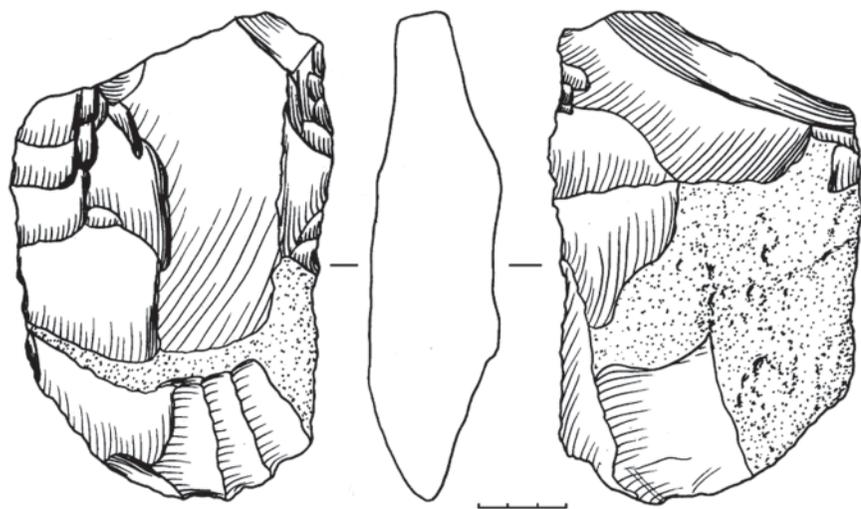

Рис. 48. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа двусторонний трех-
площадочный.

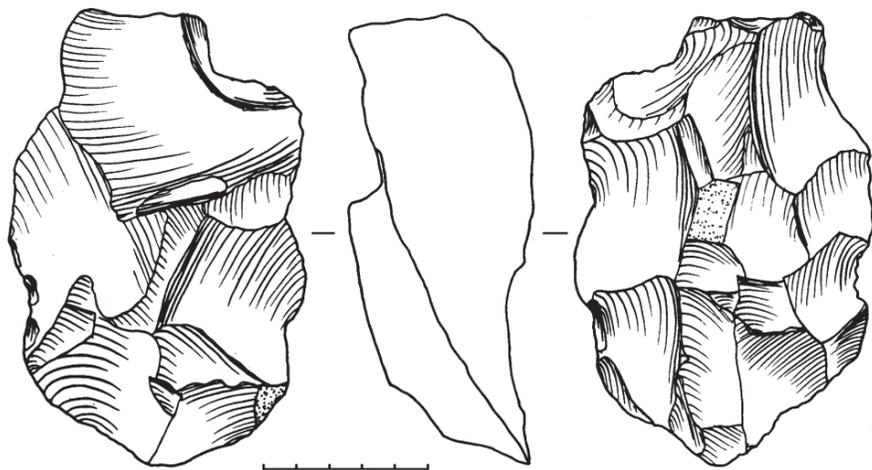

Рис. 49. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа двусторонний дву-
площадочный.

Практиковалось в этой индустрии и изготовление пластин в технике леваллуа. Нуклеусы леваллуа для пластин обычно имеют вытянутые пропорции, треугольный, сильно выпуклый фронт, двугранный, выпуклый контрфронт, ромбовидную, сильно скошенную ударную площадку. Кондиционный нуклеус этого типа в коллекции один. Его размеры: 121×76×56 мм. На фронте – негативы предварительной конвергентной оббивки и продольные негативы пластин шириной 24-28 мм. Контрфронт двугранный в верхней массивной части, уплощается книзу; он образован корочной поверхностью (30%) и диагональными пластинчатыми негативами. Ударная площадка образована 4-5 сколами, составляет с фронтом угол около 60°. Левая латераль – острое бифасиально оббитое острое ребро, образованное коркой и продольным негативом (рис. 50).

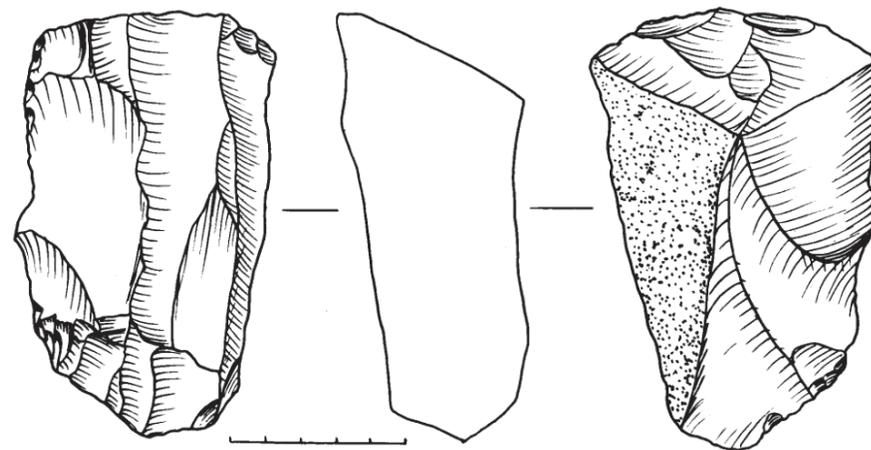

Рис. 50. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа для пластин, одно-
сторонний одноплощадочный.

Другие нуклеусы этого типа оставлены на разных стадиях изготовления:

- у нуклеуса размерами 134×74×53 мм двумя сколами подготовлена совершенно такая же ударная площадка, что и у предыдущего; левая латераль грубо оббита лицевыми сколами; контрфронт, часть фронта и острый конец еще не очищены от корки (рис. 51);
- для третьего нуклеуса также подобран обломок подходящей формы: тремя-четырьмя сколами подготовлена ударная площадка, поперечными сколами с левой латерали выровнен контрфронт. Двугранный фронт не требовал подготовки. Кондиционных снятий нет. Размеры: 131×62×69 мм (рис. 52);
- при изготовлении четвертого, самого крупного нуклеуса этого типа (138×89×69 мм) также максимально использована форма обломка: около 50% фронта и 60% поверхности контрфронта представляют корочную элювиальную поверхность обломка. Двугранный фронт слегка подправ-

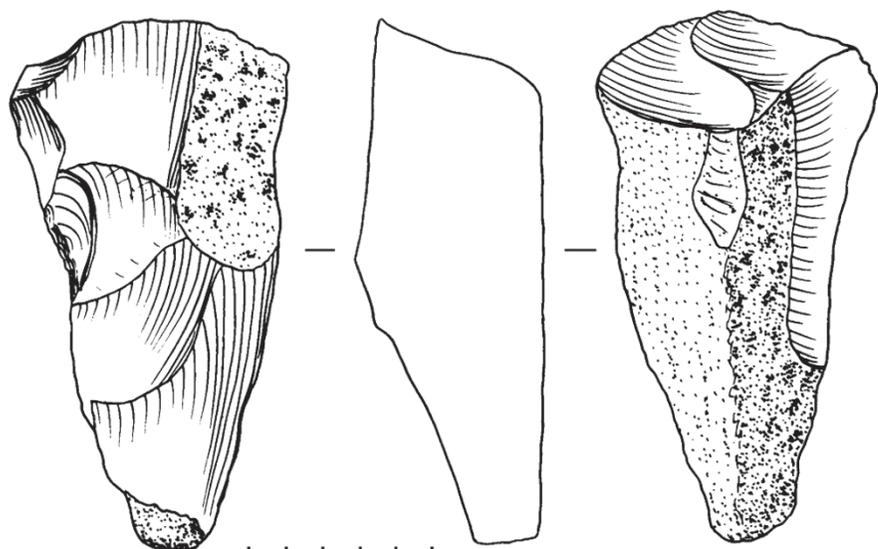

Рис. 51. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Заготовка нуклеуса леваллуа для пластин.

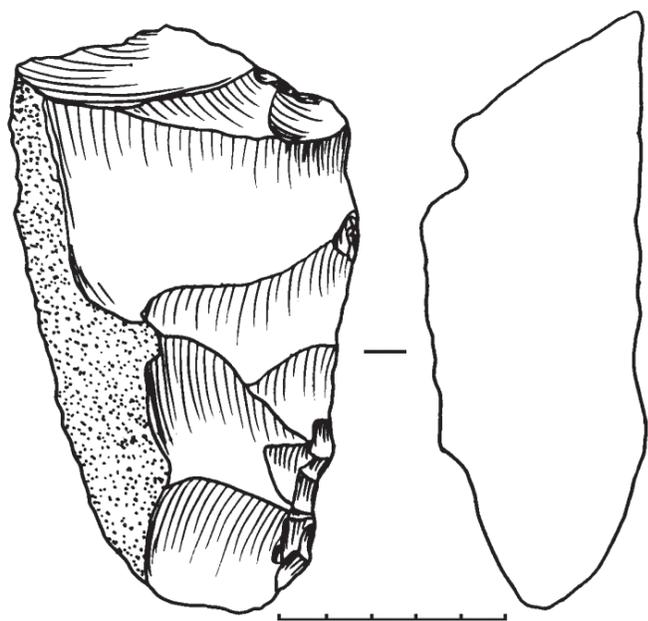

Рис. 52. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Заготовка нуклеуса леваллуа для пластин.

лен конвергентными и продольными сколами, снят пробный пластинчатый скол, который выявил трещиноватость сырья. Контрфронт, в отличие от предыдущего нуклеуса, более плоский, слегка подправлен поперечными сколами. Тщательнее всего подготовлена ударная площадка, почти перпендикулярная фронту. Она имеет овальную форму и глубокие короткие негативы от фронта. Латерали стремятся стать ребрами (рис. 53).

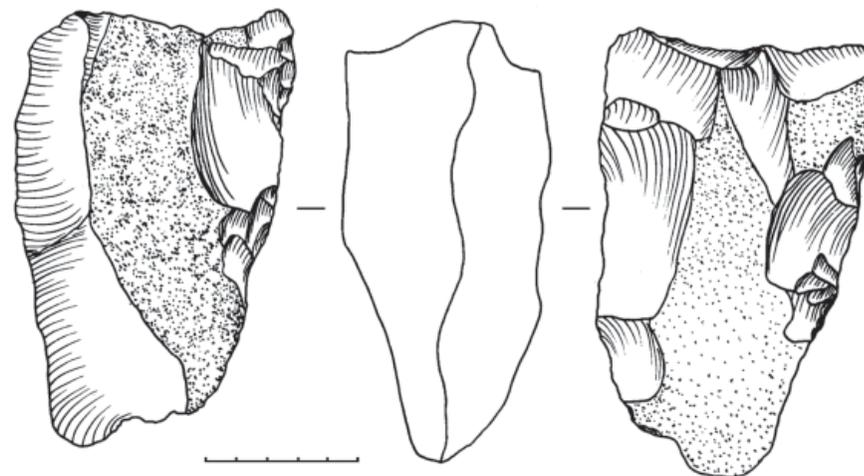

Рис. 53. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Преформа нуклеуса леваллуа для пластин.

Где-то между этими нуклеусами и следующими двумя должна проходить граница между леваллуазской и призматической техникой раскалывания:

- заготовка нуклеуса размерами 118×100×68 мм имеет четко оформленную ударную площадку, овальную, почти перпендикулярную фронту, грубо оббитую, с глубокими короткими негативами от контрфронта. Элювиальный обломок, из которого изготовлена заготовка нуклеуса, видимо, имел треугольное сечение; продольными сколами заострен и расплюсчен дистальный конец. Пластинчатые сколы опробования сняты с зауженных концов ударной площадки, по торцам нуклеуса. На двугранной площадке и двугранном контрфронте – остатки ашельских негативов (рис. 54);
- заготовка подобного типа размерами 101×86×58 мм с ударной площадкой овальной формы имеет овальное сечение, почти не очищена от корки. Раскалывание нуклеуса начиналось с торцов, неудачно.

Два нуклеуса можно рассматривать как *протоклиновидные*:

- небольшой (88×74×43 мм) нуклеус почти полностью оббит, как грубый бифас; одним снятием подготовлена ударная площадка, сильно скошенная к более острой латерали. С торца пытались начать раскалывание, но сколы не удалось (рис. 55);

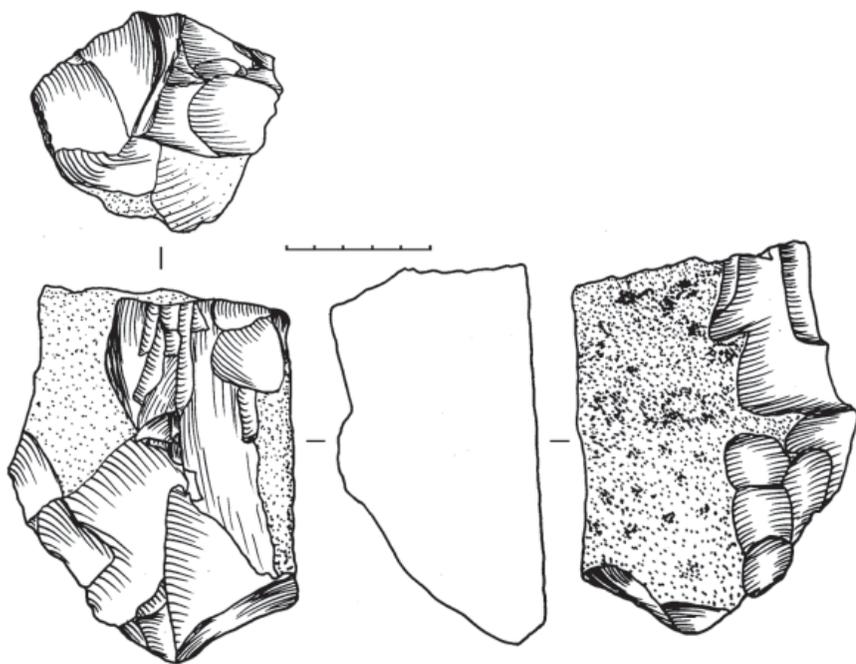

Рис. 54. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Заготовка нуклеуса переходного от леваллуа к призматическому.

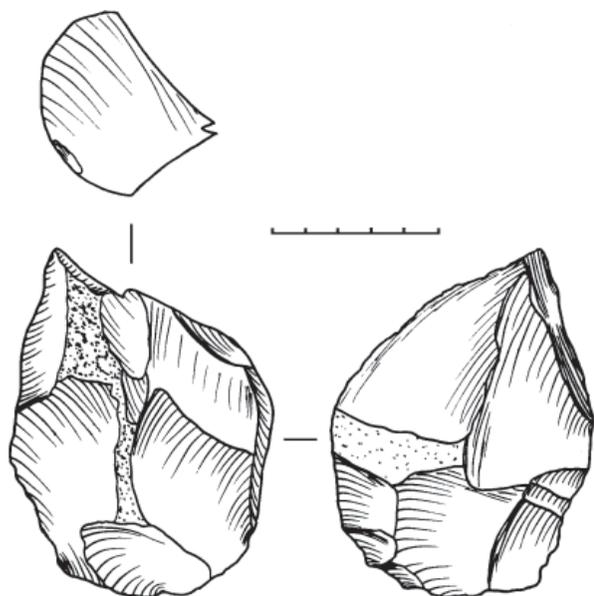

Рис. 55. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус протоклиновидный.

- массивная заготовка нуклеуса из обломка размерами 150×110×58 мм демонстрирует еще одну неудачную попытку раскалывания с торца нуклеуса.

Зачатки призматического раскалывания видны также на нуклеусе высотой 90 мм, шириной 127 мм и толщиной 73 мм призматической формы (рис. 56: 1);

Аналогичный нуклеус, но поменьше (66×123×59 мм) сохранил гладкую корочную ударную площадку и контрфронт, но нижняя часть испорчена более поздними сколами.

Еще один *протопризматический* нуклеус имеет пирамидальную форму и размеры 52×80×45 мм. Ударная площадка у него очень вогнутая, образована 4-5 сколами. На нее приходится максимальная ширина и толщина изделия. Образует с фронтом угол 70-80°. Фронт треугольный с пластинчатыми изогнутыми негативами шириной 16-29 мм. Контрфронт выпуклый двугранный – состоит из корочной поверхности и ашельского негатива. Латерали представляют собой ребра с заострением около 90° (рис. 56: 2).

Несколько изделий обладают одновременно признаками заготовок нуклеусов и бифасов или нуклеусов и чоппингов:

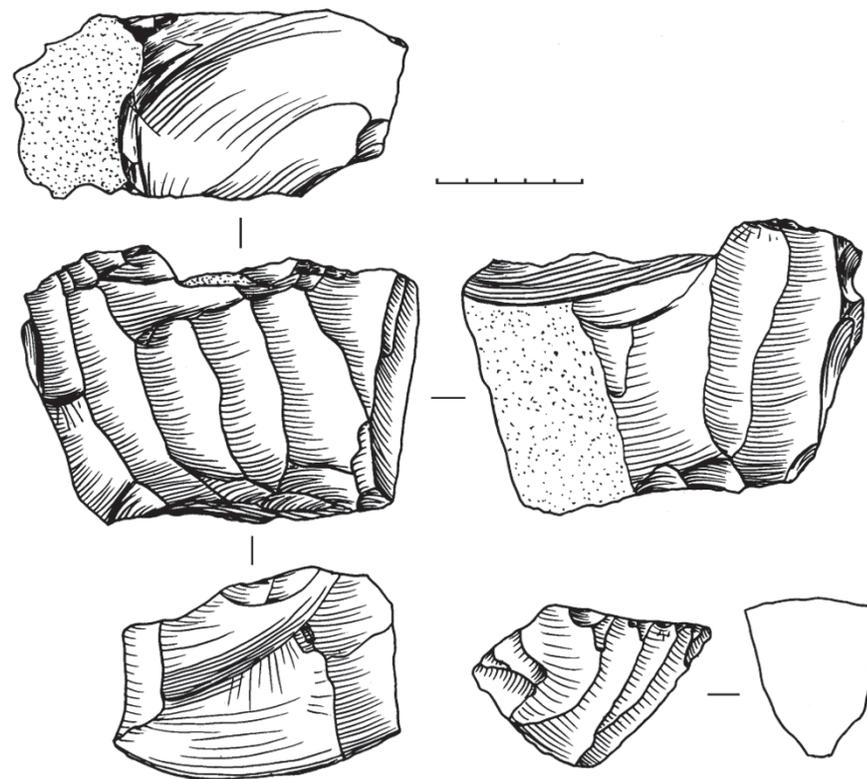

Рис. 56. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1,2 – протопризматические нуклеусы.

- двусторонний двуплощадочный нуклеус леваллуа поперечного скальвания или грубый бифас. Боковые ребра довольно острые, образованы чередующимися сколами, местами сильно выщербленные (в результате утилизации?). В пользу трактовки изделия в качестве нуклеуса говорит сечение в форме параллелограмма, крупные и глубокие сколы оббивки. Один конец острый, но корочный, другой слегка приострен мелкими сколами. Размеры 174×85×45 мм (рис. 57);

- односторонний одноплощадочный нуклеус леваллуа с заостренным концом или чоппинг. Дисковидной формы изделие размерами 112×118×37 мм, плоско-выпуклое. Плоская сторона корочная, слегка оббитая на противоположных концах; другая – выпуклая – с коркой в середине и по краям. Один конец оббит короткими глубокими сколами (ударная площадка? пятка чоппинга?), другой заострен (угол заострения около 30°) плоскими удлиненными сколами (лезвие чоппинга? Дистальный конец нуклеуса?) (рис. 58).

4 крупных массивных изделия являются, видимо, отбойниками из нуклеосов или нуклеидных обломков:

- изделие миндалевидной формы, размерами 158×96×58 мм, сохранило незначительные участки корки на поверхностях и одном из краев, следы

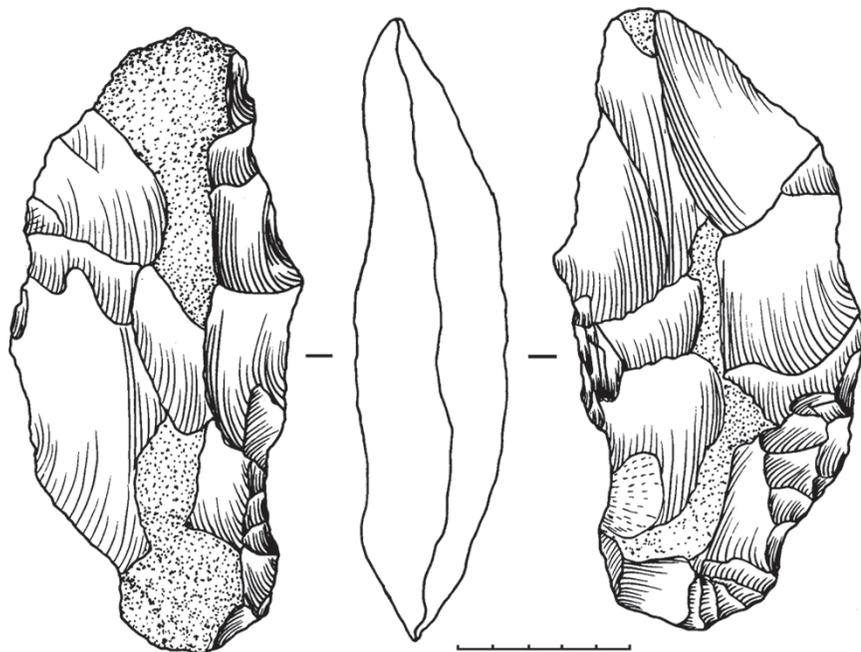

Рис. 57. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа поперечного скальвания двусторонний двуплощадочный или бифас.

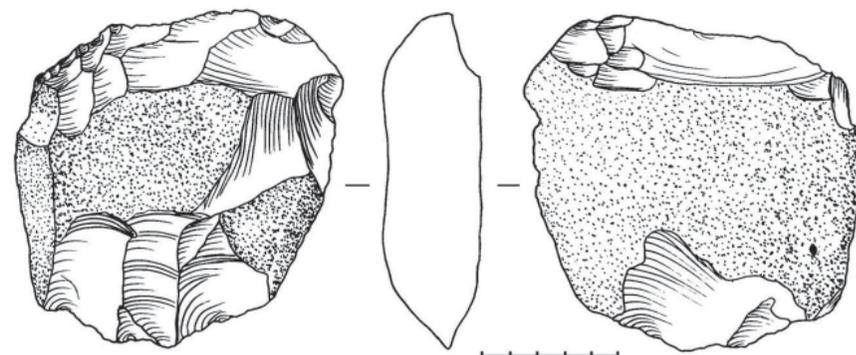

Рис. 58. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Нуклеус леваллуа односторонний одноплощадочный или чоппинг.

ашельских негативов, крупные грубые мустьерские негативы, сильную забитость на концах на остром краю;

- двусторонний трехплощадочный продольно-поперечный нуклеус трапециевидной формы размерами 144×99×49 мм, использовавшийся как отбойник. Забитость локализована на узких концах и на одной из длинных сторон;

- двусторонний двуплощадочный нуклеус призматической формы размерами 116×75×56 мм имеет сильную забитость на тонком конце (остаток ашельского протопризматического нуклеуса); противоположный конец – двугранный. Ударная площадка сильно выпуклая, оббитая мелкими сколами. С нее снят очень крупный (72×75 мм) отщеп; кромка ударной площадки затем была сильно выщерблена;

- изделие трапециевидной формы из ашельского (?) скола размерами 109×104×51 мм, уплощенное, имеет два рабочих участка с сильной забитостью, крупными сколами и т.п. Латерали массивные: корочная и пригнутая поперечными сколами. Это изделие можно расценивать и как заготовку одностороннего одноплощадочного нуклеуса леваллуа.

Кроме того в коллекции, относящейся к мустьерскому комплексу, имеются два нуклеидных обломка размерами 152×83×40 мм и 177×130×105 мм и расколотый вдоль односторонний одноплощадочный (?) нуклеус размерами 92×63×36 мм.

Особенно интересен укороченный ашельский отщеп размерами 89×101×18 мм, с вентральной стороны которого снято 3 небольших отщепа (бивентральных).

Орудия

Типичным отщепом леваллуа можно назвать только одно изделие подтреугольной формы, слегка асимметричной, с фасетированной прямой ударной площадкой. Он довольно тонкий ($l_m = 24$); огранка спинки конвергентная. На

позднемустье́рской или позднепалеолитической стадии существования стоянки отщеп был преобразован в двойное выпукло-вогнутое скребло посредством мелкой лицевой чешуйчатой ретуши (рис. 59: 1).

Остальные леваллуазские сколы атипичные. По пропорциям их можно разделить на отщепы и пластины.

Атипичные пластины леваллуа (5 экз.) далеки от совершенства: асимметричные с изогнутыми ребрами, перекрученные, довольно массивные (Im колеблется в пределах от 26 до 40). Одна из пластин представляет, по существу, нож с обушком атипичный – она имеет выпуклое острое лезвие, сильно выщербленное, обушок, изготовленный продольным сколом. Конец сохранил участок корки и представляет естественное притупление (рис. 59: 2). Осталь-

ные пластины также имеют на острых краях следы утилизации или естественных повреждений (рис. 59: 3).

Атипичные отщепы леваллуа имеют различный облик: 5 – «шоколадных» – с темно-коричневой патиной, пятнами черного пустынного загара, металлическим блеском гладкой поверхности; они очень тонкие (Im от 24 до 29), некрупные (длина от 57 до 88 мм), с тщательно выровненной мелкими конвергентными сколами спинками. Форма преимущественно дивергентная трапецевидная (рис. 59: 4-7):

- остальные 10 отщепов этого типа несут отпечаток других приемов обработки: они более крупные и массивные (длина от 66 до 94 мм; $\Pi = 109 - 200$, Im = 19 - 35). Спинка – двух-трехгранная, редко – пирамидальная, очень выпуклая с конвергентной или субпараллельной огранкой. Форма чаще подтреугольная или листовидная с конвергентными краями. Поверхность более пористая, матовая (рис. 60: 1-4).

Ударные площадки сколов леваллуа в восьми случаях не поддаются определению. 7 площадок гладкие, покрытые коркой, только 3 из них составляют

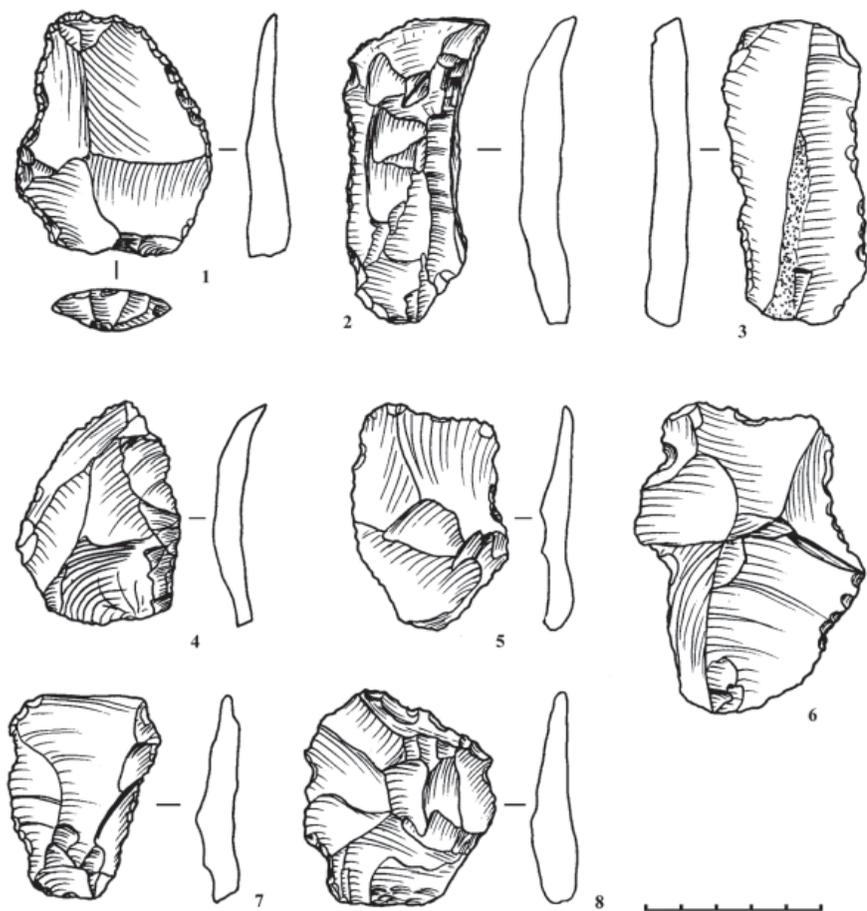

Рис. 59. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – отщеп леваллуа типичный; 2,3 – пластины леваллуа атипичные; 4-7 – отщепы леваллуа атипичные.

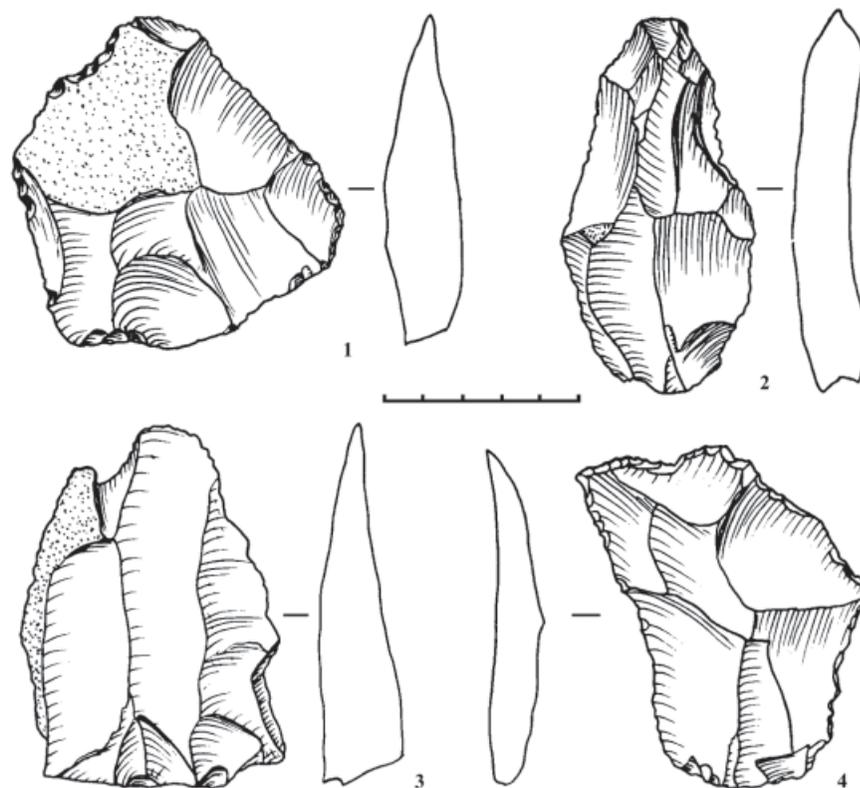

Рис. 60. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1-4 – отщепы леваллуа атипичные.

с поверхностью откалывания угол, близкий к прямому; у четырех отщепов этот угол тупой; у 5 отщепов ударные площадки гладкие, покрытые коркой, образуют угол 110-120° с поверхностью откалывания.

Простые скребла немногочисленны.

Прямые скребла (2 экз.). Первое изготовлено из небольшого краевого скола очень мелкой крутой ретушью (рис. 61: 1); второе – из ашельского типичного отщеп леваллуа с двурядной крупной глубокой и средней крутой чешуйчатой

ретушью. На рабочий край последнего скребла наложена и позднепалеолитическая мелкая ретушь.

Выпуклые скребла (2 экз.) с извилистыми лезвиями изготовлены из фрагментированных пластинчатых отщепов; одно имеет чешуйчатую ретушь средних размеров, в среднем крутую (рис. 61: 2), другое – среднюю и мелкую полукрутую, на которую наложена тонкая глубокая ретушь более позднего этапа; к более позднему времени относится и продольный облом-обушок (рис. 61: 3). Третье выпуклое скребло изготовлено из нуклевидного обломка размерами 77×59×30 мм. Ретушь очень крутая крупная и средняя с сильной вышербленностью по кромке.

Вогнутых скребел 4, у всех лезвия слабовогнутые, извилистые, близкие к прямым. Ретушь регулярная крутая средних размеров у скребла из массивного трапециевидного полукраевого отщепе, нерегулярная средних и мелких размеров по острому краю пластинчатого полукраевого отщепе леваллуа (рис. 61: 4), ступенчатая крупная и средняя ретушь кина на небольшом участке массивного полукраевого отщепе с двугранной спинкой (рис. 61: 5); не очень регулярная средняя крутая ретушь обрамляет широкую выемку в верхней части подтреугольного отщепе псевдолеваллуа.

Двойных скребел всего 3 экз., они нестандартные, с плохой ретушью: *дво-яковогнутое скребло* из тонкого полукраевого отщепе с мелкой крутой ретушью, перекрытой позднепалеолитической подправкой; 2 *выпукло-вогнутых скребла* из крупных массивных ашельских отщепов. У одного из них ретушь средних размеров – на выпуклом участке – отвесная, на вогнутом – крутая. У другого – ретушь очень крупная (мелкая оббивка?), на выпуклом участке – полукрутая, на вогнутом – ступенчатая (оббивка дополнена нерегулярной ретушью средних размеров) (рис. 61: 6).

Поперечные выпуклые скребла более выразительные. Первое – из массивного подтреугольного отщепе. Крупная чешуйчатая крутая ретушь занимает середину выпуклого массивного края (рис. 62: 1). Второе – из небольшого треугольного отщепе с более регулярной ретушью средних и мелких размеров, очень крутой (рис. 62: 2). Третье изготовлено из очень тонкого вторичного отщепе. Его мелкая глубокая крутая мустьерская ретушь большей частью уничтожена мелкой чередующейся позднепалеолитической ретушью.

Скребел с ретушью с брюшка – 6 экз., они сделаны лучше, чем предыдущие типы скребел. 3 изделия – из пластинчатых отщепов, имеется массивный корочный или притупленный обломом обушок. У них чешуйчатая глубокая крутая и полукрутая ретушь средних размеров (рис. 62: 3,4). Одно из них, изготовленное из типичной леваллуазской пластины, несет также клювовидный резец, отделанный позднепалеолитической противоположающей ретушью (рис. 62: 3);

- два скребла – из широких, сравнительно тонких укороченных отщепов. У одного из них ретушь очень мелкая крутая, на всю толщину края; у другого – глубокая средних размеров;

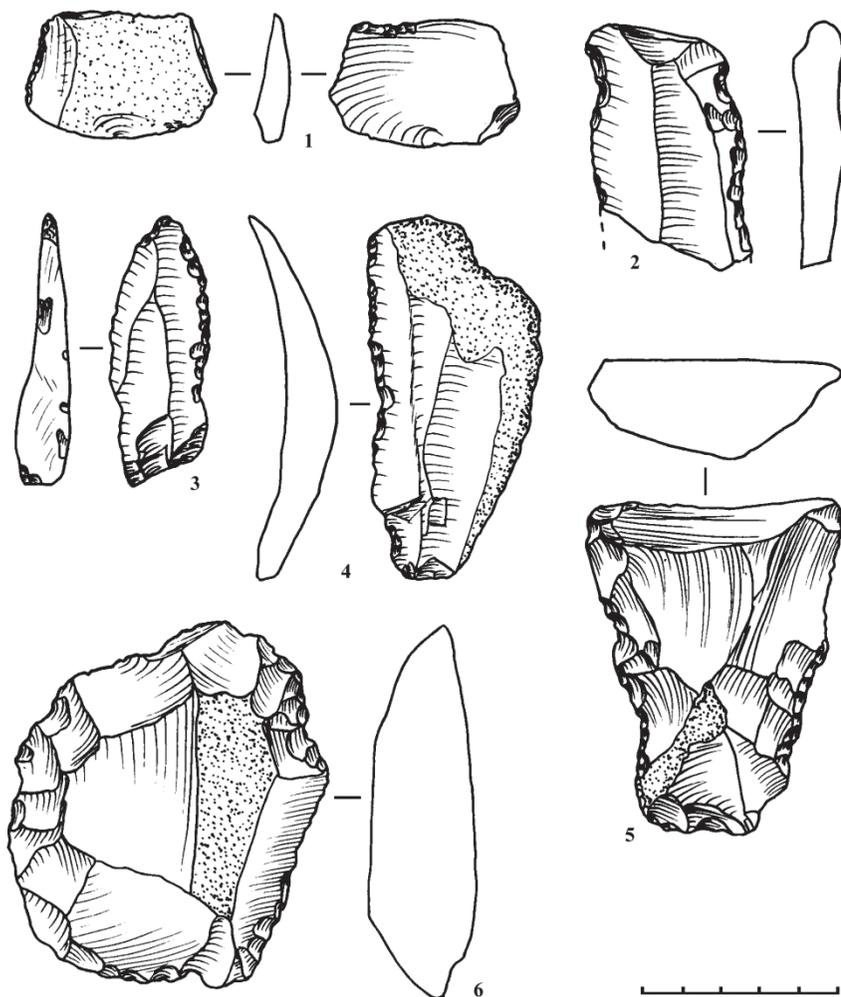

Рис. 61. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – скребло простое прямое; 2,3 – скребла простые выпуклые; 4,5 – скребла простые вогнутые; 6 – скребло двойное выпукло-вогнутое.

- шестое скребло с вентральной ретушью изготовлено из массивного отщеп с плоской корочной спинкой, массивным корочным обушком. Ретушь глубокая, очень крупная, захватывает основание и выпуклый край, придавая изделию изящную подтреугольную форму. По кромке видна сильная забитость (рис. 62: 5).

Любопытно изделие из крупного краевого скола укороченных пропорций миндалевидной формы (рис. 63: 1). Выпуклое поперечное лезвие образовано очень крупной глубокой пологой ретушью и сильно выщерблено, имеет зубча-

то-выемчатую кромку. Обушок утончен крупными, очевидно, более поздними плоскими сколами. Вероятно, это изделие можно отнести к типу *скребел со спинкой, утонченной подправкой*.

Скребло с противоположащей ретушью представлено не очень выразительным изделием из скола псевдолеваллуа: выпуклый край имеет чередующуюся чешуйчатую ретушь средних размеров.

К *ножам* можно отнести 3 изделия, все они с естественными, корочными обушками. Лезвие выпуклое (у двух изделий) или вогнутое (у одного), имеет следы использования в виде чередующейся мелкой глубокой нерегулярной ретуши. На одном орудии видны следы позднепалеолитической реутилизации – мелкая глубокая обратная зубчатая ретушь (рис. 63: 2). У другого на дистальном конце двумя лицевыми выемками выделено рыльце с обратной пологой мелкой ретушью на кончике.

Краевой скол усечен обратной очень крутой ретушью средних размеров.

Одно изделие является *мустьерским топориком*. Изготовлено оно из первичного отщеп, которому придана трапециевидная форма с дивергентными краями посредством продольного скола с левой стороны и короткого продольного скола справа, дополненного обломом. Лезвие утончено тремя плоскими продольными сколами, сделанными еще на нуклеусе. Лезвие имеет следы использования – чередующуюся глубокую нерегулярную мелкую ретушь.

Категория зубчато-выемчатых орудий в этом комплексе делится на три типа:

- *выемчатые орудия* с четко выделенными выемками размерами 38×7, 11×3, 13×4 мм в разных частях периметра, подправленными лицевой и обратной ретушью средних размеров (рис. 63: 3);
 - *зубчато-выемчатые орудия*, у которых четкие выемки дополнены чередующейся или обратной ретушью. Изготовлены из массивных полукраевых сколов (рис. 63: 4). В списке типов Ф. Борда эти орудия включены в тип №43 – зубчатые;
 - собственно *зубчатые* – с зубчатостью, образованной, обычно, чередующейся чешуйчатой глубокой ретушью по острым краям тонких отщепов (рис. 64: 1,2). Два изделия этого типа изготовлены из сколов леваллуа. Одно из этих орудий имеет также скребковый рабочий элемент, ограниченный клювами, выделенными противоположащей ретушью (рис. 64: 1).
- Сечка* – массивный отщеп с бифасиальной (преимущественно обратной) подтеской лезвия (рис. 64: 3).

Чоппингом можно назвать одно орудие из овального обломка размерами 132×77×42 мм. Широкое выпуклое извилистое лезвие оббито крупными чередующимися сколами, немного выщерблено. Основание и один из узких краев массивные, покрытые коркой. Другой конец обломан, вероятно, он был приостренным.

К типу «*другие*» или «*разные*» орудия отнесены 3 изделия:

- *комбинированное* – скребло боковое выпуклое по левому краю отщеп + зубчатость по тонкому правому краю, образованная чередованием участ-

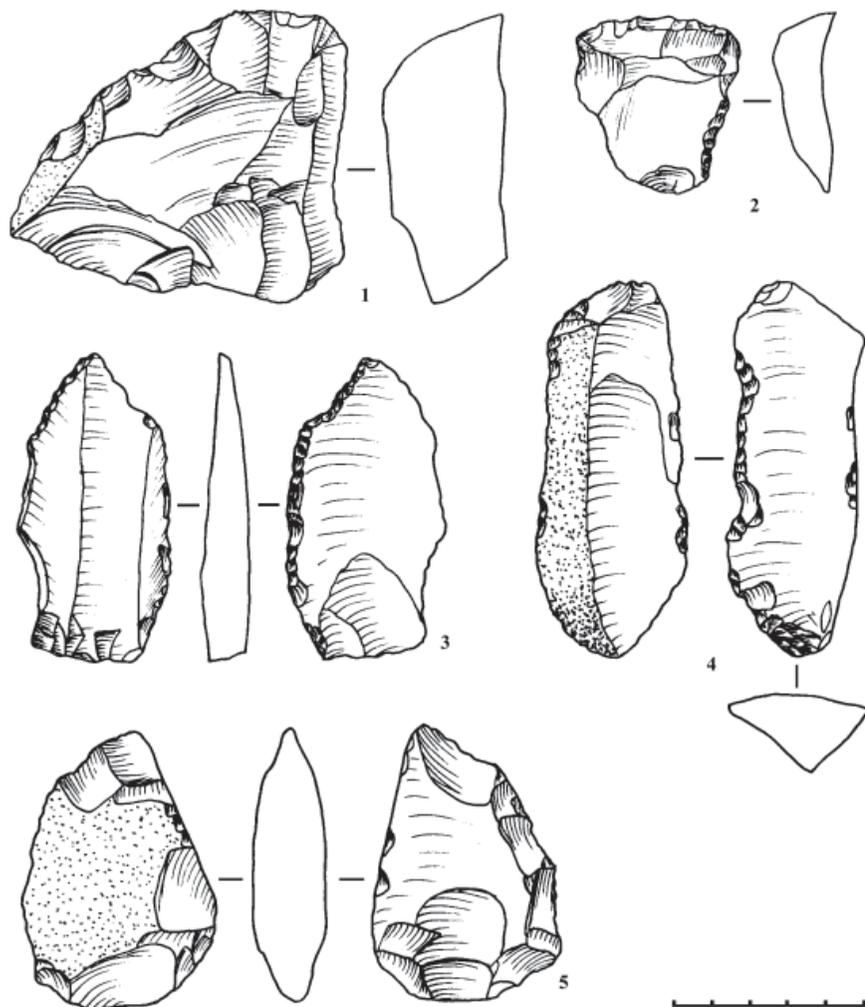

Рис. 62. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1,2 – скребла поперечные выпуклые; 3,4,5 – скребла с ретушью с брышка.

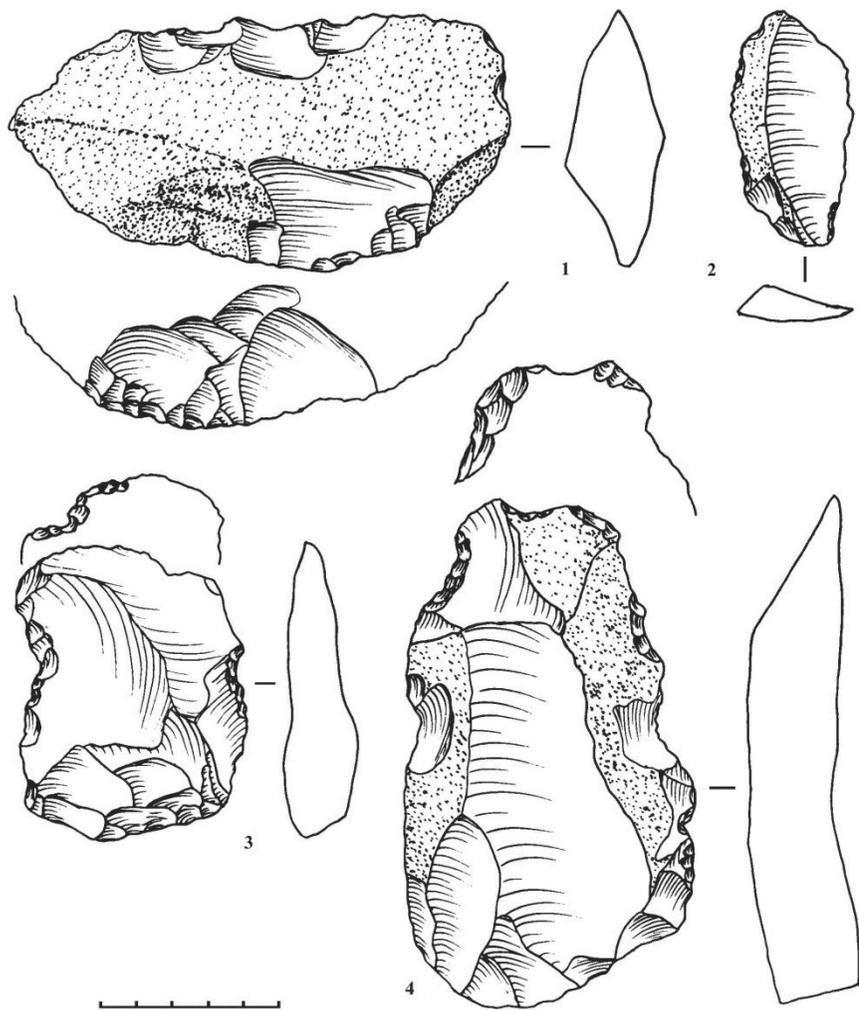

Рис. 63. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 - скребло со спинкой, уточненной подправкой; 2 - нож с естественным обушком; 3 - выемчатое орудие; 4 - зубчато-выемчатое орудие.

ков с мелкой обратной и лицевой ретушью. Ударная площадка скола-заготовки – фасетированная (рис. 64: 4);
 - оригинальное изделие из четырехгранного скола с тонкой элювиальной плитки. Поперечное сечение имеет форму параллелограмма. Узкие грани сохранили значительные участки корки. По острым краям – лицевая не слишком регулярная плоская чешуйчатая ретушь средних размеров (двойное выпукло-вогнутое скребло?) (рис. 64: 5);

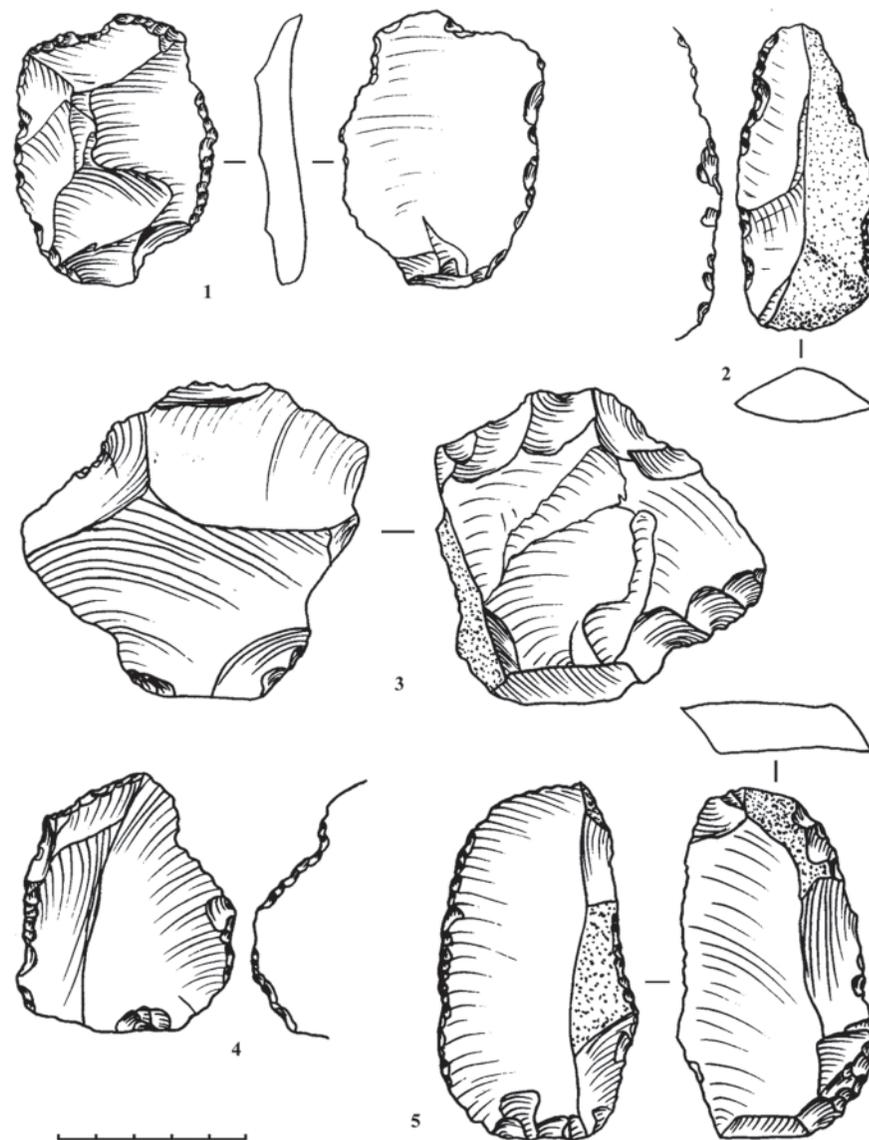

Рис. 64. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1,2 – зубчатые орудия; 3 – сечка; 4,5 – комбинированные орудия.

- массивный полукраевой пластинчатый отщеп. На правом краю – очень сильная забитость, выщербленность.

Из тонкой элювиальной плитки изготовлен частичный *бифас* подтреугольной формы. Тонкими плоскими сколами выровнены края почти целиком (не

затрагивая основания) на одной стороне и примерно на половину – на другой. Конец с одной стороны совершенно не обработан (рис. 65).

Неудачную попытку изготовить бифас демонстрирует изделие размерами 171×142×37 мм из элювиальной плитки овальной формы. Довольно успешно крупными плоскими сколами, не доходящими до середины, оббита половина периметра с одной стороны; другая поверхность испорчена несколькими слишком глубокими сколами.

Изделие подтреугольной формы из массивного обломка размерами 154×140×60 мм напоминает кливер своим широким слабоизвилистым лезвием, тщательно заостренным бифасиальными плоскими сколами. Оба края и основание покрыты коркой.

Позднемустьерский комплекс

Нуклеусы

Нуклеусы радиального раскалывания односторонние:

- подквадратной формы, размерами 134×134×56 мм. Весь равномерно выпуклый контрфронт и часть фронта покрыты коркой. Одна сторона утончена широким коротким сколом и образует сильно скошенную ударную площадку; еще две стороны периметра корочные, перпендикулярные фронту. Отщепы не доходят до середины, не слишком крупные, неправильных очертаний (рис. 66: 1);
- трапециевидный, размерами 87×100×41 мм. Контрфронт плоский корочный; края представляют ударные площадки: 1) корочная, 2) образованная одним снятием, 3) образованная двумя снятиями, 4) образованная четырь-

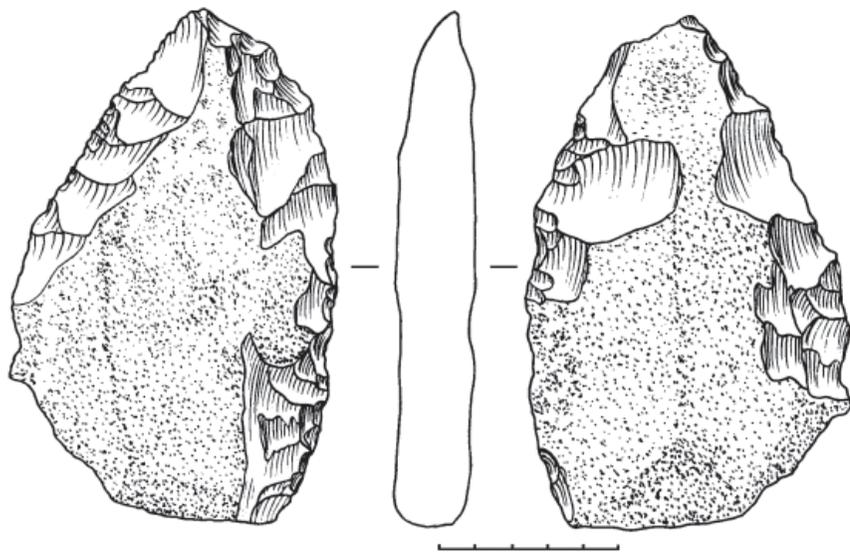

Рис. 65. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Частичный бифас.

мя снятиями. Все они ровные. На фронте видны негативы очень глубоких сколов неправильной формы, наибольший имеет размеры 50×66 мм (рис. 66: 2).

Нуклеусы радиального раскалывания двусторонние представлены остаточными нуклеусами угловатых очертаний размерами 122×101×34 и 97×101×38 мм. Оба они испорчены глубокими заломившимися сколами (рис. 67: 1).

Нуклеусы системы леваллуа:

- плоский прямоугольный двусторонний четырехплощадочный продольно-поперечный нуклеус размерами 136×88×24 мм из плоской плитки – на обеих сторонах сохранились незначительные участки корки. Ударные площадки: корочная и образованная одним снятием – на коротких сторонах; грубофасетированные слабовыпуклые – на длинных. Сколы плоские, неправильных очертаний (рис. 67: 2);
- веерообразный (91×125×43 мм) из плоской плитки. Коркой покрыто 60% контрфронта, 40% фронта, дистальный конец. Ударная площадка очень

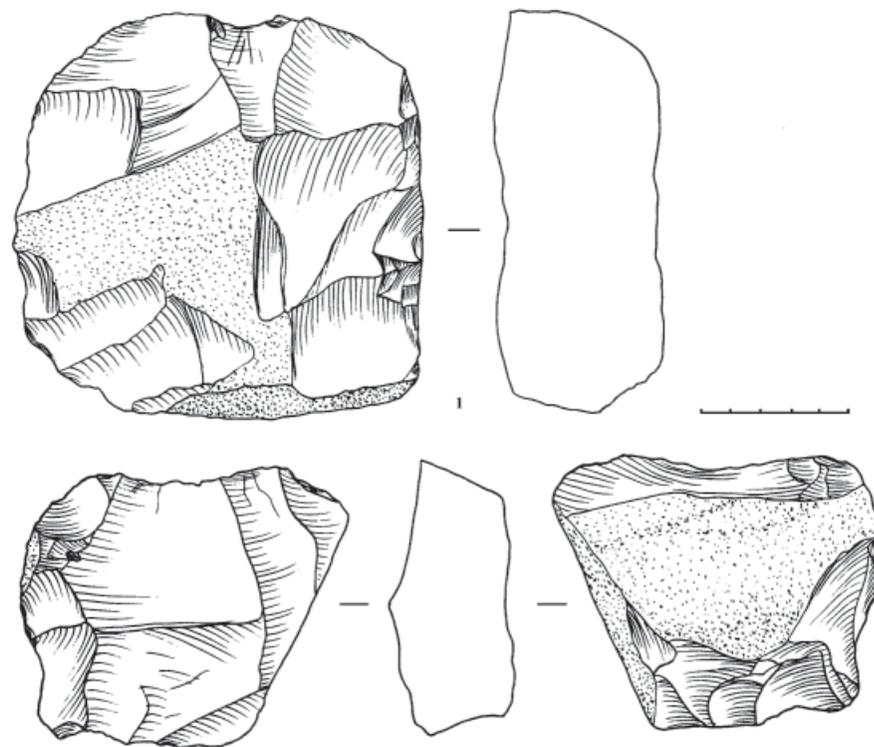

Рис. 66. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1,2 – нуклеусы радиального раскалывания односторонние.

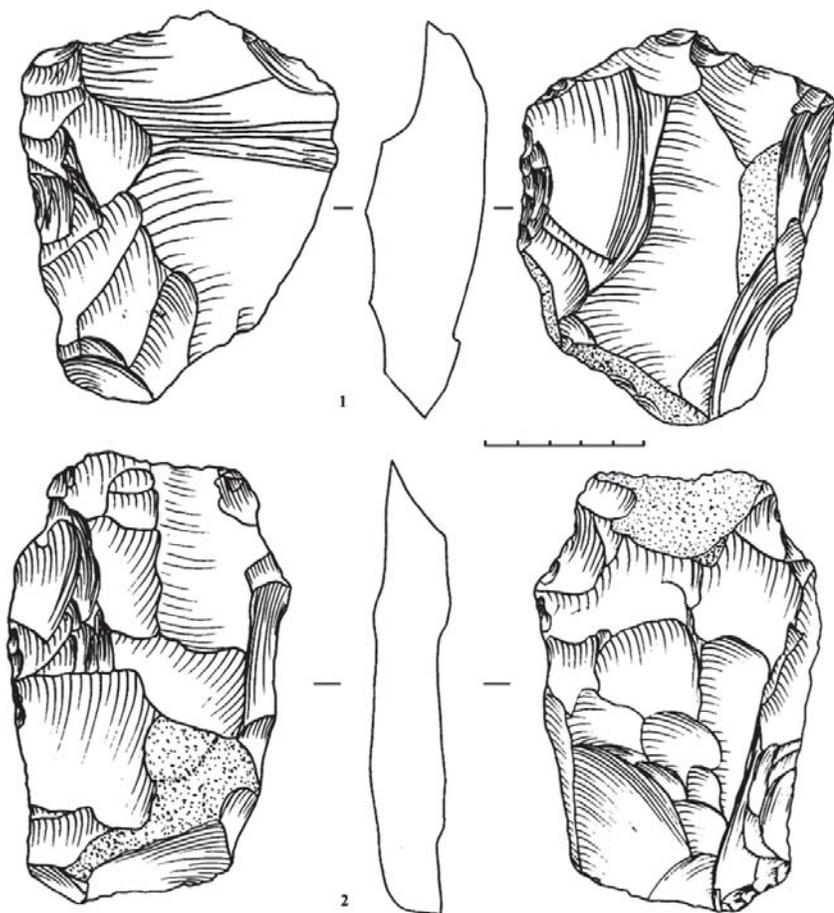

Рис. 67. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1. – нуклеус радиального раскалывания двусторонний; 2 – нуклеус леваллуа двусторонний четырехплощадочный продольно-поперечный.

выпуклая грубофасетированная, с нее снято 6-7 коротких глубоких сколов (рис. 68: 1);

- заготовка массивного нуклеуса леваллуа для пластин, трапециевидной формы, размерами 124×90×58 мм. Коркой покрыты весь контрфронт, дистальный конец, фронт, половина ударной площадки. 6-7 продольных негативов вскрыли трещины напластования в породе (рис. 68: 2);
- заготовка нуклеуса леваллуа из более древнего, сильнодефлированного нуклеуса, размерами 102×112×63 мм. Контрфронт слабовыпуклый, грубо уплощен короткими сколами. Ударная площадка образована одним снятием, она почти перпендикулярна фронту; на фронте видны 3-4 крупных не-

гатива неправильной формы. Латерали и дистальный конец представляют собой тупое извилистое ребро.

Нуклеусы призматической системы раскалывания:

а) клиновидные:

- атипичный из сильнодефлированного отщепя. Размеры: 98×87×45 мм. Ударная площадка плоская (корка? первая поверхность раскалывания?), слабо скошенная – около 70°. Ребро очень грубое, образованное сильнодефлированными негативами с одной стороны (фронт) и 3-4 глубокими грубыми сколами с плоской корочной контрфронтальной стороны. Конец округлый, корочный. На торце и фронтальной поверхности – неправильные пластинчатые негативы шириной до 36 мм (рис. 68: 3);
- заготовка нуклеуса из обломка клиновидной формы, почти не требующего подправки. Ударная площадка образована одним снятием, выпуклая, скошенная, на конце подпорчена слишком глубокими сколами. Ребро на контрфронте оббито плоскими крупными сколами лишь с одной стороны. Конец забит (неудачные попытки заострить его или утилизация в качестве отбойника?). На массивном торце – следы неудачных попыток сколоть пластинки. Размеры: 118×75×48 мм;

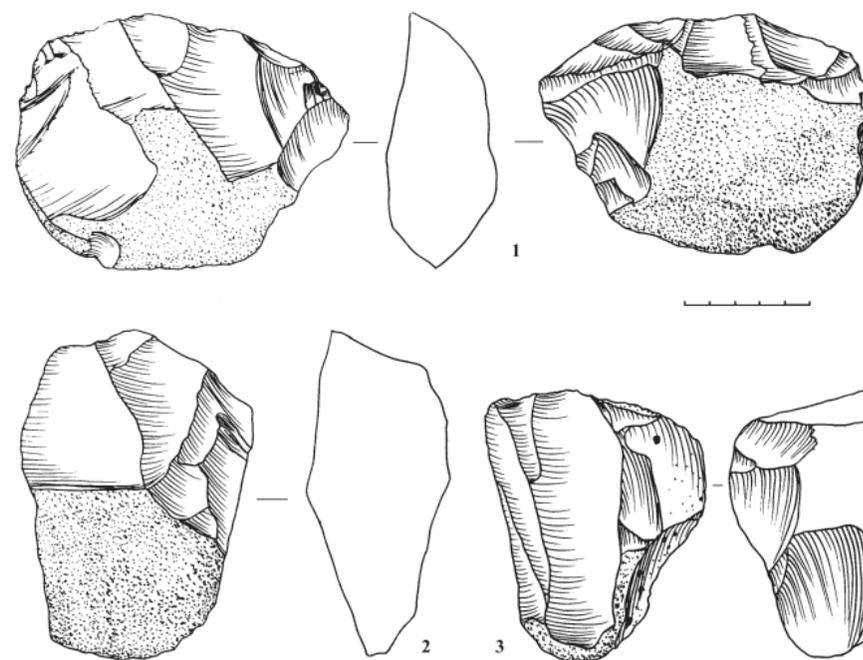

Рис. 68. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – нуклеус леваллуа веерообразный; 2 – заготовка нуклеуса леваллуа для пластин; 3 – клиновидный нуклеус из ашельского отщепя.

- заготовка клиновидного нуклеуса с коркой на торце, обеих латерелях и части ударной площадки. Ударная площадка сильно скошена назад и к левой латерали, подправлена 5-6 мелкими поперечными сколами. Острие клина хорошо проработано мелкой бифасиальной оббивкой. На торце следы неудачных сколов. Размеры: 119×86×50 мм;
- очень небрежная заготовка клиновидного нуклеуса размерами 110×50×79 мм. На торце и обеих латерелях сохранилась корка; ударная площадка грубо сбита двумя сколами. Клин едва намечен бифасиальной оббивкой. На торце – один пластинчатый негатив шириной 24 мм. Еще 2 торцовых нуклеуса имеют узкий плоский контрфронт:
- заготовка нуклеуса, очень грубая, из обломка с плоскими гранями, которые представляют готовые фронт и контрфронт, сильно скошенную ударную площадку, нижние участки латерелей. Грубо оббиты верхние части латерелей и часть фронта. Попытки сколоть пластины закончились неудачей из-за неоднородности сырья. Размеры заготовки: 149×62×80 мм;
- другой нуклеус этого типа сделан аккуратнее. Ударная площадка овальная скошенная, тщательно выровнена 4-5 поперечными сколами. Контрфронт уплощен поперечными сколами, конец слегка заострен чередующимися негативами. Латерали почти плоские корочные. Сколы на торце, довольно правильные сначала, не смогли преодолеть неоднородность сырья. Размеры: 107×77×56 мм (рис. 69: 1).

Разновидностью торцовых являются нуклеусы, которые в своей законченной форме известны как нуклеусы-скребла или нуклеусы-лекала. В нашей коллекции они представлены четырьмя экземплярами:

- небольшой нуклеус (размерами 82×56×57 мм) близок к законченному. Форма его почти пирамидальная; ударная площадка округлая, образована 2-3 сколами, почти перпендикулярна фронту. Скалывание пластин начато на левой латерали и постепенно продвигалось вправо, пока не помешали дефекты сырья. На фронте – участок корки и остаток ашельского негатива. Контрфронт уплощен преимущественно поперечными сколами; от него ретушь и мелкие сколы идут на правую латераль (рис. 69: 2);
- более крупный и грубый нуклеус размерами 143×105×74 мм (рис. 70). Ударная площадка такая же, почти перпендикулярная, овальная, выровнена 5-6 сколами. Контрфронт уплощен поперечными негативами; на фронте и правой латерали – незначительные участки корки. С контрфронта на правую латераль и ударную площадку идет сильная мелкая грубая оббивка; сколы заломившиеся, образуют карниз над лезвием. Негативы на фронте крупные глубокие не пластинчатые;
- заготовка размерами 116×59×63 мм. Ударная площадка скошенная, подготовленная одним снятием. Латерали плоские, покрыты коркой. Корка сохранилась и в нижней части контрфронта; верхняя его часть оббита крупными поперечными сколами, так же как и фронт;

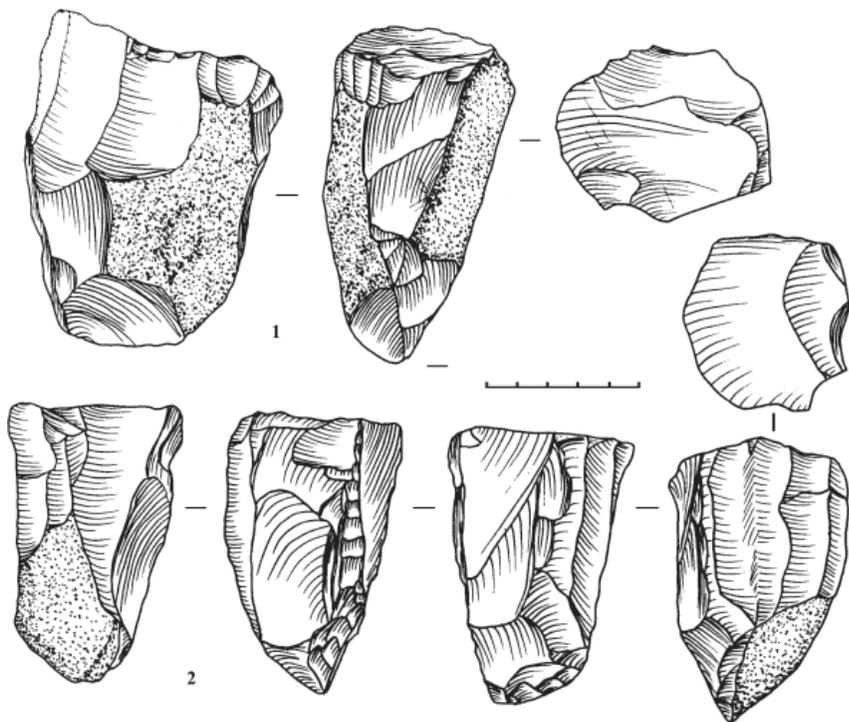

Рис. 69. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – заготовка торцового нуклеуса; 2 – заготовка нуклеуса-лекала.

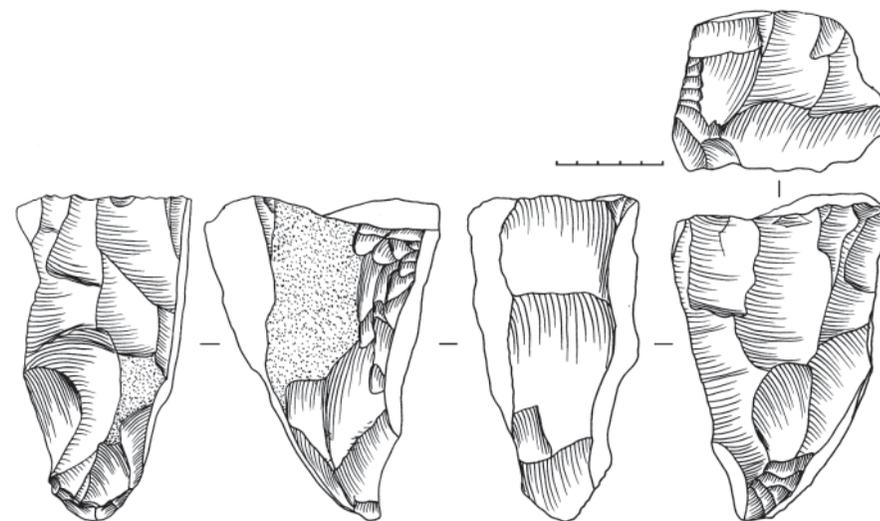

Рис. 70. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 - заготовка нуклеуса-лекала.

- интересна последняя заготовка этого типа размерами 103×72×70 мм. Сильно скошенная ударная площадка, образованная 3-4 сколами, плавно переходит в сильно выпуклый двугранный контрфронт, оббитый поперечными сколами с одной стороны и продольными – с другой. Дистальный конец представляет, по существу, вторую ударную площадку – прямую фасетированную. Фронт двугранный – образован коркой и поперечными сколами. Лезвий со следами утилизации два: с левой латерали на контрфронт и от контрфронта на правую латераль. Кондиционных снятий нет (рис. 71: 1).

Призматическое раскалывание представляют еще 5 нуклеусов:

- крупный нуклеус почти призматической формы размерами 112×78×96 мм овального сечения; слегка уплощен в сагиттальном направлении. В этом же направлении скошена грубоподправленная ударная площадка и заострен конец. Фронт двугранный, еще корочный. Пластинчатых негативов нет (рис. 71: 2);

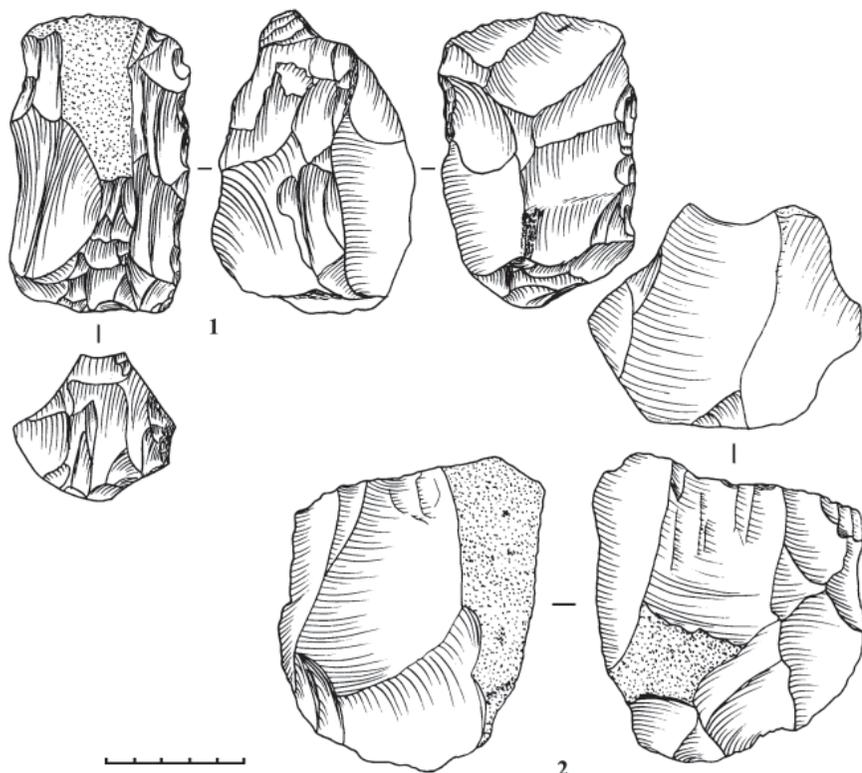

Рис. 71. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – заготовка нуклеуса-лекала; 2 – пропризматический нуклеус.

- нуклеус пирамидальной формы размерами 68×49×41 мм. Ударная площадка овальная, вытянутая, как и киль, в латеральном направлении. Снято несколько сколов, но они далеки от пластинчатых;

- кубовидный нуклеус размерами 112×96×104 мм. Прямая корочная ударная площадка подправлена тремя крупными плоскими сколами; очень крупными вертикальными и диагональными сколами огранены латерали; контрфронт слегка подправлен поперечными сколами; скошенный к контрфронту нижний конец представляет корочную грань. На фронте сохранился участок корки (30% поверхности фронта). Сколы (первоначально пластинчатые, последние – укороченные) распространяются и на левую латераль;

- подобный нуклеус пытались, но неудачно, сделать из мустьерского нуклеуса. Получилось кубовидное изделие скорее клетонского облика. Замечены попытки сколоть отщепы с вогнутой ударной площадки, но получилась лишь сильная выщербленность. Размеры нуклеуса 83×94×81 мм; нижний конец представляет корочную грань, но больше нигде корки не осталось;

- грубо призматический с двумя слабо скошенными ударными площадками, корочным плоским контрфронтом, грубо оббитой поперечными сколами правой латералью. Фронт сильно выпуклый в латеральном направлении, вогнут в вертикальном, очевидно, из-за неудачных, слишком глубоких сколов. Размеры: 78×86×62 мм;

В коллекции немало многосторонних многоплощадочных нуклеусов, демонстрирующих архаичные приемы раскалывания, когда негатив предшествующего снятия служит ударной площадкой для последующего:

- трехсторонний трехплощадочный из небольшого обломка. Скалывались небольшие короткие отщепы. Размеры: 91×95×46 мм;

- трехсторонний трехплощадочный неправильной формы, размерами 124×112×91 мм (истощенный торцовый со следами попыток переоформления?);

- двусторонний двуплощадочный нуклеус – элювиальный обломок с очень крупными и очень глубокими негативами. Размеры: 84×125×47 мм;

- двусторонний трехплощадочный очень грубый нуклеус размерами 154×109×51 мм с крупными грубыми негативами;

- трехсторонний трехплощадочный кубовидной формы размерами 125×93×97 мм, с которого снимались крупные пластинчатые сколы;

- двусторонний двуплощадочный с крупными грубыми негативами. Размеры: 107×100×58 мм.

Нуклеусы, переоформленные в орудия:

- неудачная заготовка дисковидного нуклеуса размерами 101×119×62 мм использовалась как отбойник;

- истощенный односторонний одноплощадочный нуклеус для пластин размерами 124×94×55 мм также использовался как отбойник. На фронте сохранились негативы широких (до 55 мм) пластинчатых сколов. Контр-

фронт двугранный корочный. На месте ударной площадки и дистального конца – острые ребра с сильной забитостью (рис. 72: 1);

- нуклеус-скребло поперечно-треугольной формы (68×130×35 мм) с плоским корочным контрфронтотом. Ударная площадка (обушок) сильно скошена, подправлена 3-4 негативами и остатком корки. Левый край представляет собой четырехгранное острие (2 грани – корочные). Правый край представляет широкую грань, образованную обломом. На фронте – широкие встречные негативы. Выпуклое лезвие подправлено чешуйчатой глубокой грубой ретушью средних размеров (рис. 72: 2).

Кроме того, в коллекцию входят неидентифицируемые заготовки нуклеусов и нуклевидные обломки размерами 153×170×141, 145×65×67, 80×70×44 и 79×51×32 мм, а также диагональный скол с призматического нуклеуса, на котором сохранился участок фронта. Его размеры: 103×92×25 мм.

Одно треугольное изделие из тонкой плитки размерами 133×164×37 мм. Одна его поверхность полностью обита конвергентными сколами, другая – частично обита с одной стороны, имеющей вид бифасиального лезвия. Две другие стороны треугольника представляют собой грани, образованные коркой и продольным сколом (рис. 73).

Орудия

Отщеп леваллуа типичный. Изделие отнесено к этому типу по формальным признакам. Скорее, это не совсем удачный скол с призматического нуклеуса (рис. 74: 1).

Отщепы леваллуа атипичные (4 экз.) сохранили на спинках незначительные участки корки. Два из них довольно тонкие (Im = 24 и 25) с параллельной и субпараллельной огранкой спинки, с фасетированными маленькими ударными площадками (рис. 74: 2,3); третий отщеп – более массивный, снят с короткого нуклеуса из плитки – ударная площадка и дистальный конец покрыты коркой. Четвертый отщеп имеет правильные листовидные очертания, но очень массивен (Im = 34) с крупной гладкой ударной площадкой (рис. 74: 4).

Все сколы леваллуа имеют по краям мелкую чередующуюся или лицевую ретушь утилизации, в том числе и более позднюю, позднелеваллитическую.

Простые выпуклые скребла (5 экз.) разнообразны (рис. 74: 5-7). Особенно интересно скребло типа полукина с бифасиальной обработкой. Обе поверхности выпуклые; нижняя выровнена плоскими удлиненными сколами, снятыми со стороны лезвия; верхняя – поперечными короткими негативами со стороны облома-обушка и лезвия. Ретушь лезвия ступенчатая уплощенная крупных и средних размеров, полукрутая. Основание выпуклое, уплощенное лицевой подтеской. Конец приострен бифасиальной ретушью (рис. 74: 6).

Крупную чешуйчатую, отчасти ступенчатую ретушь имеют два массивных скребла размерами 118×90×45 и 83×77×28 мм, изготовленные из сильнодефлированного (одно) и среднедефлированного (другое) отщепов (рис. 74: 7).

Простое вогнутое скребло имеет хорошую полукрутую ретушь средних размеров и вышербленную кромку (рис. 75: 1).

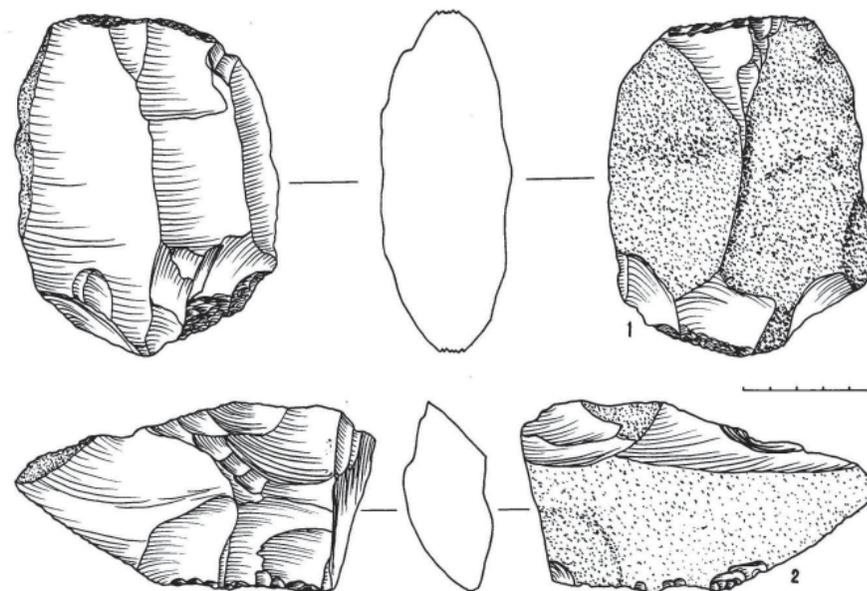

Рис. 72. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – нуклеус для пластин односторонний одноплощадочный, использованный в качестве отбойника; 2 – нуклеус-лекало.

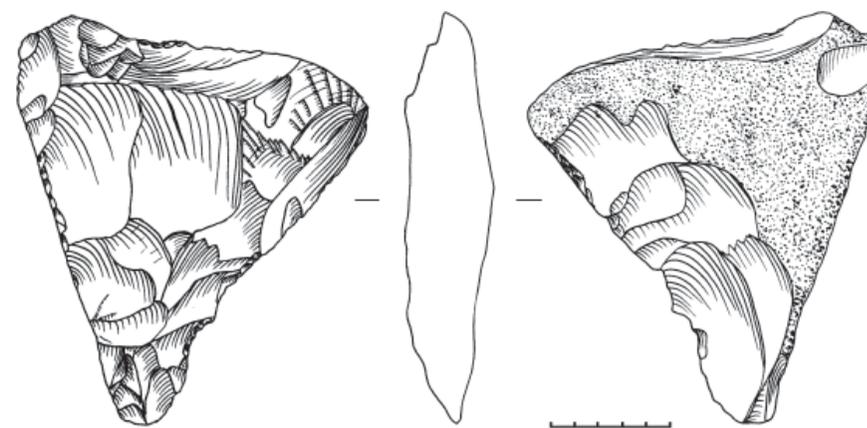

Рис. 73. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. Изделие треугольной формы с бифасиально обитым вогнутым лезвием.

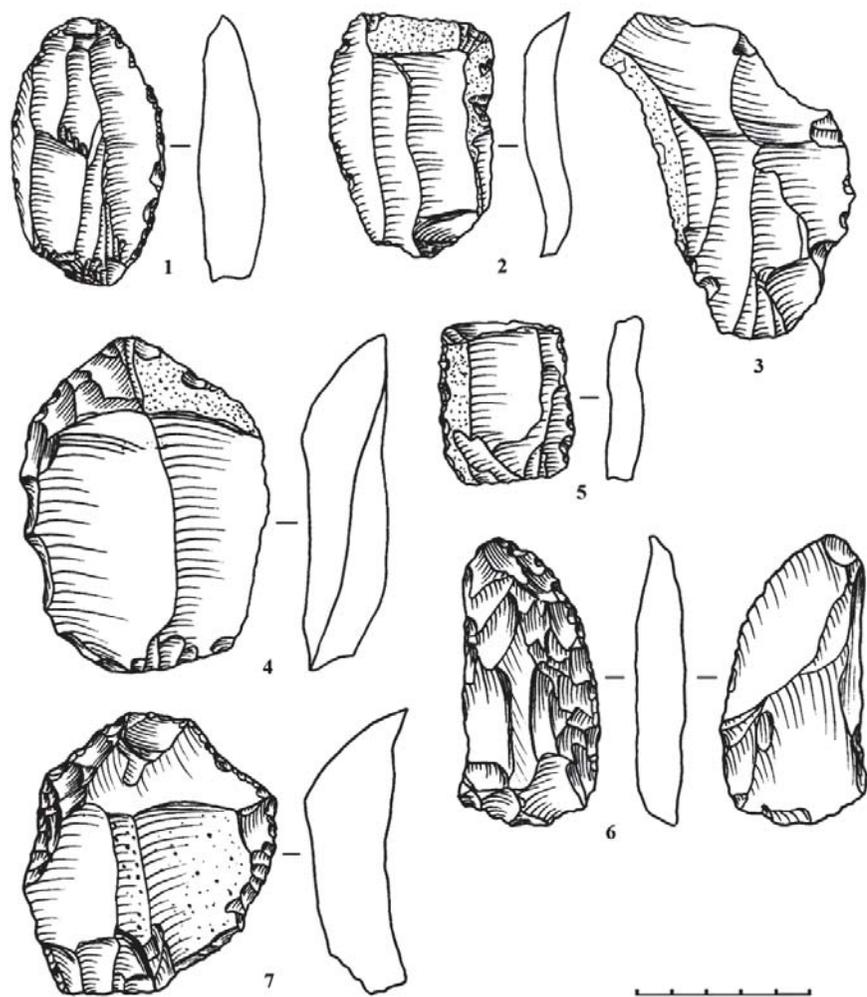

Рис. 74. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – отщеп леваллуа типичный; 2-4 – отщепы леваллуа атипичные; 5-7 – скребла простые выпуклые.

Неожиданно велика доля *поперечных скребел* – 13,2%. Четыре из них имеют *выпуклое* лезвие. Особенно выразительно скребло из отщепа овальных очертаний с лезвием, заходящим на боковые края, с ретушью чешуйчатой полукруглой средних размеров, которая местами становится крупной субпараллельной (рис. 101, 2);

- у другого скребла из грубоватого ромбовидного отщепа лезвие слабо выпуклое диагональное с крутой и мелкой ретушью (рис. 101, 3);
- третье скребло с поперечным выпуклым лезвием изготовлено из раннему-

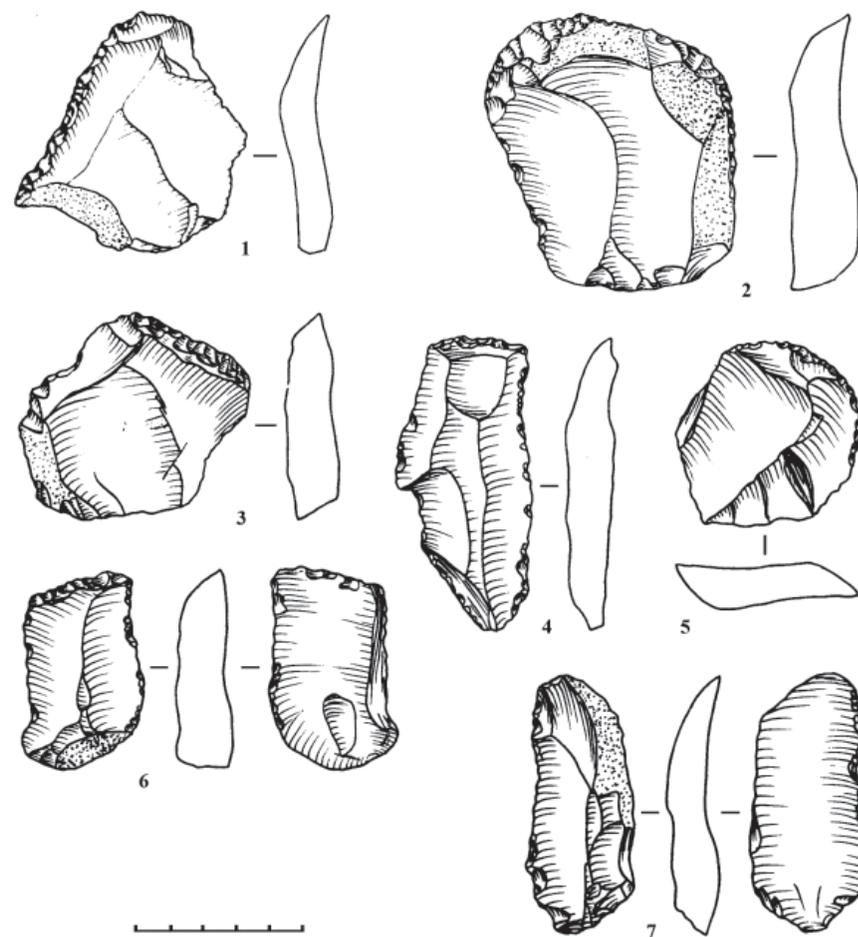

Рис. 75. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – скребло простое вогнутое; 2,3 – скребла поперечные выпуклые; 4 – скребок типичный; 5 – скребок атипичный; 6 – нож с обушком атипичный; 7 – нож с естественным обушком.

стьерского отщепа крупной плоской ретушью, образующей ровную кромку. Его размеры: 71×73×32 мм;

- четвертое скребло этого типа отличается тонкостью, сильно выпуклым лезвием с очень крутой глубокой мелкой ретушью, захватывающей всю толщину отщепа. Оно осложнено «рыльцем», четко оформленным противоположащей крутой мелкой ретушью.

У *поперечного вогнутого скребла* ретушь менее регулярная, чередующаяся глубокая мелкая по очень выпуклому краю и очень грубая крупная обратная по вогнутой части S-видного поперечного лезвия.

Типичный скребок со слабовыпуклым лезвием изготовлен на конце массивной пластины неправильных очертаний с трехгранной грубо ограненной спинкой; мало напоминает позднепалеолитические скребки. Ретушь чешуйчатая мелкая лицевая полукруглая. По сравнительно острому изогнутому краю хорошо видна чередующаяся чешуйчатая мелкая ретушь утилизации (?) (рис. 75: 4).

К *атипичным скребкам* отнесено одно овальное изделие с очень выпуклым ровным острым лезвием с преимущественно лицевой мелкой глубокой полукруглой ретушью (рис. 75: 5).

У *атипичного ножа с обушком*, имеющего форму параллелограмма, обушок и дистальный конец притуплены обломом и нерегулярной ретушью; изогнутое острое лезвие имеет чередующуюся мелкую нерегулярную ретушь утилизации (рис. 75: 6).

У *ножей с естественными обушками* (2 экз.) аналогичному лезвию противостоит корочная грань; у первого, из пластинчатого отщепя, она продолжается и на дистальный конец (рис. 75: 7); у второго, из скола леваллуа, конец притуплен негативом, сделанным, видимо, еще на нуклеусе (рис. 75: 1).

Зубчатые орудия (2 экз.) невыразительные, из тонких отщепов. На незначительных участках острого края противоположающей мелкой ретушью выделены зубчики, напоминающие клювовидные острия (рис. 75: 2).

К *сколам различного типа с двусторонней (прерывистой) ретушью* отнесены 2 изделия с мелкой чередующейся ретушью, которые не являются зубчатыми, а с другой стороны явно намеренная обработка не позволяет отнести их к отходам производства: ретушь довольно регулярная, занимает значительную часть периметра.

Скребок высокой формы имеет уплощенную дорсальную поверхность, массивные, очень крутые оббитые края. Ретушь локализована на дистальном округлом конце и заходит на правую сторону. Она крупная, удлиненная; на кромке – выщербленность (рис. 76: 3).

Чоппероидное орудие изготовлено из плоской элювиальной плитки крупными сколами и глубокой нерегулярной отвесной ретушью (утилизации?) по кромке (рис. 76: 4).

Два крупных широких *чоппинговидных орудия*, размерами 79×130×43 и 98×104×68 мм изготовлены из угловатых обломков. У первого, трапециевидного, одна поверхность слегка подтесана грубыми встречными сколами; другая поверхность, выпуклая, подправлена более короткими аккуратными сколами от лезвия и левого края; короткое основание трапеции (пятка) и правый край – массивные, корочные (рис. 77: 4).

Другое изделие напоминает заготовку дисковидного нуклеуса: одна сторона оббита грубыми крупными сколами, сходящимися в центре; здесь сохранился небольшой участок первоначальной корочной поверхности, который, соединяясь с более значительным участком корки на другой стороне, образует пятку, основание. Другая сторона оббита более мелкими глубокими конвер-

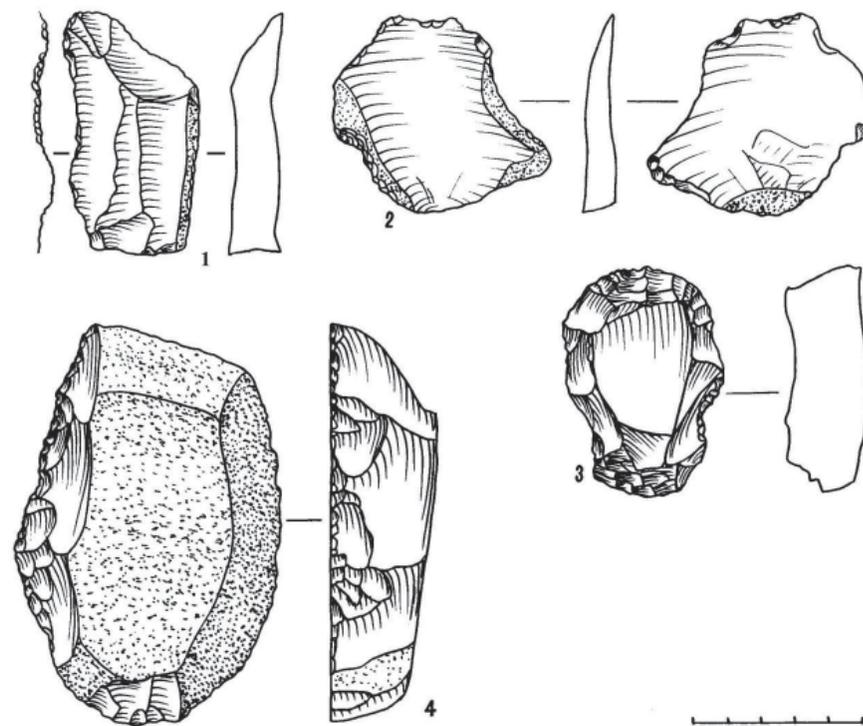

Рис. 76. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – нож с естественным обушком; 2 – зубчатое орудие; 3 – скребок высокой формы; 4 – чоппер.

гентными негативами, далеко не доходящими до середины. Лезвия острые, слабоизвилистые, с выщербленностью по кромке.

Комбинированные орудия (тип №62):

- хорошее боковое выпуклое скребло с крутой ступенчатой мелкой ретушью с заломами + скребок высокой формы на месте ударной площадки; лезвие скребка образовано субпараллельной ретушью крупных и средних размеров, которая снимает частично ударный бугорок (рис. 77: 1);
- тонкий отщеп имеет почти поперечный выпуклый рабочий край с крутой мелкой ретушью; противоположащее острое лезвие дополнительно подправлено обратной подтеской и мелкой чередующейся ретушью. Лезвия сочленяются посредством рыльца-клюва, выделенного противоположающей ретушью (обратной ретуши основного рабочего края);
- скреблоподобное орудие с грубой крупной нерегулярной ретушью по краям.

Из изделий, включенных в группу бифасиальных, только одно является настоящим *бифасом*. Он небольшой (83×46×19 мм), неправильно-ромбовидных очертаний, имеет поперечное сечение в виде параллелограмма. Нижняя

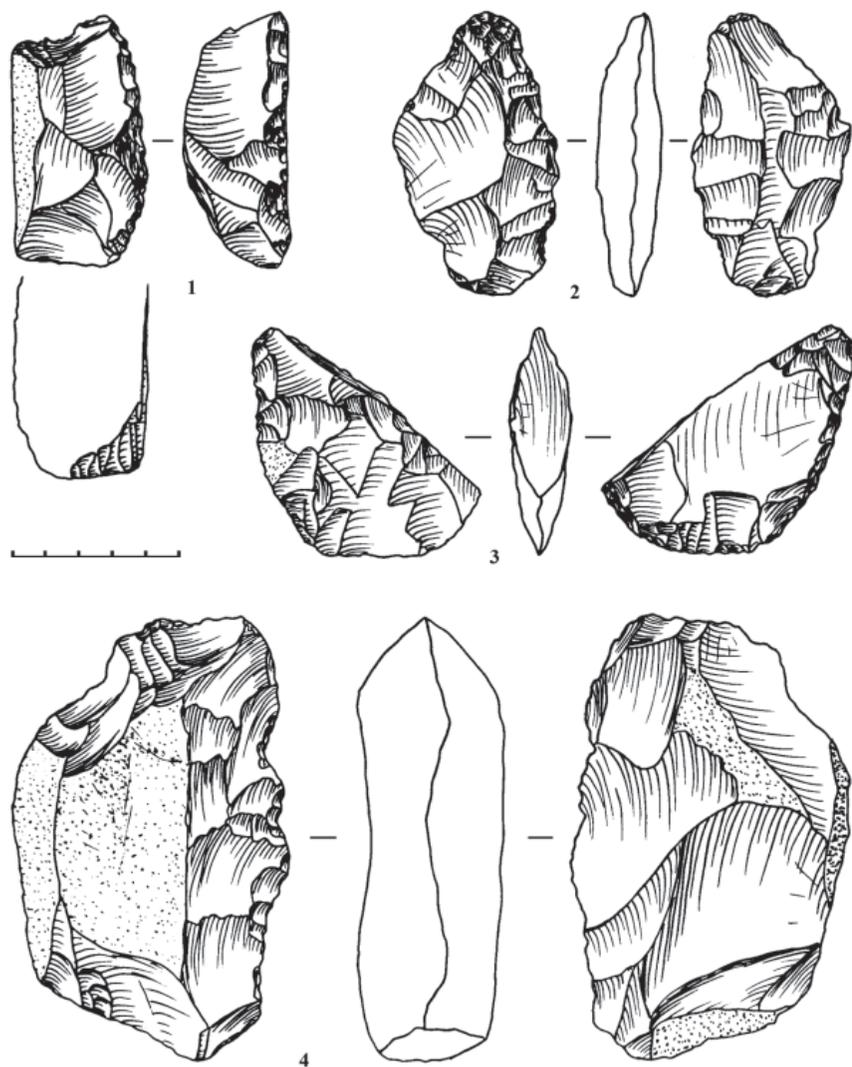

Рис. 77. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – комбинированное орудие; 2 – бифас; 3 – обломок бифаса; 4 – чоппинг.

поверхность тщательно обработана конвергентными сколами; другая, кроме того, подправлена крупной глубокой полукрутой ретушью. Концы, особенно верхний, выделены легкими выемками и имеют очертания рыльца (рис. 77: 2).

Другой бифас оригинальной формы – он почти полукруглый. Прямой край массивный, корочный, остальные представляют очень острое ровное ребро. Обе поверхности сохранили небольшие участки корки (бифас изготовлен из

тонкой элювиальной плитки), тщательно уплощены конвергентными сколами (рис. 78: 1).

Обломок (основание?) очень плоского бифаса. Из-за трещиноватости сырья сколы получились грубоватыми; заметны попытки выровнять лезвие субпараллельной ретушью, завершившиеся поломкой изделия (частично по трещине в породе) (рис. 78: 3).

Три крупных изделия размерами 154×86×36, 103×70×33 и 133×70×50 мм напоминают одновременно заготовку бифаса и нуклеус. На последнем заметны следы сколов ашельской, раннемустьерской, среднемустьерской стадии (рис. 78: 2).

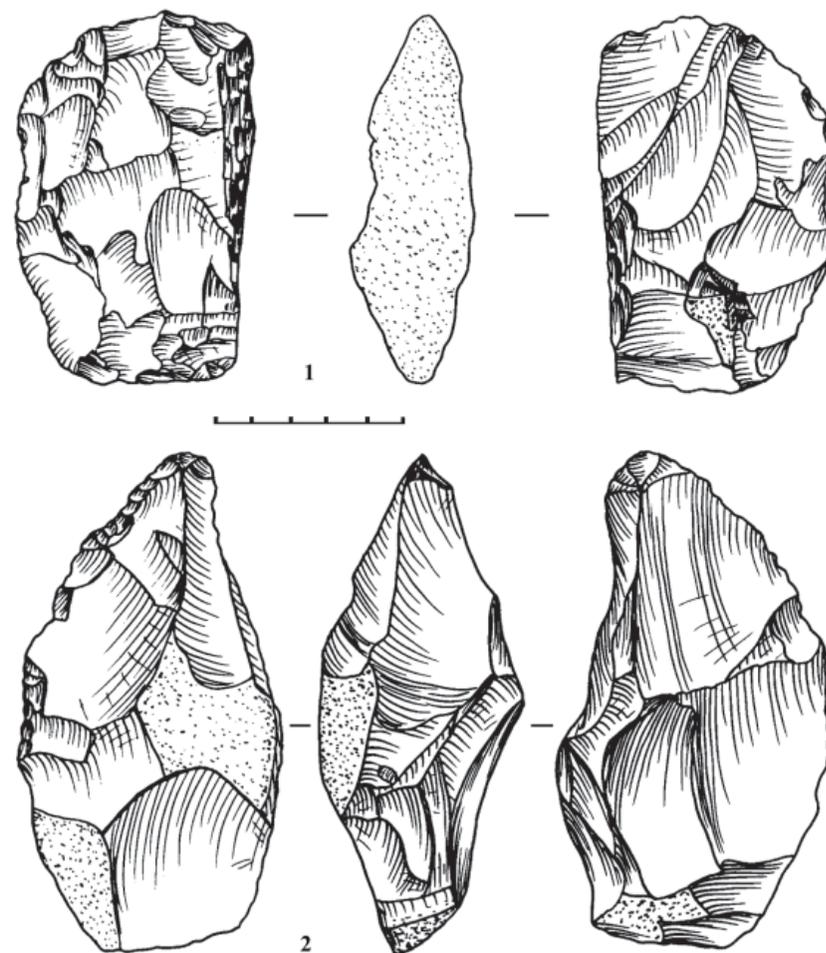

Рис. 78. Семизбугу 10А. Каменный инвентарь. 1 – бифасиальное орудие; 2 – заготовка бифаса (или нуклеуса?).

Выводы по местонахождению Семизбугу 10А.

Таким образом, раннемустьерский комплекс А (более грубый) включает 4 нуклеуса системы леваллуа, 3 нуклеуса радиального скалывания, 4 многосторонних многоплощадочных (клектонских) нуклеуса. Орудий в этом комплексе 74 (таблица 12).

Практически все сколы раннемустьерского комплекса А имеют по краям сильно оглаженную нерегулярную чередующуюся чешуйчатую ретушь средних размеров (псевдоретушь?) или подтеску. При классификации изделий такая ретушь описывалась как псевдоретушь.

У тех орудий, на которых искусственный, антропогенный характер оформления не вызывал сомнений, вторичная обработка представлена чаще всего лицевой чешуйчатой ретушью крупных и средних размеров, очень глубокой, не слишком регулярной, не выдержанной по размерам и крутизне. Кромка у орудий с такой ретушью зубчатая. Иногда встречается ступенчатая ретушь (крупная крутая + глубокая мелкая); бифасиальная ретушь средних размеров; отдельные изделия могут иметь обратную чередующуюся или противоположающую ретушь. Клектонские выемки обычно дополнительно подретушированы. Изредка практиковалась подтеска вентральной стороны глубокими мелкими сколами.

Раннемустьерский комплекс Б («рафинированный») включает 4 нуклеуса и 51 орудие. Отличается от предыдущего комплекса более тонкими краями изделий, лучшей сохранностью ретуши. Края этих изделий более зазубренные, преимущественно с нерегулярной ретушью, чередующейся, чешуйчатой, средних размеров, глубокой, полукрутой и крутой. Изредка использовалась противоположающая чешуйчатая крутая ретушь средних размеров. Практиковалось также усечение сколов с последующей их подправкой отвесной обратной ретушью; были известны и резцовые сколы. Иногда использовались продольные, близкие к резцовым сколы для притупления края. Здесь также применялась иногда бифасиальная ретушь средних размеров.

Среднемустьерский комплекс – 192 изделия, из них 24 нуклеуса. В этом комплексе вторичная обработка становится разнообразнее, а ретушь мельче. Преобладает лицевая чешуйчатая ретушь – мелкая или средних размеров, крутая и полукрутая, реже – отвесная. Нередко использовалась мелкая полукрутая оббивка или крупная ретушь. Довольно часто ретушировалась вентральная поверхность.

Кроме ретуширования применялось притупление края обломами и усечением обратной отвесной ретушью средних размеров; края притуплялись обломами и продольными сколами. Клектонские выемки обычно подправлялись лицевой и обратной ретушью. На единичных изделиях видна бифасиальная подтеска и уплощающая оббивка.

В этом комплексе 70 орудий, из них 21 скол леваллуа; еще 11 леваллуазских сколов преобразованы в орудия других типов.

В позднемустьерский (мустьерско-позднепалеолитический) комплекс входят 118 артефактов, из них 29 нуклеусов.

Изделия позднемустьерского комплекса имеют обычно острые края, мелко зазубренные нерегулярной чередующейся или лицевой мелкой ретушью. Здесь чаще, чем в более древних комплексах, встречается бифасиальная обработка – приостряющая подтеска, плоско-выпуклая и ступенчатая ретушь. Обычна ретушь крупных и средних размеров, часто ступенчатая, и в то же время встречается отделка крутой глубокой мелкой ретушью, чередующейся или противоположающей. Появляется и субпараллельная ретушь.

К орудиям отнесено 38 экз.

В целом, техника скалывания мустьерских комплексов стоянки-мастерской Семизбугу 10А представлена клектонской, протопризматической, радиальной и призматической. Так, в раннемустьерском комплексе А из 11 типологически определимых нуклеусов 4 относятся к леваллуазским (3 тортеза и 1 для остроконечников), 3 нуклеуса радиального скалывания; в раннемустьерском комплексе Б – 2 нуклеуса леваллуа для пластин, 1 призматический; в среднемустьерском комплексе из 24 нуклеусов – 13 леваллуазских (3 тортеза, 4 для пластин односторонние одноплощадочные, 2 – паралеваллуа, 4 – многосторонние многоплощадочные), 4 – радиального скалывания, 7 – призматического (5 протопризматических, 2 торцовых), 2 клектонских; в позднемустьерском комплексе из 29 нуклеусов 4 тортеза, 4 нуклеуса радиального скалывания, 5 призматических, 10 торцовых, 6 клектонских; т.е. со временем уменьшается доля леваллуазских нуклеусов, увеличивается количество нуклеусов призматического скалывания и одновременно – архаичных клектонских и радиальных.

Индекс нуклеусов леваллуа увеличивается от 25,0 в ашело-мустьерском комплексе Б, затем уменьшается до 36,2 в мустьерском и до 10,8 в мустьерско-позднепалеолитическом (позднемустьерском) комплексах.

Подправка ударных площадок сколов-заготовок, довольно тонкая и тщательная в ранних комплексах, со временем становится заметно грубее: так, в ашело-мустьерском комплексе А индекс тонкой подправки составляет 6,0; индекс площадок, образованных одним снятием – 23,9; индекс площадок, покрытых коркой – 25,3; в ашело-мустьерском комплексе Б эти индексы соответственно равны 15,2; 57,6; 24,2; 15,2; в мустьерском комплексе – 11,9; 21,4; 42,8; 35,7; в позднемустьерском комплексе – 4,8; 14,3; 38,1; 47,6.

Технико-типологические индексы индустриальных комплексов стоянки-мастерской Семизбугу 10А рисуют непростую картину.

Комплексы хорошо различаются между собой по основным показателям, но их важнейшей чертой является непластинчатость и нефасетированность (хотя в ашело-мустьерских комплексах общий индекс подправки ударных площадок достигает максимальных для Казахстана значений – 50,8 и 57,6, индекс тонкой подправки очень низкий – 6,0 и 16,2).

Индекс леваллуа типологический позволяет отнести три ранних комплекса к леваллуазским, хотя индекс леваллуа технический очень низок (не превышает 11,4). (Впрочем, при вычислении этого индекса не учтены сколы леваллуа,

преобразованные в орудия других типов, что повысило бы индекс леваллуа технический на несколько единиц).

Довольно велико количество скребел – от 15,7 до 32,9% орудийного набора, причем необычно велика доля вогнутых (простых, двойных и поперечных) скребел в ранних комплексах. В ашело-мустьерских комплексах совершенно нет бифасов; в мустьерском комплексе их 4,3%, а в позднемустьерском – 15,8% орудий. Сходная картина наблюдается и в других комплексах Семизбугу – бифасиальные орудия появляются только во второй половине мустьерской эпохи.

А.Г. Медоев определил индустрию Семизбугу как мустье ашельской традиции фации леваллуа. Отвечают ли наши 4 комплекса этому определению?

В 1951 г. Ф. Борд и М. Бургон привели в качестве типичных памятников мустье ашельской традиции слои J и H Мустье (оба – фации леваллуа) (основные показатели см.: в табл. 2). В работе 1972 г. Ф. Борд дает определение двух типов мустье ашельской традиции: тип А – «Разнообразный индекс скребел (25-45). Низкий индекс кина. Много зубчатых. Индекс бифасов от 8 до 40. Индекс ашельский унифасиальный около 4. Индекс леваллуа различен» [Bordes F., 1972, p.54] и тип Б – «Низкий индекс скребел. Низкий индекс рубил, они дегенеративные. Высокий процент зубчатых орудий, ножей, часто из пластин. Хорошо развита III группа... Хронологически моложе подтипа А, происходит от него». А в работе 1981 г. Ф. Борд подводит итоги изучения мустьерских индустрий за последние десятилетия: «Мустье ашельской традиции. Мало нового. Наиболее изобретательное мустье, содержит наибольшее количество типов орудий... Везде, где они встречаются вместе, тип Б с редкими бифасами, редкими скреблами, многочисленными ножами с обушком... Оно находится под типом А, иногда с переходными слоями... Тип А имеет больше бифасов, иногда довольно большой процент скребел (особенно в местонахождениях открытого типа), более редкие ножи с обушками, особенно из отщепов. Однако в Пеш Делазе IV слой 4 тип А залегает под типом Б... Мустье ашельской традиции существует в фациях леваллуа (Мустье) или нелеваллуа (Пеш Делазе I и IV)...»

Из сопоставления индексов, приведенных в таблице 2, видно, что под определение мустье ашельской традиции фации леваллуа подходит только индустрия мустьерского комплекса; ранние комплексы А и Б при близких, в целом, характеристиках, не имеют в своем составе бифасов. Предварительно они определены как леваллуа-мустье.

Поздний комплекс становится «более ашельским» и совсем нелеваллуазским; в нем возрастает, хотя и не до больших значений, индекс позднепалеолитических типов орудий. Примечателен в этом комплексе и очень высокий шарантский индекс. К сожалению, количество орудий в этом комплексе из коллекции Семизбугу 10А невелико и позволяет делать лишь предварительные выводы.

Таблица 2. Основные технико-типологические показатели индустрий Семизбугу 10А и некоторых индустрий мустье Ашельской традиции

Памятник	IL	Ilam	IF strict	IF large	IL typ	IR	IC	IAt	IB	I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.
Семизбугу 10А ашело-мустьерский комплекс А	9,8	2,8	6,0	50,8	20,3	23,0	10,8	1,4	0	20,3	23,0	1,4	17,6
Семизбугу 10А, ашело-мустьерский комплекс Б	9,8	2,8	16,2	57,6	29,4	15,7	2,0	0	0	29,4	15,7	0	9,8
Семизбугу 10А, мустьерский комплекс	11,4	7,0	11,9	21,4	30,0	32,9	8,5	0	4,3	30,0	32,9	0	17,1
Семизбугу 10А, позднемустьерский	6,8	4,1	4,8	14,3	13,2	28,9	26,3	4,3	15,8	13,2	28,9	7,9	5,2
Пеш Делазе 1, слой 4 (МТА, тип А) (Bordes F., 1972)	8,4	11,3	36,8	57,4	4,5	22,6		18,4	3,8	4,4	24,2	6,8	11,7
Мустье, слой G (Bordes F., Bourgon M., 1951)	37	11,7	42,6	57	5,5	15,3	3	1,1	24,2				19,5
Мустье, слой H (Bordes F., Bourgon M., 1951)	27,6	12,2	48,3	64,9	3,5	6,7	0,4	34,6	1				20,6
Ябруд, слой 2 (Коробков И.И., 1978)	53,9				58,6	45			2,4				
Тилле, серия «кофе с молоком» (Bordes F., 1952)	68,4	24,6	56,2	73,2	61,1	15,3	4,7	10,1		61,1	16,9	3,1	5,4

6.2. МУЗБЕЛЬ

Большой интерес у всех исследователей палеолита Казахстана вызывает местонахождение Музбель, обнаруженное М.Н. Клапчуком в 1967 г. (Клапчук М.Н., 1970; 2003).

Вот как он описывает местонахождение. Плосковершинный останец Музбель сложен палеогеновыми отложениями. С южной стороны к нему прислонены отложения павлодарской свиты верхнемиоценового-среднеплиоценового возраста, образуя здесь скульптурную II надпойменную террасу. Эти отложения перекрыты толщей галечника верхнеплиоценового возраста. М.Н. Клапчук проанализировал пылецевой спектр из кровли галечника. Он содержал 22% пыльцы древесных пород, говорящих о том, что во время аккумуляции этой толщи господствовали условия плювиала и здесь, в аридной зоне Центрального Казахстана, преобладала степь с островными лесами. Лесообразующими породами были сосна, ель и в незначительном количестве береза.

В отложения павлодарской свиты вложены осадки аккумулятивной I надпойменной террасы, сформировавшейся в верхнем плейстоцене.

Особенностью местности является весьма незначительная ширина долины р. Сарысу. Выше по течению она имеет ширину 17 км, ниже – 4 км, а южнее останца Музбель – лишь 1,7 км. На противоположном, южном берегу реки высоко над долиной поднимается возвышенность Быруйнар.

В самом узком месте долины русло Сарысу проходит у правобережной скульптурной террасы, обнажая отложения павлодарской свиты и перекрывающего их галечника общей мощностью до 10-12 м. На поверхности галечника в двух местах обнаружены предметы, в основном галечные орудия.

В месте находок был заложен шурф. Из толщи было вынута 1540 галек. В процессе просмотра оказалось, что 73% галек целые, 25% покололись агентами выветривания и 1% имели фасетки случайных, естественным путем образовавшихся сколов. Орудий труда первобытного человека среди них не обнаружено.

Музбель 2 – это местонахождение, расположенное «в месте перехода современной полевой дороги с I надпойменной террасы на поверхность галечника» (Клапчук М.Н., 1970, с. 219). Здесь были найдены скребочки на отщепе, отщепы и фрагменты ножевидных пластинок из кремня и кремнистого туфа, а также мотыга из порфирита. М.Н. Клапчук отнес их к неолиту. Здесь же найдены 19 плоских галек со сравнительно свежими следами двустороннего снятия коротких сколов, идущих от краев к центру.

Местонахождение «Музбель 1 расположено в 50-80 шагах к западу от Музбель 2. Неолитических орудий здесь не обнаружено, лишь найдены галечные орудия с несколько сглаженными острыми краями. Подделочным материалом служил микрокварцит зубчатой структуры и кварцевый песчаник, переходящий в кварцит blastopсаммитовой структуры» (Там же).

Клапчук М.Н. на местонахождении Музбель 1 проанализировал 114 галек со следами намеренных сколов. 36 галек были со следами снятия единичных сколов. Сколы бессистемные, автор считает их сколами опробования. Часть изделий М.Н. Клапчук считает нуклеусами: «дисковидные одноплощадочные нуклеусы» односторонние (6 экз.) и двусторонние (4 экз.); одноплощадочные односторонние нуклеусы из крупных массивных галек (4 экз.); двухплощадочный двусторонний нуклеус для снятия сколов в противоположных направлениях (1 экз.). Рисунки нуклеусов в статье 1970 г. не приводятся. Зато есть изображения плоских галек с выемками (Клапчук М.Н., 1970, с. 220, рис. 2, 3-5), типичных чопперов (13 экз.) и типичных чоппингов (5 экз.). Отщепы единичны.

В фондах Карагандинского областного историко-краеведческого музея нам позволили ознакомиться с коллекцией М.Н. Клапчука, за что приносим глубокую благодарность директору Музея Нурмаганбетову Е.Н.

Одно изделие, обозначенное как скоблевидное орудие или галька с выемками изображено в статье М.Н. Клапчука (Клапчук М.Н., 1970, с. 220, рис. 2, 5 (фото 57-61). Другие артефакты, видимо, не были отрисованы (фото 31-34, 35-37, 43, 44-46, 47-49). Нуклеусов в просмотренной коллекции не было.

Ссылаясь на индустрию Кара-Буры и аналогии с «мустьерско-соанскими» памятниками Средней Азии, а также на интерпретацию этих памятников А.П. Окладниковым, Н.М. Клапчук датирует комплекс находок на Музбель 1 началом верхнего плейстоцена (Клапчук М.Н., 1970, с. 226).

В.С. Волошин – ученик и последователь М.Н. Клапчука, пишет, что «В случае с Музбелем 1 допускалась ошибка – маловыразительные образцы изделий средней степени золотой коррадированности, вполне вероятно верхнеплейстоценовые, смешивались в коллекции с более древним сильно коррадированным материалом, содержащим выразительные раннепалеолитические формы чопперов. Наши последующие сборы инвентаря в Музбеле 1-2, принёсшие сотни образцов галечных орудий, позволили выделить здесь среднепалеолитическую и две раннепалеолитических хронологических серии – раннюю без признаков техники леваллуа и позднюю с наличием таковых признаков. Каждая из этих двух раннепалеолитических серий, вероятно, охватывает здесь очень большой временной интервал. Эту позднюю серию с наличием технических признаков леваллуа – к ней теперь можно отнести и памятники Музбель 3 и Сюргута, мы склонны вообще соотносить не только со средним, но и со всем нижним неоплейстоценом» (Волошин В.С., 2011, с. 161). К сожалению, без нормальной публикации собранных материалов все эти рассуждения выглядят голословными и странными.

В полевом сезоне 2013 г. экспедиция, работающая по гранту «Каменный век Сарыарки», посетила памятники Музбель 1-3, а именно – южную оконечность «плосковершинного останца» Музбель, где он подмывается водами р. Сарысу.

Обзор обнажения начали с пункта с координатами N = 47°38,924'; E = 068°38,455'; h = 309 м (фото 50, 51), находящегося в середине склона. Галь-

ки преимущественно из кварцевых песчаников коричневого цвета, реже – из других пород густо покрывают поверхность обнажения. Чаще всего гальки овальные и уплощенные, очень подходят для изготовления орудий или нуклеусов. Гальки от долгого залегания на поверхности становятся очень хрупкими и легко раскалываются при соприкосновении друг с другом, часто имеют по 1-2 естественных скола. Но встречаются и намеренно оббитые гальки (фото 52, 53).

В средней части обнажения склон увала плавно переходит в поверхность первой надпойменной террасы (фото 54), на которой встречаются единичные мелкие артефакты неолитического времени. Ближе к берегу р. Сарысу находки образуют скопления, очевидно, здесь было поселение в эпоху неолита или бронзы. Одно из таких скоплений находится на берегу, (возле машины на фото 55). Скопления обработанных галек наблюдается у подошвы склона (фото 56).

Останец Музбель подмывается водами Сарысу на протяжении нескольких километров. На фото 56 запечатлено место, отвечающее описанию М. Н. Клапчуком местонахождения Музбель 1. На следующем снимке – вид со средней части скола на север, вдоль дороги (фото 57).

Встречаются в небольшом количестве и настоящие артефакты (фото 58-61). Но даже на фотографии заметно, что, за редким исключением, сколы на них довольно свежие, с занозистой, шероховатой поверхностью. Отнесение их даже к начальной поре верхнего плейстоцена выглядит слишком оптимистичным.

В 2014 г. сборы на останце Музбель были продолжены, но особого успеха не принесли. Видимо, В. С. Волошин очень тщательно облазил все обнажение и скрупулезно собрал все артефакты. Результаты наших сборов оказались весьма скромными и не имели следов такой глубокой древности, про которую писал В. С. Волошин.

Точку на проблеме возраста музбельских местонахождений ставить рано. Может, в недрах Карагандинского музея отыщется недостающая часть коллекции, возможно, В. С. Волошин опубликует результаты своих работ на Музбеле. Может быть наши дальнейшие раскопки дадут основания для датировок. На сегодняшний же день наш вывод таков. Среди артефактов с Музбеля 1 преобладают псевдоорудия; некоторые приобрели в результате дефляции подлинно архаичный вид. Те изделия, которые несомненно обработаны человеком, принадлежат поздним индустриям – неолиту и эпохе бронзы. Наши самые выразительные «бифасы» и «чоппинги» являются нуклеусами и заготовками нуклеусов для индустрий неолита и бронзы.

Заключение

Данная монография – первая из запланированного авторами цикла книг о каменном веке Центрального Казахстана.

Мы старались сделать эту книгу полезной для студентов и школьников. В ней содержится история исследований каменного века Центрального Казахстана. В приложениях дана литература по каменному веку Сарыарки и реестр памятников каменного века.

Мы старались их сделать максимально полными, но совершенства, конечно не достигли. Эти три раздела – реестр, библиография и историография – будут постоянно дорабатываться, в них будут вноситься дополнения и исправления.

Из изложенного материала ясно, что несмотря на большое количество исследований и исследователей, фактологическая база по каменному веку Сарыарки довольно скудна. Наша главная цель – исправить этот недостаток. А потом уже перейти на интерпретационный уровень и широкие обобщения, в отличие от наших старших предшественников.

За пределами данной работы остались многие замечательные палеолитические памятники – Батпак, Вишневка, Бурма, Чингиз, Жаман-Айбат и многие другие. Есть в Сарыарке и мелкие палеолитические местонахождения, которые заслуживают введения в научный оборот.

Мы совершенно не коснулись голоценовых памятников каменного века Сарыарки и особенностей их изучения и интерпретации. Очень важные проблемы – возникновение производящего хозяйства, переход от неолита к энеолиту и бронзовому веку – требуют подробного и тщательного описания материалов комплексов памятников в окрестностях г. Жезказгана, вокруг Караганды, в Северном Прибалхашье, в верховьях р. Жезды и во многих других районах, где сосредоточены памятники и стоянки эпохи неолита и поселения первых металлургов. Их публикация – дело ближайшего будущего.

При подготовке других книг серии нам бы очень пригодились замечания, пожелания, отзывы читателей. Мы были бы очень благодарны за вопросы, которые возникнут при прочтении монографии. Наш почтовый адрес:

123letter@inbox.ru

Литература

- Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит мира: исследования по археологии древнего каменного века. Т.3. – Л.: Наука. С. 143-254.
- Абрамова З. А.* Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. – С.135-160.
- Алексеев В. П.* Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
- Алтысбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 208 с.
- Амирханов Х. А.* Палеолит юга Аравии. М.: Наука, 1991. – 344 с.
- Артюхова О. А.* Мустье Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки / Доклады Международного симпозиума. – Новосибирск, 1990. – С. 35-39.
- Артюхова О. А.* Кошкурган – мустьерский памятник // Российская археология, 1994, №4. – С. 98-111.
- Артюхова О. А., Аубекеров Б. Ж., Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитические индустрии Казахстана и их стратиграфическое значение//Стратиграфические схемы неогеновых и четвертичных отложений Казахстана (Пояснительная записка). Решения III Казахстанского межведомственного стратиграфического совещания по докембрию и фанерозою Казахстана (Алма-Ата, 1986г.). – Алматы, 1996. – С. 80-82
- Артюхова О. А.* Корреляция мустьерских индустрий Казахстана. // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий (Материалы международной конференции, посвященной 70-летию Х. А. Алпысбаева). Туркестан: ТОО «Мирас», 1998. – С. 31-57
- Артюхова О. А., Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4. – Новосибирск, 2001 в. – 120 с.
- Артюхова О. А.* К вопросу о локальных вариантах в мустье Казахстана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск, 2004. С. 90-103.
- Артюхова О. А., Мамиров Т. Б.* Каменный век // Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: АО «АБДИ Компании» 2008. С.76-81.
- Артюхова О. А., Мамиров Т. Б., Таймагамбетов Ж. К.* Каменный век Казахстана (Карта м-ба 7500000) // Национальный атлас РК. Том II. Социально-экономические карты. Алматы, 2006. С.95.

- Артюхова О. А.* Памятники каменного века. Древнейший этап истории Казахстана. // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011). Сборник научных статей, посвященный 20-летию Независимости Казахстана. Алматы – 2011. – С. 27-42.
- Артюхова О. А.* Заселение Казахстана представителями человеческого рода. // Геология в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции «Сатпаевские чтения» посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. 14-15 апреля. Алматы, 2011. – С. 368-376.
- Артюхова О. А.* Мустье Центрального Казахстана. Алматы: Хикари – 206 с.
- Аубекеров Б. Ж., Нигматова С. А.* Континентальные четвертичные отложения Казахстана // Геология Казахстана, доклады к XXXII Геологическому конгрессу. Алматы, 2004.
- Аубекеров Б. Ж., Нигматова С. А.* Изменения климата и ландшафтов, основные этапы эволюции человеческого общества от древнейших гоминид до кочевников на территории Казахстана. Потенциал природы Казахстана для различных форм кочевого общества // Геология в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции «Сатпаевские чтения», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. 14-15 апреля 2011 г. Алматы, 2011. С. 382-389.
- Аубекеров Б. Ж., Кошкин В. Я., Нигматова С. А.* (Казахстан), *К. Эндо, J. Кубота* (Япония), *Р. Сала* (Италия), *Ж.-М. Деом* (Бельгия). Комплексные геолого-геоморфологические исследования озера Балхаш. // Геология в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции «Сатпаевские чтения», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. 14-15 апреля 2011 г. Алматы, 2011. – С. 376-382.
- Аубекеров Б. Ж., Чалыхьян Э. В.* Кайнозой зоны канала Иртыш-Караганда. Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1974. – 108 с.
- Аубекеров Б. Ж.* Изменение некоторых компонентов природной среды в течение последнего оледенения и послеледниковья // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М.: Наука, 1982. – С. 124-128
- Борисковский П. И.* Древнейшее прошлое человечества. Л.: «Наука», 1979. – 240 с.
- Виноградов А. В.* Неолитические памятники Хорезма. М.: Наука, 1968.
- Вишняцкий Л. Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб: Европейский дом., 1996. – 213 с.
- Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры: Курс лекций. Изд. 2-е, испр. и доп. – Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. – 396 С.
- Вишняцкий Л. Б.* История одной случайности, или происхождение человека. Stratum plus. ВАШ археологический журнал. Кишинев. Высшая Антропологическая школа. 1999. С. 10-51.

Вишняцкий Л. Б. История одной случайности или происхождение человека. Фрязино, «Век 2», 2005, б. – 240 с.

Вишняцкий Л. Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. – СПб: Нестор-История, 2010. – 312 с.

Волошин В. С. Разведка в Приишимье // АО: 1968. – М.: Наука, 1969. – С.198.

Волошин В. Новые находки каменного века в Центральном Казахстане // АО: 1970. – М.: Наука, 1971. – С.403-404.

Волошин В. С. Работы в Центральном Казахстане // АО, 1974 г. – М.: Наука, 1975.

Волошин В. С. Работы в Центральном Казахстане // АО-1975. – М.: Наука, 1976. – С. 516.

Волошин В. С. Работы по каменному веку в Целиноградской области // АО: 1976 г. – М.: Наука, 1977. – С.508-509.

Волошин В. С., Мазниченко А. Работы в Целиноградской области // АО: 1977 г. – М.: Наука, 1978. – С.511-512.

Волошин В. С. Работы по палеолиту в Целиноградской области //АО: 1979 г. – М.: Наука, 1980.

Волошин В. С. Работы в Целиноградской области // АО: 1980 г. – М.: Наука, 1981.

Волошин В. С. Каменные наконечники в палеолите Центрального Казахстана // II Конгр. ИНКВА, Москва, авг., 1982. Тез. докл. Т.3. – М.: 1982 а. – С. 80-81.

Волошин В. С. Местонахождение каменного века Баршин 3 в Тенгизской степи // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда, 1982 б. – С.42-57.

Волошин В. С. Раскопки стоянки Вишневка 1 // АО: 1981 г. – М.: Наука, 1983.

Волошин В. С. Работы Целиноградской экспедиции// АО: 1985 г. – М.: Наука, 1987.

Волошин В. С. Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С.3-13.

Волошин В. С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка 3 // СА, №4, 1988.

Волошин В. С. К типолого-стратиграфической схеме по палеолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения/ Сборник материалов конференции. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С.70-74.

Волошин В. С. Мустьерская индустрия из Кошкургана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 3-11.

Волошин В. С. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки / Доклады Международного симпозиума. – Новосибирск, 1990. – С.99-106.

Волошин В. С. Об истоках палеолита в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения. Сб. материалов конф. – М.: Наука, 1992. – С.48-53.

Волошин В. С. Палеолитический памятник Батпак // Маргулановские чтения. Сб. материалов конф. – Петропавловск, 1992. – С. 27-29.

Волошин В. С. Исследования в Батпаке (Центральный Казахстан) // Обзорение. – Новосибирск, 1995. – С. 263-267.

Волошин В. С. Древнепалеолитическое местонахождение Улькен-Кундузды // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий (материалы международной конференции, посвященной 70-летию Х. А. Алпысбаева). – Туркестан: «Мирас», 1998. – С. 83-91.

Волошин В. С. Новые палеолитические памятники в бассейне Сарысу // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий (материалы международной конференции, посвященной 70-летию Х. А. Алпысбаева). – Туркестан: «Мирас», 1998. – С. 70-82.

Волошин В. С. К вопросу о истории изучения палеолита Сары-Арки // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Сборник научных статей. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. – С. 21-43.

Волошин В. С. Новый палеолитический памятник Батпак 18 в Центральном Казахстане. // Степная цивилизация восточной Евразии. 1 том. Древние эпохи. – Астана: «Kultegin», 2003. – С. 32-38.

Волошин В. С. Проблема первоначального освоения человеком Сары-Арка // Степная цивилизация восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана: «Kultegin», 2003. 1 том. – С. 28-32.

Волошин В. С. Неолитическая стоянка Азат 3 в бассейне Сарысу // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». – Алматы, 2004. – С. 220-225.

Волошин В. С. Новые памятники палеолита с галечным инвентарем в бассейне Сарысу //Материалы Международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», ... 12-15 декабря 2011 г., г. Алматы. Том 1. – Алматы, 2011. – С. 157-163

Геология СССР. Том XX. Центральный Казахстан. Книги 1 и 2. М.: Недра, 1972. Книга 1 – 532 с.

Деревянко А. П. Переход от среднего к позднему палеолиту: взгляд из Северной Азии. Вместо заключения. Археология, этнография и антропология Евразии. №3 (23), 2005. С.101-108.

Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К., Исабеков З. К., Рыбалко А. Г., Отт М. Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. Новосибирск, 2000.

Деревянко А. П., Аубекеров Б. Ж., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К., Артюхова О. А., Зенин В. Н., Петров В. Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний-поздний палеолит). – Новосибирск, 1993. – 114 с.

Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и

- сопредельных территорий: Материалы междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Мирас, 1998. – С. 165-196.
- Деревянко А. П., Петрин В. Г., Зенин А. Н., Таймагамбетов Ж. К., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Славинский В. С.* Каменный век Казахстана: Исследования Российской-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт. СО РАН, 2003. – 184 с.
- Деревянко А. П., Петрин В. Т., Исламов У., Таймагамбетов Ж. К., Зенин А. Н., Гладышев С. А., Кривошапкин А. И., Рыбалко А. Г.* Исследования отряда по изучению каменного века Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 39-41.
- Деревянко А. П.* Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (22), 2005. – С. 22-36.
- Деревянко А. П.* Заселение человеком Евразии в раннем палеолите // Древнейшие миграции человека в Евразии. Мат-лы Междунар. симп. (6-12 сентября 2009 г., Махачкала, Республика Дагестан, Россия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 5-28.
- Джуркашев Т. Н.* Антропогенная история Балхаш-Алакольской впадины. Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1972.
- Ефименко П. П.* Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Издание третье переработанное и дополненное. Изд-во АН УССР. Киев, 1953. – 664 с.
- Клапчук М. Н.* Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане // СА, 1964, №3. – С.286-271.
- Клапчук М. Н.* Новые археологические находки в бассейнах рек Нура и Сарысу // АО: 1967 г. – М.: Наука, 1968. – С. 321-322.
- Клапчук М. Н.* К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969 а. – С. 121-135.
- Клапчук М. Н.* Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4 // БКИ-ЧП, 1969 б, №36, – С. 108-118
- Клапчук М. Н.* Стоянка Караганда 15 // СА, 1970 а, №4. – С. 153-160.
- Клапчук М. Н.* Галечные орудия местонахождения Музбель 1-2 в Центральном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970 б. – С. 217-226.
- Клапчук М. Н.* Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан) // Палеолит и неолит СССР. Т.6 / МИА, №173. – Л.: Наука, 1971 а. – С. 233-239.
- Клапчук М. Н.* Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане // СА, 1971 б, №1. – С. 193-195.
- Клапчук М. Н.* Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат-4 в Центральном Казахстане // СА., 1976, №3. – С. 176-190.

- Клейн Л. С.* История археологической мысли. В 2 т. Т.1 – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. – 688 с.; Т.2 – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2011. – 624 с.
- Кожамкулова Б. С.* Макротирифауна плейстоцена Казахстана (руководящие виды, артефакты) // Труды Института зоологии. Т.49. Зоолого-экологические исследования. Алматы, 2005. С.43-48.
- Коробков И. И.* К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа с разрушенным культурным слоем // Палеолит и неолит СССР. Т.6 / МИА, №173. – Л.: Наука, 1971. – С. 61-99.
- Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л.: Наука, 1978. – С. 7-185.
- Костенко Н. Н.* Основы стратиграфии антропогена Казахстана. Алма-Ата, Изд-во АН КазССР, 1963.
- Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. Т.5 / МИА, №131. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 6-75.
- Маргулан А. Х.* Сочинения. В 14 томах. Том 1. Неолитические стоянки. Бегазы-дондыбаевская культура Центрального Казахстана. Поселенческие комплексы Центрального Казахстана. Алматы: Атамұра, 1998. – 400 с.
- Марков А. В.* Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии. Доклад, прочтенный в Институте Биологии Развития РАН 19 марта 2009 г. http://evolbiol.ru/markov_anthropogenes.htm
- Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л.* О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – С. 60-90.
- Медоев А. Г.* Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги (Северное Прибалхашье) // Известия АН КазССР, сер. истор., археол. и этнографии, 1962 а, вып.3 (19). – С. 94-105.
- Медоев А. Г.* Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз // Вестник АН КазССР, 1962 б, №3. – С.86-88.
- Медоев А. Г.* Гравюры на камне в горах Тюлькули (Северо-Восточное Прибалхашье) // Вестник АН КазССР, 1963, №7. – С.89-93.
- Медоев А. Г.* Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1964, вып. 6. – С. 90-98.
- Медоев А. Г.* Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье // Вестник АН КазССР, 1965 а, №3. – С. 86-88.
- Медоев А. Г.* Об истоках древнего палеолита Сары-Арка // Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1965 б, вып. 4. – С. 77-81.
- Медоев А. Г.* Стоянка-мастерская у озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 128-134.
- Медоев А. Г.* Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 200-216.

Медоев А. Г. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 139-153.

Медоев А. Г. Вопросы периодизации и хронологии палеолита Сары-Арка // Информационный сборник ИГН им. К. И. Сатпаева АН КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 49-51.

Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. – Алма-Ата: Жалын, 1979, ч.1. – 176 с.

Медоев А. Г. Проблемы палеолита Казахстана (начальный этап) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана / Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. – Алма-Ата, 1980. – С. 151-162.

Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана // Вестник АН КазССР, 1981, №8. – С. 58-59.

Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 64 с.

Медоев Г. Ц. Устройство поверхности Сары-Арка. // «Основные идеи М. А. Усова в геологии». Алма-Ата, 1960, с. 527-528.

Нигматова С. А. Стратиграфия, палеогеография и климаты четвертичного периода аридных регионов Центральной Азии (по палинологическим данным). Автореф.... док. г.-м. н. Алматы, 2010.

Нурмамбетов Э. И., Акиянова Ф. Ж. Радиоуглеродные датировки ископаемой териофауны Северного Казахстана и некоторые палеогеографические реконструкции // Вестник АН КазССР. – Алма-Ата, 1989, № 1. – С. 67-71.

Природа и древний человек: (Основные этапы развития природы, палеолитического человека и его культуры на территории СССР в плейстоцене) // Г. И. Лазуков, М. Д. Гвоздовер, Я. Я. Рогинский и др – М: Мысль, 1981. – 223 с.

Ранов В. А. Каменный век Таджикистана. – Душанбе, 1965. – 145 с.

Рыбалко А. Г. Равнепалеолитические микроиндустрии в травертинах на территории Южного Казахстана. Автореф. Дисс.... Кандидата ист. Наук. Новосибирск, 1999. – 22 с.

Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: «Наука», 1968.

Славинский В. С. Палеолит Северного Прибалхашья (по материалам местонахождений Саяка: Автореф.... канд.... ист. наук Новосибирск, 2004. – 26 с.

Таймагамбетов Ж. К. Палеолитические памятники Центрального Казахстана // Маргулановские чтения / Сборник материалов конференции. – Алма-Ата, 1989. – С. 81-85.

Таймагамбетов Ж. К. Палеолитические памятники Центрального Казахстана // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 103-106.

Таймагамбетов Ж. К. История изучения палеолита Казахстана // Актуальные вопросы историографии древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1989. – С. 22-40.

Таймагамбетов Ж. К. Палеолит Казахстана. (Основные проблемы): научн. доклад ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 53 с.

Таймагамбетов Ж. К., Ожерельев Д. В. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы, 2009. – 256 с.

Глеубердина П. А. Этапы развития фауны позвоночных кайнозоя Казахстана // Труды Института зоологии. Т.49. Зоолого-экологические исследования. Алматы, 2005. С.12-37.

Глеубердина П. А., Кожамкулова Б. С., Кондратенко Г. С. Каталог кайнозойских млекопитающих Казахстана. – Алма-Ата, Наука, 1990. – 159 с.

Федорович Б. А. Лик пустыни. / Третье издание. М.: Молодая гвардия, 1954. – 392 с.

Формозов А. А. Новые материалы о стоянках с микролитическим инвентарем в Казахстане. // КСИИМК, 1950, вып. 31. – С. 141-147.

Sonneville-Bordes D. de. La préhistoire modern. L'âge de la Pierre taillée. Périgueux, 1972.

Bordes F. Stratigraphie du loess et evolution des industries paléolithiques dans l'ouest du Bassin de Paris // L'Anthropologie, t. 56, 1952, pp. 405-452.

Bordes F. Typologie du paléolithique ancien et moyen. Mémoire, N1, Bordeaux, 1961.

Bordes F. A tale of two caves. New York and other, 1972.

Bordes F. Le débitage Levallois et ses variants // BSPF, 1980, t. 77/2, pp. 45-49.

Список сокращений

АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	Археологические открытия
АЭ	Археологическая экспедиция
БКИЧП	Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВА	Вопросы антропологии
ВНК	Всесоюзная научная конференция
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ИА	Институт археологии
ИГН НАН РК	Институт геологических наук Республики Казахстан
ИИАиЭт СО РАН	Институт истории, археологии и Этнографии Сибирского отделения РАН
ИИФиФ СОАН СССР	Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.
ИИАЭ	Институт истории, археологии и этнографии КазССР
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры РАН
ИМКУ	Институт материальной культуры Узбекистана
КарГУ	Карагандинский государственный университет имени академика Е. А. Букетова
КОИКМ	Карагандинский областной историко-краеведческий музей
КСИА	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	Краткие сообщения института истории и материальной культуры
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, СПб
МГК	Международный геологический конгресс
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
МО	Музейная опись

СА	Советская археология
САГУ	Среднеазиатский государственный университет (г. Ташкент)
САИ	Свод археологических источников
СКАЭ	Северо-Казахстанская археологическая экспедиция
СРКАЭ	Совместная Российско-Казахстанская археологическая экспедиция
Среднеазкомстарис	Среднеазиатский комитет по охране памятников старины, природы и искусства
ТИИАЭ АН КазССР	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
Тр ГИН АН СССР	Труды геологического института Академии наук СССР
Туркомстарис	Туркестанский комитет по охране памятников старины, природы и искусства
УКАЭ	Уральская комплексная археологическая экспедиция
ХАЭЭ	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦКАЭ	Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция
ЦОИКМ	Целиноградский областной историко-краеведческий музей
ЮНЦРАН	Южный научный центр Российской академии наук
INQUA (ИНКВА)	Международная ассоциация по изучению четвертичного периода
INTAS	The International Association for the promotion of cooperation with scientists (Международная Ассоциация для поощрения сотрудничества с учеными)

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

РЕЕСТР ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА

Агайдар (Передержка). Стоянка. Верхний палеолит. Клапчук М. Н., 1963. Подъемные материалы на склоне горы на левом берегу р. Сарысу в 4 км к югу от могил Агайдар. Раньше это место ошибочно было означено «Передержкой». Состав инвентаря: желваки со сколами – 16, нуклеусы – 4, сколы и их сечения – 900, готовые орудия труда (отщепы, пластинки, скребла, скребки, резцы и другие) – 289, отходы – 950. Итого 1872 экз. – МО КОИМК.

Аганбай. Единичные находки. Неолит. Медоев А. Г., 1961. В 30 км на юго-восток от стоянки Караунгур у колодца возле могильника Аганбай собраны с площади 30×40 м: скребок на отщепе, пластинка ножевидная с ретушью, две ножевидные пластинки без ретуши, обломок наконечника дротика, заготовка для наконечника стрелы, отщепы мелких размеров. Всего 11 экз. Материал изделий обычный для стоянок района. Керамика есть (фрагменты), но очень молодая. – Архив А. Г. Медоева.

Азат 3. Стоянка. Неолит. Волошин В. С., 2000. У юго-восточного основания горы Азат возле одноименного родника. Подъемный материал, площадь сборов 140×70 м. Состав инвентаря: 366 каменных артефактов, 15 фрагментов керамики, 1 палеолитическое изделие – Волошин, 2004; Мамиров, 2009, 44-45.

Айбат 1. Стоянка. Неолит. Клапчук М. Н. Находки в районе г. Айбат. Собраны на поверхности: сечения пластинок – 17, скребки на пластинках – 2, скребки на отщепках – 8, трапеции – 1, отщепы и отходы – 50. Итого 78 экз. – МО КОИМК.

Айгыржал. Мастерская. Возраст ?. Находки. М. Н. Клапчука. Нуклеусы – 7, сколы – 70, отщепы – 23. Итого 100 экз. – МО КОИМК.

Айдарлы 1. Стоянка. Энеолит. Клапчук М. Н., 1967. Подъемные материалы у гор Айдарлы, на юго-восток от с. Жамантау, 160 км к юго-востоку от Жезказгана, в 57 км к северу от гор Азат, западнее горы Айдарлы. Стоянка занимает берег и окраину такыра полосой около километра в длину и 20-30 м в ширину. Инвентарь: нуклеусы – 182, фрагменты нуклеусов – 270, сечения пластинок – 30, пластинки-подправки (ребристые ?) – 12, скребки на отщепках – 88, скребки на пластинках – 6, отбойники – 4, наконечники листовидные – 3, мотыга каменная – 1, часть выпрямилки – 1, проколки – 2, резцы – 2,

вкладыш – 1, отщепы и отходы – 1372 экз. Итого 1974 экз. – МО КОИМК, Клапчук, 1968.

Айдарлы 2. Мастерская. Раннее мустье, По М. Н. Клапчуку. 1967. Находится в 160 км к юго-востоку от г. Жезказган, в 57 км к северу от горы Азат, западнее горы Айдарлы. «Местонахождение расположено в районе такыров, за десятки километров от родников и рек. Обитание человека в таком безводном месте могло иметь место в условиях более влажного климата, в пливиале верхнего плейстоцена. О существовании такового говорит наличие в такыре, расположенного рядом с местонахождением, высокого вала, указывающего на довольно высокий уровень воды на такыре в прежнее время. Подъемный материал памятника составляет коллекцию, содержащую более 13 500 предметов. Находки сосредоточены на площадке размером в 50×80. Леваллуазские типы нуклеусов составляют 62%, нелеваллуазские 38%. Серию сколов составляют 523 отщепы, 56 пластин, 90 фрагментов заготовок. Из них 262 отщепы и 24 пластины принадлежат к категории краевых. Среди заготовок встречено 257 нелеваллуазских и 23 леваллуазских форм. Инвентарь местонахождения не отличается единством технико-типологических показателей. Среди готовых орудий преобладают небольшие рубильца – свидетельство глубокой ашельской традиции. На большинстве орудий прослеживается зубчатая ретушь. Аналогичных местонахождению памятнику на сопредельных территориях с Центральным Казахстаном нет, что отражает локальные вариации палеолитических традиций. Анализ индустрии позволил отнести памятник к раннему мустье». – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1968.

Айнабулак. Единичные находки. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Местонахождение открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у озера Айнабулак, что в 40 км от Акчетау на юго-восток. Состав инвентаря: скребок на отщепе – 1, миниатюрные нуклеусы конусовидного и призматического типа – 4, заготовки для нуклеусов – 3, отщепы небольших размеров – 4 экз. Площадь сборов 50×20 м. Остатков керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Акбай-Кызылбай. Стоянка-мастерская. Средний палеолит. Бейсенов А. З., Бексеитов Г. Т. 2005. Находится на северо-восточной окраине одноименного села, в 14 км к юго-востоку от с. Талды. На вершине сопки найдены преформы, пластинчатый отщеп, отщепы с ретушью. – Бейсенов А. З., 2005.

Акбастау 1 и 2. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук, 1966 г. В районе западнее Бесобы, на север от Байбалы. В первом пункте собрано 6 отщепов, во втором – нуклеусы – 2, сечения пластинок – 1, скребки на отщепках – 5, отщепы – 12. Итого 20 экз. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1967.

Акжайлым. Стоянка-мастерская. Средний палеолит (?). А. З. Бейсенов, 2004. Памятник находится на северо-восточной окраине с. Талды, на сопке. Инвентарь: ортогональный нуклеус, пластинчатый отщеп, отщепы с ретушью. – Бейсенов А. З., 2005.

Акжар Стоянка. Эпоха камня. АЭ КарГУ, 1988. На правом берегу р. Байкунур, на первой подпойменной террасе, в 1,5 км к юго-востоку от зимовки Ак-

жар, совхоза Байконурский. Берег сложен серо-желтым суглинком, подвержен водной и ветровой эрозии, поверхностный слой смывается. Подъемные сборы представлены изделиями из серого, желтого, коричневого, черного кварцито-песчанника и яшмокварцита – 2 отщепы с ретушью, 2 пластины (одна с ретушью) и 10 отщепов. – Отчет КарГУ, 1989.

Акирек. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника Кальпе на шлейфе конусов выноса непосредственно у западного склона грядово-увалистого мелкопочника (516,7 м) в 5,7 км к югу от горы Акирек (566,7 м) или 18 км к западу от развалин Кизилкия. Площадь сборов 80×70 м. Инвентарь: скребок из отщепы – 1, мелкие резцы срединного типа из отщепов, обломки ножевидных пластинок (без ретуши) треугольного и трапециевидного сечений – 3, обломок ножевидной пластинки с ретушью со спинки на обоих краях – 1, обломок ножевидной пластинки с ретушью со спинки по одному краю (сечение – трапеция) – 1, заготовка нуклеуса высотой 4,5 см одностороннего призматического типа, ударная площадка (3×1 см) расположена под острым углом – 1, фрагмент нуклеуса клиновидного типа – 1, заготовки и обломки орудий, отщепы, нуклеидные формы. Всего 85 экз. – Архив А. Г. Медоева.

Ак-Кошкар 1. Стоянка. Палеолит (?). Волошин В. С., 1975. Стоянка расположена в 60 км к северо-западу от с. Жанбобек, в 5 км к северо-востоку от местечка Кольжаман, на правом берегу ручья Ак-Кошкар. Исследовалась В. С. Волошиным в 1975 г., 1978 г. и 1980 г. Изучалась стратиграфия, геоморфология, планиграфия находок, проводилась шурфовка. Охранная зона: 300×550 м. На слабо задернованной поверхности найдено большое количество каменных орудий эпохи палеолита: нуклеусы, бифасы, скребла, ножи, отбойники, сколы и т.д. – Волошин В. С., 1980; Мамиров Т. Б., 2009, с. 44-45.

Ак-Кошкар 8. Стоянка (?). Палеолит (?). Мерц В. К., 1979. Стоянка расположена в 16 км к западу от зимовки Карагоин, на вершине сопки, в 1,5 км к западу от русла р. Ак-Кошкар. Открыта в 1979 году разведочным отрядом АЭ ЦОИМК в составе Мерца В. К. и Шевченко Д. Вторично обследован в 1984 году разведочным отрядом АЭ ЦОИМК под руководством Волошина В. С. Культурный слой отсутствует. Находки лежат на поверхности в условиях, близких к первоначальным, образуя скопления на вершине и склонах сопки. – Волошин В. С., 1980; Мамиров Т. Б., 2009, с. 44-45.

Аккудук 1-4. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М. Н. Находки собраны на юго-востоке от с. Жамантау. Состав инвентаря: сечения пластинок – 7, скребки на отщепе – 6, скребки на пластинках – 5, вкладыши – 2, трапеции – 3, резцы – 1, фрагменты керамики – 3, отщепы – 97. Итого 124 экз. – МО КОИМК

Аксу-Аюлы. Стоянка. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1963. Местонахождение бронзового века расположено в селении Аксу-Аюлы. Состав инвентаря: фрагмент нуклеуса – 1, сечения ножевидных пластинок – 11, скребки на отщепе – 3, мотыги каменные – 3, керамика (фрагменты) – 20, отщепы и отходы – 26. Итого 64 экз. – МО КОИМК.

Актас. Стоянка. Эпоха камня. Новоженев В., Чиндин А., 1988. Памятник расположен на правом берегу р. Байконур, в 0,8 км к северу от зимовки Кызыл Адыр. Разрушается грунтовой дорогой. На ровной, слегка задернованной, покрытой серо-желтым суглинком и разреженной растительностью поверхности обнаружены поделки из серого, черного, коричневого цвета кварцито-песчанника и яшмокварцита – отщепы, пластины и орудия на отщепе. – Новоженев В., Чиндин А., 1989.

Акчатау. Стоянка. Неолит, энеолит. Чиндин А. Ю., 1988. У родника вблизи трассы Караганда – Балхаш, в Актогайском районе Карагандинской области. Подъемный материал и в слое до глубины 0,2 м. Состав инвентаря: 15 изделий, 235 отщепов, 58 пластин. Мамиров, 2009, с. 49.

Акшоки. Единичные находки. Неолит. Медоев А. Г., 1961. У родника, юго-восточное подножье Акшоки, в 16,5 км на юго-восток от стоянки Караунгур, находки неолитических изделий на площади 20 x 20 м на поверхности. Состав инвентаря: наконечник стрелы лавролистной формы – 1, отщепы мелкие в – 23 экз. Кварцит, яшмокварцит. Керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Алатакыр 1-5. Стоянка. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1967. – МО КОИМК.

Алатакыр 1. Состав инвентаря: нуклеусы – 4, скребки на отщепе – 2, наконечники – 4, пластины – 3, отщепы – 130. Итого 143 экз.

Алатакыр 2. Состав инвентаря: наконечники – 2, отщепы – 31. Итого 33 экз.

Алатакыр 3. Состав инвентаря: наконечники – 2, отщепы – 14. Итого 16 экз.

Алатакыр 4. Состав инвентаря: нуклеус – 1, отщепы – 106. Итого 107 экз.

Алатакыр 5. Состав инвентаря: нуклеус – 1, отщепы – 17. Итого 18 экз.

Алтынказык. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника на слабоволнистой денудационной равнине в 3,5 км на север от высоты Алтын-Казык (725,7 м) или в 7,7 км к востоку от реки Бурген. Площадь сборов 40×40 м. Состав инвентаря: боковой скребок – 1, микроскребок с выемкой – 1, скребки из отщепов с выпуклыми лезвиями – 5, вогнутый скребок из отщепы – 1, обломки ножевидных пластинок треугольного и трапециевидного сечения (без ретуши), длиной от 0,5 см до 2,5 см, шириной от 0,5 до 1,5 см.) – 25, обломки ножевидных пластинок с ретушью со спинки по одному краю – 2, по двум краям – 2, и с брюшка по одному краю – 2; по двум краям – 1, с противоположной ретушью (спинка – брюшко) – 2; ножевидная пластинка с ретушированной выемкой – 1, обломок ножевидной пластинки с притупленным краем – 1, резцы срединного типа из отщепов – 3, мелкие отщепы и обломки орудий – 36 (многие отщепы с ретушью); проколка из отщепы – 1; миниатюрный диск двустороннего типа, диаметром 2 см, толщиной 1,2 см. Материал: кремнистый алеврит коричневого цвета, кварцит разных оттенков серого и коричневого цвета, яшмо-кварциты различных цветов, порфир серого цвета, опал. – Архив А. Г. Медоева.

Ангренсор 1 и 2. Стоянка. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1966. В районе озера Ангренсор, на северо-запад от пос. Майкаин.

Ангренсор 1. Инвентарь: нуклеусы – 17, отщепы – 230, пластинки – 65, скребла и их заготовки – 6, скобели – 20, скребки на отщепах – 13, концевые скребки – 2, зубчатые орудия 7, резцы – 10, орудия из отщепов – 90, орудия из пластин – 4, фрагменты наконечников дротиков – 5, рубящие орудия и их заготовки – 1, тесла – 2, отходы – 707. Итого 1088 экз.

Ангренсор 2. Инвентарь: отщепы – 60 экз. – Клапчук М. Н., 1966; МО КОИМК.

Аркарлы. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа в горах Аркарлы у родника, что в 128,5 км на северо-восток от стоянки Караунгур. Сборы дали смешанный инвентарь: палеолит + неолит. Последний представлен микролитическими формами следующего состава: скребки различных форм на отщепах – 159, нуклеусы небольших размеров с вертикальными негативами сколов и слегка скошенными ударными площадками – 7, ножевидные пластинки с ретушью и без оной – 125, наконечники стрел – 3, отщепы небольших размеров – свыше 1000 экз. Керамики нет. Материал изделий очень разнообразный, преобладают кремни, яшмокарциты. Площадь стоянки 100×100 м. Немного севернее стоянки у родника Акшира на выходах коренных пород имеются многочисленные наскальные изображения. – Архив А. Г. Медоева.

Ацилы. Единичные находки. Неолит (?). Местонахождение расположено в 5 км к северо-востоку от зимовки Лакпай совхоза Байконурский по левому берегу р. Ацилы, левого притока р. Байконур. Инвентарь: преформа нуклеуса – 1, пластины – 8. – Мамиров Т. Б. и др., 2009, с. 48.

Ащиозек. Единичные находки. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Сухое русло р. Ащиозек. На днище долины в 18 км на юго-восток от стоянки Караунгур находки микролитических изделий. Площадь сборов 100×50 м. Инвентарь: фрагмент скребка на отщепе – 1, наконечник стрелы лавролистной формы – 1, нуклеидный предмет – 1, отщепы небольших размеров – 2 экз. – Архив А. Г. Медоева.

Арысқум. Единичные находки. Неолит. Находки тов. Авербука (инициалы не указаны – авт.) в 1964 г. Инвентарь: наконечник стрелы (фрагмент) – 1, отщеп – 1. Всего 2 экз. – МО КОИМК.

Атасай. Стоянка. Палеолит (?). Танцюра В. С., Клапчук М. Н., 1968. Находки в районе озера Атасай. Инвентарь: заготовки орудий – 25, орудия палеолитического облика – 15, отщепы – 52, нуклеусы – 11, скребла – 4, скребки – 3, скобели – 4, зубчатые орудия – 1, пластинки – 8. Итого 150 экз. – МО КОИМК.

Ашкатын 1 и 2. Единичные находки. Бронзовый век (?). Клапчук М. Н., 1964. Находки собраны в 22 км к востоку от пос. Кенсе в котловинах выдувания на бархане, у топких мест.

Ашкатын 1. Инвентарь: – кусок породы со сколами – 1, отщеп – 1, наконечник стрелы – 1, фрагменты керамики – 3. Итого 6 экз.

Ашкатын 2. Инвентарь: – пластинки – 2, отщепы – 5, фрагменты керамики – 2. Итого 9 экз. – МО КОИМК.

Байбаба 1 и 2. Единичные находки. Бронзовый век (?). Клапчук М. Н., 1964. Находки собраны в 22 км к северу от горы Жаман, к востоку от могилы Байбаба (пункт 1) и в 1 км к востоку от могилы Байбаба на вершине бархана (пункт 2).

Байбаба 1. Инвентарь: – сечения пластинок – 3, фрагменты наконечников стрел – 1, фрагменты наконечников дротиков – 1, скребки на отщепах – 1, фрагменты керамики – 2, отщепы – 45. Итого 53 экз.

Байбаба 2. Инвентарь: пластинки – 2, скребки на отщепах – 1, отщеп – 1, отходы – 30. Итого 34 экз. – МО КОИМК.

Байконур 1. Стоянка. Неолит. Расположено в 3 км к ЮЗ от Байконура. Открыл 27.05. – 1963 г. В. С. Танцюра. Инвентарь: сечения пластинок – 24, отщепы – 101. Всего 125 экз. – МО КОИМК.

Байконур 10. Стоянка. Эпоха камня. Новоженев В., Чиндин А., 1988. Стоянка находится на левом берегу р. Байконур, в 1,5 км к северо-востоку от зимовки Акжар. На ровной слегка задернованной поверхности, покрытой светло-желтым суглинком, фиксируются кремневые орудия и фрагменты керамики. – Новоженев В., Чиндин А., 1989.

Бала-Кундузды 1-3. Единичные находки. Эпоха бронзы (?). Клапчук М. Н., 1966. находки собраны по берегам р. Бала-Кундузды в 4-5 км от свх. им. Чапаева. Инвентарь: фрагменты керамики – 4, отщепы – 2. Итого 6 экз. – МО КОИМК.

Бале. Стоянка-мастерская. Древний палеолит. Медоев А. Г., 1961. Расположена вдоль южных склонов гор Бале на шлейфах конусов выноса. Многочисленные образцы леваллуа-ашельской индустрии из местных порфиринов. Поздний или финальный ашель. – Архив А. Г. Медоева.

Барыбас 1, 2, 4, 5. Стоянка. Неолит, эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1967. Сборы к северо-западу от озера Басюган.

Барыбас 1. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 50, скребки на пластинках – 3, скребки на отщепах – 8, скребла – 1, вкладыши – 2, проколки – 1, отщепы – 322. Всего 389 экз.

Барыбас 2. Инвентарь: сечения пластинок – 15, скребки на отщепах – 14, скребки на пластинках – 3, фрагменты наконечников стрел – 2, заготовки наконечников дротиков – 2, наконечники стрел – 3, отщепы – 203. Итого 242 экз.

Барыбас 4 Инвентарь: сечения ножевидных пластинок – 6, скребки на отщепах – 10, скребки на пластинках – 3, наконечники стрел – 1, проколки – 2, отщепы – 150. Всего 182 экз.

Барыбас 5 Инвентарь: нуклеусы – 11, сечения пластинок – 17, скребки на пластинках – 2, скребки на отщепах – 11, проколки – 2, мотыговидные орудия – 3, наконечники стрел – 1, слитки меди – 2, отщепы – 87. Итого 136 экз. – МО КОИМК.

Басюган, Басюган 1. Стоянка. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1967. Находки в районе оз. Басюган.

Басюган. Инвентарь: фрагменты нуклеусов – 2, сечения пластинок – 47, вкладыши – 3, трапеции – 2, скребки на отщепах – 5, скребки на пластинках – 5, отходы – 81. Итого 145 экз.

Басюган 1. Инвентарь: нуклеусы – 1, сечения пластинок – 8, скребки на отщепках – 1, шило – 1, отходы – 22. Итого 33 экз. – МО КОИМК.

Батпак 1. Единичные находки. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1960. Местонахождение бронзового века Батпак 1, расположено на правом берегу одноименного ручья ниже старой плотины за плантациями. Инвентарь: кости животных – 1, фрагменты керамики – 4, отщепы – 7, итого 13 экз. – МО КОИМК.

Батпак 2. Единичная находка. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1960. Местонахождение расположено у переезда через р. Батпак на северо-восточной окраине одноименного селения. Инвентарь: скребок на отщепе – 1 экз. – МО КОИМК.

Батпак 3. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1960. Сборы в месте впадения в р. Батпак первого левобережного притока, сразу же за постройками с. Батпак. Инвентарь: нуклеус – 1, скребок на отщепе – 1, наконечник стрелы (фрагмент) – 1, резец – 1, пластинка – 1. Всего 5 экз. – МО КОИМК.

Батпак 4. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1960. Сборы в 0,1 км ниже впадения в ручей Батпак первого левобережного притока за северо-восточными постройками с. Батпак. Инвентарь: нуклеусы – 2, отщепы – 2, всего 4 экз. – МО КОИМК.

Батпак 5. Единичные находки. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1960. Местонахождение бронзового века расположено ниже плотины по р. Батпак. Инвентарь: фрагменты керамики – 15, напярало – 1, скребки – 4, фрагмент режущего орудия – 1, сечение ножевидной пластинки – 1, отщепы и отходы – 8. Всего 30 экз. – МО КОИМК.

Батпак 6. Единичные находки. Палеолит (?). Клапчук М. Н., 1960. Местонахождение расположено между точкой Батпак 5 и впадением в р. Батпак третьего безымянного ручья. На местонахождении были найдены каменные предметы, по утверждению М. Н. Клапчука, принадлежавшие верхнепалеолитическому человеку: массивный концевой скребок на короткой пластине трехгранного сечения – 1, скребки на небольших отщепках – 2, пластинка – 1, отщепы из глинисто-кремнистых пород – 2. – Клапчук М. Н., 1967.

Батпак 7. Поселение (?) эпохи бронзы. Клапчук М. Н., 1966. Осакаровский р-н Карагандинской области, с. Батпак. Инвентарь: нуклеусы – 9, сечения пластинок – 85, вкладыши – 7, фрагменты наконечников стрел – 9, скребок на пластинке – 1, скребки на отщепках – 29, фрагменты мотыги – 2, отходы и отщепы – 293, плитка округлая 1, керамика 1. Всего 437 экз. – МО КОИМК.

Батпак 8. Мастерская. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1962. В 4 км от с. Батпак, Осакаровский р-н Карагандинской области, на правом берегу р. Батпак и его оврага на желто-буром суглинке верхне-плейстоценового возраста. Инвентарь: нуклеусы – 1, сколы – 142, отходы – 1057. Итого 1200 экз. – МО КОИМК.

Батпак 9. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1960. Сборы по р. Батпак. Инвентарь: скребки – 6, сечения пластинок – 3, шарики метательные – 1, отщепы – 64. Всего 74 экз. – МО КОИМК.

Батпак 12. Мастерская. Палеолит (?). Клапчук М. Н., 1966. Находки палеолитического облика собраны на поверхности почвы и в процессе раскопок

на площади 12 м² влево от дороги от селения Батпак на сопку, на правом берегу одноименного ручья, на мысовидной площадке между двумя промоинами. На стоянке раскопана площадь в 12 кв. м, на глубину до 0,65 м. Основная масса находок залегала на глубине до 0,20 м в горизонтальном положении. Ниже по разрезу находки встречались реже, причем, как правило, вертикально в трещинах усыхания. Инвентарь: обломки породы со следами сколов – 5, сколы типа отщепов – 242, сколы типа пластинок – 30, отходы – 976. Итого 1253 экз. Клапчук датирует стоянку средним палеолитом. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1967

Батпак 13-15. Единичные находки. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1967. Сборы в долине р. Батпак.

Батпак 13. Инвентарь: пластинки ножевидные – 12, скребки на отщепках – 1, вкладыши – 1, ножи на пластинках – 1, фрагменты наконечников стрел и дротиков – 2, отходы – 41 экз.;

Батпак 14. Инвентарь: ножевидные пластинки – 12, ножи – 3, отходы – 56 экз.;

Батпак 15. Инвентарь: ножевидные пластинки – 10, скребки на отщепках – 1, ретушированные пластинки – 1, отходы – 11 экз. Всего 149 экз. – МО КОИМК.

Батырбулак I. Стоянка. Эпоха камня. Усманова Э. Стоянка расположена в 5 км на северо-восток по дороге в г. Аркалык от села Улытау, в 400 м от дороги на восток, в 30 м от линий электропередачи на I-ой коренной надпойменной террасе. Высота террасы около 4 м. Стоянка находится на берегу ручья Батырбулак. Памятник открыт разведочной археологической группой Усмановой Э. Р. Собранная коллекция включает в себя 45 орудий труда: пластины ножевидные – 7 экз., скребки – 16 экз., резцы – 3 экз., отщепы с рабочими краями – 20 экз. – Усманова Э. Р.

Бегене-булак. Стоянка. Палеолит + неолит. Улытауский район Карагандинской области. Географические координаты: N=48°59'16.3», E=068°18'39.4», h=538м. Стоянка находится в 14 км к юго-западу от п. Мугатекс (?), в 23 км западнее п. Шубарколь, возле родника Бегене-булак у подножия скалистой сопки, в 550 м севернее водовода и грейдера Шубарколь-Улытау, в 70 м к северо-западу от позднесредневекового казахского кладбища, состоящего из глинобитных мазаров и небольших каменных набросов, маркирующих захоронения. Изделия каменной индустрии распространены по площади 50×30 м, вытянутой с севера на юг. Судя по степени дефляции и типологии артефакты можно подразделить на две группы: палеолитическую (?) и голоценовую. – Мамиров Т. Б. и др., 2009, с. 66-76.

Бейт. Единичные находки. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Местонахождение открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника Бейт, что в 12 км на юго-восток от Акчетау. Состав инвентаря: скребки на отщепках – 6; фрагменты ножевидных пластинок – 19, некоторые с ретушью по краям; отщепы небольших размеров – 27. Остатков керамики у родника нет. Инвентарь залегал на площади 50×25-30 м. – Архив А. Г. Медоева.

Бектау-Ата 1-2. Единичные находки. Неолит (?). Местонахождения расположены в 3,5 км к юго-западу от пос. Бектау-Ата. пункт

Бектау-Ата. Инвентарь: скребок – 1, пластины – 2, отщепы – 4;

Бектау-Ата 1. Инвентарь: нуклеус – 1, скребки – 2, пластины – 2, отщепы – 3;

Бектау-Ата 2. Инвентарь: концевой скребок – 1, симметричная трапедия без вторичной обработки – 1, пластины – 4, отщепы – 24 экз. – Мамиров Т. Б. и др., 2009, с. 42-43.

Бектау-Ата, поселение. Эпоха бронзы. Расположено в горном массиве-оазисе Бектау-Ата, в 80 км к северо-востоку от города Балхаш. Раскопки в 1989 г. Культурный слой мощностью 0-40 см. 482 артефакта: мотыги, дисковидные орудия, «нуклеус аморфной формы», скребки из отщепов, наконечники, керамика: фрагменты от 14 сосудов баночных, 12 горшковидных, орнаментированных. – Мамиров Т. Б. и др., 2009, с. 52-53.

Белеуты. Стоянка. Неолит. К. А. Акишев, 1974. Западная часть Бетпакдалы в районе реки Калмаккырылган-Белеуты (Карсакапайский район Жезказганской области. Первая надпойменная терраса правого берега р. Белеуты. – Акишев К. А., 1976; Мамиров Т. Б. и др., 2009, с. 27.

Белеуты 1. Стоянка. Эпоха бронзы. Танцюра В. С., 1963. Расположена у скв. 54 по речке Белеуты. Инвентарь: нуклеус – 1, отщепы – 94, керамика (фрагменты) – 135 экз. – МО КОИМК.

Бирюк. Единичные находки. Неолит – эпоха бронзы. Седов Н. В. (1967?). Район станции Бирюк, в 4 км к северу от (разъезда ?) 113 км. Древняя долина, Q₂, поверхностные находки: отщепы – 8, пластины – 1, скребки на отщепе – 1, дополнительные материалы разные (?). Итого 657 экз. – МО КОИМК.

Борибас 1 и 2. Стоянки. Палеолит (?), неолит – эпоха бронзы. Маргулан А. Х., 1947. Расположены в 18 км ниже ст. Кзылжар на обоих берегах р. Сарысу. Открыта и обследована А. Х. Маргуланом в 1947 г., вторично осмотрена М. Н. Клапчук в 1962 г., «который неверно называл ее «Кзылжар 20», поскольку стоянку Борибас отделяют от группы Кзылжар песчаные барханы и значительное расстояние в 18-27 км». Борибас I расположена на правом берегу, Борибас 2 – на возвышенной террасе, составляющей древний левый берег р. Сарысу. Контур стоянки с культурными остатками вытянут с севера-запада на юго-восток, площадь 1800 м². В 1947 г. на поверхности стоянки собрано несколько десятков каменных предметов, среди них нуклеус (I), ножевидные пластинки крупных размеров, наконечники копий из опала и кремня, массивные концевые скребки и отщепы. По крупной величине и архаически грубому облику они отнесены к самому раннему этапу неолита или эпипалеолиту (определение П. П. Ефименко). Тогда же исследованы остатки неолитического жилища в виде темного пятна круглой формы, обведенного кольцом из крупных камней, диаметром 5 м. Вне пятна прослежен каменистый очаг, вокруг которого подобраны кремневые предметы». В 1967 г. на стоянке Борибас был заложен шурф, показавший яму (углубление), в которой было обнаружено место древней плавки меди, которое характеризуется скоплением золы, угольков и обгоревших зу-

бов животных. На дне ямы были четыре слитка меди и малахитовая руда. Вокруг ямы-очага собраны десятки каменных изделий, отходов производства и каменные мотыги. На стоянке Борибас I встречена серия крупных дисковидных орудий, служивших грузилами для рыболовной сети и орудия типа мотыги. Дисковидные орудия изготовлены из мелкозернистого зеленоватого диабазы, грубо оббиты по круглому краю. Найдено три диска диаметром от 7 до 9 см. Такой же диск найден профессором А. Н. Формозовым на стоянке Тузды-Сай, на правом берегу р. Сарысу ниже Каражара. На стоянке А. Х. Маргуланом найдены мотыги из диабазы подтреугольной формы с выемкой для привязывания рукоятки.

Стоянка-мастерская Борибас 2 расположена на левом берегу р. Сарысу, в полукилометре на юг от стоянки № 1, представляет собой бугорки каменной осыпи толщиной до 30-40 см, вокруг которых большое скопление отколов и отщепов. Возле каменных осей прослежены остатки древних очагов, сложенных из каменных блоков в виде круга. Некоторые из них хорошо сохранили первоначальную форму. Судя по большому скоплению производственных отходов и обломков орудий, здесь была стоянка с мастерской по заготовке каменных орудий. – Маргулан А. Х., 1998, с. 42.

Борибас 5. Стоянка. Эпоха камня. Клапчук М. Н., 1967. Стоянка находится у северного, обращенного в сторону р. Сарысу, подножья сопки, на небольшой площадке, поверхность которой в настоящий момент покрыта щебнем и глыбами. Рядом с одной глыбой неглубоко в земле был найден клад, состоящий из четырех слитков меди и малахитовой руды, размещавшейся в углублении между слитками. Большинство находок довольно больших размеров, в том числе каменные мотыги. Не исключена возможность, что здесь имеем дело с тем же памятником, который в 1940 г. исследовал А. Х. Маргулан. – Клапчук М. Н., 1967.

Булды. Единичные находки. Неолит. Клапчук М. Н., 1964. Урочище Булды в 62 км к юго-востоку от Кенсе. Инвентарь: фрагменты скребков – 1, отщепы – 4. Итого 5 экз. – МО КОИМК.

Бурма. Стоянка-мастерская. Палеолит (позднее мустье). Артюхова О. А., 1981. Находится в междуречье рек Жаксы-Сарысу и Жаман-Сарысу, на левом берегу р. Жаксы-Сарысу, в 3 км к западу от вершины Бурма. Географические координаты: N=48°41,140'; E=072°30,500'; h=576 м. Артефакты залегали на денудационном увале, сложенном известняками с включениями кремнистых пород. Проанализирована часть коллекции – 4033 экз.: нуклеусы – 42, преформы – 207, технические сколы – 65, бифасиальные орудия – 10, трехгранные изделия – 189, отщепы, краевые и полукраевые сколы, целые и фрагментированные – 2241, пластины – 37, обломки – 638, орудия: сколы леваллуа – 24, скребла разных типов – 34, скребки – 46, резцы – 8, зубчатые орудия – 258 и т. д. – Артюхова О. А., 2013, с. 28-51, 139-141.

Быруйнак – местонахождения неолита на левом берегу р. Сарысу, в районе горы Быруйнак, к северо-западу от нее, на территории совхоза Жетыкунурский. Сборы Клапчука М. Н., 1966-1967 гг.

Быруйнак 1. Инвентарь: гальки со сколами – 2, скребки – 3, отщепы – 48. Итого 53 экз.

Быруйнак 2. Инвентарь: нуклеусы – 20, сечения пластинок – 90, скребки на отщепе – 35, скребки на пластинках – 7, наконечники дротиков – 2, резцы – 2, вкладыши – 1, гальки со сколами – 9, проколки – 1, отщепы и отходы – 1023. Итого 1191 экз.

Быруйнак 5. Инвентарь: сечения пластинок – 14, скребок на отщепе – 1, отщепы и отходы – 102. Итого 117 экз.

Быруйнак 6. Инвентарь: галечные орудия – 8 экз.

Быруйнак 9. Инвентарь: галька со следами сколов – 1, скребки на отщепе – 2, скол – 1. Итого 4 экз. – Мамиров Т. Б. и др., 2009, с. 22; МО КОИМК.

Докейкызыл. Стоянка. Неолит. Артюхова О. А., 1982. Стоянка приурочена к роднику у северного подножия г. Докейкызыл, открыта в 1982 г. Коктенколь-Кайрактинской экспедицией ИГН АН КазССР. Сборы произведены на площади 7×7 м на насыпи вокруг колодца и на склоне увала к западу от колодца и водотока на площади 30×40 м. По сырью и типологии явных различий между образцами, собранными на насыпи и на склоне увала, нет, поэтому материал рассматривается совокупно. Каменный материал представлен 339 образцами, из них 57 предметов со вторичной обработкой. Отходы производства небольших размеров: обычная длина 11-30 мм, ширина 11-20 мм, толщина 3-6 мм. – Архив ИА МОН РК.

Егимдыбулак. Единичные находки. Неолит. Медоев А. Г., 1961. У родника Егимдыбулак, что в 42,5 км на юго-запад от Акчетау (Акшетау?). Состав инвентаря: скребки на отщепе – 8, наконечник стрелы с прямым основанием (фрагмент) – 1, ножевидные пластинки с ретушью – 2, отщепы небольших размеров – 5 экз. Площадь залегания 20×20 м. Остатков керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Джезды. Стоянка. Неолит-энеолит. АЭ КарГУ, 1988. Стоянка расположена в 1 км от п. Джезды, выше по течению одноименной реки, в 0,5 км от каменной плотины. Памятник находится на низком левом берегу, на мысу при повороте речного русла. За последние десятилетия уровень грунтовых вод резко упал, обнажилось дно многих плёсов, само русло углубилось. Поэтому высота террасы определяется условно, от первоначального уровня – 2-3 м. Стоянка обнаружена разведочной группой археологической экспедиции Карагандинского государственного университета в составе Чиндина А. Ю., Новоженова В. А., Мазниченко А. П. в 1988 году. Кремневые находки были обнаружены на поверхности в местах разрушения слабого почвенного слоя и на грунтовой дороге. Вблизи от центра скопления находок и в удалении от берега были заложены два шурфа площадью по 1 кв. м. Артефактов в шурфах не обнаружено. Инвентарь: кремнёвые желваки – 5, отщепы без ретуши – 27, отщепы с ретушью – 5, скобель на отщепе – 1, пластины с ретушью – 3, фрагменты керамики – 8. – Чиндин и др., 1989.

Джезды 3. Единичные находки. Неолит. Клапчук М. Н., 1967. У колодца Коскудук, на восток от г. Жаман-Айбат. Инвентарь: скребок – 1, отщепы – 29. Итого 30 экз. – МО КОИМК.

Докейкызыл. Стоянка. Неолит. Артюхова О. А., 1982. Стоянка приурочена к роднику у северного подножия г. Докейкызыл. Русло родника расчищено, вдоль правого берега тянутся отвалы расчистки. В 5 м к северо-западу от родника сооружен колодец с искусственной насыпью, водостоком из бетона для водопоя скота. Сборы произведены на площади 7×7 м на насыпи вокруг колодца, состоящей из суглинка с дресвой и на элювиально-делювиальных отложениях склона увала к западу от колодца и водотока на площади 30×40 м. По сырью и типологии явных различий между образцами, собранными на насыпи и на склоне увала, нет, поэтому материал рассматривается совокупно. Каменный материал представлен 339 образцами, из них 57 экз. со вторичной обработкой. Отходы производства небольших размеров: обычная длина 11-30 мм, ширина 11-20 мм, толщина 3-6 мм. – Артюхова О. А., 1984

Домалак. Стоянка. Эпоха палеолита. 2004. Памятник находится в 28 км северо-северо-западнее п. Моинты. Расположен на вершине скалистой сопки в 35 м западнее ЛЭП, в 30 м западнее грунтовой дороги. Географические координаты N=47°27'41.2"; E=073°13'20.4"; h= 735 м/В 2004 г. исследована совместным археологическим отрядом областной гос. инспекции по охране историко-культурного наследия и КарГУ им. Е. А. Букетова. Артефакты из яшмы собраны вокруг кургана на площади 50 м². Инвентарь: 1) двухплощадочный монофронтальный нуклеус параллельного принципа снятия подчетырёхугольной формы; 2) бифасиально обработанное предорудие; 3) двухплощадочный нуклеус со встречным скалыванием. Негативы разного размера; 4) одноплощадочный монофронтальный нуклеус; 5) пренуклеус; 6) радиальный нуклеус; 7) заготовка на отщепе. Ретушь крупнофасеточная; 8) подперекрестный отщеп без ретуши; 9) пирамидальный нуклеус; 10) пластина с крупной притупляющей ретушью; 11-12) отщепы без вторичной обработки; 13) нуклевидная плитка (?); 14) «шаровидная пластина» (?); 15) зубчатый скребок с мелкой ретушью; 16) нуклеус подпрямоугольной формы параллельного скалывания; 17-19) отщепы без вторичной обработки; 20) «двухплощадочный бифронтальный нуклеус, скалывание параллельно по фронту» (?); 21) преформа нуклеуса; 22) нуклевидная плитка; 23) Ортогональный отщеп с зубчатой ретушью; 24-35) отщепы без вторичной обработки. Авторы предположительно датируют местонахождение верхним палеолитом. – Научный отчет «Комплексное обследование...», 2004.

Дюсембай 1. Стоянка. Неолит. Танцюра В. С., 1963. На левом берегу р. Дюсембай в 32 км к югу от пос. Карсакпай. Инвентарь: нуклеусы – 11, сечения пластинок – 209, скребки на отщепе – 47, скребки на пластинках – 12, трапеции – 2, вкладыши – 4, наконечники стрел – 6, наконечники дротиков – 2, резец – 1, отщепы и отходы – 1025. Итого 1319 экз. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1963.

Дюсембай 2. Стоянка. Эпоха бронзы. Танцюра В. С., 1963. На левом берегу р. Дюсембай в 32 км к югу от пос. Карсакпай. Инвентарь: нуклеус – 1, скребки на отщепе – 6, скребки на пластинках 2, наконечники стрел – 6, наконечник

дротика – 1, фрагменты керамики – 11, отходы – 199. Итого 226 экз. – МО КОИМК Клапчук М. Н., 1963.

Дюсембай 3. Стоянка. Энеолит. Танцюра В. С., 1963. На правом берегу реки Дюсембай в 32 км к югу от пос. Карсакпай. Инвентарь: нуклеусы – 14, сечения пластинок – 158, скребки на отщепе – 19, скребки на пластинках – 81, наконечники стрел – 27, наконечники дротиков – 6, фрагменты керамики – 81, отщепы, отходы – 1074. Итого – 1587 экз. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1963.

Дюсембай 4. Стоянка. Энеолит. Танцюра В. С., 1963. На левом берегу реки Дюсембай в 32 км к югу от пос. Карсакпай. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 173, скребки на отщепе – 4, скребки на пластинках – 4, наконечники стрел – 11, вкладыш 1, проколка из кости – 1, фрагменты керамики – 46, отщепы, отходы – 554. Итого – 730 экз. – МО КОИМК.

Дюсембай 5. Стоянка. Энеолит. Танцюра В. С., 1963. 2,7 км к юго-западу от высоты 510,6 м на правом берегу р. Дюсембай. Инвентарь: скребки на пластинках – 2, отщепы – 162. Итого 164 экз. – МО КОИМК.

Жаман 1. Единичные находки. Неолит. Клапчук М. Н., 1964. В 10 км к северо-западу от высоты Жаман, на левом берегу сая. Инвентарь: нуклеус – 1, пластинка – 1, скребок на пластинке – 1, отщепы – 22. Итого 25 экз. – МО КОИМК.

Жаман 3. Стоянка. Неолит. Клапчук М. Н., 1964. В 8-9 км северо-западнее от высоты Жаман на левом берегу сая, у водоема. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 46, фрагменты наконечников стрел – 3, фрагменты наконечников дротиков – 3, скребки на пластинках – 8 скребки на отщепе – 42, трапеция – 1, отщепы и отходы – 400. Итого 505 экз. – МО КОИМК.

Жаман-Айбат 1-2. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1964. Расположено в 11 км к югу от вершины хребта Жаман-Айбат на бархане у лога. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 60, фрагмент наконечника стрелы – 1, наконечник дротика – 1, скребки на пластинках – 7, трапеция – 1, просверленная плитка – 1, отщепы и отходы – 320. Итого 394 экз. – МО КОИМК.

Жаман-Айбат 3. Местонахождение. Эпоха бронзы. В 10 км от вершины хребта Жаман-Айбат (к югу), на южном склоне террасовидного уступа. Инвентарь: фрагменты керамики – 32 экз. – МО КОИМК.

Жаман-Айбат 4-5. Местонахождение. Палеолит (?). Клапчук М. Н., 1964. Расположено на одном из мысов в 10 км к югу от вершины хребта. Инвентарь: желваки и обломки породы со следами снятия единичных сколов – 38, нуклеусы – 45, сколы и их фрагменты – 569, готовые орудия труда (клетонские выемчатые орудия, скребла, рубила, и др. грубые рубящие орудия) – 36, отходы – 114. Всего 802 экз. – МО КОИМК.

Жаманжол 1, 2. Единичные находки. Неолит. Клапчук М. Н., 1966. Сборы в районе с. Жаманжол, на север от Красной Поляны.

Пункт 1. Инвентарь: скребок на отщепе – 1, наконечник стрелы – 1, фрагмент керамики – 1, отщепы – 5. Итого 8 экз.

Пункт 2. Инвентарь: пластинка – 1, отщепы – 3. Итого 4 экз. – МО КОИМК.

Жаман-Тагылы 1. Стоянка. Неолит. Артюхова О. А., 1982. Стоянка расположено у родника с отметкой 636,8 м у юго-западной оконечности гор Жаман-Тагылы (междуречье Жаман-Сарысу и Жаксы-Сарысу). Родник представляет собой два водоема размерами 10×18 и 5×7 м, расположенные у подножия невысокого увала на расстоянии около 20 м друг от друга. Водоемы с юга, юго-запада и юго-востока огорожены насыпями. Родниковые воды накапливаются в водоемах и стекают по двум руслам, сливаясь примерно в 100 м к югу от насыпей. Берега русел поросли осокой, вытоптаны и унавожены. На открытых участках собраны разрозненные образцы каменной индустрии – всего 99 образцов, значительная часть которых (31 экз.) представлена орудиями и нуклеусами. Среди сколов велико количество пластин – 24,7%. – Артюхова О. А., 1984.

Жаман-Тагылы 2. Стоянка. Неолит. Артюхова О. А., 1982. Стоянка находится на денудационной равнине в 5,5 км к югу от вершины Жаман-Тагылы, в 1 км к северо-западу от русла р. Слу-Айса, у родника с отметкой 635,8 м, приуроченного к подножию денудационного увала. Поверхность вокруг родника нарушена земляными работами при устройстве водоемов для водопоя скота, задернована, местами занавожена, лишь изредка встречаются обнаруженные участки вдоль русел родника. На памятнике собрано 42 экз. каменных образцов и 1 железный наконечник стрелы. Отходы производства очень небольших размеров: лишь 2 скола достигают 31 мм в длину. Сравнительно много пластин – 12 экз. 18 образцов имеют вторичную обработку или следы использования: 2 скребка, 1 зубчатое орудие, 4 пластинки с ретушью, 5 сечений пластинок со следами использования, 6 обломков отщепов с ретушью. – Артюхова О. А., 1984

Жамантау 1. Местонахождение. Неолит (?). Симутина Л. С. Расположено на южном склоне горы Жамантау. Инвентарь: нуклеусы – 6, пластины – 9, скребок – 1, отщепы – 15. Всего 32 экз. – МО КОИМК.

Жамантау 2. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1964. Артефакты собраны на западном отроге горы Жамантау. Инвентарь: куски породы со следами сколов – 4, отщепы – 25. Итого 29 экз. – МО КОИМК.

Жанай. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1969. Расположено в 18 км к северо-северо-западу от рудника Жезказган, на южной окраине аула. Инвентарь: нуклеусы – 3, фрагменты наконечников дротиков – 4, скребки на отщепе – 7, сечения ножевидных пластин – 12, фрагменты керамики – 4, кусочки малахитовой руды – 17, осколки и отходы – 98. Итого 145 экз. – МО КОИМК.

Жаманшлык. Единичные находки. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Урочище Жаманшлык. У водокачки, в 47,5 км от Акчетау (Акшетау?) на юго-запад, на поверхности собран инвентарь: скребок на отщепе – 1, обломок узкой пластинки с трапецевидным сечением – 1, обломок широкой (2 см) пластинки с ретушью по краям (с брюшка) – 1, отщепы небольшие (5×3 см) – 3 экз... – Архив А. Г. Медоева.

Жандыбай. Единичные находки. Неолит. Танцюра В. С. В бассейне лога Кенжебайсай. Инвентарь: скребок, пластина. Всего 2 экз. – МО КОИМК.

Жезказган I (группа неолитических стоянок **Таскудук и Соркудук**). Стоянки. Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1945-1948. расположен в 15 км к северу от рудника Жезказган I в долине протока. Впервые обследован сотрудниками геологического отдела Жезказганского мелькомбината в 1945 г. и археологом Н. В. Валукинским в 1946-1948 гг. Снят топографический план стоянок Соркудук и Таскудук, проведены траншеи и раскопки. Выявлены остатки культуры разных времен, охватывающие неолит, энеолит, эпоху бронзы, раннее и позднее средневековье. Поселение двуслойное. По словам Н. В. Валукинского «В нижнем слое имеются достаточно ясные следы древнего пребывания человека, оставившего орудия из кварцита, кремня и других крепких пород». Неолитические стоянки выявлены на выдувах ветровой дефляции, всего пять. Из них две (**Таскудук 18 и 74**) обнаружены в узком ущелье, окруженном невысокими холмами, две (**Соркудук 29 и 30**) в 1,5 км ниже Таскудука, на левом берегу протока и одна (**Соркудук 7**) на правом берегу выше поселения эпохи бронзы. На стоянке 18 прослежены остатки кострища в виде зольного пятна диаметром 1,5 м, толщиной 15-20 см. На стоянках собрано большое количество каменных изделий. Среди них наконечники стрел из кремня, проколки, резцы, пилки, отбойники и др., а также кости животных, обломки лепных сосудов, множество кристаллов – опал, халцедон, яшма, кварц и др. – Маргулан А. Х., 1998, с. 76

Жезказган IV (группа стоянок Акши). Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1948. Большая серия неолитических стоянок была открыта в 1948 г. гидрогеологом С. П. Калугиным при проведении разведочных шурфов и траншеи в районе низовьев р. Жезды. Топографическая работа проведена им вместе с Н. В. Валукинским в обширной долине р. Акши, являющейся левым весенним притоком р. Жезды. Группа расположена в 9 км к юго-западу от рудника Жезказган и в 1948-1949 гг. обследована Н. В. Валукинским. В группе насчитываются около 15 стоянок (3, 31, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 81, 83, 84, 105) и все расположены вдоль речки с юга на север, на небольшом расстоянии друг от друга. Из этой серии лучше сохранилась **стоянка 56**. Она расположена в замкнутой котловине, окруженной со всех сторон небольшими холмами. В западной и северо-западной стороне стоянки на протоке сохранились остатки двух мощных плотин, относящихся к более позднему времени. Одна плотина даже превращена в мост на дороге идущей к Бетпакадале. Поверхность стоянок обнажена ветровой эрозией и очень бедна растительностью, тогда как вокруг в долине обильный травостой. С северо-востока на юго-запад стоянка прорезана речкой с крутыми берегами и в яре хорошо видны обнажения культурного слоя в виде узкой линзы. Эти обнажения привлекли внимание разведчиков и служили хорошим ориентиром для открытия других стоянок. Площадь стоянки 2000 м² (40×50 м). На поверхности стоянки собраны разные кремневые орудия и отщепы. В их числе нуклеусы (9), ножевидные пластин-

ки (8), наконечники стрел из серо-желтого кремня (2), наконечники копий (2), скребки округлые из кварцита вишневого цвета (10), скребки концевые сиреневого и светло-серого цветов (5), скребло малой формы (1), рубящее орудие и др. Большая масса орудий встречена в южной и юго-западной половине стоянки, здесь же мелкие фрагменты керамики, кости животных (23), кусочки окисленной медной руды, имеющие еще случайный характер. За чертой стоянки в ее западной части, встречено большое скопление отходов производства (сколы, чешуйки, валуны желтого и серого кварцита), свидетельствующие о том, что изготовление и обработка каменных орудий происходили вне жилища – Маргулан А. Х., 1998, с. 65.

Жезказган V (Петрохолм). Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1947-1948. Своим архаическим обликом выделяется группа стоянок, расположенная на горе Шом (43, 44, 45, 50, 60, 64, 69, 73, 75, 103, 124, 125, 126), все вместе занимают общую площадь в 6100 м². Группа расположена в северо-западной окрестности рудника Жезказган, на террасах невысокой горы Шом, выявлена в обнажениях ветровой эрозии и обследована в 1947-1948 гг. Н. В. Валукинским. **Стоянка 44** расположена у северо-западной террасы горы Шом по правой стороне горной речки. Площадь стоянки 350 м². Среди находок орудий больше, чем на других стоянках этой группы. Здесь также встречены куски окисленной медной руды, кости животных и мелкие фрагменты боковины лепного сосуда без орнамента. Из орудий отметим наконечник стрелы с черешком из опала, скребки разных форм (8), наконечники копий (2), резец, скребла (2), рубящие орудия овальной формы с грубой ретушью и множество обломков орудий и отщепов (504), всего 539 предметов. **Стоянка 45** выявлена на выдувах дефляции также у северо-западной террасы горы Шом, недалеко от Шахты 4, на высоте 464 м над уровнем моря. Это одна из наиболее крупных стоянок на горе Шом, площадью 1000 м² (40×25 м). Большое скопление каменного инвентаря находилось у восточной половины площадки. В культурном слое из обнажения собраны наконечники стрел из кварцита (2), наконечники копий из кварцита (3), скребки округлой формы из кварцита (3), скребла (3), тесло, остроконечник, нож, большое количество отщепов, кости животных. Керамики нет. **Стоянка 69** занимает центральное положение, расположена у горной речки, берущей начало на горе Шом. Размер площадки с культурным слоем 600 м² (40×15 м). Среди находок орудий и керамики не было, обнаружены только отщепы. **Стоянка 73** расположена на южной террасе горы Шом, в 300 м на юг от основной группы Жезказган V. Из этой группы исследована стоянка 73. Стоянка с каменным инвентарем имеет площадь 420 м² (15×28 м), вытянута с запада на восток. Характерно большое скопление сколов, отщепов, чешуек и костей животных. Каменных орудий сравнительно мало, среди находок наконечники стрел (2) из опала и кварцита с тонкой ретушью, из них один с черешком, скребки (8), остроконечники (2), остальное – обломки (80) и отщепы. **Стоянка 103** расположена на северо-восточной террасе горы Шом, в 100 м на северо-восток от основной группы. Кремневый инвентарь разбро-

сан на площади 540 м², здесь также преобладают отщепы, обломки орудий, среди них две ножевидные пластинки, из готовых изделий один резец, керамики нет. – Маргулан А. Х., 1998, с. 66-67.

Жезказган VI (Златоуст-Южный или Раймунд-Западный). Стоянки. Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1947-1948. Расположен в северной части рудника Жезказган, недалеко от центра, между участками, у истока основного протока, идущего с севера на юг, в долине. С севера долина защищена невысокими холмами, на западе холмистая степь с шахтами 15 и 41. Стоянки обнаружены во время земляных работ и обследованы в 1948-1949 гг. В группе пять стоянок (46, 47, 48, 49 и 63). Они вытянуты по меридиану вдоль долины на протяжении 2 км. Интервалы между отдельными стоянками максимум 400 м, минимум 240 м. Судя по характеру инвентаря все пять стоянок одновременные, лучше сохранились стоянки 49 и 48, давшие обильный материал, особенно после проливных дождей в июле 1949 г. **Стоянка 49** расположена на северном конце группы, у подножия холмов, на правом берегу протока. Против стоянки на протоке сохранились следы древнего водоема в виде котлована диаметром 15 м, глубиной до 1,5 м. Стоянка оконтурена черными пятнами, ее площадь около 1000 м². Археологический материал разбросан по всей стоянке, со скоплением в восточной ее половине. Груда отходов производства – сколов и чешуек – обнаружена вне стоянки на берегу протока. В культурных слоях и на поверхности стоянки собрано до сотни предметов, из них 30 орудий, нуклеусов, остальные отщепы и образцы окисленной медной руды. Из орудий имеются скребки из кварцита (3), остроконечники разных форм (3), наконечник стрелы из кварцита с хорошей ретушью, ножевидная пластина (2), резец из кварцита, фрагменты лепных сосудов, кости животных. **Стоянка 48** расположена южнее стоянки 49, на левом берегу протока. Поверхность стоянки заросла кустарниковой растительностью, благодаря чему она хорошо сохранила свой древний контур размером 450 м². Боковые части стоянки сильно обнажены. Каменный материал разбросан на всей поверхности стоянки, более густо в южной ее половине. Здесь собрано более двухсот предметов, из них 42 орудия, 43 отщепа, 6 образцов окисленной медной руды, 4 фрагмента лепной керамики, 4 кости животных. Орудия: скребки (8), рубящие орудия (4), ножевидные пластинки (6), скребла (2), наконечники копий (2), наконечники стрел листовидной формы с хорошей ретушью (2) оба из кварцита, один с выемкой в основании. Среди находок присутствуют отбойники из кварцита (2), куски окисленной медной руды (6), свидетельствующие о зачатках добычи руды. **Стоянка 47** расположена южнее стоянки 48, на правом берегу протока, против устья малого протока. Площадь около 300 м². Сборы сделаны в культурных слоях и на поверхности стоянки, всего собрано 103 предмета, из них 20 орудий, 4 фрагмента лепной керамики, 5 костей животных, остальные отщепы. Состав орудий сходен с предыдущей стоянкой. **Стоянка 46** отличается тем, что ее культурный слой сильно размывает протоком весенних вод, благодаря этому значительная часть сборов поднята со дна протока. **Стоянка 63** сохра-

нилась очень плохо. В настоящее время она целиком занята под индивидуальный огород. С обеих стоянок собрано орудий до 10, нуклеусов 2, отщепов до 50 экземпляров. – Маргулан А. Х., 1998, с. 71-72

Жезказган VII, стоянка «Б». Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1946-1948. Расположена к востоку от рудного отвода Кресто-Север и западнее участка Карпиенского. В подгруппе Карпиенского всего пять стоянок (Б, 37, 50, 71, 72), из них самая древняя и самая богатая по находкам – это стоянка «Б». Контур стоянки вытянут с северо-запада на юго-восток, имеет размеры 1000 м² (25×40 м). В северной половине стоянки сохранились следы жилища и очага в виде ям. Диаметр большой ямы – 8 м, диаметр очага 1-1,5 м, зольное пятно с вкраплениями костей животных сохранилось хорошо. На правом берегу протока в 20 м от стоянки выявлена большая груда отходов производства. В культурном слое и на поверхности стоянки «Б» собрано 905 кремневых изделий, из них 120 – готовые орудия, остальные – заготовки (нуклеусы, пластины, отщепы) и масса сколов и чешуек. Большая часть орудий обработана очень тщательно, нередко тонкой ретушью. Наиболее многочисленную группу составляют скребки (64) с краевой ретушью. Их основная масса сделана на коротких и удлиненных отщепах, на массивных и длинных пластинах. Наибольший процент занимают скребки круглые, реже концевые (20), меньше удлиненные, подтреугольные, сегментовидные, нуклевидные. Ножевидные пластинки представлены сравнительно мало (20). Они массивны, достигают длины 8 см, ширины 1-2 см. Характерно, что на неолитических стоянках Жезказгана в большом количестве встречаются прежде всего орудия бытового обихода, например, для обработки кости, дерева, кожи и для шитья. Часто встречаются орудия рубящие и режущие. Орудий охоты мало, всего лишь 2 наконечника стрел и 2 наконечника копий, из которых один из опала с коротким черенком, другой из кварцита. Из орудий бытового обихода обращают на себя внимание ручные топоры (3), массивные скребла для обработки дерева и кости (5), тесла, ножевидные (4) и рубящие орудия (5), применяемые при раскалывании трубчатых костей для извлечения костного мозга. Очень своеобразны орудия клювовидной формы (резцы), с боковой выемкой, диско-видной формы с грубой ретушью (3) и др. В массе сравнительно крупных орудий выделяются своей миниатюрной формой вкладышевые лезвия (5), вставляемые в костяные оправы и применяемые в качестве режущего инструмента при obtачивании мелких поделок. Вкладыши сделаны из тонких кремневых пластинок с мелкой двухсторонней обработкой в виде лезвия. В науке существует теория, по которой вкладыши служили для обработки рыб и мелкой дичи. Однако, в Центральном Казахстане вкладыши встречаются больше всего в пустыне Бетпақдала. В коллекции видное место занимают нуклеусы (28) из тонкозернистого пластичного кварцита и желтого кремня, происходящего из пределов северной Бетпақдалы. Они найдены в северной половине стоянки в слое зольного пятна среди отщепов и костей животных. Встречены три типа нуклеусов: конические, призматические и нуклеусы со следами сколов

в разных направлениях. К категории ценных находок можно отнести небольшой венчик лепного сосуда с гребенчатым орнаментом, характерным для керамики эпохи неолита. Венчик найден в зольном слое очага среди нуклеусов, отщепов и костей животных. В качестве ритуальных предметов в стоянке «Б» встречены куски амфибола и малахита, имевшие магическое значение. – Маргулан А. Х., 1998, с. 62-63).

Жезказган VII, стоянка 21. Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1946-1948. Расположена рядом со стоянкой №23, к западу от рудного участка Карпиенского, недалеко от шахты 42. Стоянка обнаружена на выдувах ветровой эрозии, ее поверхность смыта потоками весенних вод, и в образовавшемся обрыве видны выходы культурного слоя. Стоянка имеет овальную форму, вытянутую с запад-юго-запада на восток-северо-восток, занимает площадь 2700 м². Готовых орудий очень мало. Среди находок: нуклеусы (3), скребки (6), рубящие и ножевидные орудия, скребло, окисленная медная руда и др. – Маргулан А. Х., 1998, с. 60.

Жезказган VII (Кресто-Север), стоянка 23. Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1946-1948. Расположена в узком горном проходе, на восточном берегу большого протока, идущего через весь Жезказган. Она сильно обнажена ветровой эрозией, весной по ней проходит проток. В обрыве яра виден культурный слой в виде узкой линии. Стоянка вытянута с юго-запада на северо-восток, ее размер 12×25 м. В юго-восточной половине стоянки прослежен слабый контур древнего жилища с очагом в центре. Очаг, сложенный из плит песчаника в виде круга диаметром 1 м, сохранился хорошо. Возле очага много костей крупных и мелких животных. В культурном слое стоянки собрано 516 предметов, среди них преобладают скребки различных форм (9), ножевидные пластинки (26), наконечники стрел, наконечники копий и дротиков (9), а также их обломки (3). Имеются орудия достаточно тонкой работы, разнообразные режущие, сверлящие и колющие инструменты, ножи, резцы, острия, проколки. Нуклеусы представлены двумя типами – конусовидные и призматические, от них и отщеплялись удлиненные пластинки и заготовки орудий. Основным сырьем для изготовления орудий служил разноцветный кварцит, выходы которого находятся рядом, в районе Цветных гор, в черте г. Жезказгана. Преобладают серо-сиреневый, вишневый и темно-сиреневый цвета. – Маргулан А. Х., 1998, с. 59-60.

Жезказган VII (Кресто-Север), стоянка 36. Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1946-1948. Обнаружена в 1949 г. рабочими, строившими дорогу. Выделяется обилием находок. В настоящее время по ней проходит большой тракт. На глубине 1,3 м рабочие обнаружили яму-гнездо с обилием каменных изделий. Работы были приостановлены. В результате обследования установлена неолитическая стоянка. Собрано до 500 предметов, в том числе и кости животных. Из орудий – ножевидные пластинки (30), скребки разных форм (16), массивные скребла с тонкой ретушью (4), нуклеусы (2), резцы (3), наконечники копья с хорошей ретушью, наконечники стрел из желтого кремня

(4), один из которых обработан тонкой чешуйчатой ретушью, полированное тесло, терка, рубило, ручные топоры, мотыги, остальные представлены в виде заготовок. – Маргулан А. Х., 1998, с. 60).

Жезказган IX (Милькудук). Стоянки. Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1947-1948. Группа стоянок расположена в обширном логе в южных окрестностях Жезказгана, в 1,5-2 км от центра города. Здесь сохранились три группы памятников: эпохи неолита, эпохи бронзы и эпохи средневековья. Большая часть неолитических стоянок расположена обособленно в стороне от поселения Милькудук, в 200 м к западу и юго-западу от основного массива памятников поздней эпохи. Последние отделяет речка, протекающая с севера на юг. Большая часть памятников неолита находится на правой стороне речки, поселение Милькудук на левом ее берегу. Основная масса неолитических стоянок обнаружена на солонцах правого берега. В группе всего 11 стоянок (4, 5, 38, 39, 40, 41, 66, 67, 70, 121, 129), из них три (5, 70, 129), обнаружены в нижнем слое поселения Милькудук. Нижний культурный слой имел форму узкой линзы с орудиями из кварцита, кремня, отщепов, костей животных и фрагментов лепной керамики. Нижний слой отделен от верхних стерильной прослойкой толщиной до 10 см. По сравнению с верхними он беден находками, встречены только кремневые изделия, кости крупных и мелких животных. В одном месте (стоянка 5) следы очага с зольным слоем длиной в 2 м, с остатками кустарникового топлива и мелких кусочков шлака (энеолит). Лучше других сохранилась **стоянка 40**. Она выявлена в обнажениях солонцов, в западном конце поселения Милькудук, на левом берегу протока. Ее размеры 25×12 м. В культурном слое и на поверхности собраны изделия более позднего типа (энеолит, бронза), с более высокой техникой обработки. Среди находок нуклеусы (2), наконечники стрел из кварцита (5), скребки округлые и концевые (48), скребло, куски окисленной медной руды, обломки костей животных, множество отщепов и сколов.

Характер остальных стоянок совершенно сходный с описанным, все они одновременны, относятся к эпохе энеолита и бронзы. Основным датировочным материалом являются миниатюрные черешковые наконечники стрел из кремня, опала и горного хрусталя, обработанные очень тонко в изящной манере. На всех стоянках Милькудук собрано около полутора тысяч предметов из них орудий до 150. Наиболее многочисленны скребки, они представлены в количестве 60 экземпляров, концевые – 8, скребок-резец – 1, остальные округлые на отщепах, в основном из кварцита. Другие находки: наконечники копий (6), наконечники стрел (5), из них два с черешком, один из горного хрусталя, пластинки (5), резцы (2), скребло (1), ножи (8), обломки орудий (6), клинья (3), пестики (3), нуклеусы (11), крупные орудия (2), обломок горного хрусталя, кусок окисленной медной руды, фрагменты лепной керамики (2), кости животных.

Значительная часть орудий собрана в культурном слое **стоянки 5** при проведении раскопок на основной площадке поселения. Здесь в западной половине стоянки встречено «гнездо» с громадным скоплением отщепов и нуклеусов.

Такое же скопление кремневого инвентаря обнаружено на **стоянках 70 и 129**. Обилие кремневых материалов было так велико, что «значительная часть находок зарыта на месте раскопок» – Маргулан А. Х., 1998, с.74.

Жезказган X, стоянка «А». Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1948. Расположена несколько обособленно в долине большого горного протока, в 3 км к югу от Жезказгана. Было заложено несколько шурфов, которые показали, что культурный слой стоянки «А» выражен слабо, следов жилищ типа землянок или полуземлянок не обнаружено. Поверхность слабо задернована, ее площадь равняется 600 м² (20×30 м). В северной половине площадки, обращенной к правому берегу протока, обнаружены две смежные ямы. Большой неожиданностью было обильное скопление нуклеусов и отщепов в первой яме, во второй – скопление кремневых орудий. Подобные ямы В. В. Федоров квалифицировал как «кремневые склады». Кремневые орудия разбросаны на всей поверхности стоянки, однако по сравнению с находками из ям их мало, всего около 50 предметов. Вне стоянки у протока были обнаружены остатки древней мастерской, со скоплением отходов производства, чешуек, сколов, кварцевых валунов, нередко с корками загара. В куче встречено пять крупных валунов кремнистого сланца, куски малахита, кости животных. Обращает на себя внимание расположение мастерской вне стоянки, около воды. Для древнего мастера вода имела важное значение. Ему нужно было перед оббивкой камень погружать в воду или держать его в сыром грунте, чтобы кремнь или кварцит стал более доступным для обработки. Со всех участков стоянки и мастерской собрано около 600 кремневых предметов, в их числе 88 готовых орудий, 75 заготовок для орудий и 433 отходов производства. В находке много орудий бытового обихода, в частности, для обработки кожи. Инвентарь: нуклеусы (88), ножевидные пластинки (25), скребки из отщепов (18), скребки концевые. Последние очень многообразны по форме, среди них встречаются округлые, подтреугольные, удлинённые, клиновидные, плоские с пологой ретушью. За исключением концевых, все остальные скребки сделаны из отщепов с дугообразным или полуциркульным рабочим краем. Есть еще скребоквидные орудия, изготовленные на кремневых желваках. Скребки довольно массивные с высоким рабочим краем. Из орудий для обработки кожи характерны массивные скребла (4), скобель или орудия с боковой выемкой (3), для обработки сухожилия, резцы боковые, проколки (4), остроконечники (3). Из орудий тески и обработки дерева встречены топоры (4), ручные топорики с крупной оббивкой с одной и с двух сторон (3), долото, рубила со следами корки (3), острия овальной формы (13). К орудиям охоты относятся кремневые наконечники стрел с тонкой ретушью (2), один из них с черешком, другой обработан с диагональными фасетами, наконечники копий и дротиков (9) в незаконченной форме и с грубой оббивкой с обеих сторон. Нуклеусы и отщепы находились в первой яме. Из этой массы особо отличаются 12 массивных нуклеусов конусовидного и призматического типа. Из них 4 из разноцветных кварцитов, 8 из желтого кремня, происходящих из южных пределов Жезказга-

на (3), примыкающих к пустыне Бетпақдала. Из хозяйственных орудий доминирующее место занимают мотыги (4), топоры и клинки топоров (2), долото, нож и др. Горных орудий типа каменных отбойников, молотов, раздробленных орудий типа пестов и терочек, характерных для эпохи бронзы, на этих стоянках не обнаружено. Здесь нет следов добычи руды. Встречены лишь образцы малахита и азурита, имевшие только ритуальное значение. Материалы стоянки «А» четко характеризуют быт неолитических охотников, живших в Центральном Казахстане еще до появления металла в IX-V тыс. до н.э. – Маргулан А. Х., 1998, с. 63-64.

Жезказган XIII (группа стоянок Айнаколь). Стоянки. Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1945-1948. Группа расположена в 5 км на восток от рудника Жезказган I и в 1 км от рудного участка Никольский в котловине, окруженной плоскими холмами. Открыта в 1945 г. главным геологом Жезказгана А. В. Кузнецовым, проводившим широкое обследование и поиски древних мест плавки медной руды в окрестностях Жезказгана. Главным поисковым ориентиром для Кузнецова были древние выработки, отвалы и сплески, свидетельствовавшие о наличии переработки руды. А. В. Кузнецов был уверен, что в районе Никольского должно быть и место плавки руды. Поиски дали положительные результаты, было открыто место древней плавки медной руды с большим скоплением производственного мусора, в том числе шлаков, обломков тиглей и орудий труда. В 1946-1948 гг. Айнаколь обследован А. В. Кузнецовым и Н. В. Валукинским. Было заложено несколько шурфов, в результате выяснилось, что Айнаколь – это поселение древних металлургов, где сохранились следы двух культур: более ранней, нижний слой котловины, соответствующий эпохе бронзы, и поздней, относящейся к средневековью, следы которой сохранились на значительно большей площади, перекрывающей древний пласт. Культура средневековья хорошо датируется керамикой на гончарном круге. Рядом с поселением древних металлургов в обнажениях ветровой эрозии открыты еще две **стоянки (31, 51)** эпохи неолита, насыщенные кремневым инвентарем. Третья **(81) стоянка** обнаружена в западной черте поселения. Контур стоянки 31 имеет подковообразную форму размером 100×120 м. О длительном существовании ее свидетельствует огромное скопление артефактов, состоящее из нескольких тысяч каменных предметов. Н. В. Валукинский отобрал только целые орудия и наиболее ценные предметы, остальные закопал на месте из-за отсутствия помещения для хранения. В культурном слое обнажений собрано 1224 заинвентаризованных каменных предмета, в том числе 254 орудия, 22 нуклеуса, 180 обломков орудий, 540 отщепов, 800 отходов производства, 45 кристаллов, значительное количество костей крупных и мелких животных, фрагменты лепных сосудов (14). Основная масса находок состоит из орудий бытового обихода, из них наиболее многочисленны скребки (38), в том числе округлые на отщепах (32), концевые на пластинках (6), концевые двойные (2), скребки-резчики с ретушью с брышка, образующей боковую выемку в основании орудия (2), нуклеусы трех типов –

дисковидные, призматические с негативами пластинок, конусовидные. Широко представлены орудия для обработки кожи и костей животных. К ним относятся проколки (10), резцы (9), сверла (2), скребла (20), рубящие орудия (26), а также ручные топоры, клиновидные орудия и др. Среди находок много кристаллов, цветных горных пород (41), в том числе образцов цветного мергеля. Значительное присутствие этих минералов и образцов окисленной медной руды на неолитических стоянках Жезказгана говорит о появлении интереса у древних людей к горным породам, знакомство с которыми (особенно окисленной медной рудой) привело человека к тому, что он научился выплавлять из нее металл. – Маргулан А. Х., 1998, с. 75

Жезказган XV (Никольский). Неолит-эпоха бронзы. Валукинский Н. В., 1947-1948. Обширная группа стоянок, расположена в 3 км к северо-востоку от рудника Жезказган на участке между рудными отводами Раймунд IV и Никольским, по северной дороге, идущей от рудника Жезказган в Кенгир. **Стоянка 76.** Расположена обособленно на крайнем северном конце группы. Выявлена на выдувах эрозии. Размеры стоянки – 40×30 м. С поверхности собрано около 200 изделий, и среди них большой удельный вес занимают орудия труда – скребки разных типов (2), орудия с боковой выемкой для обработки сухожилий, рубящие орудия из кварцита (4), скребла (2), скобели (1), проколки, режущие орудия, наконечники стрел из кварцита (3), наконечники копий (5), тесло, долото из кварцита (2), нуклеусы (5), кости животных, фрагменты лепного сосуда и множество различных сколов. Орудия охоты представлены наконечниками копий (5), наконечниками стрел (3) с черешком и хорошей ретушью. **Стоянка 75** находится юго-восточнее рудного отвода Раймунд IV, рядом со стоянкой 76, в 60 м южнее ее, на правом берегу протока. Размеры обнаженной площадки 30 x 20 м. Находок было сравнительно мало, всего около сотни предметов. Среди них скребки (5), наконечники копий (2), наконечники стрел (3), из них один из черного кремнистого сланца, другой из зеленоватого роговика, проколка, остроконечники (2), один из черного кремнистого сланца, другой из кремня. Из других находок можно отметить нуклеусы (2), мелкие фрагменты лепного сосуда (2), кости животных (4), один обломок трубчатой кости, заготовленный для поделок. Обращает на себя внимание присутствие обломка окисленной медной руды. **Стоянка 78** расположена в 150 м юго-восточнее стоянки 75, на левом берегу малого протока, между холмами. Площадь стоянки около 540 м². В культурном слое встречено значительное скопление отщепов, и незаконченных орудий типа скребел, рубящих орудий (3), нуклеусов (2) и других. Сравнительно больше представлены скребки разных форм (9), орудия с боковой выемкой (3), скребла (2), обломки наконечников копий (2), тесло. **Стоянка 77** расположена близко к стоянке 78. По площади культурного залегания одна из крупных, размер 1200 м². На поверхности собран обильный каменный материал, среди которого господствуют грубые и незаконченные формы изделий, обломки наконечников копий с грубой ретушью. Инвентарь: наконечники стрел (3), скребки округлые (5), рубящие орудия (7),

орудия грубой формы (3), ручной топор, тесло, нуклеусы (2), гладилка, большое число отщепов, кости животных. Встречено одно горное орудие – отбойник. **Стоянка 144** расположена обособленно от основной группы, в ее юго-западной части, в равнине между холмами, на месте слияния двух протоков. Рядом со стоянкой находятся две ямы, представляющие собой остатки водоемов эпохи бронзы и, очевидно, не связанные со стоянкой. По характеру каменного инвентаря стоянка 144 выглядит архаично и относится к ранней поре неолита. Ее площадь – 1250 м². На поверхности стоянки крайне мало орудий, всего три предмета – нож, проколка и мощное орудие с крупной ретушью. Встречен также образец окисленной медной руды. **Стоянка 60** расположена у подножия холмов в южном конце группы Жезказган XIV, недалеко от дороги, идущей от рудника в Никольский. Площадь стоянки – 1080 м². Преобладают крупные и массивные орудия с плоской ретушью. Среди находок имеются нуклеусы (3), скребки (4), наконечники стрел, наконечник копья, резец грубой формы, мелкие фрагменты лепного сосуда неолитической эпохи, кости животных. Присутствует окисленная медная руда. **Стоянка 9** расположена внутри изгиба большого протока, в юго-западном конце группы. Поверхность стоянки сильно обнажена дефляцией, ее площадь 1232 м². На ее поверхности собрано около 200 предметов, среди которых преобладают скребки разных типов (14), наконечники стрел (3), наконечник копья, рубящие орудия, ножи (2), орудия с крупной ретушью, провертки (сверло), скребло, нуклеусы призматической формы (5), мелкие фрагменты керамики лепной работы, значительное число трубчатых костей крупных животных (7), масса сколов, куски кварца и мергеля. Встречены отбойники из кварцита (2), точильный камень, образец окисленной медной руды. Весь комплекс материалов хорошо отражает процесс постепенного перехода от неолита к медно-каменному веку (энеолиту) **Стоянка 82** расположена в центре группы XV, против изгиба большого протока, с правой его стороны на невысокой террасе. Вместе со стоянками 16, 12 и 11 составляет наиболее древнюю часть группы Жезказган XV. Стоянка обнаружена в обнажениях ветровой эрозии. Сборы с поверхности состоят исключительно из крупных орудий с плоской ретушью. Среди них есть скребки из кремня, проколка, ножевидная пластинка с притупленными краями, много сколов и отщепов. На стоянке прослежены остатки очага в виде черного пятна, вокруг него найдены кости животных и кусок окисленной медной руды. **Стоянка 16.** Сохранилась лучше других, а потому весьма насыщена кремневым материалом. Она расположена на равнине, окруженной со всех сторон невысокими холмами, у слияния большого и малого протоков и вместе со стоянками 11, 12 и 82 занимает центральное положение в группе Жезказган XV. Поверхность стоянки лишена растительного покрова и сильно обнажена ветровой эрозией. Кроме того, через нее проходит малый проток, сильно обнажая ее культурные слои. Размер обнаженной поверхности с культурными залеганиями около 1000 м². В 1949 г. в результате обследования в культурном слое и с поверхности стоянки собрано около 600 предметов. Среди них пре-

обладают орудия бытового обихода для обработки кожи, дерева и кости, том числе скребки округлые (46), скребки концевые (9), ложило-гладилка, скребла (10), массивные резцы (5), проколки (2), орудия типа пик (2), орудия грубой формы, долото (5), тесло, ножи (2), нуклеусы (40), ножевидные пластинки (8), множество сколов и отщепов (406), кости животных (25), фрагменты неолитической керамики (5), наконечники стрел (3), наконечники копий (4). В этой массе традиционно неолитических орудий два предмета нового типа – точильный камень и отбойник из кварцевого валуна, возникшие несомненно в конце неолита и начале энеолита. Возможно, что эти предметы попали на поверхность стоянки случайно, так как рядом с неолитическими стоянками (группы XV) расположены многочисленные памятники эпохи бронзы, выступающие на поверхность в виде выработок и многочисленных ям, представляющих собой остатки жилищ, водоемов и мест дробления руды. В центре стоянки 16 обнаружены остатки древнего очага в виде темного пятна, вокруг него большое скопление костей животных, нуклеусов и отщепов. Расположение очага посередине площадки дает основание заключить, что здесь было наземное жилище. Кремневые орудия в большом количестве найдены на **стоянке 11** среди них нуклеусы – 5, ножевидные пластинки – 2, скребки – 16, наконечники копий – 5, орудия с крупной ретушью – 2 и др. – Маргулан А. Х., 1998, с. 67-69.

Жеты-Конур. Стоянка. Неолит – эпоха бронзы. Маргулан А. Х., 1947. Солидные сборы с дюн Жеты-Конура были сделаны в 1947 г. сотрудниками ЦКАЭ – среди этих сборов много отщепов и кремневых орудий различной степени обработки. Среди орудий имеются ножевидные пластинки из опоки (10), длиной от 1,5 см до 3,5 см, шириной 1-1,2 см, с краевой ретушью (одна пластинка из полупрозрачного опала), скребки – 9, из них округлые, с обивкой по круглому краю, диаметром 4-5 см, толщиной 5 мм – 6, треугольной формы из кремня кремового цвета, длиной 1,5 см, круглые с краевой ретушью, длиной 4 см, скребок с резцовым сколом; наконечники стрел с двухсторонней обработкой длиной 4 см, скребок с резцовым сколом; наконечники стрел с двухсторонней обработкой длиной 5 см – 2, ручные рубила из кремнистого сланца длиной 10 см, длиной 2,5 см – 2, вкладышевые лезвия, резцы, сверло, керамика ручной лепки без орнамента. – Маргулан А. Х., 1998, с. 40.

Жидели 1. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1968. В месте брода через реку на левом берегу. Инвентарь: нуклеус – 1; скребки – 6; сечения пластинок – 12; отходы – 146. Всего – 165 экз. – МО КОИМК.

Жидели 3. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1968. У брода через реку Жидели на левом берегу к западу от дороги на Батпак-Далу. Инвентарь: оббитые куски – 7, наконечники стрел – 2, резец – 1, проколки – 2, скребки – 22, скобели из отщепов – 10, орудия из пластинок – 10, нуклеусы и их фрагменты – 10, отходы – 448. Всего 512 экз. – МО КОИМК.

Жидели 4. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1969. Расположено восточнее брода на левом берегу р. Жидели в 300 м восточнее дороги и могильника Кипчакмола. Инвентарь: нуклеусы – 8, сечения пластинок – 15,

скребки на отщепах – 20, проколки – 2, резец – 1, отщепы и отходы – 383. Итого 429 экз. – МО КОИМК.

Жидели 5. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. Расположено на левом берегу одноименного ручья в 500 м восточнее могильника Кипчакмола на щербенистой площадке. Инвентарь: сечения пластинок – 23, скребки на отщепах – 40, наконечники стрел – 2, наконечник дротика – 1, скобель – 1, вкладыши – 4, проколки – 2, отщепы и отходы – 405. Итого 478 экз. – МО КОИМК.

Жидели 6. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. Расположено на левом берегу ручья Жидели, восточнее могил Кипчакмола в излучине ручья. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 21, отбойники – 1, наконечники стрел – 5, наконечники дротиков – 7, скребки на отщепах – 26, скребки на пластинках – 5, фрагменты керамики – 7, отщепы – 452. Итого 496 экз. – МО КОИМК.

Жидели 7. Местонахождение. Неолит-энеолит. Клапчук М. Н., 1969. Расположено на левом берегу одноименного ручья в 500 м восточнее могил Кипчакмола и излучины ручья. Инвентарь: нуклеусы – 7, сечения пластинок – 47, отбойники – 1, наконечники дротиков – 4, наконечник стрелы – 1, скребки на отщепах – 13, скребки на пластинках – 2, проколки – 2, резцы – 1, отщепы и отходы – 801. Итого 905 экз. – МО КОИМК.

Жидели 8-12. Местонахождение. Эпоха бронзы. Расположено восточнее могил Кипчакмола на левом берегу ручья Жидели, «не доходя одинокого деревца лоха». Инвентарь

Жидели 8. Инвентарь: нуклеусы – 3, сечения пластинок – 25, фрагменты наконечников стрел – 2, скребки на пластинках – 2, скребки на отщепах – 12, мотыги каменные – 2, фрагменты керамики – 3, кусочки азуритовой руды – 1, отщепы и отходы – 377. Итого 427 экз.

Жидели 9. Инвентарь: нуклеусы – 3, сечения пластинок – 8, отщепы – 53. Итого 64 экз.

Жидели 10. Инвентарь: нуклеусы – 2, скребок на отщепе – 1, отщепы – 15. Итого – 18 экз.

Жидели 11. Инвентарь: нуклеус – 1, отщепы – 20. Итого – 21 экз.

Жидели 12. Инвентарь: нуклеусы – 21, сечения пластинок – 5, скребки на отщепах – 5, отщепы – 36. Итого – 67 экз. – МО КОИМК.

Жиланленский карьер. Единичные находки. Неолит(?). Древняя долина реки. Клапчук М. Н., 1968 (сборы Добрынина). Инвентарь: наконечник стрелы – 1, сечения пластинок – 3, отходы – 2; скребок – 1, пластины – 2, фрагмент наконечника дротика – 1, отходы – 3. Итого 13 экз. – МО КОИМК.

Жолдас. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа у родника Жолдас, что в 15,5 км от Акчетау (Акшетау?) на юго-запад. 320 изделий залегали на площади 20×20 м. Состав инвентаря: скребки на отщепах – 26, наконечники стрел в фрагментах – 2, нуклеусы призматического типа в фрагментах – 2, ножевидные пластинки с ретушью на краях со спинки

и брющка – 14, ножевидные пластинки без ретуши – 95, отщепы. Остатков керамики нет. – Архив А.Г. Медоева.

Зеленая Балка 1. Единичные находки. Энеолит-эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1960. Расположено в 6 км к востоку от одноименного селения на правом берегу р. Кокпекты. Инвентарь: раловидное орудие – 1, фрагмент пластинки – 1, отщепы – 3 экз. – МО КОИМК.

Зеленая Балка 2. Единичные находки. Энеолит-эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1960. Местонахождение расположено южнее школы, на левом берегу ручья в селении Зеленая Балка. Инвентарь: фрагменты керамики – 4 экз. – МО КОИМК.

Зеленая Балка 3. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1962. На берегу топи в восточной части центральной усадьбы совхоза им. Энгельса. Инвентарь: фрагменты керамики – 12, фрагменты нуклеусов – 2, сечения пластинок – 12, наконечник стрелы – 1, фрагменты наконечников стрел – 2, скребки – 4, скребла – 2, отщепы и отходы – 26. Всего – 61 экз. – МО КОИМК.

Зеленая Балка 4. Стоянка. Энеолит. Клапчук М.Н., 1962. расположено у родника в 1,5 км восточнее центральной усадьбы совхоза им. Энгельса. Открыл и вел раскопки М.Н. Клапчук. Инвентарь: угловатые обломки со следами снятия сколов – 78, нуклеусы и их фрагменты – 513, пластины и их сечения – 2502, наконечники стрел – 80, наконечники дротиков – 29, мотыги каменные – 60, скребки на пластинках – 139, скребки на отщепах – 772, шарики метательные – 102, фрагменты керамики – 170, скребла – 34, трапеции – 10, вкладыши – 61, резцы – 8, проколки – 7, пластины-ножи – 6, отщепы и отходы – 11105. Всего 15679 экз. – МО КОИМК; Клапчук М.Н., 1965.

Иманкул. Стоянка-мастерская. Средний палеолит (?). А.З. Бейсенов, Г.Т. Бексеитов, 2004. Памятник находится в 8 км к северо-востоку от с. Токтар, в 0,4 км к северу от фермы Иманкул, на сопке. Инвентарь: преформы, дисковидный нуклеус, нуклеусы и отщепы с ретушью, рубило (топор), скребло. – Бейсенов А.З., 2005

Иса Стоянка. Неолит. Артюхова О.А., 1982. Стоянка находится на северо-западной окраине хр. Иса, у родника (колодца) с отм. 605,8 м в межувалястой долине. Колодец диаметром 1,5 м и глубиной до 2 м. К западу и востоку от колодца вдоль северного подножия сопки тянутся следы старых колодцев в виде западин диаметром 3-7 м. На расстоянии 25-30 м от колодца и до склонов увала встречаются на обнаженных участках разрозненные образцы каменных индустрий, на площади приблизительно 200×100 м. Источников сырья в непосредственной близости от стоянки нет. На памятнике собрано 6 образцов керамики и 1346 образцов каменной индустрии. подавляющее большинство их – отходы производства, среди которых преобладают отщепы обработки (мелкие вторичные отщепы и их обломки) длиной 10-20 мм. Остальные отходы тоже мелких размеров: из 332 обломков только 23 превышают 40 мм в длину. Сравнительно мало первичных и полупервичных сколов. Количество пластин – 132 экз. В коллекции 5 нуклеусов (включая обломки и заготовки) и 61 орудие: 1 обломок

наконечника стрелы, 2 скребла, 18 скребков целых и 4 сломанных, 21 пластинка с ретушью, 5 зубчато-выемчатых орудий из отщепов, 6 комбинированных орудий и орудий других типов, 4 отщепа с ретушью. – Артюхова О.А., 1984.

Калмакжаткан-Карашат 1. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника в 57 км на юго-восток от стоянки Караунгур. Площадь залегания изделий 25×35 м. Инвентарь: скребки на отщепах – 2, нуклеусы, несколько напоминают клиновидные, ударные площадки горизонтальные – 3, пластинки ножевидные с ретушью, с притупленным краем – 3, пластинки ножевидные без ретуши – 14, отщепы небольших размеров (многие с ретушью) – 29, позднепалеолитическое скребло сибирского типа на массивной плитке горной породы. Материал – кремь, яшмокарцит, керамики нет. – Архив А.Г. Медоева.

Калмакжаткан-Карашат 2. У колодца в 64 км на юго-восток от стоянки Караунгур имеются находки: фрагмент небольшого орудия (?); плитка горной породы (песчаник?), оббитая в круг; три небольших отщепа с ретушью. Материал изделий – кварцит. – Архив А.Г. Медоева.

Калмакжаткан-Карашат 3. У родника, что в 65 км на юго-восток от стоянки Караунгур, имеются находки (на поверхности) микролитических изделий с площади 15×20-25 м. Инвентарь: скребки на отщепах из кремнистых пород – 4, фрагмент ножевидной пластинки – 1; отщепы небольших размеров – 2. В урочище имеются отдельные находки палеолитических изделий; севернее урочища имеются три пункта наскальных изображений, датируемые неолитом. – Архив А.Г. Медоева.

Калмак-Эмель (северо-восточные отроги гор Калмак-Эмель). Стоянка открытого (наземного) типа у родника, что в 70,5 км на северо-восток от стоянки Караунгур. Сборы дали микролитический инвентарь с площади 60×70-80 м. Керамики нет. Инвентарь: скребки на отщепах, размеры от 1×1 см до 3,5-4×4 см, – 62 экз., наконечники стрел (3 экземпляра): черешковый, лавролистный, листовидный (?); пластинки ножевидные с ретушью с брющка, реже со спинки, часто противолежащей, поперечное сечение треугольное или трапециевидное, длина от 1 см до 4 см – 9 экз.; пластинки ножевидные без ретуши, длина от 1 см до 5-6 см – свыше 25 экз.; нуклеусы призматического типа – 2 экз.; фрагменты нуклеусов – 8 экз.; отщепы «правильных» форм, заготовки для скребков и т.п. – свыше 100 экз.; отходы производства – свыше 300 экз. Материал – кварцит, яшмокарцит и т.д. – Архив А.Г. Медоева.

Канберген 1. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1969. Вправо от дороги Каражал-Батпак-Дала на левом берегу р. Плеса. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 5, скребки – 2, отщепы и отходы – 33. Всего 41 экз. – МО КОИМК.

Карабас 1-2. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М.Н., 1966. В логу восточнее пос. Карабас. – МО КОИМК.

Карабас 1. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 2, отщепы и отходы – 11. Итого 14 экз.

Карабас 2. Инвентарь: пластинки – 3, скребок на отщепе – 1, наконечник дротика – 1, наконечник стрелы – 1, мотыги каменные – 3, фрагмент керамики – 1, отщепы и отходы – 12. Итого 22 экз.

Карабас 3. Местонахождение. Палеолит (?). Клапчук М. Н., 1966. Расположено на поверхности шлейфа в восточной части селения Карабас. Инвентарь: желваки со следами сколов – 19, нуклеусы – 4, сколы типа отщепов – 60, отходы – 62. Итого 145 экз. – МО КОИМК.

Карабас 4-7. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1966. Сборы в районе пос. Карабас. – МО КОИМК.

Карабас 4. Инвентарь: нуклеусы – 4, пластинки – 20, скребки на отщепе – 8, скребок на пластинке – 1, наконечник дротика – 1, шарик метательный – 1, отщепы и отходы – 89. Итого 124 экз.

Карабас 5. Инвентарь: нуклеусы – 2, пластинка – 1, отщепы – 3. Итого 6 экз.

Карабас 6. Инвентарь: скребок на отщепе – 1, фрагмент наконечника стрелы – 1, сечения пластинок – 2, фрагменты керамики – 38, отщепы – 10. Итого 52 экз.

Карабас 7. Инвентарь: отщепы – 2, фрагменты керамики – 55. Итого 57 экз.

Карабас 8. Стоянка. Неолит (?). Новоженев. В. А., Кукушкин. И. А., 1988. Находится на склоне невысокой сопки в 5 км к юго-востоку от г. Абая, в 2 км к северо-востоку от п. Карабас, в 0,8 км к юго-востоку от казахского кладбища. Обнаружена и обследована в 1988 г. разведочной группой археологической экспедиции КарГУ (Новоженев. В. А., Кукушкин. И. А.). Размывается сточными водами. На стоянке собраны каменные орудия из отщепов и пластин, а также многочисленные отходы производства. – Чиндин А. Ю. и др., 1989

Карабулак. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1969. В 15 км к северо-западу от с. Кенсе. Инвентарь: керамика (следы медных печей) – 5, отщеп – 1. Всего 6 экз. – МО КОИМК.

Караганда 1/6. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1959. Расположено на левом берегу Большой Букты у опор высоковольтной линии №12 и 13 (городской парк). Инвентарь: нуклеус – 1, сечение пластинки – 1, керамика (фрагменты) – 3, отщепы и осколки – 15, скребок на отщепе – 1. Всего 21 экз. – МО КОИМК.

Караганда 2. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1959. Расположено в городском парке на левом берегу Большой Букты у опоры высоковольтной линии №17. Инвентарь: сечения микропластинок – 2, отщепы и осколки – 16. Всего 20 экз. – МО КОИМК.

Караганда 3. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1959. Расположено в городском парке на левом берегу Большой Букты у опоры высоковольтной линии №18. Инвентарь: скребок – 1, фрагмент отщепы – 1. Всего 2 экз. – МО КОИМК.

Караганда 4. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1959. Расположено в городском парке на левом берегу Большой Букты у опоры

высоковольтной линии №21. Инвентарь: фрагмент дротика – 1, сечения пластинок – 3, осколки и отщепы – 6. Всего 10 экз. – МО КОИМК.

Караганда 5. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1959. Расположено в городском парке на левом берегу Большой Букты у опоры высоковольтной линии №22 и 23. Инвентарь: фрагменты керамики – 11, нуклеус – 1, скребки на отщепе – 4, фрагмент скребла – 1, фрагмент наконечника стрелы – 1, фрагмент наконечника дротика – 1, рубящее орудие – 1, сечения пластинок – 9, отщепы и чешуйки – 30. Всего 59 экз. – МО КОИМК.

Караганда 7. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1959. Расположено в городском парке на левом берегу Большой Букты у опоры высоковольтной линии №19. Инвентарь: мелкие чешуйки и отщепы – 2 экз. – МО КОИМК.

Караганда 8. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1959. Расположено в городском парке на левом берегу Большой Букты у опоры высоковольтной линии №22 и 23. Инвентарь: скребок на отщепе – 1, сечения пластинок – 10, фрагменты керамики – 2, отщепы и отходы – 36. Всего 49 экз. – МО КОИМК.

Караганда 9-10. Местонахождения. Неолит. Клапчук М. Н., 1960. «Расположены в задворках тюрьмы севернее ДК Энергозавода на Федоровке». Инвентарь: сечения пластинок – 2, скребки на отщепе – 2, отщепы и отходы – 28. Всего 32 экз. – МО КОИМК.

Караганда 12. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1958. Расположено на левом берегу Малой Букты, несколько восточнее выхода из пос. Кирзавод 1-2, шоссе на Спасск. Инвентарь: фрагменты керамики – 6 экз. – МО КОИМК.

Караганда 13. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1958. Расположено на левом берегу Малой Букты, в месте впадения в нее притока, идущего от аэропорта. Инвентарь: фрагмент нуклеуса – 1, сечения пластинок – 2, скребки на отщепе – 5, фрагменты керамики – 4, отщепы и отходы – 13. Всего 25 экз. – МО КОИМК.

Караганда 14. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1958. Расположено на левом берегу Малой Букты, в месте впадения в нее притока, идущего со стороны аэропорта. Инвентарь: фрагменты наконечников стрел – 3, скребочки – 2, отщепы ногтевидной формы – 418. Всего 423 экз. – МО КОИМК.

Караганда 15. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1962. Местонахождение расположено в 10 км к югу от Караганды на южном склоне мыса, вблизи выхода на поверхность юрских вод. Неолит – начальная стадия андроновской культуры. Инвентарь: нуклеусы, пластинки ножевидные, скребла, скребки из пластинок, скребки из отщепов, наконечники стрел, дротики, проколки, резцы, трапеции, вкладыши, мотыги, серпы каменные, выпрямилки, керамика (куски), медная руда. Открыто Клапчуком в 1962 г. Всего 7640 экз. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1965.

Караганда 16. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1959. Местонахождение расположено в 400 шагах к западу от скважины №119, на пологом мысу между промоинами. Инвентарь: нуклеусы – 10, сечения пластинок – 59, скребла – 9, скребки на пластинках – 11, скребки на отщепках – 50, фрагменты наконечников стрел – 10, наконечники дротиков – 3, вкладыш – 1, отщепы и отходы – 366. Всего 519 экз. – МО КОИМК.

Караганда 17. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1959. Местонахождение расположено на южном берегу карьера кирпичных глин к северо-западу от скважины № 119. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 8, скребок на отщепе – 1, отщепы и отходы – 30. Всего 40 экз. – МО КОИМК.

Караганда 18. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1959. Местонахождение расположено между точками 15-17. Инвентарь: нуклеусы – 4, сечения пластинок – 39, скребки на пластинах – 5, скребки на отщепках – 7, скребло – 1, наковаленка – 1, фрагмент наконечника стрелы – 1, отщепы и отходы – 85. Всего 143 экз. – МО КОИМК.

Караганда 19. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1959-1963. Местонахождение расположено на северо-запад. от гор Азат (на север от оз. Каракаин), 0,3 км от скважины №119. Инвентарь: фрагменты керамики – 40, напярсло – 1, фрагменты наконечников стрел – 2, скребки на отщепках – 6, сечение пластинки – 1, нуклеус (кусок) – 1, кусочек медной руды – 1, отщепы и отходы – 30. Всего 82 экз. – МО КОИМК.

Караганда 20. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1959. В 0,3 км к северу от скважины. №119. Фрагменты керамики – 92 экз. – МО КОИМК.

Караганда 21. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1959-1963. В 1 км к югу от скважины №119 на правом берегу. Инвентарь: сечения пластинок – 20, вкладыш – 1, скребок – 1, фрагмент наконечника стрелы – 1, отщепы – 22. Всего 45 экз. – МО КОИМК.

Караганда 22. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1959-1963. В 1,3 км к югу от скважины №119 на конусе выноса водосточного понижения у подножья сопки. Инвентарь: нуклеусы (куски) – 6, сечения пластинок – 2, скребки – 3, мотыги – 1, кусок зернотерки – 1, фрагменты керамики – 11, отщепы – 2. Всего 26 экз. – МО КОИМК.

Караганда 23. Местонахождение. Эпоха бронзы (?). Клапчук М.Н., 1959. В 2 км к югу от скважины №119 над обрывом западного выступа между двумя вымоинами. Инвентарь: фрагменты толстостенного сосуда – 70 экз. – МО КОИМК.

Караганда 24. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1960. Расположено за аэропортом, ниже плотины. Инвентарь: фрагмент керамики – 1, отщепы и отходы – 6 экз. – МО КОИМК.

Караганда 25. Единичные находки. Неолит. Клапчук М.Н., 1960. Расположено за аэропортом, ниже плотины. Инвентарь: нуклеус – 1, скребочек – 1, отщеп – 1. Всего 3 экз. МО КОИМК.

Караганда 27/28. Стоянка. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М.Н. 1959-1963 гг. и ученики с.ш. №35. Расположена в южной части пос. Старый Майкудук у скважины. Инвентарь: нуклеусы – 171, пластинки – 43, сечения пластинок – 1630, пластинки подправки – 30, шарики метательные – 16, топорик – 1, вкладыши – 48, трапеции – 6, пластинки с резцовыми сколами – 7, наконечники стрел – 71, наконечники дротиков – 34, скребла – 20, скребки на пластинках – 69, скребки на отщепках – 715, фрагменты керамики – 7, мотыги каменные – 2, отщепы и отходы – 8340. Всего 11216 экз. – МО КОИМК.

Караганда 29. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н. и Семенов Л.Ф. (до 1957 и после 1968). На южной окраине пос. Старый Майкудук к востоку от №27 на терраске. Инвентарь: нуклеусы – 3, сечения пластинок – 79, скребки – 41, фрагменты наконечников стрел – 7, фрагмент наконечника дротика – 1, вкладыш – 1, отщепы и отходы – 113. Всего 225 экз. – МО КОИМК.

Караганда 30. Стоянка. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М.Н. 1959-1962 гг. На южной окраине пос. Старый Майкудук на склоне сопки выше топких мест. Инвентарь: нуклеусы – 5, пластинки – 2, скребла – 2, скребки на отщепках – 6, бусинка каменная – 1, напярсло – 1, мотыга каменная – 1, фрагмент наконечника стрелы – 2, клиновидные обломки породы – 3, фрагменты керамики – 370, отщепы – 18. Всего 411 экз. – [МО КОИМК.

Караганда 31. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М.Н. 1959-1962 гг. На западном берегу топкого места на южной окраине пос. Старый Майкудук. Инвентарь: сечения пластинок – 30, скребок на пластинке – 1, скребки на отщепках – 7, фрагменты наконечников стрел – 3, отщепы и отходы – 19 экз. – МО КОИМК.

Караганда 33. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1960. Расположено в Новой Тихоновке по ул. К. Маркса. Инвентарь: галька со следами сколов – 1, сечения пластинок – 2, шарики метательные – 1, фрагменты керамики – 4, кусочек руды – 1. Всего 9 экз. – МО КОИМК.

Караганда 34. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н. 1960. Расположено в Новой Тихоновке по ул. Павлова. Инвентарь: сечения пластинок – 2, отщепы – 11. Всего 13 экз. – МО КОИМК.

Караганда 35. Единичные находки. Эпоха бронзы. Клапчук М.Н. 1960. Расположено в Новой Тихоновке «при выходе б.ул. Сталина на ручей». Инвентарь: сечения пластинок – 2, фрагменты керамики – 3 экз. – МО КОИМК.

Караганда 36. Единичные находки. Неолит. Клапчук М.Н. 1959. В вымоине вблизи стоянки Караганда 23. Инвентарь: скребки – 2, отщепы – 6. Всего 8 экз. – МО КОИМК.

Караганда 37. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М.Н. 1960-62. Находки конца каменного века собраны у родника к югу от аэропорта. Инвентарь: нуклеусы – 80, отщепы – 900, пластинки и пластинчатые сколы – 905, наконечники дротиков – 9, наконечники стрел – 31, скребла – 9, скребки на пластинках – 31, скребки на отщепках – 280, скребки-проколки – 9, отбойники – 2, трапеции – 8, проколки – 8, резцы – 1, пластины с зубчатой ретушью – 5,

пластины с притупленными краями – 40, отходы – 1450. Всего 3768 экз. – МО КОИМК.

Караганда 37. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Волошин В. С., 1970. Сборы у родника к югу от аэропорта (в шурфе и раскопке, а также на поверхности). Инвентарь: нуклеусы – 3, отходы производства – 144, скребки на отщепах – 32, пластинки и орудия из них – 92, наконечники стрел – 3, наконечники дротиков – 1, нож на плитке – 1, шарики – 14, куски керамики – 58, медные вещи – часть бронзового ножа 6×2 см с трещиной, металлическое ушко и отверстие, кусочек браслета – 3, кости – 34, мотыги – 2. Итого 388 экз. – МО КОИМК.

Караганда 39. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н. 1959. Расположено между заводом ГШО и школой №43 пос. Кирзавод 1-2. Инвентарь: наконечник стрелы – 1, отщепы – 3, керамика – 3 экз. – МО КОИМК.

Караганда 41. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н. 1959-1963. На склоне сопки в 1,5 км к югу от скважины №119 (пос. Кирзавод 1-2). Инвентарь: нуклеусы – 5, сечения пластинок – 72, скребки на отщепах – 17, скребки на пластинках – 1, вкладыши – 5, фрагменты мотыги – 3, фрагменты керамики – 50, заготовка напоя – 1, отщепы и отходы – 215. Всего 370 экз. – МО КОИМК.

Караганда 42. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н. 1960. Расположено у подножия сопки юго-восточнее АДК в Новом Майкудуке. Инвентарь: пластинки – 3 экз. – МО КОИМК.

Караганда 43-45. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Сборы т. Кулешова в 1946-1947 гг, Н. Тихоновка. Инвентарь: нуклеусы – 4, скребки на отщепах – 4, скребок на пластинке – 1, фрагменты микропластинок – 57, отходы от обработки камней – 114. Всего 180 экз. – МО КОИМК.

Караганда 46. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1960. К юго-востоку от скважины №119 (пос. Кирзавод №1-2). Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 15, скребки на отщепах – 9, вкладыш – 1, скребло – 1, наконечники копий – 2, мотыги каменные – 1, фрагменты керамики – 23, отщепы и отходы – 18. Всего 71 экз. – МО КОИМК.

Караганда 47. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1961. В районе скважины №119 между точками 19-20. Инвентарь: пластинка – 1, скребок на отщепе – 1, кусок медного ножа – 1, наконечник дротика – 1, фрагменты керамики – 13, кусок медной руды – 1. Итого 18 экз. – МО КОИМК.

Караганда 49. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1961. В районе скважины №116. Инвентарь: фрагмент нуклеуса – 1, сечения пластинок – 3, скребки на отщепах – 2, фрагменты керамики – 7, отщепы – 6. Всего 19 экз. – МО КОИМК.

Караганда 51. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1961. Местонахождение бронзового века. Расположено за пос. Кирзавод 1-2, сразу выше впадения в Балую Букту ручья, идущего от аэропорта. Инвентарь: фрагменты керамики – 2, отщепы – 2. Всего 4 экз. – МО КОИМК.

Караганда 52. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1962. На берегу топкого места между Новым Майкудуком и совхозом №1. Инвентарь: наконечник стрелы – 1, пластинка – 1. Всего 2 экз. – МО КОИМК.

Караганда 55. Местонахождение. Эпоха бронзы. Григорьев Г. В., 1952, 1957. К югу от мясокомбината в лесопитомнике. Инвентарь: наконечник стрелы цвета охры – 1, отщеп – 1, обломки керамики – 4, кости – 4. Всего 10 экз. – МО КОИМК.

Караганда 56. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1961. Выше точки 48 (в 2,5 км к югу от скважины №119). Инвентарь: нуклеусы – 4, сечения пластинок – 36, скребки на отщепах – 7, фрагменты керамики – 6, отходы – 75. Всего 128 экз. – МО КОИМК.

Караганда 63. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1966. В районе топкого места за аэропортом. Инвентарь: нуклеусы – 3, сечения пластинок – 2, скребки на отщепах – 2, фрагменты керамики – 5, отщепы – 4. Итого 16 экз. – МО КОИМК.

Караганда 64. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1966. В районе топкого места за аэропортом. Инвентарь: скребок на отщепе – 1, фрагменты керамики – 34. Итого 35 экз. – МО КОИМК.

Караганда 65. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1966. В районе топкого места за аэропортом. Инвентарь: нуклеус – 1, сечение пластинок – 1, скребло – 1, скребок на отщепе – 1, вкладыш – 1, отщепы – 4. Итого 11 экз. – МО КОИМК.

Каракабы. Стоянка открытого (наземного) типа в урочище Каракабы у родника Жайдаксу. В 12 км на северо-восток от горы Таскутан (769 м) или 11 м к юго-западу от горы Кызылтас (724,9 м). Родник приурочен к тектоническому разлому, высота уступа около 10 м, стоянка расположена у подошвы уступа. Площадь сборов 50×50 м. Инвентарь: скребки из отщепов – 3, обломок ножевидной пластинки с противолежащей ретушью по краям – 1, обломок ножевидной пластинки с ретушированной выемкой по краю – 1, проколка срединная из отщепа – 1, обломки ножевидных пластинок – 4, фрагмент нуклеуса (призматического?) – 1, заготовки и фрагменты орудий из мелких отщепов, отщепы и осколки различных горных пород и минералов (кварциты, яшмо-кварциты и т.д.) – 36 экз. – Архив А. Г. Медоева.

Каракия. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника Карабулак на шлейфе конусов выноса у склона денудационной равнины, в 7 км от высоты Каракия (488,4 м) или 8,7 км к северо-востоку от горы Кызылкия. Площадь сборов 80×50 м. Инвентарь: скребки из отщепов, лезвия выпуклые и округлые – 12, скребок из отщепа с двумя выемчатыми лезвиями – 1, провертки (проколки?) из отщепов – 2, выемчатый скребок из пластинчатого отщепа – 1, микрорезец срединного типа из отщепа – 1, фрагменты миниатюрных наконечников стрел (двусторонних) – 3, обломки ножевидных пластинок треугольного и трапециевидного сечений (без ретуши) – 29, обломки ножевидных пластинок с ре-

тушью со спинки по одному краю – 2, с брюшка по двум краям – 3, с противоположной ретушью – 1, фрагменты ножевидных пластинок с ретушированными выемками по одному краю и ретушью со спинки по другому – 2, пластинка с притупленным краем, длина 1 см, ширина 0,2 см – 1, продольный скол с нуклеуса призматического типа, высота 2,8 см, ширина 1,8 см – 1, фрагменты и заготовки орудий, отщепы и нуклеидные формы – 91 экз. Опал молочного цвета, кварциты серого и черного цветов. – Архив А. Г. Медоева.

Караоба. Единичные находки. Неолит (?). Горы Караоба. У родника, в 40 км от Акчетау (Акшетау) на юго-запад найдены на поверхности три небольших отщепа. – Архив А. Г. Медоева.

Каратастау. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1962. Южное подножье гор Каратастау, стоянка открытого (наземного) типа у родника, приуроченного к линии тектонического разлома, в 2 км к югу от горы Каратастау (748,8 м) или 19,5 км к юго-востоку от горы Котбас (846,8 м). Площадь сборов 60×75 м. Инвентарь стоянки составляют: скребок из отщепа – 1, отщепы и нуклеидные обломки – 50, из кварцитов и яшмо-кварцитов различных цветов. – Архив А. Г. Медоева.

Караунгур. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника в 115 км от г. Балхаша на восток и в 35 км по нормали на север от береговой линии озера Балхаш. Площадь стоянки 50×50 м, условное наименование «Караунгур». Инвентарь: мелкие скребки на отщепах различных типов, в основном округлые, круговидные и т. д. – 225, наконечники стрел в форме ивового и лаврового листьев, имеется миниатюрный экземпляр на пластинке – 12, ножевидные пластинки с ретушью с брюшка, имеется экземпляр с притупленным краем, поперечные сечения их дают формы треугольника и трапеции – 53, пластинки без ретуши (большинство в фрагментах) – 202, нуклеусы призматического типа, часть в фрагментах, – 52, поперечные сколы с нуклеусов – 7, нуклеидные формы – 16. Единичными экземплярами являются следующие формы: трапеция, орудия типа рабо, резец, проколка, ретушер и т. д. – всего свыше 20 экз.; различного рода заготовки и отщепы (многие с ретушью) – свыше 900 экз.; отходы производства в количестве более 300 экз. Материал изделий – кремь, кварцит, яшмокварцит. Керамики нет. Примечание 1) Основная масса инвентаря, безусловно, относится к неолиту, но некоторые его формы явно выпадают по типологии и способу изготовления из общего характера этого комплекса, они восходят к эпипалеолиту, таким образом, датировать стоянку следует эпипалеолитом – неолитом. Примечание 2) На склонах гор Караунгур в 550 м (приблизительно) на северо-запад имеются наскальные изображения, основная масса которых датируется неолитом. – Архив А. Г. Медоева.

Кемберген-Карасау 1. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. Ручей Кемберген-Карасау, правый берег. Инвентарь: куски нуклеусов – 4, нуклеусы клиновидные – 2, сечения пластинок – 3, скребки – 3, отходы – 48. Итого 60 экз. – МО КОИМК.

Кемберген-Карасау 2. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. На левом берегу ручья Кемберген-Карасау 2 у плеса и колодца, в 0,1-0,15 км вправо от полевой дороги Каражал – Бетпак-Дала. Инвентарь: нуклеус – 1, скребки на отщепах – 3, сечения пластинок – 11, отщепы и осколки – 26. Итого 41 экз. – МО КОИМК.

Кемберген-Карасау 4. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. Расположено в ущелье между сопками в 14 км южнее реки по пути на Бетпак-Далу. Инвентарь: нуклеусы – 3, сечения пластинок – 55, скребло – 1, скребки на пластинках – 2, скребки на отщепах – 20, наконечники стрел – 2, резец – 1, отщепы – 169. Итого 252 экз. – МО КОИМК.

Кенгур III. Стоянка. Эпоха камня. Усманова Э. Р., 1984. Стоянка находится в 300-400 м на север-северо-запад от могильника Уйтас-Айдос, на первой надпойменной террасе. С поверхности площадью 300×40 м собраны несколько наконечников стрел, скребков, остроконечников. Посередине площади был заложен шурф (70×70 см, глубина 40 см), в шурфе были найдены один наконечник стрелы и ряд отщепов имеющих дополнительную обработку ретушью. – Усманова Э. Р., 1984.

Кенжебайсай 1. Местонахождение. Неолит. Открыто в 1962 г. Р. А. Зиновой. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 22, скребки на пластинках – 4, скребки на отщепах – 8, проколки – 2, вкладыши – 2, трапеции – 2, скобель – 1, отщепы – 72. Итого 115 экз. – МО КОИМК.

Кенжебайсай 2-6. Местонахождения. Неолит. Клапчук М. Н., 1962. Находки собраны по саю Кенжебайсай, на левом берегу одного из плесов, в 3,5 км к востоку от пересекающей сай дороги из пос. Кызылжар в центр пустыни Бетпакдала.

Кенжебайсай 2. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 22, скребки на пластинках – 4, скребки на отщепах – 8, вкладыши – 2, трапеции – 2, скобель – 1, отщепы и отходы – 55 экз.

Кенжебайсай 3. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 7, скребки на пластинках – 4, скребки на отщепах – 5, вкладыш – 1, отщепы – 36. Итого 55 экз.

Кенжебайсай 4. Инвентарь: пластинки – 2, скребки на пластинках – 2, отщепы и отходы – 10. Итого 14 экз.

Кенжебайсай 5. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 4, скребки на пластинках – 6, скребок на отщепе – 1, отщепы и отходы – 25. Итого 37 экз. – МО КОИМК.

Кенжебайсай 6. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 8, скребки на пластинках – 3, скребки на отщепах – 3, резец – 1, трапеция – 1, отщепы и отходы – 19. Итого 37 экз. – МО КОИМК.

Кенжебайсай 7. Местонахождение. Палеолит (?). Клапчук М. Н., 1962. Находки собраны в 8-10 км к юго-востоку от могилы Кентюбе в Бетпакдале, на коренных породах над пересыхающим летом ручьем Кенжебайсай. Инвентарь: рубящие орудия – 3, скребло – 1, отщепы – 8. Итого 11 экз. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1961.

Кенжебайсай 8-10. Местонахождения. Неолит. Клапчук М.Н., 1962. Находки собраны по саю Кенжебайсай.

Кенжебайсай 8. Инвентарь: нуклеусы – 4, сечения пластинок – 12, скребки на пластинках – 3, скребки на отщепках – 7, овальный скребок – 1, вкладыш – 1, наконечник стрелы – 1, отщепы и отходы – 61. Итого 90 экз. – МО КОИМК.

Кенжебайсай 9. Инвентарь: сечения пластинок – 2, скребки на пластинках – 3, отщепы – 4. Итого 9 экз.

Кенжебайсай 10. Инвентарь: нуклеусы – 4, сечения пластинок – 7, скребки на пластинках – 1, скребки на отщепках – 4, отщепы и отходы – 25. Итого 41 экз. – МО КОИМК.

Кзыл-Джар 5-12. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1962. «Находки на левом берегу реки Сары-Су к востоку от Кзыл-Джар». Инвентарь: нуклеус – 1, сечение пластинок – 1, скребки на отщепках – 2, фрагмент наконечника дротика – 1, отщепы – 3. Итого 8 экз. – МО КОИМК.

Кзыл-Джар 13. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1962. «Находки на левом берегу реки Сары-Су в 4 км к юго-западу от Кзыл-Джар». Инвентарь: сечения пластинок – 3, отщепы – 9. Итого 12 экз. – [Музейная опись КОИМК].

Кзыл-Джар 14-17. Единичные находки. Неолит. Р.А. Зинова и Р.А. Терещенко, 1962. На левом берегу реки Сарысу, в 10-12 км к востоку от Кзыл-Джара. Инвентарь: нуклеус – 1, сечение пластинки – 1, отщепы – 3. Итого 5 экз. – МО КОИМК.

Кзыл-Джар 18-19. Единичные находки. Неолит. Р.А. Зинова и Р.А. Терещенко, 1962. У мог. Тохтар вблизи Кзыл-Джара. Инвентарь: пластинка – 1, отщеп – 1. Итого 2 экз. – МО КОИМК.

Кзыл-Джар 20. Местонахождение. Неолит. Зинов С.Г., 1962. На левом берегу реки Сарысу в 17 км к юго-западу от Кзыл-Джара. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 4, скребки на отщепках – 2, вкладыш – 1, отщепы, отходы – 125. Итого 134 экз. – МО КОИМК.

Кипшакпай. Стоянка. Неолит (?). Маргулан А.Х., 1947. Следы стоянок-мастерских обнаружены Х.А. Маргуланом в 1947 г. на берегу р. Жидели, в урочище Кипшакпай и Кокек, в 5 км на юго-запад от большой караванной дороги, идущей с юга на север и к юго-западу от урочища Кипшакпай. Одна из стоянок расположена у подножия холмов, внизу родник с пресной водой, он и сейчас служит местом отдыха для проезжающих через Бетпакдалу. Стоянка-мастерская выступает над поверхностью почвы в виде небольших бугорков высотой до 20-30 см, диаметром от 1,5 до 3 м. В ней обнаружено большое скопление кремневых отщепов, пластин и сколов, но мало готовых изделий. Найден наконечник стрелы листовидной формы из кремня бело-молочного цвета, обработанный тонкой двусторонней ретушью, длиной 3,5 см, шириной 1,2 см. В этой же технике изготовлен второй кремневый наконечник стрелы с обломанными концами. Среди находок особое место занимают ножевидные пластинки (10 экз.) с ретушью по краям, изготовленные из опала и кремня серого и кремневого цветов, размером 3-3,5, при ширине 1-1,2 см. Основную часть недорабо-

танных изделий составляют округлые и сегментовидные скребки из полупрозрачного опала, ретушированные по краям, диаметром 2-2,5 см. Для концевых скребков часто использованы сломанные пластинки с затупленными краями. Основным сырьем для изготовления орудий служили кремнь, халцедон, опал, яшма, опока, кварцит. Преобладают серые, кремневые, беломолочные цвета, сравнительно реже зеленые и сургучно-красные. – Маргулан А.Х., 1998, с. 40.

Кишкене-Когульдур 1. Стоянка. Неолит. Медоев А.Г., 1962. Юго-западный склон волнистой денудационной равнины, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника Каскабулак, 2,6 км к северу от озера Каскабулак или 9,3 км к юго-востоку от гор Кишкене-Когульдур. Площадь сборов 30-50×40-55 м. Инвентарь стоянки составляют: скребки из отщепов – 28, заготовки и фрагменты скребков из отщепов – 12, обломки ножевидных пластинок без ретуши, треугольного и трапециевидного сечений – 88, обломки ножевидных пластинок с ретушью со спинки по одному краю – 2, с брюшка по одному краю – 4, по двум краям – 1, с противоположной ретушью – 3, ножевидные пластинки с притупленным краем – 2, обломки ножевидных пластинок с зубчатыми и выемчатыми краями – 6, заготовка концевой скребка (?) из ножевидной пластинки – 1, фрагменты наконечников стрел двустороннего типа – 2; нуклеус конусовидного типа высотой 3,1 см – 1, нуклеус карандашевидного типа, высотой 1,8 см – 1, различные фрагменты нуклеусов, в том числе поперечные сколы с призматических нуклеусов – 12, отщепы и нуклеидные обломки различных горных пород и минералов – свыше 200 экз. Материал: опал молочного цвета, яшмо-кварциты кирпичного, темно-красного и других цветов, порфир коричневого цвета, яшмо-кварцит; кварцит серого и зеленоватого цвета. – Архив А.Г. Медоева.

Кишкене-Когульдур 2. Стоянка. Неолит. Медоев А.Г., 1962. Горы Кишкене-Когульдур, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника, находящегося в понижении у южного склона денудационной равнины на поверхности шлейфа конусов выноса в 0,6 км на северо-запад от родника Каскабулак. Площадь сборов 40×50 м. Инвентарь: скребки из отщепов с округлыми, выпуклыми и прямыми лезвиями – 33, зубчатый скребок из отщепа – 1, концевой скребок из массивного скола с треугольным сечением – 1, обломки ножевидных пластинок треугольного и трапециевидного сечений без ретуши – 51, обломки ножевидных пластинок с ретушью со спинки по одному краю – 6, с брюшка по одному краю – 3, по двум – 2, с противоположной ретушью – 2, ножевидные пластинки с притупленным краем – 3, обломки ножевидной пластинки со скошенным концом – 1, ножевидная пластинка с выемчатой ретушью – 1, заготовки и обломки нуклеусов призматического, клиновидного и других типов – 6, клиновидный нуклеус высотой 5 см – 1, миниатюрный диск диаметром 2,5 см, толщиной 1 см – 1, обломки и заготовки орудий, отщепы и нуклеидные обломки – свыше 150 экз. Кварциты и яшмо-кварциты различных цветов, порфир коричневого цвета, опал желтого и белого цветов. – Архив А.Г. Медоева.

Кишкене-Когульдур 3. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1962. Горы Кишкене-Когульдур, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника Карабо-Табулак у южного склона гор в 3,2 км к юго-западу от г. Кишкене-Когульдур (690,5 м) или 9,4 км к северо-востоку от соленого озера Оккиак. Площадь сборов 50×60 м. Инвентарь стоянки составляют: скребки из отщепов с выпуклыми лезвиями – 4, фрагмент скребка с прямым лезвием из отщепы – 1, наконечник стрелы двустороннеобработанный с выемкой в основании – 1, обломки ножевидных пластинок треугольного и трапециевидного сечения (без ретуши), длина от 1 до 2,8 см, ширина от 0,8 до 2,6 см. – 34, обломок ножевидной пластинки с зубчатой ретушью – 1, обломки ножевидных пластинок с ретушью со спинки на обоих краях (1 экз.), по одному краю (2 экз.), с брюшка по одному краю (3 экз.) и противоположной ретушью (1 экз.); нуклеус призматического типа, высота 4,3 см. – 1, поперечный скол с призматического нуклеуса – 1, микрорезец срединного типа из отщепы – 1, боковой микрорезец – 1, мелкие отщепы, нуклеидные обломки и другие отходы производства – 31 экз. Сырье – яшмо-кварцит серого, коричневатого цвета, опал, кварцит светло-серого цвета, порфир коричневого цвета, опал белый. – Архив А. Г. Медоева.

Кишкене-Когульдур 4. Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1962. Горы Кишкене-Когульдур, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника на аккумулятивной равнине (западный край) в 6 км на северо-запад от родника Каскабулак или в 5,3 км к северо-востоку от горы Кызыл-Кия (534,5 м). Площадь сборов 20×25 м. Инвентарь стоянки составляют: скребки из отщепов – 3, наконечник стрелы на ножевидной пластинке с боковой выемкой, длина 2,7 см, ширина черешка 0,5 см, толщина 0,3 см – 1, обломки ножевидных пластинок треугольного и трапециевидного сечений, длина от 0,9 см до 2,8 см, ширина от 0,6 см до 1,5 см. – 15, продольный (параллельный скалыванию пластинок) скол с нуклеуса призматического типа – 1, мелкие отщепы – 4 экз. Кварцит, яшмо-кварцит, порфир и т.д. – Архив А. Г. Медоева.

Ключики 1. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1963. В 0,5 км южнее центра селения Ключики. Инвентарь: сечения ножевидных пластинок – 4, скребок на пластинке – 1, скребки на отщепках – 11, наконечник дротика – 1, часть правилки – 1, отщепы, отходы – 104. Итого 123 экз. – МО КОИМК.

Койтас 1 (Северное Прибалхашье). Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1962. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем в горах Койтас, у родника Кокен на шлейфе конусов выноса в ложбине юго-западных склонов мелкосопочника, в 3,5 км на юго-восток от г. Кызылтас (703,6 м, горы Койтас). Площадь сборов 35-40×25-30 м. Инвентарь: скребок выемчатый из отщепы – 1, скребки из отщепов с выпуклыми лезвиями – 10, скребок-проколка из отщепы – 1, проколка или провертка из отщепы – 1, обломки ножевидных пластинок (без ретуши) треугольного и трапециевидного сечений длиной от 1 до 2,5 см, шириной 0,6 – 2,2 см 14, обломки ножевидных пластинок с ретушью противоположной – 1, с брюшка по двум краям – 2, наконечник стрелы

(конец обломан) с выемкой в основании, длина (реставрированная) примерно 3 см, ширина 1,2 см, толщина 0,3 см – 1, фрагмент небольшого двустороннего наконечника стрелы – 1, нуклеус клиновидного типа, высота 7 см, ударная площадка 3,5×5,5 см – 1, нуклеус конического типа, высота 3 см, ударная площадка горизонтальная 2,5×2,2 см – 1, фрагмент нуклеуса призматического типа плоской формы, высота сохранившейся части 2,6 см – 1, нуклеидное орудие типа «лекало», высота 3 см – 1, микрорезец из отщепы – 1, дисковидный нуклеус двустороннего типа – 1, мелкие отщепы, нуклеидные формы и обломки орудий – свыше 100 экз. Сырье – кварцит, яшмо-кварцит, опалы различных цветов. – Архив А. Г. Медоева.

Койтас 2 (Северное Прибалхашье). Стоянка. Неолит. Медоев А. Г., 1962. Горы Койтас, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем на делювиально-пролювиальных отложениях у родника Сары-Булак в ложбине среди низкого мелкосопочника (урочище Сарыбулак), 8,5 км к северо-востоку от горы Кызылтас (703,6 м) или 26,5 км к северо-востоку от поселка Моданият. Площадь сборов 35-40×30-35 м. Инвентарь: скребки из отщепов – 9, двойной скребок (выемчато-выпуклый) из отщепы – 1, скребок-проколка или провертка из отщепы – 1, проколка из отщепы – 1, обломки ножевидных пластинок без ретуши треугольного и трапециевидного сечения, длина 0,7 – 2,9 см, ширина 0,3 – 2,5 см – 7 экз., обломки ножевидных пластинок с ретушью со спинки по одному краю – 2, отщепы и нуклеидные обломки – 42 экз. Из различных горных пород и минералов, главным образом кварцитов, порфиров и яшмы. – Архив А. Г. Медоева.

Койтас 1. Местонахождение. Неолит. Танцюра В. С., 1964. Расположено на речке Карасу в 6 км от загона Койтас. Инвентарь: нуклеусы – 3, сечения пластинок – 43, скребки на пластинках – 4, скребки на отщепках – 2, фрагмент проколки – 1, отщепы и отходы – 200. Итого 253 экз. – МО КОИМК.

Койтас 2. Местонахождение. Неолит. Танцюра В. С., 1964. Расположено в районе загона Койтас на речке Карасу. Инвентарь: осколки породы со следами сколов – 5, скребки на отщепках – 12, фрагменты наконечников стрел – 6, фрагменты наконечников дротиков – 6, отщепы и отходы – 54. Итого 83 экз. – МО КОИМК.

Койтас 3. Местонахождение. Палеолит (?). Танцюра В. С., 1964. Расположено в нескольких км от загона на ур. Жота. Инвентарь: куски породы со следами сколов – 315, рубящие орудия – 3, отщепы и отходы – 9. Итого 327 экз. – МО КОИМК.

Койтас 4. Местонахождение. Палеолит (?). Танцюра В. С., 1964. Расположено в 19-20 км к югу от Койтаса. Инвентарь: куски породы со следами сколов – 33, нуклеусы – 31, отщепы – 19. Итого 83 экз. – МО КОИМК.

Койтас 5. Местонахождение. Палеолит (?). Танцюра В. С., 1964. Расположено в 9 км к северо-западу от загона Койтас. Инвентарь: куски породы со следами сколов – 3, скребок на отщепе – 1, отщепы – 13. Итого 17 экз. – МО КОИМК.

Койтас 6. Местонахождение. Неолит (?). Танцюра В. С., 1964. Расположено в 22 км к северо-западу от селения Койтас. Инвентарь: скребок – 1, отщепы – 21. Итого 22 экз. – МО КОИМК.

Койтас 7. Стоянка. Неолит (?). Танцюра В. С., 1964. Расположено в 3 км к северу от загона Койтас по сухому руслу речки Карасу. Инвентарь: нуклеусы и их фрагменты – 30, сечения ножевидных пластинок – 475, скребки на пластинках – 31, скребки на отщепах – 17, фрагмент наконечника дротика – 1, отщепы и отходы – 1040. Итого 1594 экз. – МО КОИМК.

Койтас 8. Местонахождение. Палеолит + неолит (?). Танцюра В. С., 1964. Расположено в загоне Койтас. Инвентарь: палеолит – отщепы – 9, нуклеус – 1, скребло – 1; неолит – нуклеусы – 2, отщепы, пластинки – 7, орудия труда – 3, отходы – 6. Итого 34 экз. – МО КОИМК.

Койтас 9. Единичные находки. Неолит (?). Танцюра В. С., 1964. Расположено в урочище Ушкак вблизи загона Койтас. Инвентарь: камни со следами сколов – 2, мотыга каменная – 1, отщепы – 7. Итого 10 экз. – МО КОИМК.

Койтас 10. Местонахождение. Палеолит. Танцюра В. С., 1964. Расположено в 11 км к юго-востоку от загона Койтас. Инвентарь: куски породы со следами сколов, – фрагменты наконечников дротиков грубой обработки – 3, отщепы – 12, нуклеусы (фрагменты) – 2, пластинки – 3, скребло – 1, другие орудия на плитках – 3, отходы – 1 кусок. Всего 25 экз. – МО КОИМК.

Койтас 11. Местонахождение. Палеолит. Танцюра В. С., 1964. Расположено в 11 км к северо-западу от Койтаса. Инвентарь: фрагменты наконечников дротиков, отщепы породы со следами сколов. Всего 18 экз. – МО КОИМК.

Койтас 12. Местонахождение. Неолит. Танцюра В. С., 1964. Расположено в 35 км к северо-западу от одноименного селения – Койтас, рядом с родником. Инвентарь: нуклеусы – 6, скребки на отщепах – 6, сечения пластинок – 3, фрагмент наконечника – 1, отщепы – 98; орудия труда – 8, пластинки – 5, отходы – 95. Итого 114 (Так указано – О. А.) экз. – МО КОИМК.

Кок-Домбак. Единичная находка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. В 10 км к северу от озера Кок-Домбак или в 50 км к северо-западу от г. Балхаш найден (на поверхности) пластинчатый отщеп с ретушью на краях, размеры 3×2 см, из кремнистой породы желтого цвета. – Архив А. Г. Медоева.

Кок-Домбак. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника, что в 18 км к северу от озера Кок-Домбак или в 60 км от г. Балхаш на северо-запад. Состав инвентаря: скребки на отщепах – 40, наконечники дротиков и стрел лавролистные, иволистные, черешковые – 41, ножевидная пластинка (фрагмент) – 1, отщепы с ретушью, без ретуши, обломки нуклевидной формы и т.д. – всего 125 экз. Материал – кремень, горный хрусталь и т.д. Керамики нет. Площадь стоянки 100×50 м. – Архив А. Г. Медоева.

Коскудук 1-4. Местонахождения. Неолит. Клапчук М. Н., 1967. Находки собраны у колодца Коскудук на восток от г. Жаман-Айбат. МО КОИМК:

Коскудук 1. Инвентарь: нуклеусы – 3, скребок на отщепе – 1, фрагмент наконечника стрелы – 1, отщепы – 86. Итого 91 экз.

Коскудук 2. Инвентарь: нуклеусы – 1, сечения пластинок – 9, скребки на отщепах – 2, отщепы – 110. Итого 122 экз.

Коскудук 3. Инвентарь: пластины – 12, скребки на отщепах – 5, резцы – 1, отщепы – 236. Итого 254 экз.

Коскудук 4. Инвентарь: нуклеусы – 2, пластины – 5, отщепы – 100. Итого 107 экз.

Котан-Эмель 1. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Горы Котан-Эмель, левый борт долины Акозек, родник в 110 км на северо-восток от стоянки Караунгур. У родника следы временной стоянки открытого типа, представленной микролитическим инвентарем из кремнистых пород: скребки на отщепах – 6, наконечники стрел – один листовидный, второй на пластинке с выемкой в основании – 2, пластинки ножевидные – 3, фрагменты нуклеусов – 2, отщепы небольших размеров, многие с ретушью – 20 экз. Керамики нет. Площадь распространения находок 20-30 x 25-30 м. – Архив А. Г. Медоева.

Котан-Эмель 2. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Левый борт долины Акозек, родник в 109 км на северо-восток от стоянки Караунгур. С поверхности у родника собран микролитический инвентарь: две короткие ножевидные пластинки и около 20 экз. небольших отщепов из кремнистых пород. Керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Котан-Эмель 3. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Родник у юго-восточного подножья гор Котан-Эмель в 106,5 км к северо-востоку от стоянки Караунгур. У родника собран небольшой микролитический инвентарь: хорошо сохранившийся наконечник стрелы из кремня черного цвета (листовидный) и около десятка мелких отщепов (многие с ретушью). – Архив А. Г. Медоева.

Котан-Эмель 4. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. У южного подножья гор Котан-Эмель в 104 км на северо-восток от стоянки Караунгур собран микролитический инвентарь: ножевидные пластинки – 8, нуклеус призматического типа – 1, мелкие отщепы, многие с ретушью – 26 экз. Кремень, кремнистые породы. Керамики нет. Площадь сборов 20-25 x 30-40 м. – Архив А. Г. Медоева.

Кудайменде 1-16. Местонахождения. Неолит - эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1967. Сборы на поверхности первой надпойменной террасы, на правом берегу р. Сарысу, выше впадения в нее р. Кудайменде, западнее пос. Атасу. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1967.

Кудайменде 1. Инвентарь: отщепы – 3 экз.

Кудайменде 2. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 4, скребок на пластинке – 1, наконечник стрелы – 1, кусочек медной руды – 1, фрагменты керамики – 23, отщепы и отходы – 11. Итого 42 экз.

Кудайменде 3. Инвентарь: нуклеусы – 1, сечения пластинок – 11, скребки на отщепах – 2, скребки на пластинках – 2, наконечник стрелы – 1, фрагменты керамики – 23, отщепы и отходы – 58. Итого 82 экз.

Кудайменде 4. Инвентарь: сечения пластинок – 5, скребки на отщепах – 3, скребок на пластинке – 1, отщепы и отходы – 21. Итого 32 экз.

Кудайменде 5. Инвентарь: сечения пластинок – 6, отщепы – 46. Итого 52 экз.

Кудайменде 6. Инвентарь: отщепы – 40. Итого 40 экз.

Кудайменде 7. Инвентарь: пластинка – 1, скребок на отщепе – 1, отщепы – 2. Итого 4 экз.

Кудайменде 8. Инвентарь: сечения пластинок – 22, отщепы – 17. Итого 39 экз.

Кудайменде 9. Инвентарь: сечение пластинки – 1, отщепы – 8. Итого 9 экз.

Кудайменде 10. Инвентарь: сечения пластинок – 2, скребок на отщепе – 1, отщепы – 18. Итого 21 экз.

Кудайменде 11. Инвентарь: сечения пластинок – 11, скребки на пластинках – 2, отщепы – 36. Итого 56 экз.

Кудайменде 12. Инвентарь: сечения пластинок – 5, скребки на отщепах – 7, скребки на пластинках – 2, наконечники стрел – 4, фрагменты керамики – 30, отщепы и отходы – 127. Итого 175 экз.

Кудайменде 13. Инвентарь: сечение пластинки – 1, скребки на отщепах – 2, отщеп – 1. Итого 4 экз.

Кудайменде 14. Инвентарь: пластинки – 4, отщепы – 5. Итого 9 экз.

Кудайменде 15. Инвентарь: сечения пластинок – 6, отщепы – 5. Итого 11 экз.

Кудайменде 16. Инвентарь: сечения пластинок – 6, наконечник стрелы – 1, отщепы и отходы – 9. Итого 16 экз.

Кудайменде 19. Местонахождение. Неолит-эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1967. Находки собраны в низовьях реки Кудайменде, на правом берегу Сарысу. Инвентарь: фрагменты нуклеусов – 4, сечения пластинок – 21, скребла – 4, скребки на отщепах – 18, фрагмент наконечника стрелы – 1, фрагменты наконечников дротиков – 4, вкладыш – 1, куски малахитовой руды – 2, отщепы – 175. Итого 175 (так в описи – О.А.) экз. – МО КОИМК.

Курайлы 1. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1962. Долина реки Курайлы, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника в русле реки у 1 н.п. террасы реки Курайлы (левый борт), в 10,5 км на восток от горы Акшоқы (749,3 м). Инвентарь: скребки из отщепов (5 экз.); фрагменты скребков из отщепов; фрагмент трапеции (?); обломки ножевидных пластинок (19 экз.) треугольного и четырехугольного сечений (без ретуши); ножевидная пластинка трапециевидного сечения с ретушью с брюшка по краям; нуклеус призматического типа высотой 3,5 см; продольный скол с нуклеуса призматического типа; поперечный скол с нуклеуса призматического типа; отщепы, осколки, нуклеидные формы (около 50 экз.) различных горных пород и минералов. – Архив А.Г.Медоева.

Курайлы 2. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1962. Бассейн р. Курайлы, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем, у родника в русле безымянного левого притока реки Курайлы, в 0,6 км к северу от могилы Акбастау или в 10 км к юго-востоку от горы Карашоқы (985 м). Площадь

сборов 40×40 м. Инвентарь стоянки: двойной скребок из отщепа (выемчато-выпуклый); скребок из отщепа со слегка выпуклым лезвием; заготовка скребка из отщепа; обломки ножевидных пластинок (без ретуши) треугольного и трапециевидного сечения (2 экз.); обломок ножевидной пластинки с ретушью по одному краю с брюшка; отщепы и осколки (4 экз.). – Архив А. Г. Медоева.

Кызылжал. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Горы Кызылжал, стоянка открытого (наземного) типа у родника, что в 100,5 км к северо-востоку от стоянки Караунгур. На площади, составляющей примерно 100×100 метров, собран каменный инвентарь в основном микролитического характера. Основная масса его – это небольшие отщепы из кремнистой породы черного цвета (свыше 100 экз.). Законченные формы составляют небольшую коллекцию, в которой выделяются следующие предметы: скребки на отщепах (5 экз.); скребло на отщепе; миниатюрная проколка на отщепе; нуклеусы призматического типа (4 экз.); пластинки ножевидные – треугольного, трапециевидного сечения, многие с ретушью (37 экз.); заготовка нуклеуса, отбойник. Материал изделий – черные и серые кремнистые породы. Керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Кызыл-Эспе. Единичная находка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. В 6,8 км от поселка Кызыл-Эспе происходит массивный наконечник стрелы с черешком из серо-белого кварцита. – Архив А. Г. Медоева.

Маликсай. Пещерная стоянка. Неолит (?). Семенов Л. Ф., 1955; Бейсенов А. З., 2005. Памятник находится в 1,5 км к северу от г. Каркаралинска, в урочище Маликсай. В 1955 г. Л. Ф. Семеновым (Карагандинский областной историко-краеведческий музей) при обследовании пещеры были найдены каменные скребки. Вторично обследован Сарыаркинской экспедицией ИА МОН РК в 2004 г. (А. З. Бейсенов). Представляет собой пещеру с двумя неглубокими боковыми нишами. Центральная пещера имеет вход шириной до 7 м и высотой до 1,5 м. Длина входа до 10 м. В конце пещеры находится купол высотой до 3,5 м. Общая площадь пещеры 35-40 кв. м. – Бейсенов А. З., 2005.

Миликудук 1. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М.Н., 1969. Расположено в 10 км к северо-западу от метеостанции Кенсе, рядом с самоизливающейся скважиной. Инвентарь: нуклеусы – 2, фрагменты керамики – 3. Итого 5 экз. – МО КОИМК.

Миликудук 2. Местонахождение. Неолит. Клапчук М.Н., 1969. Расположено в 10 км к северо-западу от метеостанции Кенсе, 100-200 м к северу от самоизливающейся скважины. Инвентарь: фрагменты нуклеусов – 2, нуклеусы – 3, скребки на пластинках – 2, скребки на отщепах – 13, проколки – 3, резец – 1, вкладыши – 4, трапеция – 1, сечения ножевидных пластинок – 63, отщепы и осколки – 250. Всего 342 экз. – МО КОИМК.

Миньковка 1-3. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1963. Находки собраны на берегу ручья на западной окраине с. Миньковка. Инвентарь: осколки кремнистой породы – 36, кусочки малахитовой руды – 1, нуклеусы – 1, пластинки и их сечения – 12, скребки на пластинках – 1, скребки на отщепах – 5, фрагменты керамики – 3, вкладыш – 1. Итого 60 экз. – МО КОИМК.

Музбель (Северное Прибалхашье). Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Юго-восточная часть гор Музбель, незначительные сборы микролитического инвентаря с делювиально-пролювиального шлейфа у родника в 5 км к югу от высшей точки гор Музбель, в 4,3 км к северо-западу от родника Муллабулак. Площадь сборов 30×25-30 м. Инвентарь: фрагмент ножевидной пластины с ретушью по краю со спинки, кварцит серого цвета; двусторонний дисковидный нуклеус, диаметр 4,5 см, толщина 2 см, кварцит зеленого цвета; заготовки скребков из отщепов и мелкие отщепы (7 экз.), кварцит. На плоской поверхности увала, у подножья которого расположен родник, в «эпоху родниковых стоянок» была каменоломня по добыче горных пород для микролитической индустрии. Представлена каменоломня небольшими отщепами и нуклеидными обломками (свыше 1000 экз.) кварцитов белых и зеленоватых цветов. Площадь сборов 50×50-60 м. – Архив А. Г. Медоева.

Музбель 1. Местонахождение. Палеолит (?). Клапчук М. Н. На правом берегу р. Сарысу, южнее, в 1,7 км находится останец Музбель, в 40 км к югу от центральной усадьбы поселка Жетыконур. Приурочено оно к галечникам верхнеплиоценового возраста, пользующимся широким распространением на правом берегу р. Сарысу южнее плосковершинной горы Музбель. Анализ каменной индустрии позволил отнести объект к верхнему палеолиту. Инвентарь: гальки со следами сколов – 38, нуклеусы – 10, орудия – 30, отщепы – 16. Итого 94 экз. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1967.

Мунглу 1. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1968. В 7 км к югу от реки Карасай у родника. Инвентарь: медная руда – 9; куски нуклеусов – 10; сечения пластинок – 6; скребки на отщепах 10; отходы – 63. Всего 98 экз. – МО КОИМК.

Мунглу 2а. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1968. расположено в 28 км по пути от горы Мунглу на гору Кыльча, у родника. Инвентарь: нуклеусы – 2, сечения пластинок – 38, вкладыши – 3, наконечники стрел – 2, скребки на отщепах – 18, отщепы и отходы – 155. Итого 218 экз. – МО КОИМК.

Мунглу 3. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1968. Находки в районе г. Мунглу. Инвентарь: нуклеус – 1, фрагмент наконечника дротика – 1, сечения пластинок – 9, скребки на отщепах – 4, отщепы и отходы – 44. Итого 59 экз. – МО КОИМК.

Мунглу 4. Местонахождение. Эпоха бронзы. Клапчук М. Н., 1969. Местонахождение приурочено к обрыву в правом берегу речки Коктас, севернее крайних домов поселка, вблизи брода. Инвентарь: отщепы – 4, фрагменты керамики – 4, косточки животных – 8. Итого 16. – МО КОИМК.

Мунглу 5. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. Расположено на одном из южных отрогов горы Мунглу к северо-востоку от поселка на речке Коктас. Инвентарь: нуклеус – 1, скребок на отщепе – 1, отщепы – 12. Итого 14 экз. – МО КОИМК.

Мунглу 6. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. Расположено на поверхности террасы на левом берегу р. Коктас севернее магазинов. Инвентарь: скребок на пластинке – 1, отщеп – 1. Итого 2 экз. – МО КОИМК.

Мунглу 7. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1969. Расположено сразу за северными постройками поселка по речке Коктас, на левом берегу речки, выше брода на террасе. Инвентарь: отщепы – 4 экз. – МО КОИМК.

Нурман. Стоянка. Неолит. Петрунь В. Ф., 1952. В 22 км к северу от пос. Байконур, в верховьях р. Жидели у истока р. Буланты (Байконур). Стоянка выявлена на участке дефляции суглинков, лишенных дернового покрова. Площадь с культурными остатками представляет собой полосу в 400 м длины и 150 м ширины. Культурный слой обнаруживается по всей площадке в виде скопления огромного количества отходов каменной индустрии, залегающих на поверхности суглинков, и, частично, в мезозойской коре выветривания. На поверхности стоянок собрано около 200 предметов, из них 75 целых и сломанных орудий, остальные отщепы, все из кварцита, халцедона и других горных пород. – Маргулан А. Х., 1998, с. 78.

Обалысан 1. Местонахождение. Палеолит(?). Клапчук М. Н., 1967. Расположено в 4 км к юго-западу от центральной усадьбы поселка Жетыконур, на юго-запад от с. Бирлестик. Находки были собраны среди многочисленных кварцитовых галек, происходящих из толщи покровных палеогеновых отложений. Артефакты представлены в небольшом количестве. Найдены одно рубящее орудие и два нуклеуса. Рубящее орудие оформлено на несколько уплощенной гальке путем снятия чередующихся сколов. Рабочий край зигзагообразный. Дополнительная подправка отсутствует. Один из нуклеусов двухплощадочный, другой дисковидный. Скальвание производилось от лезвия. Рубящее орудие типа чоппинга и дисковидный односторонний нуклеус, напоминают аналогичные орудия из каратауских местонахождений Борыказган и Танирказган. Двухплощадочный нуклеус имеет сходство с удлиненными обработанными гальками из Джоу-Коу-Дяня. В результате М. Н. Клапчук используя эти моменты, а также приуроченность местонахождения к древней нижнеплейстоценовой аллювиальной равнине, условно датирует собранные в Обалысане находки нижним палеолитом. – МО КОИМК; Клапчук М. Н., 1967.

Обалысан 2. Местонахождение. Неолит. Клапчук М. Н., 1967. Инвентарь: фрагмент нуклеуса – 1, сечение пластинки – 1, наконечник стрелы – 1, скребки на отщепах – 5, отходы – 12. Итого 20 экз. – МО КОИМК.

Орта-Сары-Озек. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Долина Орта-Сары-Озек, стоянка открытого (наземного) типа у родника, подножье сопки, юго-западный склон мелкосопочника, в 2,7 км на восток от зимовки Абдурахман или в 3 км на северо-восток от горы с отм. 716,2 м, или в 17,5 км к юго-востоку от горы Кара-Чеку (982 м). Площадь сборов 30×50 м. Инвентарь: скребки из отщепов (3 экз.); обломки ножевидных пластинок без ретуши (20 экз.); обломки ножевидных пластинок с ретушью со спинки по одному

краю (5 экз.), и с брющка по двум краям (1 экз.); обломки ножевидных пластинок с выемками (2 экз.), пластинка с притупленным краем; миниатюрные проколки на углу косо обломанных ножевидных пластинок (2 экз.); нуклеус призматического типа (односторонний), высота 2,4 см; отщепы и осколки (19 экз.); фрагмент сегмента, скребок из отщепы с выемчатым лезвием; фрагменты орудий (2 экз.). – Архив А. Г. Медоева.

Передержка 1-2 Стоянки-мастерские. Палеолит. Клапчук М. Н., 1962. Памятник представляет собой два небольших обнажения алевритистого песчаника мелового возраста, в 4 км южнее от брода на реке Сарысу по пути из Жезказгана в Кенсе. Здесь на лежащих на поверхности обнажения желваках и угловатых глыбах отмечены многочисленные следы снятия сколов, а вокруг них лежат полупродукция и единичные готовые орудия. На стоянке найдены 2136 предметов, в том числе 8 массивных отщепов с фасетками пластин, 10 конических нуклеусов, 311 пластин и их сечений, 23 треугольных скола, 13 ребристых пластин и 703 отщепы. Если не считать 15 предметов, в общем, напоминающих монофасы, то готовые орудия на местонахождении не встречены. Роль орудий, возможно, исполняли пластины, часть которых можно отнести к типу зубчатых. Местонахождения Передержка 1-2, М. Н. Клапчук относит к среднему и верхнему палеолиту. – Клапчук М. Н., 1966.

Пионер XVI. Стоянка. Эпоха камня. Новоженев В., Чиндин А., 1988. Памятник расположена на склоне сопки, правого берега реки Сарысай, левого притока р. Байконур, в 200 м к западу от стоянки 15. Представляет собой стоянку-мастерскую по добыче кремня. – Новоженев В., Чиндин А., 1989.

Сары-Кенгир. Стоянка. Эпоха камня. Усманова Э. Р., 1982. Стоянка находится в 3,5 км к юго-западу от пос. Сарыкенгир. Через стоянку проходит дорога через реку в пос. Каракенгир. Стоянка расположена между сопками, за которыми находится курганная группа №2, на мысу при спуске к реке. Площадь нахождения кремневого материала 30×100 м. При закладке шурфа культурный слой не обнаружен. Кремневый материал еще находится на протяжении 1 км, непосредственно по берегу реки. Состав кремневого материала разнообразен: отбойник, нуклеусы (2 экз.), скребки (2 экз.), орудие (1 экз.), скобель (9 экз.), резцы (2 экз.), пластины (10 экз.), скребки (22 экз.), отщепы рабочие (8 экз.). – Усманова Э. Р., 1982.

Сарымсақты-Джамбашская равнина 1. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Родник в 84 км на юго-восток от стоянки Караунгур, около него на площади 25×30-40 м собраны микролитические изделия: скребок на отщепе и мелкие отщепы – 19 экз. – Архив А. Г. Медоева.

Сарымсақты-Джамбашская равнина 2. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Колодец в 82,5 км на юго-восток от стоянки Караунгур; сборы дали микролитические изделия на площади 30×30 м (приблизительно). Инвентарь: скребки различных форм на отщепе – 6 экз.; ножевидные пластинки с ретушью со спинки и с брющка (меньше) – 5 экз.; отщепы небольших размеров. – Архив А. Г. Медоева.

Сарымсақты-Джамбашская равнина 3. Местонахождение. Неолит – эпоха бронзы. Медоев А. Г., 1961. На конусе выноса в 81,5 км на восток от стоянки Караунгур собраны микролитические изделия на площади 30-35×50-60 м. Инвентарь: скребки на отщепе – 5, двойная проковка на отщепе – 1, размеры 1,3×1 см; ножевидная пластинка (сечение дает форму трапеции) с ретушью на обоих краях с брющка, длина 2,5 см; ножевидные пластинки без ретуши (фрагменты) – 8 экз.; отщепы (многие с ретушью) – 52 экз. Материал изделий в основном кварцита. Керамики нет. Имеются следы древних плавков на медь. – Архив А. Г. Медоева.

Сарысай. Единичные находки. Неолит – эпоха бронзы. Новоженев В., Чиндин А., 1988. Находится на левом берегу р. Байконур, при впадении в реку левого притока, в 32 км к юго-западу от поселка Байконур, в 500 м юго-восточнее зимовки Сарысай. На ровной слегка задернованной, покрытой серо-желтым суглинком и разреженной растительностью поверхности обнаружены изделия из серого, черного кварцитопесчаника и яшмокварцита. Инвентарь: обломок призматического нуклеуса, обломок ножа, пластина с ретушью и 7 отщепов. Найдены также 2 неорнаментированных фрагмента керамики серого цвета. – Новоженев В., Чиндин А., 1989.

Сары-Узень 1-8. Местонахождения. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1962. Находки собраны на северном берегу озера Сары-Узень. – МО КОИМК.

Сары-Узень 1. Инвентарь: скребок на отщепе – 1, отщепы – 3. Итого 4 экз.

Сары-Узень 2. Инвентарь: скребок на отщепе – 1, сечения пластинок – 10, отщепы и отходы – 38. Итого 49 экз.

Сары-Узень 3. Инвентарь: скребки на отщепе – 2, скребла – 2, раловидное орудие – 1, сечения пластинок – 6, отщепы и отходы – 30. Итого 41 экз.

Сары-Узень 4. Инвентарь: нуклеусы – 5, сечения пластинок – 27, скребки на отщепе – 22, шарик метательный – 1, трапеция – 1, топорик – 1, отщепы и отходы – 210. Итого 267 экз.

Сары-Узень 5. Инвентарь: нуклеусы – 2, кусок породы со сколами – 1, скребок на пластинке – 1, сечения пластинок – 3, скребок на отщепе – 1, отщепы мелкие – 15. Итого 23 экз.

Сары-Узень 6. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 8, фрагмент наконечника дротика – 1, скребки на отщепе – 5, скребок на пластинке – 1, вкладыш – 1, отщепы – 121. Итого 138 экз.

Сары-Узень 7. Инвентарь: сечения пластинок – 8, фрагмент наконечника дротика – 1, скребки на отщепе – 2, скребки на пластинках – 3, отщепы – 24. Итого 38 экз.

Сары-Узень 8. Инвентарь: отщепы и осколки кремнистых пород – 25 экз.

Сарыузен 9. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1966. Находки собраны в районе севернее оз. Бесюган к р. Сарысу, 1966. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 19, скребок на отщепе – 1, отщепы – 36. Итого 57 экз. – МО КОИМК.

Сарыузен 10. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М.Н., 1966. Находки собраны в районе севернее оз. Бесюган к р. Сарысу, 1966. Инвентарь: сечения пластинок – 9, скребки на отщепе – 2, отщепы – 16. Итого 27 экз. – МО КОИМК.

Сасыкбай. Единичные находки. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961-1962. Местонахождение открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем (с площади 20-30×35 м), расположенное у родника Сасыкбай, что в 32,5 км к юго-западу от Акчетау. Состав инвентаря: скребок на отщепе; миниатюрные дисковидного типа нуклеусы на отщепе (2 экз.); фрагменты ножевидных (5 экз.); небольшие отщепы (14 экз.). Остатков керамики нет. – Архив А.Г. Медоева.

Соркудук 6. Местонахождение. Палеолит (?) + неолит (?). Клапчук М.Н., 1968. Долина р. Сарысу в 180 км к юго-востоку от Жезказгана. Приурочено к выходам на склоне сопки коренных пород яшм. Инвентарь: нуклеусы – 69, нуклеидные куски – 69, отщепы – 183, пластинчатые отщепы – 21, отщепы с ретушью – 6, орудия труда – 79, двухстороннеобработанные орудия – 39, отходы производства (обломки, осколки, чешуйки – 591. Итого 1055 экз. – МО КОИМК.

Соркудук 8. Местонахождение. Палеолит (?) + неолит (?). Клапчук М.Н., 1968. Долина р. Сарысу в 180 км к юго-востоку от Жезказгана. Инвентарь: Пластинки – 6, скребки на отщепе – 1, отщепы – 52. Итого 59 экз. – МО КОИМК.

Сузыскара 1. Единичные находки. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. У родника, что в 4,5 км от стоянки «Караунгур» на северо-восток. Инвентарь: скребок на отщепе, обломок наконечника стрелы, два небольших отщепе. Кремьень, кварцит. – Архив А.Г. Медоева.

Сузыскара 2. Единичные находки. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. Отдельные находки микролитических изделий в 18,5 км от стоянки «Караунгур» на северо-восток. Инвентарь: скребок бокового типа из кремнистой породы серого цвета и несколько мелких отщепов. – Архив А.Г. Медоева.

Сузыскара 3. Стоянка. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника, в 6 км на юго-восток от стоянки Караунгур. Площадь сборов 25×40 м. Инвентарь: скребки на отщепе – 5 экз., фрагменты нуклеусов и заготовки нуклеусов – 6 экз., отщепы (многие с ретушью) – 58 экз., два нуклеуса более раннего типа, чем вышеуказанный микролитический инвентарь – один клиновидный, другой плоский, оба с горизонтальными ударными площадками. Материал изделий – кремнистые породы различных цветов. Керамики нет. – Архив А.Г. Медоева.

Сузыскара 4. Единичные находки. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. В 4 км к юго-востоку от стоянки Караунгур найден небольшой наконечник стрелы с плоской двусторонней ретушью. – Архив А.Г. Медоева.

Сузыскара 5. Единичные находки. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. В долине р. Ашиозек (с днища долины) в 14 км на юго-восток от стоянки Караунгур

местонахождение микролитических изделий. Инвентарь: скребок на отщепе из кремня серого цвета и тонкий пластинчатый отщеп из яшмо-кварцита красноватого цвета. – Архив А.Г. Медоева.

Сузыскара 6. Единичные находки. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. Колодец в 18 км на юго-восток от стоянки Караунгур. Сборы дали три отщепе – характерные заготовки для мелких скребков. – Архив А.Г. Медоева.

Сузыскара 7. Стоянка. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. Открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника в 23 км на юго-восток от стоянки Караунгур. Площадь стоянки 100×120-150 м. Инвентарь: скребки на отщепе (подавляющее большинство), размеры от 1×0,5 см до 6×4 см – всего 129 экз.; ножевидные пластинки (мелкие фрагменты) с ретушью со спинки, реже с брюшка, сечения их дают формы треугольника, трапеции – 10 экз.; пластинки без ретуши (типы, что и с ретушью) – 64 экз.; наконечники дротиков и стрел различных типов (большинство в фрагментах), с выемкой, зубчатой ретушью по краям, но главным образом лавролистные, иволлистные – всего 14 экз.; нуклеус плоский с вертикально направленными негативами сколов; фрагменты орудий, нуклеидные формы, отщепы (многие с ретушью) – 406 экз.; отходы производства – свыше 3000 экз. Материал изделий обычный для стоянок района – кремьень, главным образом яшмокварцит. Керамики нет. – Архив А.Г. Медоева.

Сузыскара 8. Стоянка. Неолит (?). Медоев А.Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у высохших родников (там же саксаульник), расположенных в 9,5 км на юго-восток от стоянки Караунгур. Площадь стоянки 100×100 м. Инвентарь: скребки на отщепе (размеры характерные для всех стоянок района – от 1×1 см до 4×4,5 см) – 49 экз.; наконечник стрелы (копьевидный?), нуклеусы с вертикальными негативами сколов – 2 экз.; пластинки ножевидные с притупленной спинкой и т.д. – 10 экз.; фрагменты пластинок без ретуши – 48 экз.; отщепы, фрагменты орудий, нуклеидные формы – 299 экз.; осколки, чешуйки – свыше 500 экз. Материал изделий – кремьень, кварцит, микрокварцит. Керамики нет, есть следы (недалеко, у саксаульника) древних плавов на медь. – Архив А.Г. Медоева.

Султан. Стоянка. Неолит (?). Медоев А.Г., 1962. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем (площадь сборов 100×80 м) у родника Султан, что в 27,5 км на юго-запад от Акчетау. Состав инвентаря: скребки на отщепе (21 экз.); наконечники стрел в фрагментах (2 экз.); нуклеусы конусовидного типа с горизонтальными ударными площадками (2 экз.); нуклеусы призматического типа в фрагментах (2 экз.); обломки ножевидных пластинок, некоторые с ретушью со спинки, реже с брюшка (54 экз.); отщепы, (свыше 100 экз.). Остатков керамики нет. – Архив А.Г. Медоева.

Сюргута 1. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М.Н., 1963. На правом берегу реки Сарысу в 18 км к югу от впадения р. Каракенгир в Сарысу. Инвентарь: нуклеусы – 8, фрагменты наконечников дротиков – 2, скребки на отщепе – 1, отщепы и осколки породы – 83. Итого 94 экз. – МО КОИМК.

Сюргута 2. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1963. Находки собраны на слиянии рек Сарысу и Кенгир. Инвентарь: сечения пластинок – 2, отщепы – 16. Итого 94 экз. – МО КОИМК.

Сюргута 3. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1963. Находки собраны на слиянии рек Сарысу и Кенгир. Инвентарь: нуклеус – 1, сечения пластинок – 2, скребки на отщепе – 3, отщеп с резцовым сколом – 1, фрагменты дротиков – 4, отщепы и осколки породы – 79. Итого 90 экз. – МО КОИМК.

Сюргута 4. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1963. Находки собраны на левом берегу реки Сарысу против впадения в нее Каракингира. Инвентарь: фрагмент наконечника дротика – 1, скребок на отщепе – 1, скребок на пластинке – 1, отщепы – 4. Итого 7 экз. – МО КОИМК.

Сюргута 6. Местонахождение. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1964. Находки собраны при впадении р. Каракенгир в р. Сарысу. Инвентарь: пластинка с обработкой краев – 1 экз. – МО КОИМК.

Тайшык. Стоянка-мастерская. Средний палеолит (?). Бейсенов А. З., Бексеитов Г. Т. 2005. Памятник находится в 7 км к юго-востоку от с. Жекежал, на левом берегу р. Тайшык, на расстоянии 1 км от русла. На вершине сопки найдены нуклеусы, отщепы с ретушью, сколы. – Бейсенов А. З., 2005.

Талдыбулак. Единичная находка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1962. Урочище Талдыбулак. У родника в 43 км от Акчетау на юго-запад, найден на поверхности обломок ножевидной пластинки (длина 2 см) трапециевидного сечения, материал – кремнистая порода сероватого цвета. – Архив А. Г. Медоева.

Тамды 1. Стоянка. Неолит. Петрунь В. Ф., 1952. В нижнем течении р. Тамды в 8 км выше ее впадения в р. Сары-Тургай. Более древняя стоянка Тамды I находится на водоразделе в 1,5 км от стоянки Тамды II. Особого внимания заслуживает ножевидная пластинка архаического облика длиной 12 см, шириной 5 см.

Тамды 2. Стоянка. Неолит. Петрунь В. Ф., 1952. Расположена на верхней террасе, на небольшой скалистой площадке, защищенной от северного ветра. Кремневые изделия и обломки керамики встречены в почвенном слое, обнаженном ветровой эрозией и частично на каменистой поверхности площадки. Все сборы В. Ф. Петрунь со стоянок Нурман, Тамды I, II хранятся в МАЭ. – Маргулан А. Х., 1998, с. 79.

Таскудук. Местонахождение. Палеолит (?). Клапчук М. Н., 1967. Расположено на ур. Таскудук к юго-западу от солончака Жамантуз в районе Майкаина. Инвентарь: нуклеусы – 11, фрагменты листовидных дротиков – 55, фрагменты топорovidных орудий – 7, остроконечники – 2, скребла – 4, пластинчатые сколы – 18, отщепы – 254, обломки сколов – 120. Итого 471 экз. – МО КОИМК.

Тесиктас 1. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника, что в 4 км на северо-восток от стоянки Караунгур. Площадь стоянки 60×60 м, условное наименование «Тесиктас 1». Инвентарь: скребки на отщепе – 26 экз.; обломок наконечника стрелы – 1 экз.; ножевидные пластинки, большинство в фрагментах, неко-

торые с ретушью – 24 экз.; нуклеусы, по форме близкие к призматическому типу – 6 экз.; нуклевидные формы – 5 экз., сколы с нуклеусов – 2 экз.; скобель-провертка (или проколка) – 1 экз.; отщепы небольших размеров – свыше 80 экз. Материал – горные породы тех же видов, что и на стоянке Караунгур. Керамики нет. Имеются рядом многочисленные наскальные изображения, среди которых наибольшее внимание привлекают гравюры бизонов. Значительная часть их датируется неолитом. – Архив А. Г. Медоева.

Тесиктас 2. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у сухого родника в 1 км от стоянки Тесиктас 1 на северо-запад. Площадь распространения изделий 25×30-35 м, название стоянки «Тесиктас 2». Инвентарь: скребки на отщепе – 19 экз.; ножевидные пластинки с ретушью (фрагменты 0,5 см, 1 см, 3 и 5 см) со спинки, реже с брюшка, поперечное сечение дает формы треугольника и трапеции – 25 экз.; пластинки этого же порядка без ретуши – 89 экз.; нуклеусы карандашевидного и призматического типов с прямыми ударными площадками, поперечный скол с нуклеуса – всего 5 экз.; отщепы небольших размеров – 28 экз. Материал изделий обычный для стоянок этого района. Керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Тундык. Стоянка. Эпоха камня. Кукушкин И. А., Рудковский И. В. 1990. Памятник находится в 0,5 км западнее отметки «21 км» грейдера «Егиндыбулак-с. Осибай», на левом берегу ручья Карабулак. С поверхности подняты кремневые отщепы, скребки и др. Площадка стоянки сильно выбита скотом и местами перекопана постройками эпохи бронзы. Подъемные сборы представлены, в основном, грубыми отщепами и несколькими скребками, выполненными на местных породах камня. Площадь стоянки приблизительно 10000 кв. м. – Рудковский И. В., 1990.

Туранга 1. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Долина р. Туранги. У высохшего родника на левом борту долины в 118 км на юго-восток от стоянки Караунгур собран микролитический инвентарь с довольно небольшой площади. Это скребки на отщепе (5 экз.), наконечник стрелы (обломок), ножевидная пластинка с ретушью со спинки (треугольного сечения), поперечный скол с нуклеуса призматического типа, мелкие отщепы (20 экз.). Керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Тюемайнак. Единичные находки. Сборы Л. Бордзиловской, 1962. Сдал в музей М. Н. Клапчук. Инвентарь: наконечники стрел – 2 экз. – МО КОИМК.

Тюемайнак 6. Местонахождение. Неолит (?). Волошин В. С., 1970. Расположено в Жанааркинском районе Карагандинской обл. в 22 км к северо-востоку от станции Тюемайнак в мелкосопочном понижении на четвертичном суглинке. Инвентарь: орудия труда – 6, отходы производства – 24, прочие изделия с ретушью – 3. Итого 33 экз. – МО КОИМК.

Тюемайнак 8. Местонахождение. Неолит (?). Волошин В. С., 1970. Расположено в Жанааркинском районе Карагандинской обл. в 22 км к северо-востоку от станции Тюемайнак и в 1 км от жили кварца на склоне сопки

вблизи ручейка. Инвентарь: обломки нуклеусов и их заготовки – 4, отходы производства – 391, ножевидные пластинки и их обломки – 60, орудия труда – 24, прочие изделия со вторичной обработкой – 16, кусок керамики – 1. Итого 496 экз. – МО КОИМК.

Тюемайнак 11. Местонахождение. Неолит (?). Волошин В. С., 1970. Расположено в Жанааркинском районе Карагандинской обл. в 22 км к северо-востоку от станции Тюемайнак на краю глинистого пятна типа такыра. Инвентарь: орудия труда – 12, ножевидные пластинки – 2, отходы производства – 14. Итого 28 экз. – МО КОИМК.

Тюлькилам. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Урочище Майкудук в горах Тюлькилам, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника. 13,7 км к востоку от горы Тюлькулам (684 м) или в 32 км к юго-западу от горы Аяк-Караул. Площадь сборов 40-45×30-35 м. Инвентарь стоянки составляют: скребки из отщепов (3 экз.), двойные скребки из отщепов (выемчато-выпуклые) (2 экз.), выемчатый скребок из отщепа; отщепы и заготовки орудий (6 экз.), кварцит, яшмо-кварцит. – Архив А. Г. Медоева.

Уленты. Стоянка. Эпоха камня. Кукушкин И. А., 1990. Памятник находится в 5 км на Запад от 3-го отд. с/за. Тельман. «На стоянке найдены кремневые подделки из камня в виде орудий». Рудковский И. В., 1991.

Улькен-Кугульдур. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника Каипбулак на шлейфе конусов выноса на стыке гривисто-увалистого мелкосопочника и волнистой денудационной равнины (тектонический уступ юго-западного склона гор Улькен-Кугульдур). 7 км к юго-западу от поселка Кугульдур или в 5 км к северу от горы Кишкене-Кугульдур, или в 12 км к северо-западу от горы Жангызтобе (602,3 м). Площадь сборов 50-60×60-65 м. Инвентарь стоянки составляют: скребки из отщепов (2 экз.); заготовка скребка (?) концевой типа из ножевидной пластинки; фрагмент скребка из обломка ножевидной пластины (?) с выпуклым лезвием; обломки ножевидных пластинок (12 экз.), без ретуши; обломки ножевидных пластинок с ретушью с брюшка по одному краю (2 экз.), фрагмент миниатюрного нуклеуса призматического типа; миниатюрные нуклеусы четырехугольной формы (3 экз.), размеры, например, 2,8×1,8 см, толщиной 1 см; отщепы и нуклеидные обломки (66 экз.). – Архив А. Г. Медоева.

Ушкызыл. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Правый борт долины Аозек у родника, что в 104 км на северо-восток от стоянки Караунгур (горы Ушкызыл) собран микролитический инвентарь на площади 50×50 м. Инвентарь состоит из скребков на отщепе (12 экз.), проколки или провертки на мелком отщепе, фрагментов ножевидных пластинок (3 экз.), нуклеуса призматического типа и мелких отщепов (около 20 экз.). Материал – кремнистые породы желтого, серого, розового и черного цветов. Керамики нет. В долине Аозек в непосредственной близости со стоянками с микролитами имеются наскальные изображения. – Архив А. Г. Медоева.

Ушозек 1. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Стоянка в горах Ушозек у колодца в 91 км на восток от стоянки Караунгур, сборы дали микролитические изделия с террасы (золото-растительного происхождения) на площади 100-120 м (с запада на восток)×30-50 м (с юга на север). Инвентарь: скребки на отщепе различных форм – 26 экз.; наконечники стрел лавролистных, листовидных и др. форм – всего 5 экз.; ножевидные пластинки с ретушью – 3 экз., без ретуши – 2 экз.; нуклеусы призматические и карандашевидные – 4 экз., заготовки нуклеусов – 5 экз.; отбойники – 2 экз.; фрагменты орудий, нуклеидные формы, отщепы (часть с ретушью) – всего свыше 200 экз. Материал изделий – кварцит, яшмокварцит. Керамики нет. – Архив А. Г. Медоева.

Ушозек 2. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Северо-западнее гор Ушозек. У высохшего родника в 94 км на восток от стоянки Караунгур собран микролитический инвентарь: пластинка и тонкий пластинчатый отщеп – оба из кремнистой породы черного цвета; нуклеидный предмет из кварцита; отщепы небольших размеров (6 экз.). – Архив А. Г. Медоева.

Чуйгун 1. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Долина сухой реки Чуйгун, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника (могила Сокур) на волнистой денудационной равнине (правый берег р. Чуйгун). 1,1 км на север от южного склона равнины, где III н. п. терраса реки Аягуз примыкает к склону равнины. Площадь сборов 45-55×50-60 м. Инвентарь: скребки из отщепов (9 экз.); нуклеус призматический односторонний выс. 4,5 см; мелкие фрагменты призматического нуклеуса (2 экз.) и обломок (нижняя часть) конусовидного нуклеуса; обломки и заготовки скребков из отщепов, других орудий (6 экз.); обломки ножевидных пластинок (без ретуши) с треугольным и трапециевидным сечением (15 экз.); ножевидные пластинки с противоположной ретушью (сечение – трапеция) (3 экз.); мелкие отщепы и нуклеидные обломки (112 экз.). Яшмы, кварциты, опалы. – Архив А. Г. Медоева.

Чуйгун 2. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Долина сухой реки Чуйгун, стоянка открытого (наземного) типа с микролитическим инвентарем у родника Тумсук на волнистой денудационной равнине в 1 км к западу от русла и в 16,5 км к юго-востоку от горы Акшоки (749,2 м) или в 2,2 км к северо-востоку от могилы Сокур. Площадь сборов 45-50×50-55 м. Инвентарь стоянки составляют: скребки из отщепов (3 экз.); отщеп с двумя выемками (двойной выемчатый скребок); обломки ножевидных пластинок (6 экз.) без ретуши; заготовки орудий, мелкие отщепы и осколки (8 экз.) различных горных пород и минералов (кварциты, яшмы). – Архив А. Г. Медоева.

Чуйгун 3. Местонахождение. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Долина реки Чуйгун, у родника Такыр-Тума на денудационной равнине, в 5,5 км к юго-востоку от местонахождения №17 (в пределах западной части бассейна р. Чуйгун) или в 5,2 км к северо-востоку от могилы Сокур. Площадь сборов 50×30 м. Инвентарь стоянки составляют: фрагмент трапеции, длина обломка 0,9 см, высота трапеции 0,8 см, толщина 0,2 см. Кварцит серого цвета; обломки но-

жевидных пластинок (без ретуши) треугольного и трапециевидного сечений (3 экз.); отщепы и осколки (7 экз.). – Архив А. Г. Медоева.

Чуйгун 4. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Долина реки Чуйгун, у родника на денудационной равнине в 4 км на северо-восток от родника Такыр-Тума (в пределах западной части бассейна р. Чуйгун) или в 7-8 км к юго-западу от горы с отметкой 716,2 м или в 5,5 км к юго-востоку от могилы Акбастау. Площадь сборов 20×20 м. Инвентарь: скребки из отщепов (4 экз.); скребок из массивной пластины с выемчатым рабочим краем; обломки ножевидных пластинок (без ретуши) треугольного и трапециевидного сечений (7 экз.); обломки ножевидных пластинок с ретушью со спинки (оба края, 1 экз.), и с бруска (оба края, 2 экз.); обломок ножевидной пластинки с ретушью со спинки по одному краю; провертка или проколка на ножевидной пластинке; плоский нуклеус призматического типа высотой 4 см; фрагменты орудий, отщепы и нуклеидные формы (20 экз.). – Архив А. Г. Медоева.

Шабынды 1-3. Стоянка-мастерская. Палеолит (?). Клапчук М. Н., 1967 (?). Находки собраны южнее стоянки Айдарлы 2. Горы Айдарлы, на юго-восток от с. Жамантау.

Шабынды 1. Инвентарь: отщепы – 10 экз.;

Шабынды 2. Инвентарь: желваки со следами сколов – 52, нуклеусы – 41, скребки на отщепах – 7, проколка – 1, наконечники – 29, отщепы и отходы – 573. Итого 704 экз.;

Шабынды 3. Инвентарь: наконечник – 1, отщепы – 102. Итого 103 экз. – МО КОИМК.

Шайдан. Стоянка. Неолит (?). Медоев А. Г., 1961. Стоянка открытого (наземного) типа у одноименного родника, что в 118 км на северо-восток от стоянки Караунгур. На площади, составляющей 40×20 м, собран микролитический инвентарь (керамики нет). – Архив А. Г. Медоева.

Шокай 1. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1963. Находки собраны на полях к востоку от ж/д станции Шокай на левом берегу реки Сарысу напротив впадения в нее Каракенгира. Инвентарь: пластинка – 1, отщепы – 2. Итого 3 экз. – МО КОИМК.

Шокай 3. Единичные находки. Неолит (?). Клапчук М. Н., 1963. Находки собраны на правом берегу ручья в 3 км к юго-западу от ж/д станции Шокай. Инвентарь: сечения пластинок – 12, отщепы – 22. Итого 34 экз. – МО КОИМК.

Шурыкколь. Местонахождение. Средний палеолит (?). Бексеитов Г. Т., 2004. Находится на северном берегу озера Шурыкколь. Инвентарь: преформа, скребок, отщепы. – Бейсенов А. З., 2005.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЛИТЕРАТУРА ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ САРЫАРКИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА

- Абрамова З. А.* Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. – С. 135-160.
- Агеева Е. И., Максимова А. Г.* Отчет Павлодарской экспедиции 1955 года // Труды ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1957. Т. 7. – С. 32-58.
- Агеева Е. И., Максимова А. Г.* Очерк археологического изучения Казахстана // Археологическая карта. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1960. – С. 9-26.
- Акишев К. А.* Находки кремневых орудий древнего человека в Северном Казахстане // Вестник АН КазССР. – 1955. – № 3.
- Акишев К. А.* Памятники старины Северного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7., 1959. – С. 3-31.
- Акишев К. А., Владимиров Н. М., Мухамеджанов С. М.* Находки орудий труда древнего человека в Северном Казахстане // Вестник АН КазССР, 1955. – № 5. – С. 61-65.
- Акишев К. А.* Находки неолита в Западной Бетпак-Дале // Известия АН КазССР, Сер. обществ. наук, № 2. – С. 54-60.
- Алдажуманов К. С., Құрманқұлов Ж. К., Бейсенов А. З., Евдокимов В. В.* Восточная Сарыарка. Каркаралинский регион в прошлом и настоящем. – Алматы: Эверо, 2004. – С. 5-27.
- Алтысбаев Х. А.* Открытие нижнего палеолита в Казахстане // Вестник АН КазССР. 1960 а, № 5 (182). – С. 59-61.
- Алтысбаев Х. А.* Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане // Вестник АН КазССР. 1960 б, № 11 (188). – С. 103.
- Алтысбаев Х. А.* Некоторые вопросы изучения памятников каменного века в Казахстане // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука Каз.ССР, 1970. – С. 227-240.
- Алтысбаев Х. А.* О локальных различиях палеолитических культур Средней Азии и Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л.: Наука, 1972 а. – С. 5-7.
- Алтысбаев Х. А.* Разведка памятников каменного века Казахстана в 1971 году // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л.: Наука, 1972 б. – С. 30-31.

- Алтысбаев Х. А.* О находках индустрии каменного века в Каржантау и Караоба // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1978. – С. 117-129.
- Артюхова О. А., Аубекеров Б. Ж., Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитические индустрии Казахстана и их стратиграфическое значение // Стратиграфические схемы неогеновых и четвертичных отложений Казахстана (Пояснительная записка). Решения III Казахстанского межведомственного стратиграфического совещания по докембрию и фанерозою Казахстана (Алма-Ата, 1986 г.). – Алматы, 1996. – С. 80-82.
- Артюхова О. А.* Мустье Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки / Доклады Международного симпозиума. – Новосибирск, 1990. – С. 35-39.
- Артюхова О. А.* Мустье Центрального и Южного Казахстана. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. – Алматы, 1992. – 26 с.
- Артюхова О. А.* Корреляция мустьерских индустрий Казахстана // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий (Материалы международной конференции, посвященной 70-летию Х. А. Алпысбаева). – Туркестан: ТОО «Мирас», 1998. – С. 31-57.
- Артюхова О. А.* Палеолитическое местонахождение Чингиз 1 (Центральный Казахстан) // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий (Материалы международной конференции, посвященной 70-летию Х. А. Алпысбаева). – Туркестан: ТОО «Мирас», 1998. – С. 58-69.
- Артюхова О. А., Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитические комплексы Семизбугу, пункт 4. – Новосибирск, 2001. – 120 с.
- Артюхова О. А., Бирмуханова А. У., Мамиров Т. Б., Майгельдинов К. У.* Каменный век Талдысайского микрорайона // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 23-36.
- Артюхова О. А.* Заселение Казахстана представителями человеческого рода // Геология в XXI веке / Материалы международной научно-практической конференции «Сатпаевские чтения», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. 14-15 апреля. Алматы, 2011. – С. 368-376.
- Артюхова О. А.* Памятники каменного века. Древнейший этап истории Казахстана. // Свидетели тысячелетий: Археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011) / Сборник научных статей, посвященный 20-летию Независимости Казахстана. – Алматы – 2011. – С. 27-42.
- Артюхова О. А., Мамиров Т. Б., Таймагамбетов Ж. К.* Каменный век Казахстана (Карта м-ба 7500 000) // Национальный атлас РК. Том II. Социально-экономические карты. – Алматы, 2006. – С. 95.
- Артюхова О. А., Мамиров Т. Б.* Каменный век // Большой атлас истории и культуры Казахстана. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2008. – С. 76-81.
- Артюхова О. А., Мамиров Т. Б.* Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2008. – С. 76-81 (Каменный век).

- Археологическая карта Казахстана. – Алма-Ата: Издательство АН СССР, 1960. – 487 с.
- Аубекеров Б. Ж., Чалыхьян Э. В.* Кайнозой зоны канала Иртыш-Караганда. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 107 с.
- Аубекеров Б. Ж.* Об изменении палеогеографической обстановки Казахстана в течение последнего климатического ритма // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. – М.: Наука, 1982.
- Аубекеров Б. Ж.* Стратиграфия и палеогеография четвертичных отложений Казахстана и проблемы широтной и меридиональной корреляции // Четвертичный период: стратиграфия / 28 сессия МГК, Вашингтон, июль, 1989. – М., 1989. – С. 121-125.
- Аубекеров Б. Ж., Чалыхьян Э. В., Жакупова Ш. А.* Изменения климата и палеогеографических условий Центрального Казахстана в позднеледниковье и голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М.: Наука, 1989. – С. 98-102.
- Аубекеров Б. Ж.* Геологический возраст основных палеолитических памятников Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки / Доклады Международного симпозиума. – Новосибирск, 1990. – С. 44-47.
- Аубекеров Б. Ж.* Континентальные четвертичные отложения Казахстана. Автореф. дисс. ... д. г.-м. н. – 1990. – 30 с.
- Аубекеров Б. Ж.* Криогенные структуры и криолитозоны плейстоцена Казахстана // Известия АН СССР, сер. геол. – 1990. № 4.
- Аубекеров Б. Ж., Артюхова О. А.* Общие аспекты изучения палеолита Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки / Доклады Международного симпозиума. – Новосибирск, 1990. – С. 48-50.
- Аубекеров Б. Ж., Нигматова С. А.* Континентальные четвертичные отложения Казахстана // Геология Казахстана: доклады к 32 Геологическому конгрессу. – Алматы, 2004. – С. 26-35.
- Аубекеров Б. Ж., Нигматова С. А.* Изменения климата и ландшафтов, основные этапы эволюции человеческого общества от древнейших гоминид до кочевников на территории Казахстана. Потенциал природы Казахстана для различных форм кочевого общества // Геология в XXI в.: материалы международной научно-практической конференции «Сатпаевские чтения», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан (14-15 апреля 2011 г.). – Алматы, 2011.
- Аубекеров Б. Ж., Кошкин В. Я., Нигматова С. А.* (Казахстан), *К. Эндо, J. Кубота* (Япония), *Р. Сала* (Италия), *Ж.-М. Деом* (Бельгия). Комплексные геолого-геоморфологические исследования озера Балхаш. // Геология в XXI веке. Материалы Международной научно-практической конференции «Сатпаевские чтения», посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. 14-15 апреля 2011 г. – Алматы, 2011. – С. 376-382.

Бажанов В. С., Костенко Н. Н. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1962. – 111 с.

Байбатша Ә.Б., Әубекеров Б.Ж. Қазақстанның төрттік геологиясы. Оқу құралы. – Алматы: «Ғылым», 2003. – 144 б.

Байғунаков Д. С. Қазақстан тас ғасыры дәуірі: зерттелу тарихы мен негізгі мәселелері. Тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертацияның авторефераты. – Алматы, 2003. – 29 б.

Вишняцкий Л. Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб: Европейский дом., 1996. – 213 с.

Волошин В. С. Разведка в Приишимье // АО: 1968. – М.: Наука, 1969. – С. 198.

Волошин В. С. Новые находки каменного века в Центральном Казахстане // АО: 1970. – М.: Наука, 1971. – С. 403-404.

Волошин В. С. Работы в Центральном Казахстане // АО-1975. – М.: Наука, 1976. – С. 516.

Волошин В. С. Работы по каменному веку в Целиноградской области // АО: 1976 г. – М.: Наука, 1977. – С. 508-509.

Волошин В. С., Мазниченко А. Работы в Целиноградской области // АО: 1977 г. – М.: Наука, 1978. – С. 511-512.

Волошин В. С. Каменные наконечники в палеолите Центрального Казахстана // II Конгр. ИНКВА, Москва, авг., 1982. Тез. докл. Т.3. – М.: 1982 а. – С. 80-81.

Волошин В. С. Местонахождение каменного века Баршин 3 в Тенгизской степи // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. – Караганда, 1982 б. – С. 42-57.

Волошин В. С. Вопросы хронологии и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987. – С. 3-13.

Волошин В. С. К типолого-стратиграфической схеме по палеолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения / Сборник материалов конференции. – Алма-Ата: Наука, 1989. – С. 70-74.

Волошин В. С. Мустьерская индустрия из Кошкургана // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1989. – С. 3-11.

Волошин В. С. Стратиграфия и периодизация палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки / Доклады Международного симпозиума. – Новосибирск, 1990. – С. 99-106.

Волошин В. С. Об истоках палеолита в Центральном Казахстане // Маргулановские чтения. Сб. материалов конф. – М.: Наука, 1992. – С. 48-53.

Волошин В. С. Палеолитический памятник Батпак // Маргулановские чтения. Сб. материалов конф. – Петропавловск, 1992. – С. 27-29.

Волошин В. С. Исследования в Батпаке (Центральный Казахстан) // Обзорение. – Новосибирск, 1995. – С. 263-267.

Волошин В. С. Новые палеолитические памятники в бассейне Сарысу // Ка-

менный век Казахстана и сопредельных территорий (материалы международной конференции, посвящённой 70-летию Х. А. Алпысбаева). – Туркестан: «Мирас», 1998. – С. 70-82.

Волошин В. С. Древнепалеолитическое местонахождение Улькен-Кундузды // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий (материалы международной конференции, посвящённой 70-летию Х. А. Алпысбаева). – Туркестан: «Мирас», 1998. – С. 83-91.

Волошин В. С. К вопросу о истории изучения палеолита Сары-Арки // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Сборник научных статей. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2002. – С. 21-43.

Волошин В. С. Проблема первоначального освоения человеком Сары-Арка // Степная цивилизация восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана: «Kultegin», 2003. 1 том. – С. 28-32.

Волошин В. С. Новый палеолитический памятник Батпак 18 в Центральном Казахстане. // Степная цивилизация восточной Евразии. 1 том. Древние эпохи. – Астана: «Kultegin», 2003. – С. 32-38.

Волошин В. С. Неолитическая стоянка Азат 3 в бассейне Сарысу // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения – 15». – Алматы, 2004. – С. 220-225.

Волошин В. С. Новые памятники палеолита с галечным инвентарем в бассейне Сарысу // Материалы Международной научной конференции: «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы», ... 12-15 декабря 2011 г., г. Алматы. Том 1. – Алматы, 2011. – С. 157-163

Гайдученко Л. Л. Композитная пища и освоение пищевых ресурсов населением Урало-казахстанских степей в эпоху неолита-бронзы // Археологический источник и моделирование древних технологий. Труды музея-заповедника Аркаим, Челябинск, 2000. – С. 150-163.

Гладышев С. А., Зенин А. Н., Таймагамбетов Ж. К. Палеолитические комплексы с бифасами на территории Казахстана // История Евразии: истоки, преемственность и перспективы (Материалы международных Бекмахановских чтений. 21-22 мая 2003 г.). – Алматы, 2003 – С. 367-378.

Даниленко Т. А. Костяной инвентарь поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во БашГУ. 1985. – С. 34-37.

Деревянко А. П., Аубекеров Б. Ж., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К., Артюхова О. А., Зенин В. Н., Петров В. Г. Палеолит Северного Прибалхашья (Семизбугу, пункт 2, ранний-поздний палеолит). – Новосибирск, 1993. – 114 с.

Деревянко А. П., Петрин В. Т., Таймагамбетов Ж. К. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий: Материалы междунар. конф., посвящ. 70-летию Х. А. Алпысбаева. – Туркестан: Мирас, 1998. – С. 165-196.

Деревянко А. П., Петрин В. Г., Зенин А. Н., Таймагамбетов Ж. К., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Славинский В. С. Каменный век Казахстана: Исследования Российской-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998-2001). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт. СО РАН, 2003. – 184 с.

Деревянко А. П., Петрин В. Т., Исламов У., Таймагамбетов Ж. К., Зенин А. Н., Гладышев С. А., Кривошапкин А. И., Рыбалко А. Г. Исследования отряда по изучению каменного века Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 39-41.

Деревянко А. П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. №2 (22), 2005. – С. 22-36.

Джуркашев Т. Н. Антропогенная история Балхаш-Алакольской впадины. – Алма-Ата, 1972.

Заитов В. И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во БашГУ 1985. С. 17-34.

Заитов В. И. Развитие каменной индустрии в эпоху неолита-энеолита на территории Северного Казахстана: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. – Л. 1988 а.

Заитов В. И. Общие принципы построения типологической классификации // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. – Челябинск: Изд-во БашГУ 1988 б. – С. 20-30.

Заитов В. И. Каменная индустрия заключительных этапов каменного века Северного Казахстана. – Челябинск, 2007. – 256 с.

Зайберт В. Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. Вып. 134. – С. 106-113

Зайберт В. Ф. Памятники каменного века Петропавловского Приишимья // СА. 1970. № 1. – С. 89...109.

Зайберт В. Ф. Раскопки у с. Тельмана Целиноградской области // АО – 1976. – М., 1977 а.

Зайберт В. Ф., Плешаков А., Заитов В., Кисленко А., Даниленко Т. Разведочные работы в Северном Казахстане // Археологические открытия 1976 года. – М.: Наука, 1977 б. – С. 512-513.

Зайберт В. Ф., Плешаков А. А. Результаты исследования памятников энеолита и ранней бронзы на р. Чаглинка // СА. – 1978. – № 1. – С. 242-250.

Зайберт В. Ф. Неолит Северного Казахстана // Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1979 а. – 16 с.

Зайберт В. Ф. Исследования в Северном Казахстане // АО – 1980. – М., 1981. – С. 435-436.

Зайберт В. Ф. Охранные работы Северо-Казахстанской археологической экспедиции // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ АН СССР. 1981. – С. 49-50.

Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М., Хотинский Н. А. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981 № 3. – С. 107-129.

Зайберт В. Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Иртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ АГУ. 1983.

Зайберт В. Ф. Сложение энеолитической ботайской культуры в Урало-Иртышском междуречье // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ АГУ. 1983. – С. 88...90.

Зайберт В. Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во БашГУ 1985. – С. 3-16.

Зайберт В. Ф. Складывание энеолитической ботайской культуры в Северном Казахстане // Урало-Алтайстика / Археология. Этнография. Язык – Новосибирск: Наука. 1985. – С. 82-84.

Зайберт В. Ф. Поселение Ботай и задачи исследования энеолита Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во БашГУ 1985. – С. 3-16.;

Зайберт В. Ф. Природно-экологические и общественные факторы в развитии производящего хозяйства в степях Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Тез. симп. – Алма-Ата: Наука, 1987. – С. 63, 64.

Зайберт В. Ф. К проблеме выделения ботайского ХКТ // Маргулановские чтения / Сборник материалов конференции. – Алма-Ата, 1989. – С. 35-40.

Зайберт В. Ф. Атбасарская культура. – Екатеринбург, 1992. – 222 с.

Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск, 1993. – 246 с.

Зайберт В. Ф., Тюлебаев А. Ж., Кулаков Ю. В., Задорожный А. В. Тайны древней степи. Исследования поселения Ботай (2004-2006). – Кокшетау, 2007. – 163 с.

Зайберт В. Ф. Ботайская культура – Алматы – 2009 – 576 с.

Зайберт В. Ф., Плешаков А. А., Тюлебаев А. Ж. Атбасарская культура. – Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана. – 2012. – 352 с.

Каталог млекопитающих СССР (плиоцен – современность). Под редакцией И. М. Громова и Г. И. Барановой. – Л.: «Наука», 1981. – 456 с.

Кисленко А. М. Жилищные конструкции: планировка и история заселения поселения Ботай // Исторические чтения памяти М. Л. Грязнова / Тез. докл. обл. научн. конф. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. т.1 – 200 с.

Кланчук М. Н. Первые палеолитические находки в Центральном Казахстане // СА, 1964, №3. – С. 286-271.

- Кланчук М. Н.* Археологические находки в Карагандинской области в 1962 г. // СА, 1965, №3. – С. 212-217.
- Кланчук М. Н.* Археологические исследования в бассейнах рек Нура и Сарысу // АО: 1966 г. – М.: Наука, 1967 а. – С. 300-302.
- Кланчук М. Н.* Некоторые данные о палеоклиматических условиях аккумуляции четвертичных отложений Центрального Казахстана // Научно-теоретическая конференция. Тезисы докладов. – Караганда, 1967 б. – С. 39-42.
- Кланчук М. Н.* Обнажения у с Батпак и их стратиграфическое значение // Научно-техническая конференция. Тезисы докладов. – Караганда, 1967 в. – С. 50-58.
- Кланчук М. Н.* Стратиграфическое значение археологических находок // Научно-техническая конференция. Тезисы докладов. Караганда, 1967 г. – С. 42-49.
- Кланчук М. Н.* Из истории климата, флоры и растительности Центрального Казахстана в нижнем и среднем плейстоцене // Научно-техн. конф. НТО геологов ЦКГУ. – Караганда, 1968 а. – С. 89-95.
- Кланчук М. Н.* К вопросу о палеоклиматических условиях в Центральном Казахстане в верхнем плейстоцене и голоцене // Тезисы докладов научно-технической конференции ЦКГУ. Март, 1968 б. – С. 95-98.
- Кланчук М. Н.* К вопросу о соотношении состава растительности и ее спорово-пыльцевых спектров в условиях степи и пустыни Центрального Казахстана // Научно-техн. Конф. НТО геологов ЦКГУ. – Караганда, 1968 в. – С. 84-89.
- Кланчук М. Н.* Новые археологические находки в бассейнах рек Нура и Сарысу // АО: 1967 г. – М.: Наука, 1968 г. – С. 321-322.
- Кланчук М. Н.* К вопросу об археологических культурах Центрального Казахстана в верхнем плейстоцене // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата, 1969 а. – С. 121-135.
- Кланчук М. Н.* Находки галечных орудий в Центральном Казахстане // Третья научно-техническая конференция. Тез. докл. Март, 1969 (ЦКГУ). – Караганда, 1969 б. – С. 69-71.
- Кланчук М. Н.* Разведки в Центральном Казахстане // АО: 1968 года. – М.: Наука, 1969 в. – С. 402-403.
- Кланчук М. Н.* К вопросу о климатических условиях жизни палеолитического человека на территории Центрального Казахстана (на украинском языке) // Украинский ботанический журнал. – 1969 г., №5, Т26. – С. 54-60.
- Кланчук М. Н.* К вопросу о палеоклиматических условиях аккумуляции покровных суглинков и отложений аллювиальной равнины в Центральном Казахстане // Научно-техн. Конф. Геологов НТО ЦКГУ. – Караганда. – 1969 д. – С. 64-69.
- Кланчук М. Н.* Неолитические стоянки Караганда 15 и Зеленая Балка 4 // БКИ-ЧП, 1969 е, №36, – С. 108-118
- Кланчук М. Н.* Стоянка Караганда 15 // СА, 1970, №4. – С. 153-160.

- Кланчук М. Н.* Галечные орудия местонахождения Музбель 1-2 в Центральном Казахстане // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970 а. – С. 217-226.
- Кланчук М. Н.* Археологические находки у хребта Жаман-Айбат (Казахстан) // Палеолит и неолит СССР. Т.6 / МИА, № 173. – Л.: Наука, 1971 б. – С. 233-239.
- Кланчук М. Н.* Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане // СА, 1971 в, №1. – С. 193-195.
- Кланчук М. Н.* Палинологическая характеристика отложений первой надпойменной террасы р. Сарысу близ зимовки Конайбек (Центральный Казахстан) // Украинский ботанический журнал. – 1975, №1, Т32. – С. 115-118.
- Кланчук М. Н.* Позднеашельское местонахождение Жаман-Айбат-4 в Центральном Казахстане // СА., 1976, №3. – С. 176-190.
- Кожамкулова Б. С.* Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – 149 с.
- Кожамкулова Б. С.* Макротирифауна плейстоцена Казахстана (руководящие виды, артефакты) // Труды Института зоологии. Т. 49. – Алматы, 2005. – С. 43-48.
- Кожамкулова Б. С.* Позднекайнозойские копытные Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1981. – 145 с.
- Кожамкулова Б. С., Костенко Н. Н.* Вымершие животные Казахстана / Палеогеография позднего кайнозоя. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 104 с.
- Кожамкулова Б. С., Коченов В. Г.* Корреляция фаун раннеплейстоценовых млекопитающих Казахстана и Молдавии // Четвертичный период. Палеонтология и археология. К XXVIII МГК. – Кишинев: Штиинца, 1989. – С. 26-32.
- Кожамкулова Б. С., Савинов П. Ф., Тютькова Л. А., Пак Т. К.* Плиоценовые млекопитающие урочища Актогай // Материалы по истории фауны и флоры Казахстана. Т. 10. Мезозойская и кайнозойская фауна и флора Казахстана, Южного Алтая и Северного Тянь-Шаня. – Алма-Ата, 1987. – С. 82-120.
- Костенко Н. Н.* Основы стратиграфии антропогена Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1963.
- Костенко Н. Н., Алпысбаев Х. А.* Значение палеолита для расчленения антропогенных отложений // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1969. – С.107-120.
- Костенко Н. Н.* Основы стратиграфии антропогена Казахстана. – Алма-Ата, 1981. – 74 с.
- Костенко Н. Н.* Четвертичные отложения Казахстана и прилегающих территорий союзных республик. – М., 1978. 157 с.
- Логвин В. Н.* О времени и путях сложения энеолита в степях Казахстана // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 1987. – С. 13-26.

Макарова Л. А., Нурумов Т. Н. К проблеме коневодства в неолит-энеолите Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Тез. симп. – Алма-Ата; Наука, 1987. – С. 46-47.

Максимова А. Г. Находка палеолитических орудий в Северо-Восточной части Центрального Казахстана // Вестник АН КазССР, 1953, № 2. – С. 97-101.

Мамиров Т. Б., Чиндин А. Ю., Тебаев Д. Б. Памятники каменного века Карагандинской области. – Караганды, 2009. – 132 с.

Маргулан А. Х., Агеева Е. И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР // Изв. АН Каз.ССР 1948. Серия археологическая. Вып. 1. – С. 129-135.

Маргулан А. Х. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. // Известия АН КазССР, сер. археологическая, 1949, вып. 2. – С. 3-36.

Маргулан А. Х. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане (Отчет об экспедиции 1948 года) // Известия АН КазССР, сер. археологическая, 1951, вып. 3. – С. 3-52.

Маргулан А. Х., Агеева Е. И. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия АН КазССР, сер. археологическая. 1948, вып. 1. – С. 125-135.

Медоев А. Г. Проблемы палеолита Казахстана (начальный этап) // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана / Тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. – Алма-Ата, 1980. – С. 151-162.

Медоев А. Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 200-216.

Медоев А. Г. Вопросы периодизации и хронологии палеолита Сары-Арка // Информационный сборник ИГН им. К.И.Сатпаева АН КазССР. – Алма-Ата: Наука, 1976. – С. 49-51.

Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1982. – 64 с.

Медоев А. Г. Геохронология палеолита Казахстана // Вестник АН КазССР, 1981, № 8. – С. 58-59.

Медоев А. Г. Гравюры на камне в горах Тюлькули (Северо-Восточное Прибалхашье) // Вестник АН КазССР, 1963, № 7. – С. 89-93.

Медоев А. Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. – Алма-Ата: Жалын, 1979, ч. 1. – 176 с.

Медоев А. Г. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований // Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1964, вып. 6. – С. 90-98.

Медоев А. Г. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз // Вестник АН КазССР, 1962 а, № 3. – С. 86-88.

Медоев А. Г. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка // Известия АН КазССР, сер. обществ. наук, 1965 б, вып. 4. – С. 77-81.

Медоев А. Г. Предварительные данные о палеолите в долине р. Туранги (Северное Прибалхашье) // Известия АН КазССР, сер. истор., археол. и этнографии, 1962 б, вып. 3 (19). – С. 94-105.

Медоев А. Г. Радиальная система изготовления нуклеусов леваллуа в древнем палеолите Сары-Арка и Мангышлака // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 139-153.

Медоев А. Г. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1968. – С. 128-134.

Медоев А. Г. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье // Вестник АН КазССР, 1965 а, № 3. – С. 86-88.

Мерц В. К. Раскопки на стоянке Шидерты 3 // Маргулановские чтения. – Петропавловск, 1992. – С. 24-26.

Мерц В. К. О происхождении комплексов прибайкальского типа в энеолите Казахстана // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, АГУ, 1994. – С. 39-42.

Мерц В. К. Работы на стоянке Нурманбет 1 // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, АГУ, 1995. – С. 42-47.

Мерц В. К. Стоянка каменного века Кара-Будур 3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АГУ, 1998 а. – С. 51-54.

Мерц В. К., Ткачев А. А. Неолитические материалы могильника Мичурино II // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АГУ, 1998 б. – С. 34-38.

Мерц В. К. Проблема изучения неолит-энеолитических памятников Северо-Восточного Казахстана // Проблемы неолита-энеолита Юга Западной Сибири. – Кемерово, Кузбассвуиздат, 1999. – С. 99-107.

Мерц В. К. О реконструкции внешнего облика человека из погребения на стоянке Шидерты 3 // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: ЭКО, 2000. – С. 50-53.

Мерц В. К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: ЭКО, 2002. – С. 5-20.

Мерц В. К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2002. – С. 75-102.

Мерц В. К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе северо-восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана. – Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». – Алматы, 2004. – № 1. – С. 23-33.

Мерц В. К. Об изучении голоценовых комплексов северо-восточного Казахстана // Известия НАН РК. Серия общественных наук. – № 1, 2004. – С. 23-33.

Мерц В. К. Основные этапы формирования каменных индустрий Павлодарского Прииртышья. Эпоха палеолита – энеолита // История цивилизаций и

- духовной культуры кочевников. – Материалы пленарного заседания международной научно-практической конференции. Т 1. – Павлодар, ПГУ, 2004. – С. 207-213.
- Мерц В. К.* Индустрия четвертого слоя стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: ЭКО, 2006. – Вып. 2. – С. 10-23.
- Мерц В. К.* Основные результаты изучения памятников каменного века Северо-Восточного Казахстана // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2006. – №2 (41). – С. 147-153.
- Мерц В. К.* К вопросу о происхождении мезо-неолитических комплексов северной Сары-Арки // Материалы Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения». – Актобе, 2007. – С. 27-31.
- Мерц В. К.* Мезолитические комплексы стоянки Шидерты 3 // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2007. – №1 (144). – С. 108-110.
- Мерц В. К.* Периодизация и хронология голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты 3 // Автореф. дис. на соискан. учен. степ. к.и.н. – Кемерово, 2008. – 26 с.
- Мерц В. К.* О происхождении мезо-неолитических комплексов стоянки Шидерты 3 // Омский научный вестник. – 6. – №1 (63), 2008. Серия Общество. История. Современность. – С. 38-41.
- Мерц В. К.* Некоторые материалы к Своду памятников Павлодарской области // «Маргулановские чтения 2009». – Петропавловск, 2009. – С. 167-171.
- Мерц В. К.* Некоторые результаты исследований по Своду памятников Павлодарской области // Маргулановские чтения-2009. – Петропавл, 2009. – С. 167-171.
- Мерц В. К.* Поселение Костомар // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. – Алматы, 2010. – С. 392-394.
- Мерц В. К.* Новые материалы по неолиту Северо-Восточного Казахстана // Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы». Алматы, 2011. – С. 178-186.
- Мерц В. К., Рахимжанова С. Ж., Мерц И. В.* Разведочные работы на поселении Борлы 4 // Маргулановские чтения – 2012 // Материалы ежегодной научно-практической конференции. – Астана, 2012. – С. 212-219.
- Мерц В. К.* Раскопки поселения Борлы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2013. – С. 196-206.
- Нигматова С. А.* Стратиграфия, палеогеография и климаты четвертичного периода аридных регионов Центральной Азии (по палинологическим данным). Автореф... д. геол.-мин.н. – Алматы, 2010.
- Нурмамбетов Э. И., Акиянова Ф. Ж.* Радиоуглеродные датировки ископаемой териофауны Северного Казахстана и некоторые палеогеографические реконструкции // Вестник АН КазССР. – Алма-Ата, 1989, №1. – С. 67-71.
- Петров А. И.* Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1986. – 18 с.

- Петрунь В. Ф.* Неолитические находки в районе Байконура и реки Тамды. – Труды ИИАЭ, т.1. Археология, 1956. – С. 172-182
- Плешаков А. А., Зайберт В. Ф.* Рубящие орудия поселения Ботай // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985. с. 48-58.
- Плешаков А. А.* Реконструкция хозяйственных комплексов мезолита-неолита Северного Казахстана. – Петропавловск, 2003. – 236 с.
- Потемкина Т. М.* Черты энеолита лесостепного Притоболья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1982. с. 159-172.
- Сарсеков А. С., Медоев А. Г., Толубаева З. В.* Каркаралинский мелкосопочный район // Геология СССР. Т. XX, кн. 1. Центральный Казахстан. – М.: Недра, 1972. – С. 502-507.
- Сарсеков А. С., Позднышева Д. П., Медоев А. Г.* Северное Прибалхашье // Геология СССР. Т. XX, кн. 1. Центральный Казахстан. – М.: Недра, 1972.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Северо-Казахстанская область. – Алматы. «Аруна», 2007. – 496 с.
- Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Павлодарская область. Алматы, 2010. – 600 с.
- Славинский В. С.* Палеолит Северного Прибалхашья (по материалам местонахождений Саяка: Автореф.... канд.... ист. наук Новосибирск, 2004. – 26 с.
- Сосновский Г. П.* О поисках палеолита в Казахстане // Известия АН КазССР. Сер. Археол., 1948, вып. 1. – С. 10-12.
- Таймагамбетов Ж. К.* К вопросу о палеолите Казахстана // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии / Тезисы докладов конференции, посвященной 50-летию открытия Тешик-Таша. – Ташкент: Фан, 1988. – С.75-76.
- Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитические памятники Центрального Казахстана // Маргулановские чтения / Сборник материалов конференции. – Алма-Ата, 1989. – С. 81-85.
- Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитические памятники Центрального Казахстана // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990 в. – С. 103-106.
- Таймагамбетов Ж. К.* История изучения палеолита Казахстана // Актуальные вопросы историографии древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1989. – С. 22-40.
- Таймагамбетов Ж. К.* Палеолит Казахстана. (Основные проблемы): научн. доклад ... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 53 с.
- Taimagambetov Zh.* Periods in the Development of Kazak Palaeolithic Industries Their Chronology and Correlation with the Industries in Contiguous Territories // From East and West. ISIAO. Vol. 47 – Nos. 1-4 (December 1997). 351-361

- Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В.* Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы, 2009. – 256 с.
- Таймагамбетов Ж. К., Мамиров Т. Б.* Палеолит Арало-Каспийского региона. – Алматы: Қазақ университеті, 2012. – 254 с.
- Чалая Л. А.* К вопросу о культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратургай // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана – Алма-Ата, 1965. – С. 192-195.
- Чалая Л. А.* Некоторые вопросы истории изучения неолита Казахстана // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 241-250.
- Чалая Л. А.* Новые материалы по неолиту Казахстана // Вестник МГУ, 1970 а. № 6. – С. 79-86
- Чалая Л. А.* О типах неолитических стоянок // Вестник МГУ, 1970 б. Серия история. № 6. – С. 309-327.
- Чалая Л. А.* Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана // Автореф. дис. ... канд. историч. наук. – М., 1971. – 24 с.
- Чалая Л. А.* Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972. С. 163-181.
- Чалая Л. А.* Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука 1973. – С. 188-203.
- Чалая Л. А.* Локальные группы и хозяйство неолитических племен Северо-Восточного и Центрального Казахстана // Вестник МГУ. Сер. История, 1973. № 4. с. 72-74.;
- Черников С. С.* Локальные и хронологические группы в неолите Казахстана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. – Ташкент: Наука, 1972.
- Чиндин А. Ю.* Относительная хронология кремневого инвентаря поселения Акимбек // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 1989. – С. 12-19.
- Чиндин А. Ю.* Археологические исследования на территории Карагандинской и Жезказганской областей // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С. 234-237.
- Чиндин А. Ю.* Новые данные по мезолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Петропавловск, 2002. – С. 32-35.
- Шевнина И. В.* Неолитическая керамика поселения Белкарагай 1 (исследование археологической находки) // Вестник Карагандинского университета. – Караганда, 2007, с. 51-54.
- Шевнина И. В.* Керамика с эталонных памятников маханджарской культуры. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. Алматы, 2004 – С. 41-49.

Содержание

- Таймагамбетов Ж. К., Ожерельев Д. В.* Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы, 2009. – 256 с.
- Таймагамбетов Ж. К., Мамиров Т. Б.* Палеолит Арало-Каспийского региона. – Алматы: Қазақ университеті, 2012. – 254 с.
- Чалая Л. А.* К вопросу о культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратургай // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана – Алма-Ата, 1965. – С. 192-195.
- Чалая Л. А.* Некоторые вопросы истории изучения неолита Казахстана // По следам древних культур Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1970. – С. 241-250.
- Чалая Л. А.* Новые материалы по неолиту Казахстана // Вестник МГУ, 1970 а. № 6. – С. 79-86
- Чалая Л. А.* О типах неолитических стоянок // Вестник МГУ, 1970 б. Серия история. № 6. – С. 309-327.
- Чалая Л. А.* Неолит Северо-Восточного и Центрального Казахстана // Автореф. дис. ... канд. историч. наук. – М., 1971. – 24 с.
- Чалая Л. А.* Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки 1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. А.-А., 1972. С. 163-181.
- Чалая Л. А.* Поздненеолитический инвентарь и хозяйство стоянки Иман-Бурлук // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука 1973. – С. 188-203.
- Чалая Л. А.* Локальные группы и хозяйство неолитических племен Северо-Восточного и Центрального Казахстана // Вестник МГУ. Сер. История, 1973. № 4. с. 72-74.;
- Черников С. С.* Локальные и хронологические группы в неолите Казахстана // Каменный век Средней Азии и Казахстана. – Ташкент: Наука, 1972.
- Чиндин А. Ю.* Относительная хронология кремневого инвентаря поселения Акимбек // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: КарГУ, 1989. – С. 12-19.
- Чиндин А. Ю.* Археологические исследования на территории Карагандинской и Жезказганской областей // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С. 234-237.
- Чиндин А. Ю.* Новые данные по мезолиту Центрального Казахстана // Маргулановские чтения. Петропавловск, 2002. – С. 32-35.
- Шевнина И. В.* Неолитическая керамика поселения Белкарагай 1 (исследование археологической находки) // Вестник Карагандинского университета. – Караганда, 2007, с. 51-54.
- Шевнина И. В.* Керамика с эталонных памятников маханджарской культуры. // Известия НАН РК. Серия общественных наук. №1. Алматы, 2004 – С. 41-49.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАМЕННОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА

АЛАН ГЕОРГИЕВИЧ МЕДОЕВ

(1934-1980)

А. Г. Медоев родился в 1934 году в г. Ленинграде в молодой семье выпускника Горного института Г. Ц. Медоева и студентки Института востоковедения Зарифы Васильевны Хетагуровой. Вскоре семья переехала в Казахстан, где Георгий Цараевич начал работать в 1927 г. коллектором, а закончил профессором, членом-корреспондентом АН КазССР.

А. Г. Медоев в 1959 г. закончил КазГУ. В 1960-1962 гг. он работал старшим лаборантом ИИАЭ АН КазССР, а в 1962-1965 гг. обучался в очной аспирантуре (под руководством К. А. Акишева). С 1965 г. А. Г. Медоев занимался научной деятельностью в стенах Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР.

С 1960 г. А. Г. Медоев руководил археологическими полевыми отрядами и экспедициями, открыл и исследовал палеолитические памятники мирового значения: Семизбугу, Туранга, Хантау, Чингиз и др. в Центральном Казахстане, Шахбагата и Кумакапе в Западном, Кудайколь и Карасор – в Северном Казахстане. Одновременно он занимался изучением первобытного искусства (петроглифов, скульптуры), проблемами кочевых цивилизаций, казахского изобразительного искусства и архитектуры. Результаты научной деятельности А. Г. Медоева отражены в 29 научных публикациях и 9 геологических отчетах.

Большое внимание А. Г. Медоев уделял пропаганде новых исторических и археологических открытий, охране памятников археологии и культуры. Он опубликовал более 20 статей в республиканских и союзных журналах и газетах, в том числе предназначенных для распространения за рубежом, посвященных памятникам археологии, архитектуры и искусства Казахстана.

К Алану Георгиевичу тянулись люди самых разнообразных профессий: архитекторы, художники, искусствоведы, спортсмены, писатели, журналисты, кинематографисты. Для каждого человека, независимо от образования и должности, у него находились добрые слова поддержки и вдохновения, каждый в его присутствии чувствовал себя лучше, умнее и значительней, ощущал свое высокое предназначение в жизни на земле.

ГЕОРГИЙ ЦАРАЕВИЧ МЕДОЕВ

1901-1991

В Википедии есть справка: **Георгий Цараевич (Цораевич) Медоев** (30.06.1901 — 23.11.1991, Алматы) – советский геолог, член-корреспондент АН Казахстана, лауреат Сталинской премии (1948) и Ленинской премии (1958). Уроженец села Дигора (Северная Осетия). Выпускник Ленинградского Горного института. В 1931—1935 гг. работал в геологической экспедиции в районе Караганды. По итогам работы опубликовал исследования «Геологическое строение Карагандинского угольного бассейна» (1933) и «Основные черты геологии и тектоники Карагандинского каменноугольного бассейна» (1936).

В 1936–1987 зав. кафедрой общей геологии Казахского горно-металлургического (политехнического) института. С 1987 года профессор-консультант КазПТИ.

Сталинская премия 1948 года – за геологические исследования, обеспечившие открытие новых участков коксующихся углей в Карагандинском бассейне.

Ленинская премия 1958 года – за участие в разработке научных основ и составлении первых металлогенических карт Центрального Казахстана.

Кандидат геолого-минералогических наук. Заслуженный деятель науки Казахской ССР, член-корреспондент АН Казахстана, профессор (1967). – Материал из Википедии.

В справке не указано, что Г.Ц. Медоев долгие годы был заведующим Сектором четвертичной геологии и геоморфологии ИГН им.К.И. Сатпаева АН КазССР, соратником К.И. Сатпаева, который принял участие и в судьбе Алана Георгиевича Медоева – сына Георгия Цараевича. Благодаря К.И. Сатпаеву и Г.Ц. Медоеву в Институте геологии была создана группа по изучению палеолита Казахстана, которую возглавил А.Г. Медоев.

Г.Ц. Медоев был замечательным преподавателем и педагогом. В интернете можно найти немало воспоминаний о нем его учеников и коллег, в том числе и несколько омифологизированных. Так, нам встречалась информация, что Г.Ц. был выслан в Казахстан в годы репрессий. Но это не так. Воспоминания Г.Ц. Медоева о начале своей работы в Казахстане достаточно документально изложена в очерке В. Новикова «КАЗАХСТАН ИСТОРИЯ ЛЮДИ». Приведем несколько отрывков из этого очерка.

«Летом 1930 года карагандинская степь стала местом паломничества многих геологических экспедиций».

Уже ряд лет в Центральном Казахстане работали геологи Института геологической карты ГГРУ (Главное геолого-разведочное управление) под

руководством старшего геолога Геолкома Николая Григорьевича Кассина. Летом 1927 года в Баян-Аульском районе работали геологи Григорий Иванович Водорезов, студенты Ленинградского горного института Рамазан Асланбекович Борукаев, и Георгий Цараевич Медоев. Двое последних – молодые жизнерадостные осетины. Спустя десятилетия они стали крупными учеными Казахстана, лауреатами Ленинской премии. А тогда они впервые приехали в Казахстан для составления Баян-Аульского градус-листа для десятиверстной геологической карты (масштабом 10 верст в 1 дюйме). Рамазан Борукаев ранее здесь одно лето работал. Он и предложил более молодому Георгию Медоеву поехать в далекий Казахстан. И тот согласился. В Павлодар приехали на колесном пароходе, на левую сторону Иртыша переправились на лодках. До Баян-Аула добирались на тарантасе. Здесь на летний период наняли трешпанку и три лошади. Для кавказца Медоева, привыкшего к горам и лесам, было непривычно работать в знойной необозримой степи. Но эта с виду однообразная степь оказалась очень интересной в геологическом отношении, и геологи работали напряженно и увлеченно. Как счастливые, вспоминает Георгий Цараевич Медоев, эти молодые романтические годы.

В последующие два года Георгий Медоев работал помощником коллектора в Донбассе, а в 1930 году его вновь в составе группы Кассина направили в Казахстан производить съемку района Карагандинского месторождения угля.

В. Новиков далее вспоминает: «Мне в жизни однажды посчастливилось встретиться и беседовать с лауреатом Ленинской и Государственной премий СССР, членом-корреспондентом АН РК, профессором, доктором геолого-минералогических наук, заслуженным деятелем науки и техники КазССР Георгием Цараевичем Медоевым. Вспоминая свои студенческие годы Г.Ц. Медоев отметил: «В молодом возрасте решения принимаются быстро. Уроженцу Центрального Кавказа, горцу, подобает учиться в горном институте. Так решил я и поступил в Ленинградский горный институт, и благодарен за это судьбе. Моими учителями были блестящие, выдающиеся ученые, Это – академики АН СССР Дмитрий Васильевич Наливкин, Александр Николаевич Заварицкий, Сергей Сергеевич Смирнов, Дмитрий Сергеевич Коржинский, Алексей Алексеевич Борисяк, а также Анатолий Капитонович Болдырев и другие. Одним словом, это был весь цвет геологической науки страны. Каждый из них – светило в своем направлении. Вот такие были у меня учителя». Далее Георгий Цараевич Медоев рассказал о том времени, когда он работал в Караганде.

«В 1930 году я в должности коллектора в группе Кассина вновь поехал в Центральный Казахстан для продолжения работ по геологической съемке. По уже проторенному пути в Павлодар мы приехали по Иртышу. Здесь мне, как кавказцу, равнодушному к лошадям, поручили нанять телегу с лошадьми. Помню, выбирал я и рядился, как цыган, наконец, нанял бричку и четыре лошади у жителя Павлодара Григория Теплова. С нами ехал еще художник из Ленинградской Академии художеств Анкудинов, как оказалось, довольно талантливый. Вынуждены были останавливаться, чтобы кормить на зеле-

ных полянках лошадей. Нас предупреждали, что в степи хозяйничает, грабит проезжающих банда некоего Усырбая. И вот в пути мы увидели двух быстро приближающихся к нам всадников. У Кассина был наган, а у меня охотничье ружье. В тот миг я больше боялся за жизнь Кассина. Он был крупный геолог, интеллект нашей группы. Я прошу его лечь на землю, чтобы, чего доброго, пуля его не задела. А он стоит и смотрит. Я предупредительно выстрелил в воздух. Всадники стали удаляться. Запомнился и такой случай. В дороге навстречу нам ехала машина. Первая в упряжке вороная лошадь испугалась и лошади помчались. Едва сумели остановить их. В Караганду приехали на восьмой день. Где же ты, Караганда? Всего несколько заброшенных домов, один – кирпичный. Жилья нет. Поехали в Михайловку, где на Нижней улице остановились у кузнеца.

За сезон полевых работ удалось на лошадях, но более пешком исследовать огромное пространство от Спасского завода на юге до реки Нуры на севере, и от сопки Ит-Джон до озера Кичкине. Установили, что в строении Карагандинского угольного месторождения принимают участие разнообразные по возрасту и происхождению породы. Месторождение оконтуривается девоно-карбонными отложениями, содержащими угольную толщу. Это позволило значительно расширить площадь угольных отложений.

В Караганде каждому коллектору Николай Григорьевич Кассин поручил свой участок. Марианне Борисьяк – Верхне-Сокурский участок, Борису Землякову – участок к северу от Нуры, а мне, как угольщику, уже поработавшего в Донбассе, достался Карагандинский участок, западная и южная окраины месторождения.

В тот год я уделял главное внимание южной окраине бассейна и обследованию ряда месторождений меди. Прекрасное то было время, вспоминаю необозримую степь, простор, одинокие казахские мазары, сопки Джалаир, Ак-Бюрат, Ак-Басту, речушки Тентек, Чурубай-Нура. Я изучал выходы пород, конгломераты и песчаники, кварциты, девоно-карбонную толщу, альбитофиры, порфириды, тектонику района, разломы, сбросы, надвиги. Чтобы точнее установить границы угленосности, особо тщательно искал разломы. Это, я бы сказал, кровотокающие раны земли. Работа осложнялась тем, что не было топографической карты исследуемой местности.

Мне посчастливилось работать с Николаем Григорьевичем Кассиным. На первый взгляд, это был мужиковатый, чудаковатый и глуховатый человек. Но это был гениальный геолог, превосходно знавший геологию Казахстана. У него, как опытного геолога – консультанта, было много работы и у нас он бывал наездами. И когда приезжал, то с восходом солнца был уже на ногах и нас поторапливал. Работу начинали рано утром и... до позднего вечера. Каждый коллектор разъезжал по своему маршруту. Вечером перед Кассиным раскладывали образцы пород, карту и каждый описывал встреченные обнажения пород. Спорные точки он стремился сам осмотреть на месте, чтобы утвердиться в том или ином мнении. Помню, на своём участке я обнаружил

несколько точек минерализации меди, а в урочище Джетык-Чеку – даже свинцовую минерализацию.

В один из таких приездов Николая Григорьевича я доложил результаты исследования участка южнее реки Сокур, где обнаружил на обширной территории девоно-карбонную толщу пород и обозначил в первом приближении ее границы с изверженными породами-гранитами, порфиритами, диабазами. Картину осложняли сложная тектоника, сбросы, надвиги. Николай Григорьевич внимательно осмотрел образцы пород, карту. Марианна Алексеевна Борисьяк, которая работала на Верхне-Сокурском участке, также сообщила, что обнаружила угленосную свиту карбона, а в отвалах старых шурфов следы угля. Николай Григорьевич заключил: «Теперь все становится понятно. Мы имеем дело не с небольшим месторождением, а с обширным угленосным бассейном, и наша задача выявить реальные его границы, оконтурить, а что касается точек минерализации меди, обнаруженных Георгием Цараевичем, то будем их рекомендовать, как объект будущих исследований».

Так, в обращении геологов появился термин «бассейн». Это был качественно новый уровень в геологических исследованиях Карагандинского региона. Он означал, что они были на пороге открытия нового крупного угольного региона, который неизбежно в перспективе должен вырасти в развитый индустриальный центр страны.

В одной из встреч с геологами в Михайловке Георгий Медоев впервые озвучил это, заявил, что Карагандинское месторождение в действительности является крупным бассейном. Надо сказать, что первоначально геологи отнеслись к этому настороженно, недоверчиво. Время было противоречивое. Любая геологическая ошибка могла обернуться непредсказуемыми последствиями. Ведь бассейн – это иные масштабы строительства, добычи угля, экономики. И ошибка стоила бы больших утрат и издержек. Тогда газеты уже пестрели протоколами судов, списками обвиненных в контрреволюционной деятельности. И в эти списки легко было попасть. Нашлись и те, кто тут же заявили, что Медоев – выскочка, пять минут, как геолог, а уже мнит себя первооткрывателем угольного бассейна.

Георгий Медоев, завершив полевые работы, вернулся в Ленинград. Оттуда его направили в Москву, где проходило Всесоюзное совещание по геологическому изучению угольных бассейнов и месторождений страны. «Я приехал на совещание с опозданием, - рассказывал мне Георгий Цараевич Медоев. – Смотрю, в президиуме А.А. Гапеев, а среди демонстрационных материалов моя карта-восковка. К тому времени о южной окраине Карагандинского бассейна у меня было иное мнение. Хотелось убрать восковку. Но как это сделать? Нужно обратиться к профессору А.А. Гапееву. Я стеснялся и все же в перерыве решил подойти к Гапееву.

— Александр Александрович! В карте-восковке, которая Вами демонстрируется, есть неточности и я прошу Вашего разрешения снять ее, – обратился я к маститому ученому.

— Я понимаю вашу скромность, молодой человек, но прошу не беспокоиться, — снисходительно похлопал меня по плечу Гапеев.

Вскоре он был уже на трибуне и докладывал о Карагандинском месторождении. И когда докладчик подошел к моей карте-восковке, то заявил: «Кстати! Здесь сидит автор этой карты, молодой ученый Георгий Медоев. К ранее известной площади месторождения он на основании выполненных исследований этого года прирезал около 300 квадратных километров. Теперь общая площадь угленосных отложений составляет около 1300 квадратных километров. И это не окончательно.

Если учесть, что в Караганде уже сегодня открыто 28 пластов с суммарной мощностью 47,7 м, что втрое больше суммарного пласта Донбасса и лишь вдвое меньше суммарной мощности пласта Кузбасса, то мы являемся свидетелями рождения крупного угольного бассейна страны, который может стать топливной базой как для цветной металлургии Казахстана, так и строящихся металлургических гигантов на Урале».

Я вернулся в Ленинград, встретился с Кассиным. Он сказал, чтобы все результаты полевых работ подробно изложил в отчете. И в этом научном отчете 1930 года Карагандинское угольное месторождение впервые обрело статус бассейна. По согласованию с Д. Н. Бурцевым и А. А. Гапеевым мы его назвали Карагандинским. За хорошую работу меня наградили прорезиненным рюкзаком».

Итак, 1930 год закончился с потрясающим результатом — открытием крупного угольного бассейна, запасы которого, даже по предварительным подсчетам, более известных Подмосквовного и Кизилковского бассейнов, вместе взятых...

В три последующих года Г.Ц. Медоев, как руководитель сектора геологической съемки Казгеолуправления, консультировал геологическую съемку в Карагандинском бассейне. Совместно с Д. Н. Бурцевым и Г. Л. Кушевым он участвовал в создании первой геологической карты Карагандинского бассейна. Работу над картой консультировал Н. Г. Кассин. В 1933 году Г.Ц. Медоев опубликовал свой первый научный труд «Геологическое строение Карагандинского каменноугольного бассейна». Угольная Караганда быстро развивалась. В тяжелые военные годы коксующийся уголь Караганды в условиях оккупации Донбасса в значительной степени помог победить сильного и коварного врага. В послевоенные годы добыча угля в Карагандинском бассейне также нарастала быстрыми темпами. Труд геологов был по достоинству оценен обществом. В 1948 году за геологические исследования, обеспечившие открытие новых участков коксующихся углей в Карагандинском бассейне группе геологов, в том числе Георгию Цараевичу Медоеву, была присуждена Сталинская (Государственная) премия.

В 1936 году Г.Ц. Медоев был избран заведующим кафедрой общей геологии Казахского горно-металлургического, а в последующем политехнического института, которую он возглавлял более полувека. Одновременно он работал заведующим сектором четвертичной геологии и геоморфологии института геологических наук АН КазССР. С 1987 года он — профессор-консультант КазПТИ.

В послевоенные годы Г.Ц. Медоев в составе группы ведущих геологов Казахстана под руководством академика К. И. Сатпаева участвовал в разработке научных основ и составлении первых металлогенических карт Центрального Казахстана. Эта работа была оценена, как крупный вклад в геологическую науку. В 1958 году творческому коллективу, в том числе Г.Ц. Медоеву, была присуждена Ленинская премия СССР.

За прошедшие годы Георгий Цараевич Медоев исколесил Сары-Арку вдоль и поперек, производил геологическую и геоморфологическую съемку Центрального Казахстана, полюбил этот самобытный край. В 1960 году он опубликовал труд «Устройство поверхности Сары-Арки», в «Вестнике АН КазССР» выступил в защиту географического топонима «Сары-Арка». Г.Ц. Медоев стал первооткрывателем месторождений облицовочных гранитов «Мамантас» и талька «Актопырак».

...Ему звонили по телефону, и он говорил: «Великодушно извините. У меня гость. Представляете, он родился и вырос в Караганде. Тогда, в тридцатом году, когда я составлял свой 42-43 градус-лист, то там была голая степь».

Уроженец Северо-Осетинского городка Дигора Георгий Цараевич Медоев большую часть своей жизни жил и трудился в Казахстане, всей душой объял и полюбил его необъятные просторы, его прекрасную, многообразную природу, внес значительный вклад в его геологическую науку, открытие несметных богатств его подземных кладовых и на их основе развитие производительных сил республики. Свыше сорока лет он, возглавляя кафедру геологии Казахского политехнического института, подготовил тысячи молодых специалистов-геологов Казахстана. Одновременно, как заведующий Сектором четвертичной геологии и геоморфологии, активно участвовал в многочисленных геологических исследованиях различных регионов республики Казахстан. Он в составе группы известных геологов во главе с академиком АН СССР К. И. Сатпаевым участвовал в разработке металлогенических карт богатейшего Центрального Казахстана. Этот огромный научный труд по разработке принципов составления геолого-структурных основ металлогенических карт был удостоен высшей награды — Ленинской премии.

И в 21-м веке в Казахстане бережно хранят память о выдающемся геологе, заслуженным деятелем науки Казахстана, Георгии Цараевиче Медоеве. 17 октября 2011 г в Казахском национальном техническом университете им. К.И. Сатпаева прошла Международная конференция, посвященная 110-летию выдающего геолога, ученого Георгия Цараевича Медоева «Проблемы и перспективы развития геологической науки и образования в Казахстане». В работе конференции принимают участие ведущие ученые-геологи из стран СНГ и дальнего зарубежья. Открывая конференцию, ректор КазНТУ им. К.И. Сатпаева, академик Ж.М. Адилов отметил вклад Г.Ц. Медоева в создании геологической школы Казахстана.

<http://novikovv.ru/georgiy-medoev/laureat-leninskoy-premii-sssr-g-ts-medoev>

ВАЛУКИНСКИЙ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

1886–1950 гг.

Имя Н. В. Валукинского так часто встречается в работах А. Х. Маргулана, а вслед за ним и других историков археологии, что захотелось узнать о нем подробней. На запрос в интернете вышла справка: **Валукинский Николай Васильевич** (1886–1950 гг.), художник, археолог. 1909–15 гг. учился в Киевском училище искусств. В 1941 г. был призван в армию, через год был отправлен в Киргизию, а после окончания войны с семьей переехал в Казахстан. Начиная с июня 1945 г. устроился на должность техника-гидролога Жезказганского медеплавильного комбината. Будучи на службе, проводил археологические раскопки, занимался историей производства рудника. На основе его собранных богатых материалов в декабре 1947 г. был создан Геолого-минералогический музей. Музейному комплексу «Корпорации Казахмыс» присвоено имя Валукинского.

Как-то странно: весьма немолодой техник-гидролог и археология. Поискали еще. Появился оцифрованный вариант книги «В поисках далеких предков» с предисловием, в котором говорится: «Качественно изменилась и роль археологии в краеведении. Пример тому опубликованная в 1940 году в Воронеже небольшая книжка известного воронежского археолога-краеведа тех лет, заместителя директора областного краеведческого музея Н. В. Валукинского «В поисках далеких предков». К сожалению, эта книга неоправданно забыта. Она мало известна сегодняшнему поколению воронежских краеведов и является библиографической редкостью. В библиотеке имени И. С. Никитина сохранился один ее экземпляр.

Книга существенно отличается от брошюры С. Н. Замятнина. Повествование не ограничивается временем так называемой доисторической археологии, а доводится до конца XVI столетия. Автор широко опирается не только на археологические данные, но и на свидетельства письменных источников и данные этнографии. В основу повествования положены исторические, а не археологические периоды.

Книга Н. В. Валукинского и сейчас читается с интересом. Более того, целый ряд содержащихся в ней выводов не потерял научного значения до настоящего времени. Так, в книге есть раздел, где речь идет о древнерусских памятниках XII–XIV веков на территории воронежского течения Дона, интерес к которым особенно вырос в связи с поисками летописного Воронежа предмонгольского периода.

Действительно очень хорошая книга, большой раздел посвящен всемирно известным палеолитическим памятникам Костенки и Боршево под Воронежем, с рисунками автора, достаточно популярная и грамотная. Рекомендуем.

А дальше интерес привел в архив Института археологии МОН РК. Там хранятся отчеты, дневники, рукописи, написанные на пожелтевшей неров-

ной бумаге, полувыцветшими чернилами, не слишком разборчивым почерком. Один документ ответил на некоторые вопросы относительно биографии Н. В. Валукинского. Это письмо руководству базы Академии наук Казахской ССР от Н. В. Валукинского, тогда лаборанта этой базы. Приводим его с небольшими сокращениями. Орфография слегка подправлена. В архиве есть и расширенный вариант этого автобиографического письма. Но его расшифровка – дело будущего.

Моя полевая работа по археологии

В 1948 г. исполняется 25 лет моей полевой археологической работы.

В 1923 г. археолог С. Н. Замятнин организовал экспедицию для поисков палеолитической стоянки в с. Боршево на Дону Воронежской обл. Поиски увенчались успехом, стоянка в усадьбе Кузнецовой была обнаружена.

Это было первое открытие палеолитической стоянки при советской власти. В эту экспедицию был приглашен и я. С 1923 г. я начал вести самостоятельные поиски и разведки по археологии. Первые годы занимался обследованием уже известных мест и в течение года удавалось установить 2–3 неизвестных еще пункта.

С началом работы Ленинградской экспедиции в с. Костенки, Боршево по раскопкам палеолитических стоянок в экспедицию стали приглашать и меня. Под наблюдением академика П. П. Ефименко я провел первые раскопки. В с. Боршево на пути к с. Яблочному вскрыл скифский курган; на левом берегу р. Дона вскрывал землянку бронзового века.

Участвовал при раскопках славянского кургана, производимых С. Н. Замятниным, скифского кургана, вскрытого Д. Д. Леоновым и славянских городищ между селами Боршево и Костенки и по р. Воронеж в/отд. М. Горького, вскрытых академиком П. П. Ефименко. Принимал участие в разведках и раскопках С. Н. Замятнина на левом берегу р. Воронеж, где были проведены работы по изучению неолитической стоянки и других работах...

Чувствуя, что археология совершенно не освещает историю деревянных поделок, я решил обратиться к этнографии, для того, чтобы на пережиточных формах обосновать историю деревянных поделок.

Весь собранный материал я привел в систему и моя работа «Примитивы из дерева» была напечатана в «Известиях краеведческого об-ва». Начатую работу я не оставлял и довел до конца, которую впоследствии назвал «Технология дерева в древности», одну из редакций работы я сумел сохранить в годы войны и передал ее на хранение во Фрунзе Л. Н. Бернштаму, но к сожалению, несмотря на неоднократную просьбу, выслать этот материал, я его не получил из Фрунзе. Весь остальной материал, альбомы, рукописи, фотоснимки, хранившиеся у меня в Воронеже, сгорели вместе с домом, с имуществом, с библиотекой при бомбежке города фашистами.

Значительную долю внимания я уделил теме «Географическая среда в древности». Собранный материал дал мне яркую картину древнего ландшаф-

та. Благодаря этому мне удалось обнаружить одну неолитическую стоянку на неглубоком илистом дне р. Воронеж. Часть материала по теме вошла в мою книжку «По следам древних предков» изд. Воронеж. Обл. издат. В 1940 г. стр. 4-9. Из года в год у меня накапливалось новое число обнаруженных стоянок, городищ, поселений, групп курганов и т.д.

Свои разведки и поиски я ограничил участком вокруг г. Воронежа по рекам Дон, Воронеж, Инютинка /?/, Усманка, Песчанка, Ведуга /?/.

Из года в год мне удавалось получать при поисках все новые и новые пункты древних памятников. Теперь за год число обнаруженных памятников стало доходить до – 15-20. Больше всего привлекали памятники бронзового века.

Одно время в местной литературе был поставлен вопрос – были ли стоянки бронзового века в Воронеже или нет.

На левом берегу р. Воронеж у завода СК 2 мной обнаружены были остатки землянок бронзового века. Я собрал из ряда землянок фрагменты формочек для отливки поделок из бронзы. Тогда же были там поставлены раскопки. В результате обнаружена была мастерская с очагом /?/, с тиглями, формочками для литья из бронзы.

На этих раскопках я достаточно окреп для того, чтобы уже самостоятельно определять из года в год цели своей работы и давать предварительные выводы по находкам.

На левом берегу р. Воронеж мной были обнаружены признаки древней стоянки поздней бронзы. Но первые находки были для сотрудников музея не убедительны. Я заложил разведочные раскопки, обнаружена была небольшая землянка с очагом, с костным материалом крупного рогатого скота. Стал просить средства на раскопки, администрация музея не соглашалась отпустить требуемые средства, так как раскопки не обещали ценного содержания. Пришлось согласиться с скудными средствами и начать работу. В результате была обнаружена глинобитная стена на протяжении до 70 метров, вдоль которой были расположены богатые содержанием землянки. Собраны были каменная зернотерка с терочным камнем, рабочий камень, в кладовке найдена коллекция шлифованных камней и т.д. Свыше двухсот узоров по керамике были занесены в мой альбом. Но самое главное, что по одной в древности сгоревшей землянке удалось установить полностью конструкцию опорных деревянных столбов, высоту и устройство кровли, что крайне редко удается сделать при раскопках.

В другом случае было обнаружено городище, внутри городища следы погребений без наземной насыпи. Мои недруги пустили слух, что я обнаружил погребение времен гражданской войны и определяю его как древнее. Пришлось взять корреспондента из редакции газеты «Воронежская коммуна» и фотографа и вскрыть одно погребение. Костяк лежал на глубине около 0,5 метра. В ногах был уголь и маленький сосудик, в вытянутой руке вдоль костяка определялась стрела с бронзовым втулочным наконечником типа скифских стрел. Фотоснимок с статьей был помещен в газете. Недруги замолчали.

Археологические исследования на ограниченном участке убедили меня в том, что если обнаружена одна стоянка поздней бронзы, то неминуемо в окружении должен быть целый ряд других стоянок, которые при тщательном обследовании условий окружающих стоянку следов западин от землянок, близкое присутствие курганов при изучении подъемного материала мной устанавливались до постановки раскопок.

Этого многим было недостаточно. Пришлось однажды согласившимся на выход к месту стоянки сотрудникам облоно доказать на месте. Выбрана была менее всего показательная по внешним признакам землянка и заложен шурф. На глубине до 1 метра чистый песок не дал никаких признаков, но в конце оказался очаг, керамика и костный материал.

Работая со студентами пединститута, я наметил провести с ними практическую работу по раскопкам кургана поздней бронзы. Курган среди дюн песка по внешним признакам ничем не отличался от окружающей неровной поверхности дюн. Со студентами приняли участие в раскопках преподаватели пединститута.

Я предложил студентам найти курган и подвел их к кургану. Но внешние признаки не помогли им в этом. Я поставил их на курган и вновь спросил, где курган? Но и здесь никто не смог ничего сказать. Рассекли курган на секторы, приступили к вскрытию. Чистый песок. Один преподаватель стал убеждать, что работа неправильная, он вырыл шурф в стороне от кургана и там такой же чистый песок.

Но результаты раскопок оказались богатыми. Костяк лежал на небольшой глубине, около него бронзовые украшения, нож, а кругом по сторонам девять хорошей сохранности сосудов поздней бронзы.

Мои статьи стали охотно печатать в газетах и журналах. Воронежское областное издательство предложило написать на основе моего опыта книжку, которую я назвал «По следам древних предков». Книжка была выпущена в 1940 г. с тиражом 8000 экземпляров. Книжка разошлась в течение одного месяца. В основу книжки лег материал, взятый с 120 пунктов стоянок, городищ, селищ, курганов, обнаруженных мной на территории г. Воронеж и прилежащих сел и слобод. В радиусе не более 10-12 км от центра города.

В 1941 г. 22/VI возвращаясь со студентами с археологической разведки поздно вечером мы, сидя в трамвае, узнали, что фашистская Германия начала войну с нами.

18/X 1941 я был мобилизован в ряды Красной Армии.

Но в 1942 г. был по состоянию здоровья и по возрасту, своим 55 лет, демобилизован. Я эвакуировался в Фрунзенскую область на лубзавод Ворошиловского района на р. Чу.

Начал свои археологические исследования по берегу р. Чу и замершим притокам р. Чу, ставшими притоками весенних вод. На заводе подымался вопрос, можно ли сделать из местной глины гончарную посуду. Я собрал образцы старинной керамики и доказал, что посуду делали, и достаточно прочную, и указал,

где можно взять глину для поделки посуды. Под моим руководством на стоянке было изготовлено и обожжено в печи для обжига кирпича 150 образцов сосудов. Начатые археологические поиски и разведки в расположении Васильевского лубзавода, причисленного к военным, и совхоза в радиусе 4-5 км от центра завода, дали блестящие результаты. Здесь так же как и раньше я решил, что если найдено одно городище, то по соседству должны быть и другие памятники прошлого. В конечном итоге определилось, что памятники – племен усуней, на той ступени их развития, когда они от скотоводства переходили к земледелию. Обнаружены были зерна проса, масса зернооток. В одно городище разбитых зернооток было определено 18 штук. Особенно богата и разнообразна была посуда, которая часто делалась путем облепки мешочков из ткани, набитых песком, оглажкой. Благодаря чему установлено было 89 отпечатков ткани.

Всего было исследовано, обнаруженных мной 72 пункта городищ, стоянок, запруд, групп курганов и т. д. Собранный материал был сдан в музей г. Фрунзе. Описание было принято к печати в трудах Академии наук Кирг. ССР.

В 1945 г. я списался с семьей. На заводе к 1 мая получил денежную премию, которую я получал уже не первый раз. И решил ехать к своему семейству в Джезказган. Здесь с 1941 г. работала моя дочь, окончившая университет, работала в геологоразведочной партии, младшая дочь, работавшая в медкомбинате, поступила в Одесский институт инженеров морского флота, жена занималась домашним хозяйством. Жена и младшая дочь были эвакуированы из Воронежа в 1941 г. С 6 /VI 1945 года я устроился в своей семье и поступил в Джезказгане в медкомбинат в геологический отдел.

По пути в Джезказган провел обследования остатки города «Кулан» у ст. Луговой, где обнаружил кроме большой разновидности фрагментов сосудов, крупные фрагменты «достарханов», – столиков для угощения из обожженной глины с хорошей орнаментацией. На ст. Жарык обнаружил стоянку со следами землянок и двумя курганами, обложенных камнями.

С первых же дней приезда в Джезказган я начал свои поиски. Первой находкой был наконечник стрелы из кварца, с тонкой ретушью. Это был первый экспонат для будущего музея в Джезказгане. Ознакомился с работой К. И. Сатпаева, в которой он охарактеризовал историческое прошлое Джезказгана, стал знакомиться с местами добычи руды и переработки ее.

Здесь до меня не работали археологи. Между тем ясно было видно, что если не будет исследован район, то из года в год будут исчезать бесследно многие редкие памятники старины, т.к. строительство шахт, поселков, укладка и переукладка новых путей железной дороги, автогужевых дорог и т.д. будет из года в год перекрывать памятники старины.

Начались работы по поискам древних стоянок, старинных запруд, курганов, мест разведки, добычи руды, мест рудоразработки, мест дробления, обжига руды и плавки руды на медь. В 1946 г. рудник посетил К. И. Сатпаев. Ему обо мне рассказал В. И. Штифанов, который не раз предлагал мне переходить работать на ГРП.

К. И. Сатпаев воодушевил меня на поиски и исследования памятников, ознакомился с моими коллекциями и спросил, как мое здоровье. Я ответил, что археологи народ выносливый. Но попутно задал и другой вопрос, что я археолог или любитель. Я ответил, что археолог, хотя этого звания никто не утвердил за мной. Пусть простит он мне это самопризнание. Я знал многих археологов, которые совершили за долгое время их работы много меньше. Чем я. Думаю, что за 25 лет моей работы за мной утвердят звание археолога и, пожалуй, звание подлинного советского археолога.

Приезд в Джезказган члена-корреспондента академии наук Каз.ССР А. Х. Маргулана, который на своем докладе в медкомбинате о своей работе в Джезказганском районе, одобрил мою работу, заставил многих обратить свое внимание на мою работу по археологии. Я работал в поле с утра с 4-5 часов и до позднего вечера.

Но не обходилось и без огорчений. Когда обнаруженным двум курганам на горе «Чум» угрожали открытые горные работы, я поднял тревогу. Стал настойчиво требовать рабочую силу для раскопок. Пустили слух, что на горе похоронены зачумленные, т.к. гора носит название «Чумы», я стал объяснять, что гора носит название «Чу'ма», шатерообразного жилища, коническая форма горы старинным поселенцам напоминала такую форму. Кроме того, если я не вскрою погребения, то администрация нарушит советский закон об охране памятников и все же будет вскрывать погребение. Мне дали рабочую силу для раскопок.

За три года и три месяца установлено мной свыше 120 пунктов: древних стоянок, курганов, запруд, оградений, мест разведки, добычи медной и железной руды, мест рудоразборки, дробления руды, печи для плавки из предварительно обожженной и дробленной руды меди, ручные доменки и помещения с горнами для поделки кричного железа и т.д.

Но некоторые памятники, хотя и обследованы мной, но сняты в ходе работы рудника. Западной Анненского мной было обнаружено место древней добычи и курган. Несколько северней начальник карьера т. Сорокин обнаружил следы малахита, азурита. Я обследовал и это место, оказалась большая стоянка с большой ямой для сбора воды из протока. Но главный инженер Банкетов и нач. карьеров т. Кунмасов видимо не поверили мне, решили экскаватором вскрывать «залежь», пробороzdили место стоянки и водосбор, руды не обнаружилось.

Собранные мной коллекции заполнили полки, столы, шкафы геологического отдела. За них я стал слышать упреки от работающих в отделе. Я убедился, что отдел «перегрузил». Первое заслуженное признание моей неустанной работы по археологии я услышал от одного администратора, который почествовал меня званием «маниака»

С 1947 г. в моем деле принял участие неутомимый директор Медькомбината т. Харламов Т. Ф. Он принял проект здания химлаборатории с включением части помещения под музей. На все свои поиски и разведки за три года я не

израсходовал ни одной советской копейки. С 1 августа 1947 г. был выпущен приказ, по которому я назначался заведующим музеем. 27/XII 1947 г. был открыт музей. Преподаватель средней школы п. Карсакпая выразился так, что у писателя А.П. Чехова есть одно место, где он, пользуясь восточным пожеланием говорил, хорошо бы если люди за свою жизнь оставляли на память что-то общепользное, хотя бы колодезь, и что мной заложен этот колодезь знания – это музей.

В музее была заведена книга отзывов посетителей, где оставили свои отзывы акыны, гости из Москвы, как зам. Министра цветной металлургии, старший инженер Главмеди /?/ из Алма-Аты, писатель, член-корреспондент академии наук КазССР, руководитель бригады промстальмонтаж из Свердловска, бригадир механобра из Ленинграда, кандидат технических наук из Ленинграда, полковник из Караганды и т.д.

Я стал получать письменные предписания не как «маниак», а как «энтузиаст музея», «Н. В. Валукинский заслуживает глубокую благодарность за свое бескорыстное патриотическое начинание», «честь и хвала организатору музея т. Валукинскому», «любобное отношение к своему глубоко научному и полезному делу т. Валукинского заметно и заслуживает благодарности», «мне хочется отметить любобное отношение к музею т. Валукинского, выражающееся в неутомимом и постоянном сборе экспонатов, а также в украшении и обновлении музея акварельными рисунками, выполненными самим Ник. Вас.» и т.д.

С февраля 1948 г. по совместительству я стал работать в Базе Академии наук КазССР, лаборантом. С весны веду раскопки выявленного мной старинного заводского двора в урочище Милы Кудук или «Елу-кудук».

За плечами моими 25 лет полевой работы по археологии раскопок с лопатой, с которыми я не расстаюсь в течение 25 лет.

Надеюсь, что за это у Академии наук Каз. ССР я заслужил большего звания, чем «лаборант».

6/IX 1948 г.
Н. Валукинский

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ от О. А. Артюховой	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. НЕМНОГО ГЕОЛОГИИ	9
ГЛАВА 2. ИЗУЧЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА САРЫАРКИ	31
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТРОПОГЕНЕЗА	64
ГЛАВА 4. ПАМЯТНИКИ ПАЛЕОЛИТА КАЗАХСТАНА И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ	76
ГЛАВА 5. ПАЛЕОЛИТ КАЗАХСТАНА. ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	87
ГЛАВА 6. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ САРЫАРКИ	103
6.1. СТОЯНКИ-МАСТЕРСКИЕ СЕМИЗБУГУ	104
6.1.1. Семизбугу 2	109
6.1.2. Семизбогу 10	131
6.2. МУЗБЕЛЬ	198
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201
ЛИТЕРАТУРА	202
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	210
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. РЕЕСТР ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА	212
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ЛИТЕРАТУРА ПО КАМЕННОМУ ВЕКУ САРЫАРКИ И ПРИЛЕГАЮЩИХ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА	267
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. ИССЛЕДОВАТЕЛИ КАМЕННОГО ВЕКА КАЗАХСТАНА	281

Артюхова О. А., Мамиров Т. Б.

КАМЕННЫЙ ВЕК САРЫАРКИ

Дизайн и вёрстка
Ольга Храмовская

Дизайн обложки
Ольга Храмовская

Подписано в печать __. __. 2014
Формат издания 90×60 1/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. ____
Тираж ____ экз. Заказ № ____
Отпечатано в типографии « _____ »

Археологические памятники и культуры раннего и позднего палеолита Сарыарки

Фото 1. Карта памятников археологии и культуры раннего и позднего палеолита Сарыарки

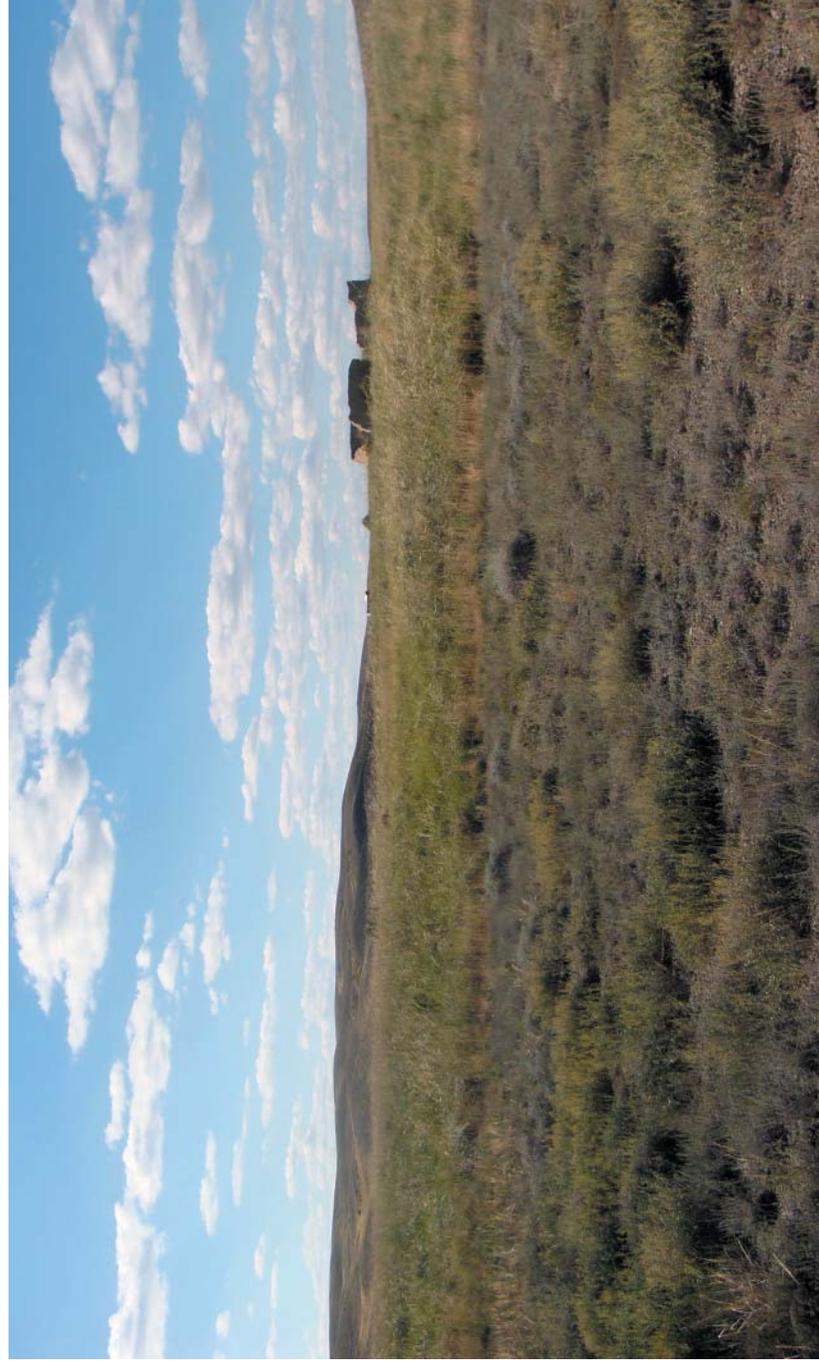

Фото 2. Мелкосопочный массив Семизбугу. У южного подножия когда располагалась скотоводческая база с родником, позднее с колодцем, сейчас – развалины

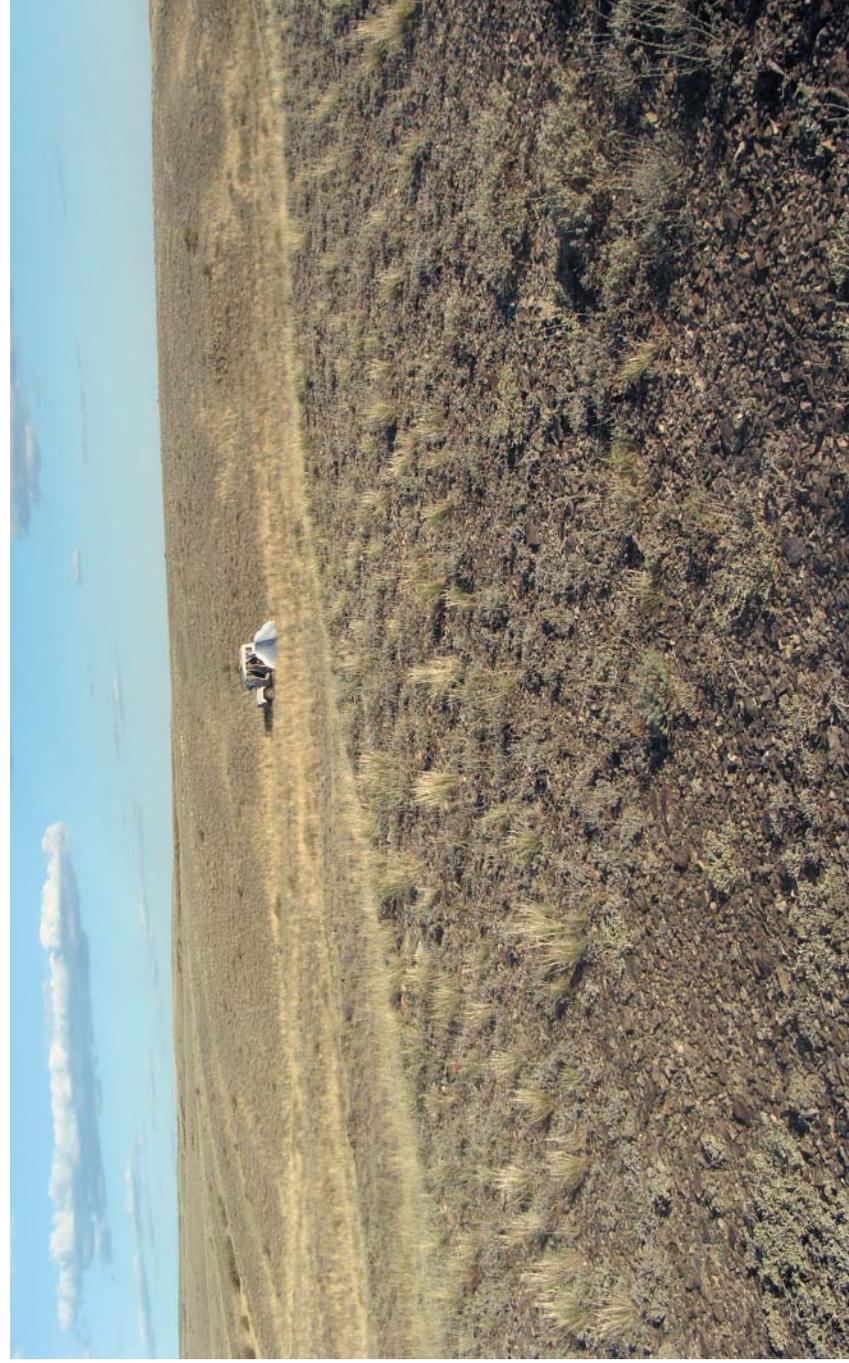

Фото 3. Северная окраина Семизбугу. Здесь располагаются описанные шлейфы конусов выноса

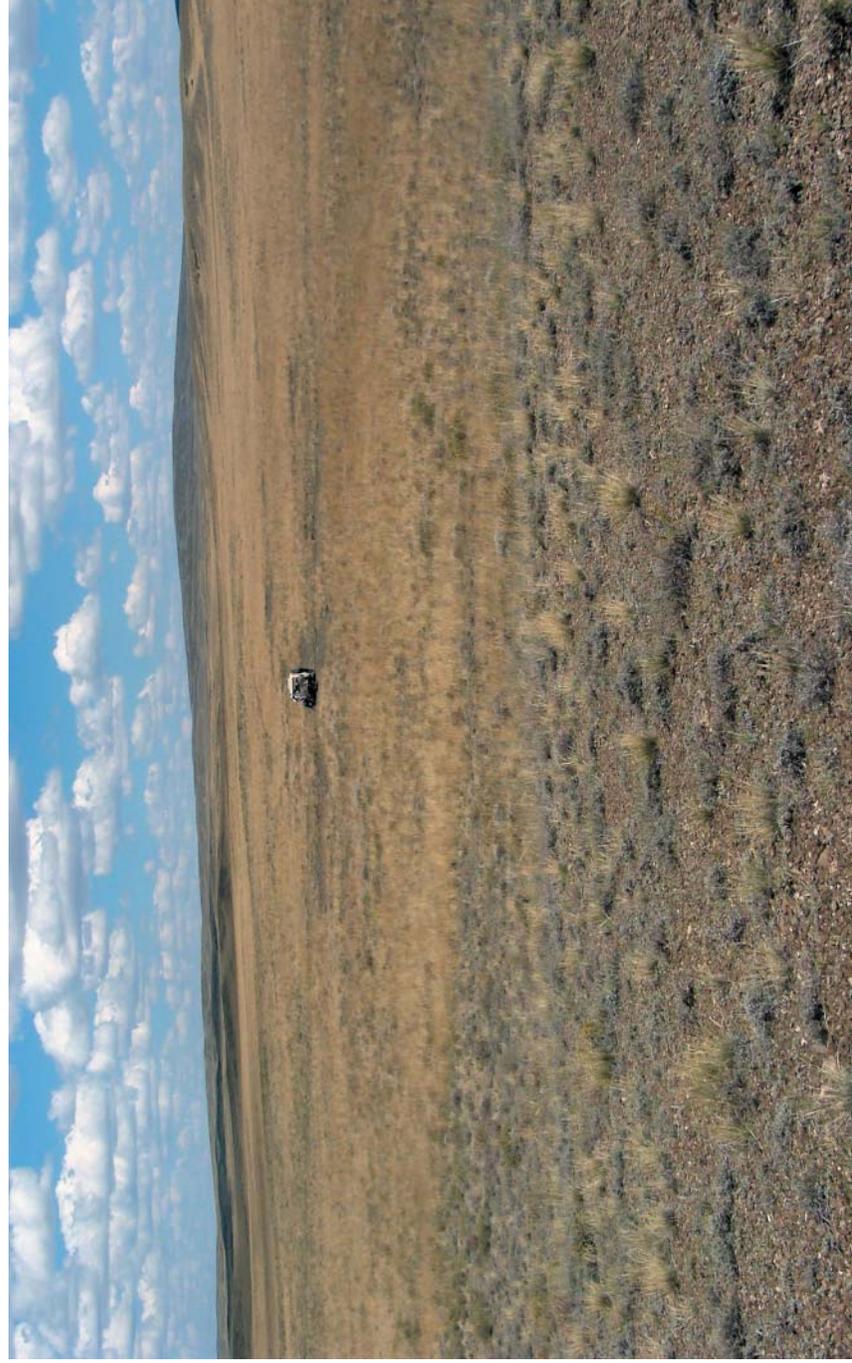

Фото 4. Мелкосопочный массив Семизбугу. Вид с севера. Полевые дороги уже не читаются на местности

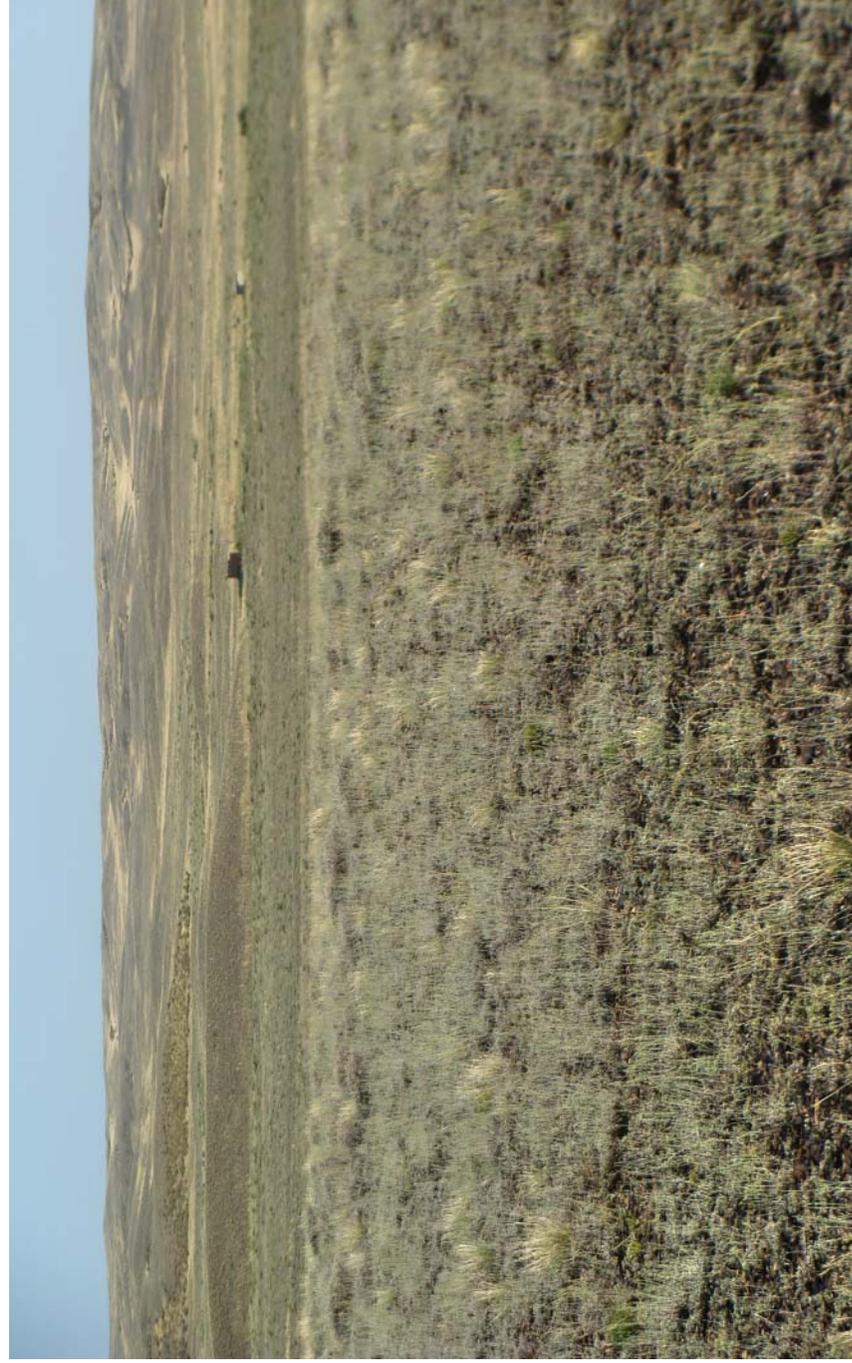

Фото 5. Мелкосопочный массив Семизбугу. Вид на северо-запад. У подножия также заметны останцы шлейфов конусов выноса

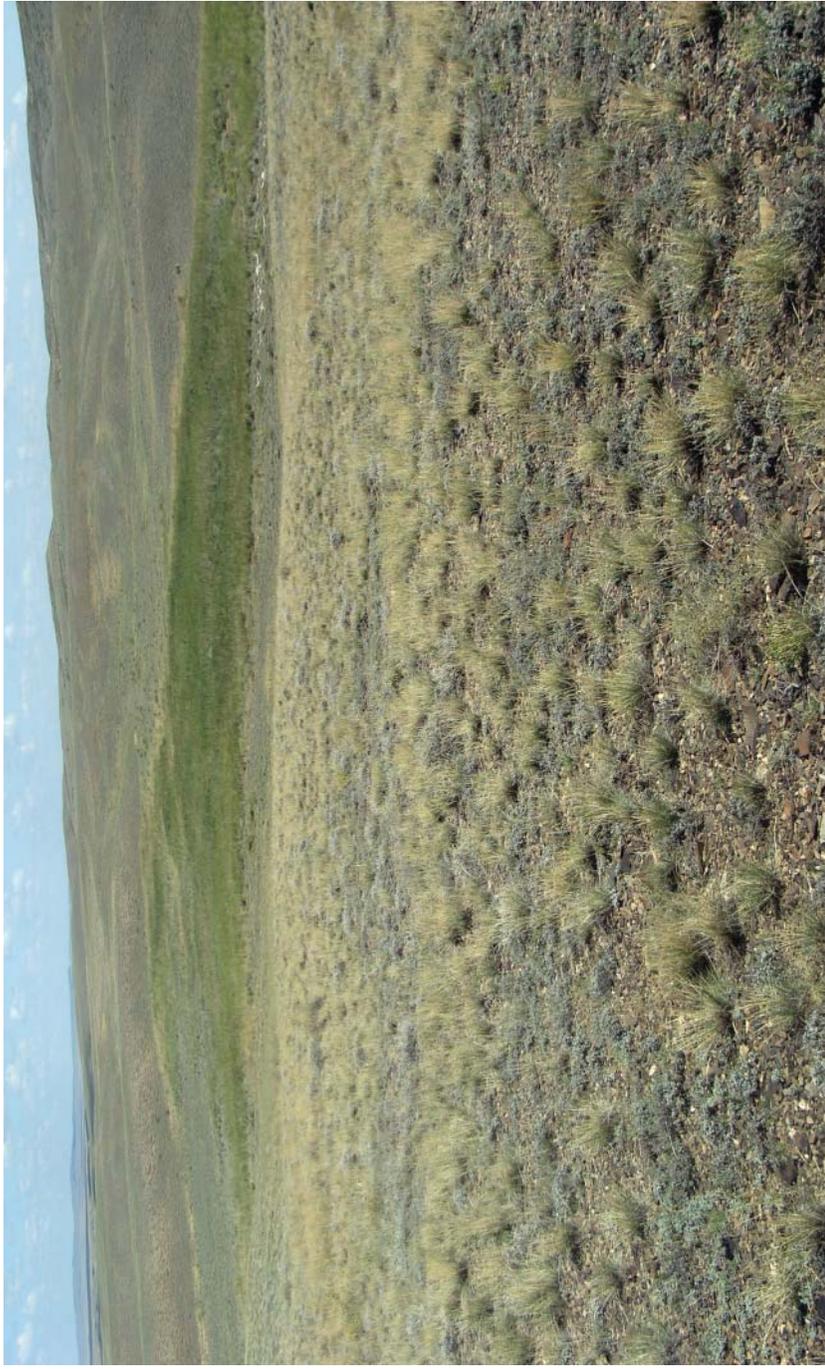

Фото 6. Мелкосопочный массив Семизбугу, межсопочная ложбина в северо-западной части массива. В недалеком геологическом прошлом здесь текла вода

Фото 7. Мелкосопочный массив Семизбугу. Поверхность останца шлейфа конуса выноса. Здесь располагалась стоянка-мастерская Семизбугу 4

Фото 8. Стоянка-мастерская Семизбугу 10. Среди карбонатных и алевритовых обломков сохранился артефакт – массивный среднедеформированный отщеп

Фото 9. Стоянка-мастерская Семизбугу 10. Сильнодеформированная преформа нуклеуса

Фото 10. Стоянка-мастерская Семизбугу 10. Массивный среднедеформированный отщеп

Фото 11. Стоянка-мастерская Семизбугу 10. Пластинчатый среднедеформированный отщеп

Фото 12. Стоянка-мастерская Семизбугу 4. Слабодефлированный нуклеидный обломок

Фото 13. Стоянка-мастерская Семизбугу 4. Слабодефлированный опщеп

Фото 14. Стоянка-мастерская Семизбугу 4. Среднедефлированный нуклеидный обломок

Фото 15. Стоянка-мастерская Семизбугу 2. В центре – маленький сильнодефлированный отщеп

Фото 16. Стоянка-мастерская Семизбугу 2. Еще один среднедефлированный отщеп

Фото 17. Стоянка-мастерская Семизбугу 4. Слабодефлированный призматический нуклеус

Фото 18. Стоянка-мастерская Семизбугу 10. Несколько артефактов средней и сильной степени дефлорированности

Фото 19. Стоянка-мастерская Семизбугу 10. Небольшой массивный сильнодефлорированный отщеп

Фото 20. Семизбугу (точный пункт не известен). Сильнодефлированное выемчатое орудие

Фото 21. Семизбугу 10. Среднедефлированный отщеп

Фото 22. Семизбугу 10. Среднедефлированное простое выпуклое скребло

Фото 23. Семизбугу 10. Скребло поперечное выпуклое сильнодефлированное

Фото 24. Семизбугу 10. Бифас среднедефлированный

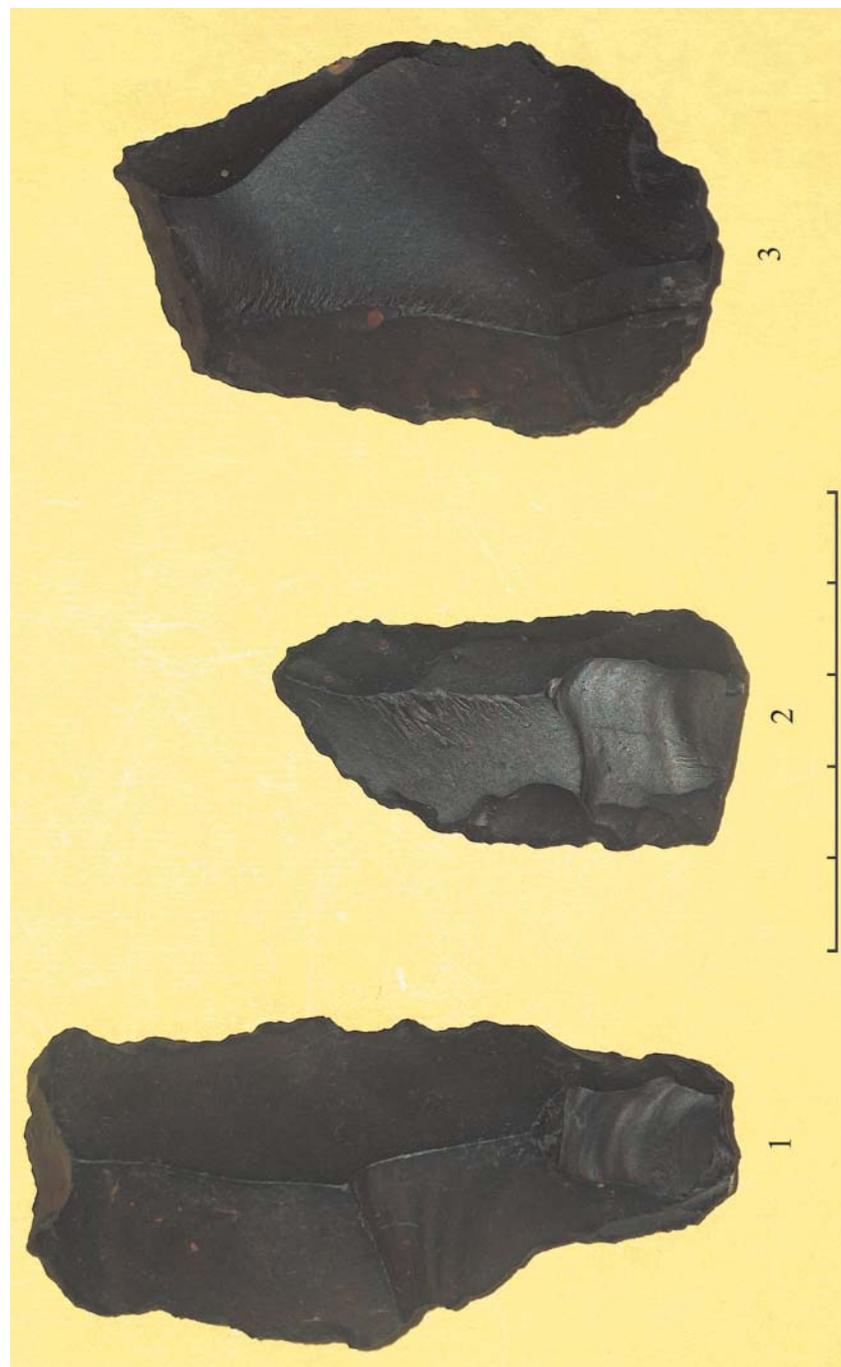

Фото 25. Семизбугу 10. Пластинчатые сколы слабодефлированные

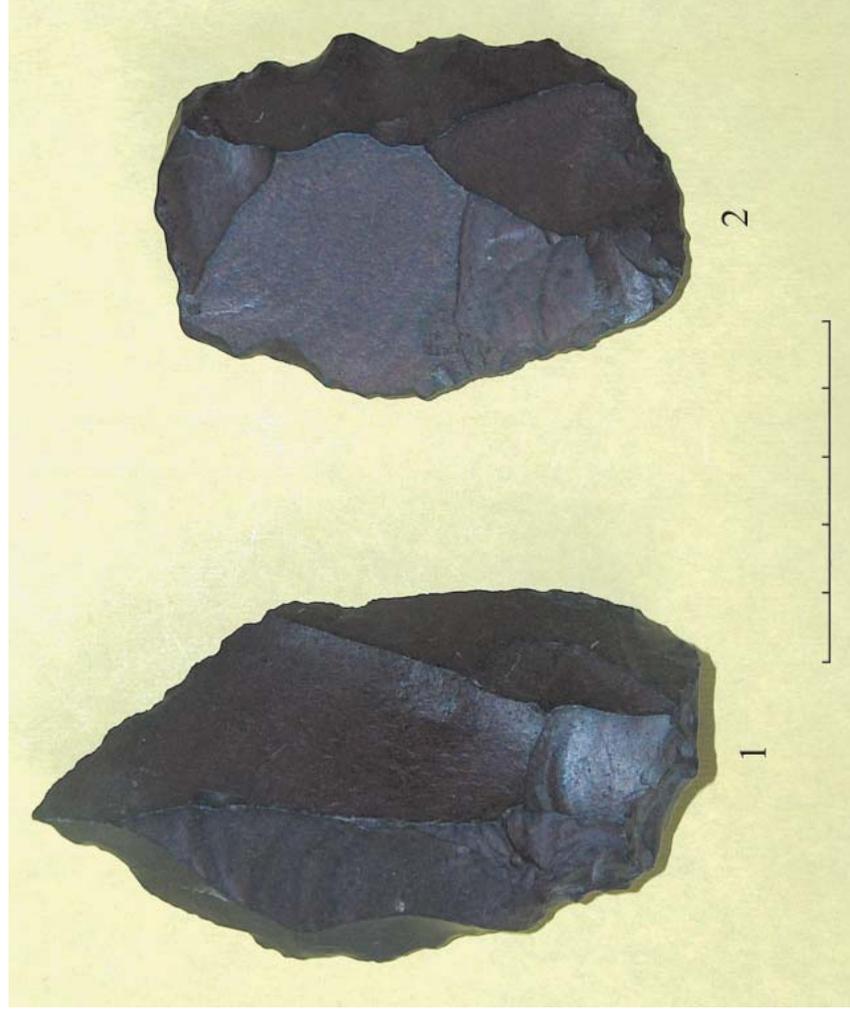

Фото 26. Семизбугу 10. Слабодефлированные сколы леваллуа атипичные

Фото 27. Семизбугу 10. Слабодефлированные конусовидные нуклеусы

Фото 28. Семизбугу 10. Бифас слабодефлированный

Фото 29. Семизбугу 10. Бифас (поврежденный) слабодефлированный

Фото 30. Семизбугу 10. Скребло двойное прямо-выпуклое на пластине слабодефлированное

Фото 31. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКСМК. Выемчатые орудия

Фото 32. Музбель 1. Коллекция М.Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатые орудия. Обратная сторона

Фото 33. Музбель 1. Коллекция М.Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие. Лезвие

Фото 34. Музбель 1. Коллекция М.Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие (?). Лезвие

Фото 35. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие (?)

Фото 36. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие (?).
Обратная сторона

Фото 37. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие (?). Лезвие

Фото 38. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие (?)

Фото 39. Музбель 1. Коллекция М.Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие (?).
Обратная сторона

Фото 40. Музбель 1. Коллекция М.Н. Клапчука в КОИКМК. Выемчатое орудие (?). Лезвие 1

Фото 41. Музбель 1. Коллекция М.Н. Клагучка в КОИКМК. Выемчатое орудие (?). Лезвие 2

Фото 42. Музбель 1. Коллекция М.Н. Клагучка в КОИКМК. Выемчатое орудие (?). Лезвие 3

Фото 43. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Чоппинг (?).

Фото 44. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Скребловидное орудие

Фото 45. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Скребловидное орудие.
Обратная сторона

Фото 46. Музбель 1. Коллекция М. Н. Клапчука в КОИКМК. Скребловидное орудие. Лезвие

Фото 47. Музбэль 1. Коллекция М. Н. Клагчука в КОИКМК. «Отщель»

Фото 48. Музбэль 1. Коллекция М. Н. Клагчука в КОИКМК. «Отщель»

Фото 49. Музбэль 1. Коллекция М. Н. Кларчука в КОИКМИК. «Отщепь». Обратная сторона

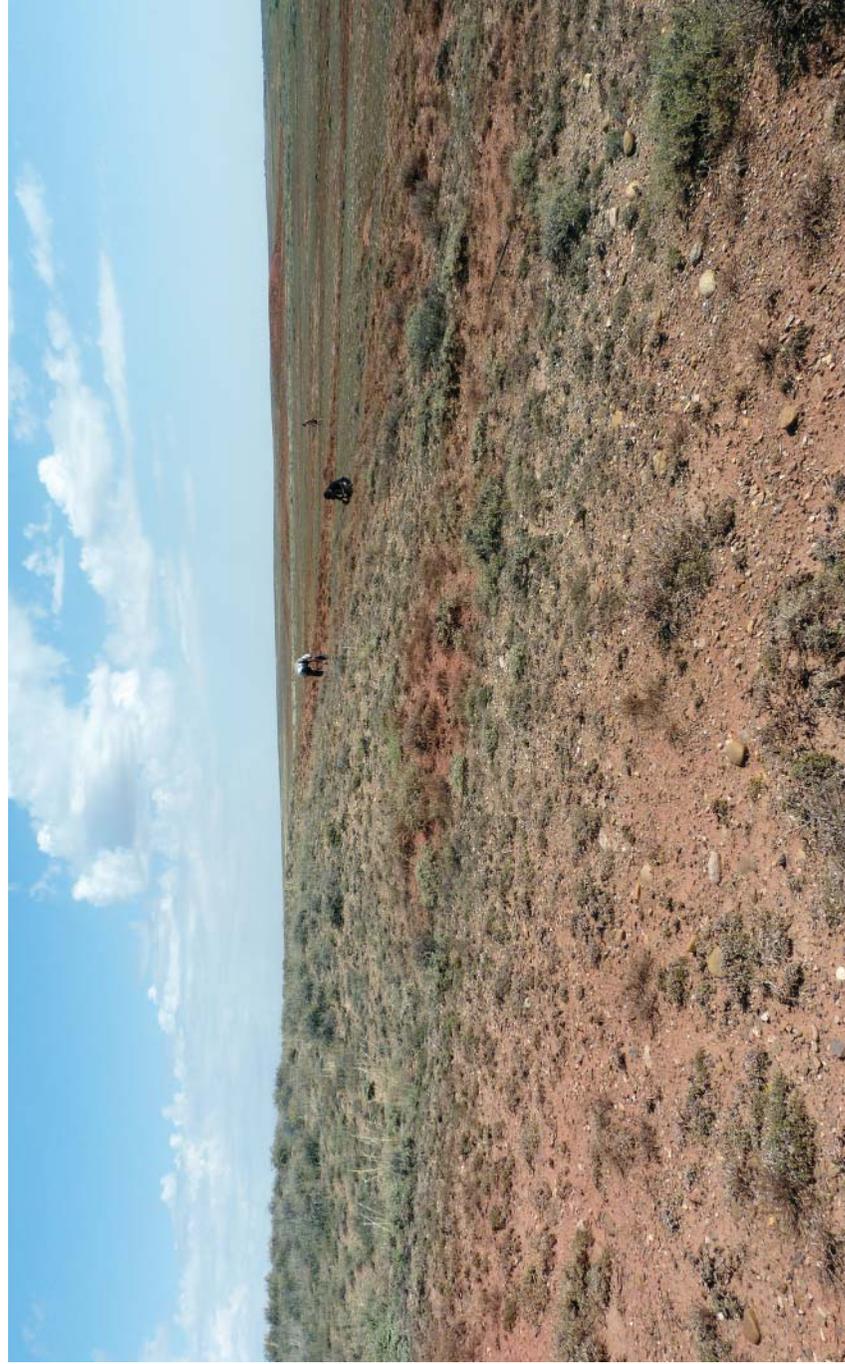

Фото 50. Музбэль (Музбэль 3, по В. С. Волошину), склон, обращенный к Сарысу

Фото 51. Музбель (Музбель 3, по В. С. Волощину), склон, обращенный к Сарысу. Вид с востока

Фото 52. Музбель (Музбель 3, по В. С. Волощину). В нижней части склона довольно много артефактов

Фото 53. Музбель (Музбель 3, по В. С. Волощину). В нижней части склона довольно много артефактов

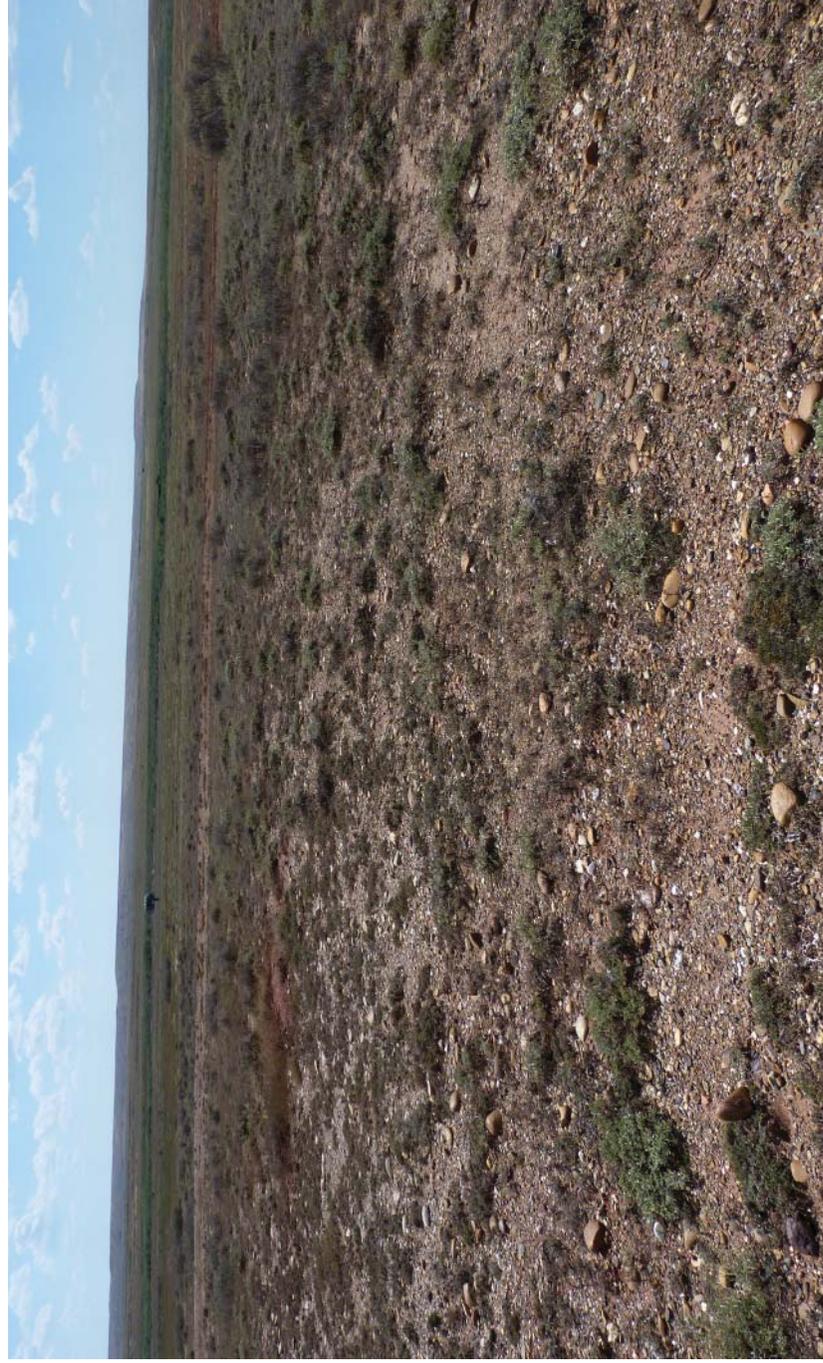

Фото 54. Музбель (Музбель 3, по В. С. Волощину). В этой части хорошо выражена первая надпойменная терраса, достигает значительной ширины. На берегу р. Сарысу стоит наш автобус. По всей поверхности рассеяны неолитические артефакты

Фото 55. Музбель (Музбель 3, по В. С. Волощину). В нижней части склона довольно много артефактов

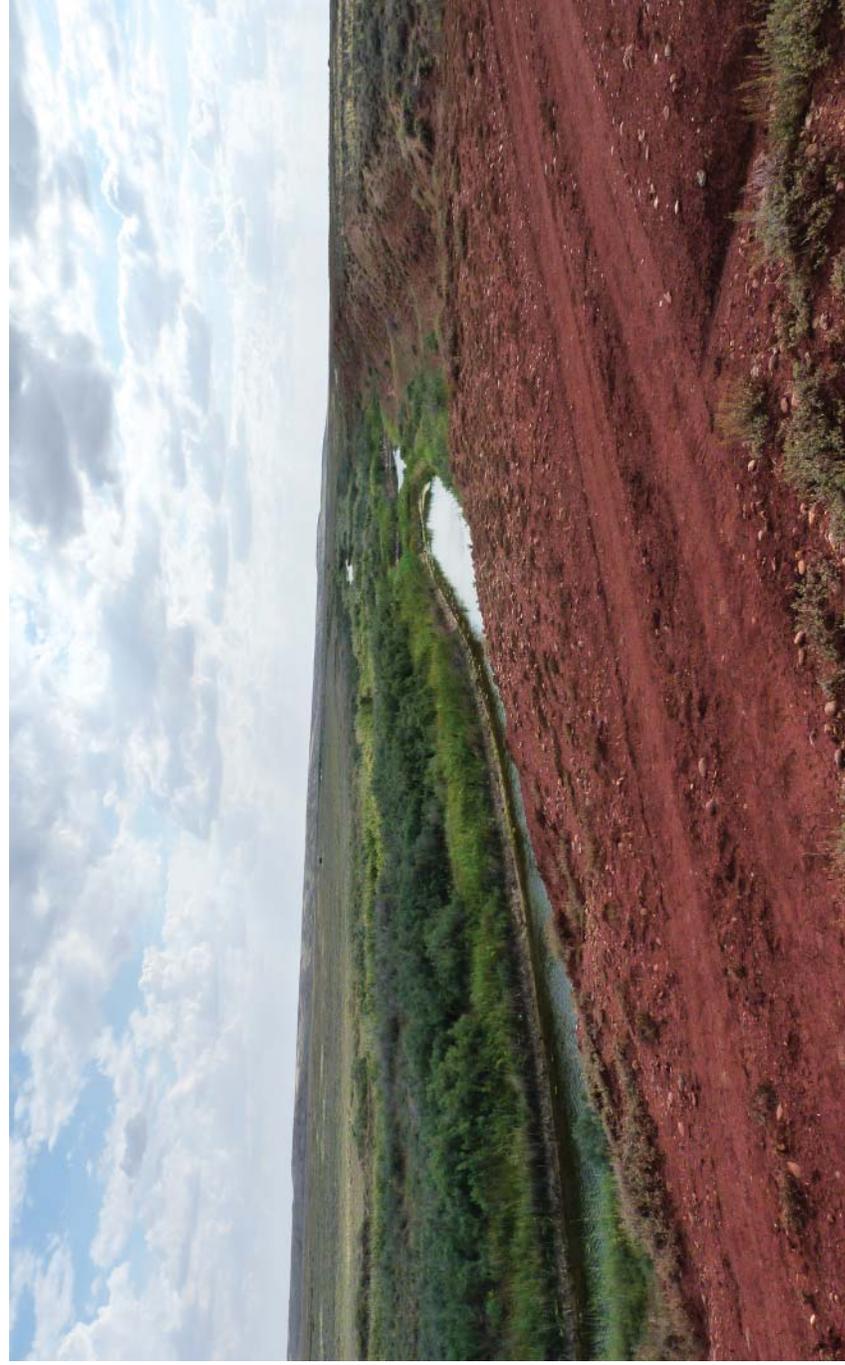

Фото 56. Музбель 1 (по М. Н. Клагучку)

Фото 57. Музбель 1. Поверхность останца над береговым обрывом

Фото 58. Музбель 3. Нуклеус (наши сборы 2013 г.)

Фото 59. Музбель 3. Бифасиальная заготовка нуклеуса (наши сборы 2013 г.)

Фото 60. Музбель 3. Заготовка нуклеуса (наши сборы 2013 г.)

Фото 61. Музбель 1. Бифас без следов дефляции (наши сборы 2013 г.)